

Ким Уилкинз

ПРИЗРАК
ОСТРОВА

Уилкинз Ким. Призрак острова //Мир книги, Москва, 2008
ISBN: 978-5-486-01917-3
FB2: , 132761849562095070, version 1
UUID: {706306E2-E556-464A-8476-FE92EB738406}
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 16, 2023

Ким Уилкинз

Призрак острова (Европа #2)

Молодая англичанка Виктория Скотт приезжает на стажировку на метеорологическую станцию, расположенную на острове Одина у норвежского побережья. Остров с первого взгляда кажется ей пугающим и таинственным. И действительно, Виктория становится участницей странных и страшных событий: по ночам ее посещает призрак Скрипи с предупреждением о грозящей девушке опасности.

Неожиданно Виктория знакомится с прекрасным Видаром, не подозревая, что он сын бога Одина. Преодолев чудесным образом века на пути друг к другу, Виктория и Видар встречаются, но вместе им быть не суждено — всемогущий Один должен покарать девушку, которая понравится его сыну...

Содержание

От автора.....	0005
Часть первая.....	0006
#3.....	0007
Пролог [Асгард].....	0007
Глава 1 [Мидгард].....	0008
Глава 2.....	0015
Глава 3.....	0023
Глава 4 [Асгард].....	0031
Глава 5.....	0040
Глава 6.....	0046
Глава 7.....	0052
Глава 8 [Мидгард].....	0059
Глава 9.....	0065
Глава 10.....	0070
Глава 11.....	0077
Глава 12.....	0087
Глава 13.....	0095
Глава 14 [Асгард].....	0106
Глава 15.....	0115
Глава 16.....	0128
Глава 17.....	0136
Глава 18.....	0144
Часть вторая.....	0150
#5.....	0151
Глава 19 [Мидгард].....	0151
Глава 20.....	0160
Глава 21.....	0169
Глава 22 1004 год новой эры.....	0176
Глава 23.....	0183
Глава 24.....	0193
Глава 25.....	0199
Глава 26 [Мидгард].....	0204
Глава 27.....	0214
Часть третья.....	0225
Глава 28 [Асгард].....	0225
Глава 29.....	0235
Глава 30 [Мидгард].....	0242
Глава 31.....	0249
Глава 32 [Асгард].....	0255
Глава 33.....	0262
Глава 34 [Мидгард].....	0268
Глава 35 [Асгард].....	0274
Эпилог [Мидгард].....	0277
#7.....	0279
#8.....	0280

Ким Уилкинз
ПРИЗРАК ОСТРОВА

От автора

Эта книга вызвала весьма противоречивые отклики. Тем не менее я хотела бы выразить самую искреннюю признательность всем людям, помогавшим мне.

В изучении климатологии, метеорологии, арктической лесной флоры и фауны мне помогали и предоставляли важную научную информацию Хамиш Мак-Гоуан и Герд Даундхейт из Квинслендского университета в Брисбене; Джон Волдер с метеорологической станции «Ян Майен»; Фиона Грей и Роб Топсон из Бюро метеорологии; Катерин Хауэлл, Линн Грин и Дейвид Уилсон.

На многочисленные вопросы, связанные с древнескандинавским языком и литературой, а также с современным норвежским языком и историей Норвегии, мне отвечали Мартин Дувела, Карин Гисласон, Стефани Вюрт, Видар Скриндо и Хане Гренсунн.

В создании образа острова, дизайна офисного здания и метеорологической станции в целом, в описании всех кораблей мне помогал и щедро делился мореходными знаниями мой брат Иан Уилкинз.

Я благодарю также Луизу Кьюсак, Трейси Хардинг, Кейт Форсайт, Пола Брандона, Дру Уайтхед, Селву Антонию, Фей Бут, Стефанию Смит и Джо Флетчера.

Моя семья — мама, Мирко, Луиза — всегда оказывает мне поддержку.

Еще раз говорю спасибо всем за терпение и понимание.

Ким Уилкинз

Часть первая

Мужей не суди за то, что может с каждым свершиться; нередко бывает мудрец безрассудным от сильной страсти.
Речи Высокого. Старшая Эдда (Пер. с древнеисландского А. Корсуна)

Пролог [Асгард[1]]

Она вернулась, и Видар знал об этом еще до того, как открыл глаза. Сон рассеялся, и утренний холод коснулся его носа и щек. По телу побежали мурашки. Халдиза была рядом — родившись во второй раз. Смерть прошла через их жизни, и все перестало существовать. Но Видару было дано обещание: Хала родится заново. Все, что он должен был делать, — это ждать.

Целая вечность ожидания.

А потом наступило это утро.

Он встал, надел тунику, резко открыл дверь и вышел. Крутой склон Старой Долины, тянувшийся на северо-восток, скрывал широко раскинувшийся Сья-фьорд. Туман висел низко над долиной, и трава была припорошена замерзшим снегом, будто устлана драгоценными камнями. Ни души. Никто не видит его, и никто потом не сможет доложить отцу: «Я видел Видара, как он шел к фьорду и нес с собой руны». В воде будет холодно, но мысль о Хале заставляла быстрее бежать кровь в его жилах.

Он вошел по пояс, перебрался на мелководье и остановился — ледяная вода тугим кольцом сжала его ребра. Он скрестил на груди руки. Нельзя ни пошевелиться, ни вздохнуть. Он боялся, что бешено колотящееся сердце заставит слабые волны биться с ним в унисон. Но вскоре поверхность воды сделалась совсем неподвижной.

Видар поднял руку. Аккуратным движением он сделал на воде круг. Подождав, оглянулся, а потом положил в круг четыре руны. Его дыхание превратилось в кристаллики на утреннем воздухе, когда он произнес ее имя: «Халдиза».

Сначала он видел только свое собственное отражение: темные волосы, темные глаза, — и бледное небо за своей спиной. Но затем в воде появилось очертание еще одного лица, и он моментально узнал ее. Волосы белые как снег, в глазах смятение. Не отрывая взгляда от ее лица, он бросил еще одну руну и прошептал:

— Где ты?

Опасно, крайне опасно. Его сердце стало холоднее, чем вода во фьорде. *Остров Одина*. Он посмотрел на восток, туда, где на расстоянии нескольких миль за туманными холмами скрывалась серебряная крыша дома его отца и тянулись деревья, которые Видар посадил между своим домом и отцовскими владениями. Воспоминания нахлынули на него: кровь, огонь и беспомощные пронзительные крики умирающих.

— Это никакая не любовь, Видар, — сказал отец, — это всего лишь судьба.

— Видар!

Женский голос — его молодая служанка, которая проснулась и обнаружила, что его нет. Он скрыл свои магические предметы и повернулся к ней с абсолютно спокойным видом.

— Доброе утро, Од.

— Что ты делаешь? — спросила она, подойдя к кромке воды.

— Ловлю рыбу.

Ее улыбка говорила о том, что она не поверила ему.

Он вышел из фьорда весь продрогший.

— Пойдем, Од. Можешь приготовить для меня горячую ванну и забыть, что видела меня ловившим рыбу в Сьяфьорд.

— Я не забуду, — сказала она, — но и рассказывать не стану. — Она явно испытывала удовольствие от того, что прикоснулась к его тайне.

Он больше ничего не говорил, и она шла за ним, как обычно молча. Образ Халы все явственнее вставал перед ним; желание теплом разлилось по венам, наполнило пальцы, окутало сердце. На этот раз она станет его.

На этот раз он защитит ее от жестокой ярости своего отца.

Глава 1

[Мидгард[2]]

Это моя история, история любви. Сумасшедшая, в действительности, история, так как я — обычная женщина, которая при малейшей возможности всегда ругает на чем свет стоит любовников за их глупые поступки. Я помню один вечер. Когда мы с моим приятелем Адамом напились, у меня снесло крышу, и я, стоя на набережной, объявила во всеуслышание о том, что «Виктория Скотт не верит в любовь». И вскоре после этого заявления, после позорно сорванного свидания началась эта история.

Это моя история. История любви.

Я обнаружила, что нахожусь на пароме «Ёнсок», отплывшем из Олесунна и направляющемся на остров Одина, до которого расстояние от Норвежского побережья около двухсот морских миль. Меня тошнило, тошнило и тошнило. Парень из экипажа убеждал меня подняться на верхнюю палубу, но свежий воздух был перемешан с дождем и солеными брызгами. Вместо этого я, чувствуя, как все переворачивается внутри, легла на диван, стоявший на корме, и была вынуждена слушать шипение радио, хотя предпринимала безуспешные попытки выключить его.

Десятичасовое путешествие, и без того нудное, омрачалось разными мыслями. Правильно ли я поступила, порвав с Адамом? Стоило ли мне так решительно садиться на паром и плыть на метеорологическую поисковую станцию? Стоило ли продолжать зарабатывать докторскую степень, если Академия давно стала скучной и неинтересной для меня? Моя мама по каждому поводу кричит пронзительное и ужасное «нет!». Но она до сих пор настойчиво покупает лотерейные билеты, надеясь выиграть и решить все наши проблемы. А я пытаюсь найти решение своих собственных проблем.

В конце концов корабль стало качать мягче и медленнее, и я поняла, что мы вошли в прибрежные воды. Я поднялась по узкой металлической лестнице на палубу, чтобы впервые увидеть остров Одина.

Мы проплыли между двумя огромными скалами, стоящими глубоко в тихих водах фьорда. Я увидела серую воду и серую скалу, темно-зеленую траву и деревья, здания, выкрашенные в красный цвет, с белыми подоконниками. Здесь, в возрасте двадцати семи лет, я была готова приступить к работе, которая впервые в жизни не подразумевала, что я буду обжигать пальцы, наливая кофе из кофеварки. Я была взбудоражена и напутана одновременно и чувствовала, что наступил момент, когда моя судьба... *решается*; возможно, это правильное слово. Может быть, я испытала столь сильное чувство, потому что

оказалась в правильном месте в нужное время.

Высокий, аккуратно одетый мужчина с короткой серой бородкой поприветствовал меня, когда я сходила с парома.

— Добрый день, — произнес он, протягивая руку, чтобы помочь мне сойти на пристань. — Я Магнус Олсен, начальник станции, мы разговаривали по телефону.

— Виктория Скотт, — ответила я. — Рада познакомиться.

Я взяла свой чемодан и повернулась, едва не столкнувшись со сбегавшим с пристани к парому молодым человеком. Магнус оттянул меня, буквально вцепившись в запястье.

— Извините, — произнес молодой мужчина, указывая в направлении «Ёнсока». — Мне необходимо кое-что забрать с этого корабля.

Молодой человек был примерно моего возраста, с хорошей спортивной фигурой, с волосами песочного цвета. Выглядел он привлекательно и моложаво и разговаривал с тем же легким английским акцентом, что и Магнус.

Магнус представил его мне.

— Гуннар Холм. Познакомьтесь, это Виктория Скотт. Гуннар у нас отвечает за инженерно-технические работы, следит за оборудованием. Завтра он покажет вам окрестности станции.

— Напомните, чтобы я рассказал вам о привидениях, — произнес Гуннар с озорной усмешкой и поспешил на паром.

Я вежливо улыбнулась, решив, что это своего рода заигрывание с новой девушкой, появившейся в их краях. Магнус все еще продолжал аккуратно придерживать меня рукой, и мы направились в сторону тех самых домов, которые я увидела еще с корабля. Все домики, построенные из цементного кирпича, граничили с непроходимым сосновым лесом, окружавшим станцию «Киркья» с двух сторон. С двух других станция омывалась фьордом. Складывалось впечатление, что среди глубоких вод и вековых деревьев не было места цивилизации.

— Пойдемте, Виктория. Я представлю вас остальным, — сказал Магнус. — Они сейчас в комнате отдыха, пьют чай. Это одна из наших традиций — в среду днем проводить там время.

Я познакомилась с каждым из восьми человек, работающих на «Киркья», и, растерявшись, сбившись с толку, забыла все имена сразу же, как услышала их. Сейчас я, естественно, знаю их всех, и одна из них — это Фрида Блеген, которая произвела на меня самое сильное впечатление. Так же, как мне и Гуннару, ей не было еще тридцати (всем остальным было далеко за сорок), лицо ее было смуглым, а губы как уголь — узкие и извивающиеся. Когда Магнус, указывая на каждого, называл их имена, я попыталась воспользоваться своими начальными знаниями норвежского и произнесла:

— *Nyttelig a treffe deg*, — что означает — Рада познакомиться.

Фрида фыркнула от смеха, а я за все время, проведенное на острове, больше никогда ни слова не произнесла по-норвежски.

В конце концов Магнус показал мое жилище — «кабину», одну из девяти, предназначавшихся для сотрудников станции. Комната находилась в самом дальнем северо-восточном углу и с двух сторон была втиснута в темную непроходимую чащу. Я поставила чемодан возле входной двери.

— Я выделил вам эту комнату, потому что здесь тише всего, — объяснил

Магнус, вынимая ключ из кармана и отпирая дверь. — Когда вы заполняли анкету, то упомянули, что очень чутко спите.

— О, большое спасибо.

Перед тем как отправиться на остров, я заполнила своего рода анкету на четырех страницах, в которой писала о себе, и не забыла упомянуть о своей хронической бессоннице в графе, где спрашивалось о физиологических недомоганиях, из-за которых мне когда-либо назначалось лечение.

— Ночью в комнате отдыха может слишком громко играть музыка.

Он открыл дверь и шагнул в сторону, пропуская меня вперед. Впервые с того момента, как встретил у парома, он отошел от меня на некоторое расстояние.

— Я оставлю вас. Возможно, вы захотите распаковать вещи и устроиться.

Я вошла внутрь и огляделась. Первым делом на ум пришли слова «прохладно» и «мрачно». Хм... да.

— Я жду вас в офисе ровно в восемь часов утра. Он находится внизу, в административном здании. — Он улыбнулся мне обаятельной улыбкой. — Надеюсь, вам понравится здесь, на «Киркья». Желаю приятного сна.

Помахав мне рукой, Магнус вышел.

Мое жилище — четыре абсолютно квадратных комнатки одинакового размера, расположенных слева и справа вдоль узкого коридорчика. Слева кухня, справа гостиная; слева ванная, справа спальня. Во всем чувствовалась приятная аккуратность. Я бросила свой чемодан на пыльный бежевый плед, лежавший на кровати.

Напротив входной двери в конце коридорчика была еще задняя дверь, которая выходила в лес. Снаружи стояли два старых сиденья с парохода.

Моросил весенний дождь. Меня до сих пор подташнивало, и, накинув на голову капюшон, я побежала к близстоящим деревьям. Здесь воздух был просто чудесным. Я прошла сто шагов, когда осознала, что считаю шаги. Остановившись, я затаила дыхание. Было что-то знакомое в этом месте, и мне хотелось знать, что именно. Разве я уже бывала раньше в похожем месте? В мыслях я перебирала места, куда когда-либо ездила, но ничего подобного не могла припомнить. Но ощущение, что эта местность знакома, было настолько сильным и глубоким, как будто шло откуда-то издалека, из самого детства. Может быть, мама знает... Возможно, мы проводили отпуск неподалеку отсюда? Но мы были так бедны, что вряд ли уезжали куда-либо дальше Льюсгема.

Двести сорок восемь, двести сорок девять...

Черт, я продолжала считать. Повернувшись, я пошла обратно, теперь вычитая шаги. В обратную сторону получилось на восемь шагов больше.

Тени в вечерних сумерках начинали стучаться. Когда я распаковала чемодан и съела сандвич, купленный в Олесунне, то почувствовала себя совсем изможденной: сказались четыре бессонных ночи перед отъездом, которые я провела в волнении. Я приняла душ и легла в кровать.

Было девять часов. Я должна появиться на рабочем месте к восьми утра, значит, нужно будет встать в семь. Я завела будильник.

Но, возможно, мне нужно встать еще раньше? Почему я не спросила Магнуса, в котором часу завтрак? А может быть, здесь найдутся какие-то продукты в шкафах, и я смогу сама приготовить завтрак?

Пока я думала обо всем этом, уже пробило одиннадцать, а мне нужно по-

спать хотя бы восемь часов, чтобы завтра не клевать носом. Большинству людей требуется на сон всего семь часов, а мне необходим еще лишний час. Я решила встать пораньше. Нет, я не стала бы вставать рано, если бы находилась здесь давно и все знала. Было уже за полночь, а я все вела подсчеты, пытаюсь убедить себя, что шести часов вполне хватит, чтобы выглядеть свежей и бодрой.

В итоге я поднялась с кровати, положила дневник на столик в гостиной и принялась записывать свои мысли. Свет был желтый и мягкий. Мои пальцы согревало тепло от камина. За окнами стоял лес — тихий и холодный от дождя; густая непроходимая чаща непонятно почему казалась знакомой.

Любой, кто страдает бессонницей, расскажет вам, что почти всегда засыпает в период с пяти до семи часов утра. И именно в это время большинство будильников во всем мире начинают трезвонить. Я проспала около часа, когда стук в дверь моей комнаты разбудил меня. Ужасно не хотелось вставать. Мой посетитель постучал снова, на этот раз настойчивее. Я заставила себя открыть глаза и потянулась за часами, чтобы посмотреть время. Без пяти семь.

Гуннар ждал с той стороны двери.

— Извини, — сказал он, когда увидел мой отрешенный вид. — Меня послал Магнус. Он забыл сказать тебе о завтраке.

— Этой ночью я очень тревожно спала, — объяснила я.

— А, Магнус сказал, что у тебя бессонница.

— Не каждую ночь. Только когда очень волнуюсь. Хочешь войти?

Он зашел, стараясь не смотреть на мою голубую пижаму.

— Давай побыстрее. Одевайся, и я покажу тебе окрестности станции.

Я быстро умылась и немного подкрасила глаза и губы. Я бы внимания не обратила на свой внешний вид сейчас, если бы мама постоянно не твердила мне: «Ты должна выглядеть красивой, если поблизости есть молодые люди».

Через узкий проход в главном здании мы пошли в столовую, которая находилась напротив комнаты отдыха. Для меня — тосты и чай. Отвратительная маринованная рыба — для Гуннара. Я почти не могла есть, глядя, как он поглощает ее. Марианна — и повариха, и уборщица, и официантка — строила глазки Магнусу и разговаривала с возмутительным манчестерским акцентом, когда они курили после завтрака в комнате отдыха. После завтрака Гуннар повел меня показывать местные достопримечательности.

— Разве Магнус не женат? — спросила я у Гуннара. — Я видела кольцо у него на пальце.

— Разведен. Он в поиске.

— Марианна?

— Марианна для него слишком легкая добыча. Не думаю, что он заинтересован ею. Скорее всего, ему просто нравится видеть, с каким обожанием она смотрит на него.

— Откуда ты так хорошо знаешь английский?

— Мой отец англичанин, и я жил вместе с семьей в Кембридже два года. — Он показал на большой камень, стоявший на дороге. — Ты знаешь, что Киркья был местом первой церкви для древних скандинавов?

— Нет.

— Этот камень остался от церкви, основанной здесь в начале одиннадцато-

го века. Камень обнаружили, когда решили построить здесь станцию. Даже по телевизору был репортаж об этом.

Я посмотрела на трехметровую спутниковую тарелку на крыше.

— Расскажи мне о коммуникационной системе.

Гуннар с не меньшим энтузиазмом принялся рассказывать о технике. Мы вошли в главное здание через заднюю дверь, прошли по подсобному помещению, пол которого был застелен линолеумом, и попали в очень уютный офис.

Магнус сидел за рабочим столом, в кабинете кроме него находился датчанин Гарстен, который выполнял функции секретаря и администратора одновременно. Поднявшись вверх по металлической лестнице, мы увидели еще одно помещение, где сидели Фрида, которая работала обслуживающим инженером, а также метеорологи — Алекс, американец, и Ёзеф, ирландец. Еще один метеоролог — англичанин Гордон — сейчас отдыхал, потому что дежурил ночью.

Комната была заставлена столами, на которых стояли чашки с кофе и лежали недоеденные бутерброды и, разумеется, размещались компьютеры и другая техника. Алекс и Ёзеф были прикованы к мониторам и были недовольны тем, что от радара не прекращает исходить резонанс. Гуннар провел меня на балкон. Дождевая пелена почти полностью скрыла лес и другую часть острова.

— В подсобном помещении есть плащи, — сказал Гуннар, заметив, что я пытаюсь укрыться от дождя под навесом.

— Ничего страшного. Дождь слабый...

— Неплохо бы прогуляться по лесу. Там так тихо и красиво, дорога выведет тебя на берег, который тянется по той стороне. Идти примерно сорок пять минут. Но там может быть по-настоящему холодно, если ветер сменится; иногда дует прямо с Арктики, но в основном — с запада, и поэтому скалы защищают нас. Озеро тоже потрясающе красивое, хотя, говорят, там живут привидения.

— Я не забиваю себе голову привидениями и подобными глупостями, — сказала я, немного рассердившись его несерьезности...

Он улыбнулся.

— Нет? Ты не веришь в привидения?

— Я ни во что не верю. И я не из пугливых. Так что побереги свои истории для следующей стажерки.

Дверь открылась, и на балкон вышел Магнус.

— Мерзкая погода, не правда ли? — спросил он.

— Да, это точно, — ответила я.

— Не мы делаем ее, мы всего лишь составляем прогноз, — сказал он. — Уже восемь. Пора приступить к работе.

Гуннар сделал шаг назад, извиняясь, махнул рукой.

— Я оставлю тебя с Магнусом. Если что-то понадобится, просто дай мне знать.

Весь день я практически ничего не делала. Магнус был погружен в административную работу. Он дал мне указание ознакомиться с метеорологическим оборудованием. В мои обязанности входило вести ежедневные записи о погоде на станции, используя специальное оборудование.

— Я совсем ничего не знаю в этой области, — сказала я. — Я получила образование по математике и геофизике, никогда не пользовалась никакими ме-

теорологическими приборами и понятия не имею, как они устроены.

Магнус улыбнулся своей обаятельной улыбкой.

— Придется научиться или все вспомнить.

Похоже, Магнус находил эту ситуацию забавной. Мне показалось, что он просто-напросто хочет поставить меня в неловкое положение и ощутить собственное превосходство. В конце дня я уже чувствовала, что меня все достало. Я зашла в столовую и спросила Марианну, могу ли я забрать ужин в свою комнату. Она разрешила, и я поплелась к себе, испытывая беспредельное одиночество и тоску.

Около семи часов кто-то постучал в дверь. Я едва сдержалась, чтобы не крикнуть: «Убирайтесь!»

Это оказался Гуннар. Он чуть приоткрыл дверь и произнес:

— Извини.

— Перестань извиняться каждый раз, когда видишь меня.

Он протянул бутылку красного вина.

— Мне правда очень неудобно. Просто нужно объяснить тебе кое-что.

— Заходи. — Я провела его в гостиную.

Он присел в одно из кресел, я нашла два бокала, которые оказались похожими на банки из-под варенья.

— Итак, что ты хочешь объяснить? — спросила я, делая маленький глоток вина.

— Я вовсе не собирался шутить, когда сказал о привидениях.

— Нет?

— Нет. Серьезно, нет. Ты подумала, я разыгрываю тебя? У нас Магнус эксперт по этой части.

— Да, у него это хорошо получается. А ты можешь называть меня Вики.

Гуннар засмеялся.

— Действительно, Вики, я не собирался подшутить над тобой или напугать.

— А у тебя не получилось бы ни то, ни другое.

— Я знаю.

— Тогда зачем начал говорить про привидения?

— Я на самом деле интересуюсь историей. У Острова Одина изумительная история, и привидения — ее часть.

— Ты веришь в привидения?

Он пожал плечами.

— Кто знает?

Я устроилась поудобнее.

— Тогда расскажи мне.

— Первые приплывшие на этот остров поселенцы — христиане — в одиннадцатом веке построили церковь. Однажды пришел корабль с новыми поселенцами, которые обнаружили, что все на острове мертвы. Одни были зарезаны, другие повешены на деревьях, третьи закопаны. Так как на остров не приплывал никто, и никто не покидал его, было решено, что людей убили мстительные духи, посланные древними богами.

— И никто не пытался снова поселиться здесь?

— Было несколько попыток, но ни одна не увенчалась успехом. Слишком долгий и опасный путь от большой земли. Слухи о существовании привидений распространялись все настойчивее — странные звуки, видения, появляв-

шиеся возле озера.

— Я, наверное, один из самых больших скептиков, которых ты встречал когда-либо. Вот моя мама — другое дело. Каждую неделю ей в голову приходит новая информация, голос сообщает ей, что она обязательно выиграет в лотерею — я, мол, уже знаю наизусть эти номера — и хотя голос каждый раз уверяет ее, что номера верные, она еще ни разу ничего не выигрывала. Но...

— Она до сих пор живет прошлым. Я знаю. Людям необходимо во что-то верить.

— Если она ходит к гадалкам и вкладывает деньги в лотерею, то она никогда ничего не получит.

— А что думает твой отец по этому поводу?

— У меня его нет. Вернее, я предполагаю, что он где-то существует, но где? Мама вырастила меня одна. Хотя за все это время у нее было три мужа, ни с одним из них она не прожила и года.

— Должно быть, все это не просто. Неудивительно, что ей нужна вера в то, что она выиграет в лотерею.

Он наполнил мой стакан.

— Очень мило с твоей стороны.

Я улыбнулась ему и подумала: не потому ли он так приветлив со мной, что считает, будто у него есть шанс закрутить со мной интрижку. Да это и понятно: ни одна серьезная девушка не решится приехать на отдаленный от цивилизации остров. Подобные поступки свидетельствуют о легкомысленности.

— У тебя есть бой-френд? — внезапно спросил Гуннар, словно подтверждая мои подозрения.

— Мм... я прямо перед приездом сюда порвала с ним. Получилось мерзко.

— Почему мерзко?

Я глотнула из своего стакана — вино было довольно крепким, и у меня уже начинала кружиться голова.

«Оказалось, что от него беременна другая девушка».

Но я не произнесла этого вслух.

— Он изменил мне.

— Это действительно мерзко.

— Да, поэтому я собираюсь провести в одиночестве несколько лет своей жизни. Любовью я сыта по горло.

— Ты так думаешь? Я считаю, что любовь это здорово.

— Да, но только в книжках и в кино, тогда я с тобой согласна. На самом деле жизнь это просто...

«Никогда не бывает всего достаточно, никто не держит своих обещаний».

— Давай сменим тему.

Гуннар ушел в девять. Он был моим ровесником и, что скрывать, этот мужчина мне понравился. После выпитого вина я провалилась в сон сразу же, как только легла. В полудреме слышала какие-то звуки, доносившиеся из леса. Я подумала о привидениях, о которых говорил Гуннар, и улыбнулась. Есть люди, которые верят в разные таинственные вещи...

Глава 2

Чтобы решить проблемы с локационным оборудованием, мне понадобилось работать двенадцать дней подряд. Когда Магнус понял, что я не шутила, заявляя, что ничего не знаю, он и извинялся, и злился одновременно.

— Но ты молодец, что так быстро все освоила. Некоторым стоит поучиться твоей работоспособности.

После этого он дал мне шесть выходных.

Шесть выходных дней на крохотном изолированном острове, где у меня был только один друг, и тот собирался уехать в отпуск домой. Какая скука.

И даже несмотря на это, мне нужен был отдых от работы. Эти первые двенадцать дней были непростыми: новые задания, новая деятельность, новые слова, новые звуки... Ежедневная рутинная работа, исследования и записи, дюжины новых названий предметов. Бесконечное пиканье в компьютерной системе; запах дезинфицирующего средства, которое Марианна использовала в общественном туалете. Все это венчалось чередой бессонных ночей. Я работала с тремя разными метеорологами, каждый из которых обучал меня, по сути, одному и тому же, говоря с заговорщическим видом: «У Алекса это получается хуже», или «Гордон всегда слишком быстро отходит от радара», или «Ёзеф часто забывает об этом». Если бы не Гуннар, который постоянно заходил за мной, чтобы вместе попить чаю и пообедать, я бы точно свихнулась.

Мой первый выходной день совпал с последним днем Гуннара на острове, после чего он должен был на пароме, привозившем продовольствие, вернуться в Норвегию — он уезжал в отпуск. С тех пор как я приехала сюда, это был один из первых ясных дней, и поэтому Гуннар предложил прогуляться на противоположную часть острова и утром зашел за мной.

— Привет! — произнес он. — Думаю, ты выспалась, ведь уже не так рано.

— Выспалась? Издеваешься? — спросила я, закрывая за ним дверь.

— Ты говорила, что страдаешь от бессонницы только после слишком большого перенапряжения. У тебя впереди целых шесть выходных. — Он показал на дверь. — Знаешь, тебе следовало бы ее запереть, когда уходишь.

Я последовала его совету и вытащила ключ из замка.

— А кто здесь вор? Гарстен? Фрида?

— Прости?

— Ты посоветовал мне запереть дверь.

Гуннар рассмеялся, когда мы шли к лесу.

— Ну, я бы сказал, что доверять здесь можно всем, правда, некоторые вещи пропадают необъяснимым образом. Магнус считает, что воры приходят сюда с большой земли, с берега, крадутся через лес, воруют вещи, пока мы заняты своими делами.

— Ты считаешь, такое может быть?

Он пожал плечами.

— Все возможно. Как я говорил, вещи пропадают. С тех пор как я здесь, у нас пропала электрическая сковорода из столовой и DVD-плеер из комнаты отдыха.

Я перешагнула через паутину, блестящую в еще непросохшей земле.

— Слишком долгий путь надо проделать ради какой-то электрической сковородки.

— Да, все это чересчур загадочно.

— Я думаю, что это Фрида. У нее нехороший взгляд.

Гуннар удивленно улыбнулся.

— Тебе не нравится Фрида?

— Нет, не нравится. А тебе?

— С большинством людей она недружелюбна. Я видел, что она улыбнулась только один раз, когда Магнус упал с рухнувшего стула и ударился головой о стол.

Тропинка, по которой мы шли, начала сужаться. Деревья здесь росли плотнее. Они отбрасывали темные тени. Тишину нарушали только треск тоненьких веток под ногами да шуршание маленьких животных и птиц, разыскивающих пропитание.

Мы замолчали — каждый думал о своем — и довольно долго шли в абсолютно полной тишине.

— Мы *правильно* идем? — спросила я.

— Да, не беспокойся.

— На острове Одинсей можно заблудиться?

— Не думаю. Хотя это отличное место, где можно спрятаться. И, кстати, он называется просто Одинсей, а не Остров Одинсей. Это древнескандинавское название, где окончание «ей» означает «остров», а так он называется Остров Одина.

Я взяла его под руку и пошла рядом.

— Один как Бог?

— Да.

Я скептически ухмыльнулась.

— Он живет где-то здесь?

Гуннар не отреагировал.

— Нет, я думаю, он живет в Асгарде вместе со своей семьей.

Я едва не налетела на ветку, и Гуннар вовремя поймал меня, а потом вежливо предложил идти дальше. Я подумала, кто из них вежливее — Магнус или Гуннар — и пришла к выводу, что Гуннар более обходителен, чем его босс.

— Послушай, откуда ты так много знаешь о древней Скандинавии, о богах и местных легендах? — спросила я.

— Кое-что я изучал в университете. И потом, я создаю игры.

— Игры?

— Компьютерные. Ролевые игры. Использую мифические мотивы. — Он наклонил голову, смутившись. — Я немного разбираюсь в этом...

— Вот здорово. А вот у меня вся голова забита погодой. Послушай, на этих игрушках ты можешь заработать неплохие деньги?

— Вообще-то у меня любительский интерес.

Над нами пролетел буревестник. Я посмотрела вниз и увидела тихое серое озеро.

— О Боже, какая красота!

— Осторожнее, не упади...

Я спустилась по горному склону к краю озера и села на берегу, слыша сзади шаги Гуннара, собиравшего скользкие камни. Подойдя ко мне, он протянул маленький плоский камень.

— Я не умею бросать камни, — призналась я.

Гуннар присел и бросил камень так, что он запрыгал по поверхности, как лягушка: раз, два, три.

— Ничего себе!

— Я долго тренировался. — Он бросил другой камень и еще, и еще, и они прыгали по воде и тонули. Потом он сел рядом со мной, и мы смотрели на тихое озеро. Вода была темно-зеленой и казалась тяжелой.

— Слушай, а зачем ты связалась с метеорологией? — спросил Гуннар.

— Мои друзья в Лондоне говорили, что я такая деловая и что я все время пытаюсь что-то контролировать.

— Это правда?

— Нет. Даже когда я была ребенком, мне всегда казалось, что в погоде есть что-то прекрасное. Это так просто и так таинственно.

— Что ты имеешь в виду?

— Каждый год происходит столько ужасного. Гибнут люди — они замерзают или умирают от перегрева. Потoki воды сносят дома, или торнадо размывают их на кусочки. Человек дошел до того, что может управлять почти всем, но мы не можем контролировать погоду. Мы даже не можем дать точный прогноз погоды. Мы учимся, учитываем новые тенденции, притворяемся, что все понимаем и все можем предугадать. Но это такая сила, такая мощь, что нам трудно тягаться с ней.

Он улыбнулся.

— Я никогда так много не думал об этом. Я просто слушаю погоду для того, чтобы знать: надевать свитер или нет.

— Это лишь практический аспект. — Я посмотрела в сторону станции. — Мне бы хотелось изучить эту область доскональнее. Ведь это трудно, ты не находишь? А осознавать, что все твои труды напрасны, когда прогноз не оправдался?

— Никогда не знаешь, что ставить во главу угла. Твоя мама может взять и выиграть в лотерею.

Я улыбнулась.

— Да уж, она может. — Я снова посмотрела на озеро. — Кто-нибудь когда-нибудь купается здесь, когда тепло?

— Нет, это очень опасно — скрытые глубины, водоросли. Кто-то утонул здесь однажды, еще в восьмидесятых. К тому же вода в этом озере никогда не бывает теплой.

Вдруг сзади нас в лесу что-то ухнуло, как будто упало с глухим звуком на землю. Я вздрогнула, а Гуннар спокойно произнес:

— Не волнуйся, это всего лишь одно из привидений.

— Не смешно. А правда, что это было? Здесь, на острове, водятся животные?

— Ну, конечно. Ласки, белки, буреветники, совы. Пойдем, посмотришь берег.

На той стороне озера не было скал, и потому ветер здесь дул особенно холодный и резкий. Повсюду лежал серый песок, омываемый волнами. Я накинула капюшон.

— Видишь, почему я не верю в теорию Магнуса о привидениях, — ворах, приплывающих с большой земли — сказал он громко, будто перекрикивая ветер. — Представь, как можно попытаться причалить здесь на лодке при таком ветре и волнах.

— Думаю, это логичное объяснение.

— Хочешь узнать что-то еще? Ты поймешь. Я обнаружил это, когда рылся в старых журналах, в которых стали записывать события после того, как увидели северное сияние. На самом деле с тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года мало что сохранилось из записей.

Я пожала плечами.

— Этого недостаточно, чтобы делать какие-то выводы. Возможно, вор вошел к кому-нибудь в доверие и пользуется этим. Что ты думаешь?

— У меня нет никакой теории. Мне просто это интересно. Так таинственно.

— Все мистические вещи — это всего-навсего научные факты, которые еще не подтверждены документально.

— Послушай, — произнес Гуннар, — а ты неизлечимый скептик, разве не так?

— Королева скептиков, — ответила я важным тоном.

— Жизнь на острове может изменить твои взгляды, — сказал он с улыбкой.

— Сомневаюсь.

Он пожал плечами.

— Холодно. Давай вернемся туда, где не так дует.

— Давай. — Мы пошли к станции. Гуннар рассказывал мне о своих планах на отпуск — он собирался ехать в Амстердам с друзьями из Осло — а мне предстояло пять выходных дней провести в одиночестве, а потом вновь вернуться к бесконечным синоптическим наблюдениям. Ближайшее будущее не предвещало ничего интересного, и я подумала, что если бы я не бросила Адама, то точно вышла бы за него замуж в предстоящие выходные.

Гуннар уплыл на пароме «Ёнсок», и весь остаток своего длинного, длинного уик-энда я провела в своей комнате, находясь почти в депрессии. Паром с удовольствием доставил посылку от моей мамы — я звонила ей и просила передать спальные принадлежности и некоторые другие вещи из дома. Мне хотелось заполнить новое пространство, где я теперь жила, чем-то родным, привычным. Одно утро я писала Адаму длинное письмо, в котором поведала ему о том, как я рада, что мы не поженились, но потом я порвала письмо. Все же у меня хватило мозгов не отправлять это письмо. Бессонница на время покинула меня, и я поняла, что днем Остров Одина нравится мне куда больше, чем в три часа утра.

В свой первый рабочий день после отдыха я занималась ерундой, вернее, у нас было собрание. Большую часть дня я пересчитывала людей, которые собирались в комнате (всего семь человек — Гуннар в отпуске, Марианна обычно находилась в других помещениях); я пересчитывала, сколько пальцев на руках и ногах у тех, кто сейчас в помещении (139 — у Гарстена не было пальца на левой руке); потом каждый из сотрудников по очереди обсуждал с остальными проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться за последний месяц. Я начала рисовать космические корабли в верхнем углу своего блокнота. К тому времени, когда подошла моя очередь, я уже столько всего наслушалась, что никакого желания говорить у меня не было.

— Мне нечего добавить, — сказала я. — Я с большим трудом осваиваю работу.

Магнус посмотрел в свои записи.

— Хм. Ну, в конце месяца, я думаю, вы будете знать не только основы, а уже станете настоящим профессионалом. С двадцать восьмого числа, со среды и до следующей среды, вы будете работать самостоятельно.

— Почему?

— В Швейцарии будет проходить Всемирная конференция по вопросам климата и метеорологии. Почти все наши сотрудники едут туда. Я должен присутствовать и получить награду. Вам придется потрудиться, так как работы немало.

Мне подумалось, учел ли Магнус то, что у меня бессонница и поэтому я могу работать за ночного дежурного — ведь показания приборов нужно записывать и ночью.

— Я должна вставать каждые три часа?

— Нет-нет. Только если произойдет что-то — шторм, например. Я понимаю, что предъявляю к вам слишком высокие требования, но это необходимо. Но что поделаешь. Если возникнут проблемы, здесь Фрида и Гарстен, они помогут.

— Нет, мы не сможем, — сказала Фрида, стукнув ручкой по своей тетради. — Вы забыли? Мы с Гарстеном едем на свадьбу моей сестры в Берген.

Как весело: Фрида и Гарстен, оказывается, пара. Он по крайней мере вдвое старше ее. Почему Гуннар не рассказал мне? Мужчины никогда не понимают, до чего же интересны и важны такие сплетни.

Магнус вскинул бровь:

— О, вы едете в этом месяце? Простите, я совсем забыл.

Значит, Гуннар все еще в отпуске, Фрида и Гарстен уезжают. На всем острове на целую неделю остаемся только мы с Марианной. Я начала придумывать план, как избавиться еще и от Марианны. Фантастическая мысль, что я могу остаться на острове в Норвежском море совершенно одна, быстро завладела моим воображением: одиночество, настоящее одиночество.

— Я справлюсь, — ответила я. — У меня не возникнет проблем. Уверяю вас.

И полная свобода. Целый остров в моем распоряжении.

— Мне нужно поговорить с Марианной, — сказал Магнус резко. Если и у нее найдутся какие-либо причины, мне придется остаться.

— Но вам нужно коллекционировать ваши награды, — пропищала я. Мне не хотелось оставаться на острове вдвоем с Магнусом.

— У нас еще есть время, чтобы все решить, — сказал он. — Возможно, нам удастся договориться, чтобы прислали кого-то на время с Большой земли.

— Просто, чтобы вы имели в виду, я скажу, что с большой радостью останусь здесь работать одна, — проговорила я.

— Вы заявляете об этом слишком опрометчиво, Виктория. Обсудим этот вопрос потом. Вам еще нужно хорошенько попрактиковаться.

* * *

Вскоре я обнаружила, что на станции существует множество традиций, в число которых входят вечеринки с алкоголем, который привозят на пароме с продовольственными запасами из Норвегии. Они проходили по средам, во второй половине дня, а также по вечерам в пятницу и в субботу, после еженедельных собраний. Все это оплачивалось социальным клубом, который вычитал деньги из зарплаты каждого, чтобы пополнять свой фонд. Норвегия — страна, где, возможно, самый дорогой алкоголь в мире. Когда я получила свою

первую зарплату и увидела, сколько денег вычел фонд, я поняла, что это удовольствие здесь не из дешевых.

Зная, что не стоит выпивать вместе с боссом, я все же один раз оказалась вместе с Фридой, Гарстеном и самим Магнусом в его комнате.

Комната была такой же прибранной и аккуратной, как и он сам. Я увидела фотографию в рамке, которая стояла на книжном шкафу. Двое детей, примерно девятилетнего возраста, улыбались мне.

— Это ваши дети, Магнус? — спросила я.

— Да. Матиас и Нина. Они двойняшки.

Я плюхнулась в кресло.

— Они живут с вашей женой?

— Да, с моей бывшей женой, — ответил он.

— С одной из его бывших жен, — добавил Гарстен с усмешкой. — Все мужчины здесь имеют по крайней мере одну бывшую супругу. Вот почему все они убежали на этот заброшенный остров.

— Кроме Гуннара, — сказала Фрида быстро.

— Конечно. Гуннар не был женат. — Магнус улыбнулся мне многозначительной улыбкой, и до меня дошло, что все здесь видят во мне и Гуннаре потенциальную пару.

— Я тоже сбежавшая невеста, — ответила я.

— Ну, невеста это не жена, — сказал Гарстен, протягивая стакан Фриде.

— Если бы я не сбежала сюда, то стала бы миссис Адам Балтер. — Я произнесла эту фразу с горечью в голосе.

— Несостоявшаяся свадьба? Вот почему ты оказалась здесь? — спросила Фрида, скривив губы. Клянусь, в душе она ликовала, что услышала о моих горестях.

— Да.

— Извините, — сказал Магнус.

— Это уже во второй раз, — сказала я и сама удивилась, зачем призналась в этом. — Уже второй раз у меня срывается свадьба.

— Правда? — сказал Гарстен. — Это потому что ты достаточно умна, чтобы вовремя распознать в мужчине негодяя.

Мне очень хотелось бы, чтобы все было так просто. Я честно любила Адама, так же, как и предыдущего друга, Патрика, с которым дружила с самого детства. Но, может быть, моей любви было недостаточно. Если я расскажу им, что порвала с Адамом, потому что от него оказалась беременна другая, это только половина истории. Он чувствовал, что мне чего-то не хватает, часто бывала холодна с ним и бесконечно разочаровывалась в нем, и каким очевидным это разочарование было для него.

— Я просто не могу этого сделать, — сказала я, — я просто не умею любить.

К счастью, разговор перешел в другое русло, а то я уже почувствовала, что начинаю говорить то, чего бы не хотела. Скорее всего, я бы сказала, что любовь — это такое чувство, когда перехватывает дыхание и нервы на пределе, и даже зубы могут разболеться от волнения, но я не чувствую всего этого. Все, что мне довелось испытать, — это лишь разочарование в мужчинах.

На следующее утро весь мой стол оказался завален бумагами, и я занялась тем, что стала раскладывать их по стопкам. Я была настолько поглощена этим

занятием, что не сразу услышала стук и звон посуды в столовой. Сначала я проигнорировала этот шум, но он становился все громче и громче.

Отложив бумаги, я выглянула в дверь.

— Марианна?

Она стояла возле шкафа с посудой, вынимала оттуда кастрюли и бросала их в раковину. Вид у нее был раздраженный, но, увидев меня, она вскинула брови и сказала:

— О, Вики. Ведь ты не собираешься позволить ему сделать такое, не правда ли?

— О чем ты говоришь?

Ее светлые волосы выбились из-под бледно-розовой резинки на голове.

— Убираюсь в шкафах. Я всегда занимаюсь этим в начале месяца. — Марианна посмотрела на сковородку, которую держала в руке, затем швырнула ее в раковину.

— Почему ты делаешь это так... яростно?

— Я просто поспорила с Магнусом. Он хочет оставить нас здесь одних на целую неделю! Двух беззащитных женщин!

— А от кого нас должны защищать?

— Существует много опасностей, Вики. Я понимаю, он не рассказывал тебе об этом.

— Какие опасности?

Гуннар говорил, что на острове есть воры. Я не поверила в это, но у Марианны были круглые от страха глаза, и она вся дрожала от мысли, что может остаться здесь одна.

Вдруг она перешла на заговорщицкий шепот:

— Ты не слышала шум, какие-то звуки?

— Нет.

— Но как же? А ночью, когда ты не можешь заснуть?

— Нет.

— Из леса. — Она сделала движение глазами в сторону леса, а потом снова перевела взгляд на меня. — Шум идет оттуда.

— Ты уверена? Может, это птицы, животные...

— Нет-нет, Вики, этот остров заколдован.

Я чуть не рассмеялась. Марианна не имела в виду лесных бандитов с кинжалами; она была подвержена тем же страхам, что и Гуннар.

— А, понимаю, — ответила я.

— Ты должна сказать Магнусу, что ни за что не согласишься на это. Он не должен уезжать на конференцию. Его долг остаться здесь с нами, а он мечтает подняться на сцену, чтобы получить награду.

Я представила, как Магнус красуется перед остальными участниками конференции, и улыбнулась. Возможно, мне удастся заполучить весь остров в свое пользование.

— Марианна, я уверена, что если дело только в приготовлении пищи, мы сможем обойтись без повара.

— Что ты имеешь в виду?

— Вместо того чтобы оставлять здесь Магнуса, почему бы тебе самой не уехать? Я прекрасно справлюсь со всем одна.

— Но, Вики, этот остров не место для...

— Я не боюсь привидений, — сказала я. — Послушай, я поговорю с Магнусом, чтобы он дал тебе неделю выходных. Ты сможешь съездить домой в Манчестер или отправиться по магазинам в Осло. Я скажу ему, что останусь здесь одна.

Марианна печально покачала головой.

— Ты думаешь, я сошла с ума, не так ли? Ты думаешь, что знаешь наверняка, что на этом острове нет привидений?

— Я не считаю тебя сумасшедшей. Но я знаю, что здесь нет никаких привидений.

— До чего же некоторые люди самонадеянны.

Она резко повернулась и продолжала вынимать посуду с громким стуком.

Ближе к вечеру я сказала Магнусу, что буду не против, если он даст Марианне выходные. Он разозлился и сказал, что обязан сам быть на станции, так как не может оставить новую сотрудницу одну. Я напомнила ему, что являюсь не молоденькой практиканткой, а тридцатилетней женщиной, к тому же высококвалифицированным специалистом.

— Да, Магнус, — добавила я, — кто еще получит награду, если не вы сами? Алекс?

Алекс был вторым из старших метеорологов, американец, с громким голосом и большими белыми зубами. Магнус явно не выносил его.

— Я подумаю.

Через двадцать минут он стоял около двери моей комнаты.

— Думаю, это будет хорошая возможность для вас, Виктория. Работая в одиночку, вы приобретете опыт, который, несомненно, пригодится в вашей будущей карьере.

Я была довольна. Через три недели весь остров будет моим.

В тот день погода снова испортилась.

Ветер переменился на северо-восточный. Я слышала, как макушки сосен гнутся от ветра. Это были ужасные звуки, и мне казалось, что Мать Природа разгневалась на меня.

Завывающий ветер не прекращался несколько дней. Обитатели станции не обращали на него никакого внимания, потому что привыкли к сюрпризам, долетающим с Норвежского моря. Но мои нервы страдали от порывистых звуков, и когда я выходила из дома, мне каждый раз хотелось побыстрее укрыться в помещении. Спала ужасно. На пятый день я так измучилась, что выпила таблетку снотворного и легла в восемь часов, и только тогда наконец-то мне удалось заснуть.

Потом я неожиданно проснулась. Меня разбудил шум. Струя холодного воздуха проникла в комнату. Я поднялась в темноте и почувствовала, что открылось окно. Пол под моими ногами был холодным. Я подошла к окну, чтобы закрыть его, и услышала странные звуки снаружи. «Пш-ш-ш». Как будто кто-то пытался привлечь мое внимание. Звук шел откуда-то из-под подоконника.

Я напрягла зрение. Мне показалось, что я вижу темные тени. Я выглянула. Ветер ударил мне в лицо, глаза начали слезиться. Мне показалось, что я увидела четыре ноги, убегающие по земле, а может, это была бледно-серая тень от березовых веток. Я всмотрелась пристальнее. Может, от порыва ветра с дерева

свалилась ветка? В этот момент предмет шевельнулся...

Мурашки пробежали у меня по коже, словно много мелких насекомых облепило меня. Черные светящиеся глаза пристально смотрели на меня из-под растрепанной копны соломенных волос. Я пронзительно закричала и захлопнула окно, но перед этим успела услышать: «Не плавай в озере, не то водяной схватит тебя».

Я быстро взяла себя в руки. Это был сон, глупый сон. Мне всего лишь прикидилось это. Прижавшись носом к стеклу и глядя на бледные серые очертания, которые снова воспроизвела в своем воображении, сейчас я видела всего лишь оторванную ветку дерева. Не было никакого взлохмаченного существа, просто за окном, в темноте, ветер качал деревья.

Я расхохоталась, потом вернулась в кровать, но сон уже прошел. Мне стало смешно, когда я представила, что было бы с Марианной, окажись она сейчас на моем месте. Она обязательно бы начала причитать и уверять меня, что надо внимательнее проверять, хорошо ли закрыты задвижки на окнах.

Но где-то глубоко в подсознании я была уверена, что закрывала окно как следует.

Глава 3

Каждую среду паром с продовольствием доставлял почту. Магнус подсунил под дверь моей комнаты конверт, подписанный моей мамой, а также открытку от подруги Саманты, которая сейчас проводила отпуск в Италии. Я прочитала открытку и приклеила ее в угол зеркала, а потом открыла письмо от мамы. Я уже дважды звонила ей. Она не относилась к тому типу женщин, для которых обычное дело сесть и написать письмо, поэтому мне не терпелось узнать, о чем она пишет.

Дорогая Вики.

Я пишу тебе, потому что знаю, что если бы попыталась сказать это по телефону, ты не стала бы слушать. Сегодня утром я встречалась с новой предсказательницей. Ее зовут Басшеба. Она рассказала мне то, что сильно встревожило меня. Неожиданно она закрыла глаза рукой, глубоко вздохнула и сказала: «Чье имя начинается на букву В?» Естественно, я ответила, что мою дочь зовут Виктория. Тогда она сказала: «Темные силы сгустились вокруг Виктории».

Вики, я знаю, какие у тебя мысли по этому поводу, и знаю, что тебе хочется выбросить это письмо в корзину, но подумай, дорогая. Как она могла узнать, что у меня есть близкий человек, чье имя начинается на букву В? Почему из всего алфавита она выбрала именно эту букву? Я задала миллион вопросов, но самое главное — она велела сказать тебе, чтобы ты возвращалась домой. Я доверяю Басшебе, она хорошо разбирается в своем деле. Пожалуйста, приезжай домой. Я так беспокоюсь за тебя.

Люблю. Мама.

Я не знала, радоваться мне или расстраиваться от того, что мама так сильно доверяет какой-то Басшебе. То, что мама считала проявлением сверхъестественных способностей той предсказательницы, нетрудно было разгадать. У мамы на шее висела маленькая подвеска в виде буквы «В», которую тетюшка

Клементина подарила ей, когда я родилась. Я отложила письмо в сторону, тем не менее удивившись, почему Басшеба не назвала ей номера, которые в этот раз станут выигрышными в лотерею, или не пообещала, что она встретит любовь всей своей жизни в июне. Я уверена, что по крайней мере два замужества мамы расстроились не без помощи гадалок.

Конечно, я любила маму, но в ее жизни было столько сумбура. Она родилась неудачницей и до сих пор оставалась ею. Я наблюдала за ее постоянными поражениями — в отношениях с мужчинами, в работе, в попытках сидеть на диетах — вечные жалобы на недостаток денег, мозгов или удачи, и никогда она не задумывалась, что на самом деле ей не хватало возможности управлять своей жизнью. Я была не такая. Мне хотелось убежать из тех мест, где я родилась, от социальных очередей, из переполненных школ, от того, что каждые два месяца отключают телефон за неуплату. Когда я получила работу на станции «Киркья», у меня появился шанс вырваться оттуда, откуда мечтала. От переживаний я не могла спать ночами. Я не хотела быть заживо поглощенной обстоятельствами. Я не хотела, как мама, тратить столько времени на то, чтобы слушать предсказания, что приготовила судьба на этот раз, и не осознавать, что свое будущее мы строим сами.

«Темные силы сгустились вокруг Виктории».

Мама хотела вернуть меня домой и теперь готова говорить все что угодно, лишь бы я приехала. Я не понимала, почему ей этого хотелось. Потому что она скучала без меня или потому что чувствовала правильность моих решений и ошибочность ее выбора жизненного пути. Но методы убеждения, которые выбрала она, мне совсем не нравились. Как-то я сказала Гуннару, что я не из пугливых.

Кстати, даже получив мамино письмо, я не вернулась. Все еще было впереди.

В тот вечер я впервые заступила на смену в контрольной комнате в одиночестве. Ночная смена длилась с восьми до четырех, но для меня это было несложно, так как я не понаслышке знала, что такое бессонные ночи. Я сменила Алекса и первые несколько часов выполняла задания, которые были в списке. К часу ночи я сделала почти всю работу. Выключив яркий флюоресцентный свет, я оставила светящимися только три компьютерных экрана. Комната была круглой формы, почти все стены состояли из окон размером от пола до потолка. Глядя в них, я видела, что все небо было покрыто облаками, на фоне которых, словно чернильные пятна, выделялись верхушки деревьев. Мне нужно было читать учебник, но я отложила книгу в сторону, села на длинную лавку, стоявшую рядом с лестницей, а потом прилегла, радуясь возможности побыть в одиночестве. Так я лежала долго, думая о разном. Каждые десять секунд трансмиттер издавал слабое пиканье. В батареях слышалось слабое жужжание. Тихо гудел принтер. Темнота и покой.

Я и не заметила, как заснула.

Звук моего дыхания. Балконная дверь распахивается настежь. Холодный ветер обдувает кожу. Поежившись, села, оглянулась. Тело будто парализовало. Накатила волна страха. Казалось, кто-то еще находится в комнате.

Бр-р-ринг.

Телефон. Я потянулась к трубке, продолжая оглядываться. Нет, дверь за-

крыта. Я, как и прежде, одна в комнате.

— Алло?

— Вики? Это Гуннар.

Я взглянула на часы, висевшие у меня над головой.

— Гуннар, два часа ночи.

— В Амстердаме три, — произнес он веселым голосом. — Я только что вернулся в гостиницу. Я вспомнил, что сегодня твое первое ночное дежурство, и подумал, дай-ка позвоню, спрошу как дела.

Я слышала другие мужские голоса, говорившие что-то Гуннару по-норвежски. Я не знала, что они говорили, но по тону чувствовалось, что они подтрунивают над своим приятелем, который разговаривает по телефону с девушкой. Раз Гуннар, находясь на отдыхе, не забыл о моем первом ночном дежурстве, значит, я все еще нравлюсь ему.

— Все идет хорошо, спасибо.

— У тебя был взволнованный голос, когда ты взяла трубку.

— Просто сонный. Я заснула и увидела плохой сон.

— О? И что же тебе приснилось? Старая ведьма, которая сидит на твоей груди?

— Я... ну... мне приснилось, как будто кто-то открыл дверь на балкон...

— Это она. Ведьма.

— Гуннар, ты все никак не уймешься со своими шуточками?

Он издал довольный смешок.

— Нет. Алексу и Ёзефу обоим снилось, что она явилась к ним, во время их ночного дежурства. Они думали, это — привидение, пока Ёзеф не обнаружил, что им снился один и тот же сон на почве нервного расстройства, особенно в то время и после тех обстоятельств.

Сон на почве нервного расстройства. Вот это мне нравилось слышать. Возможно, мой случай с березовыми ветками объясняется тем же самым.

— Расскажи мне поподробнее.

— Это называется обособленный сонный паралич, случается чаще всего, когда человек только-только засыпает, и обычно сопровождается гипнотическими галлюцинациями, будто кто-то присутствует в помещении.

— Обособленный сонный паралич?

— Мне больше нравится другое название. Ведьма.

— А что ты скажешь по поводу разыгравшегося воображения, если увидишь за окном существо с соломенными всклокоченными волосами, которое дает тебе совет? Это тоже сон, вызванный нервным расстройством?

— Нет, об этом я ничего не слышал.

— Черт. Ты бы хохотал надо мной, Гуннар. Я кричала как девчонка.

— Ты и есть девчонка.

— Маленькая девчонка.

— А что он сказал?

— Кто?

— Тот, с волосами.

— О! Что-то вроде того, чтобы я не купалась в озере. Не то водяной заберет меня к себе.

Недолгое молчание на линии. Потом Гуннар сказал настороженно:

— Правда?

— Да, правда. Почему ты замолчал?

Его голос снова стал нормальным.

— Когда закончишь работу, зайди в мою комнату. Там на столе лежит книга о мифологических созданиях. Тебе будет интересно почитать.

— Зачем? Узнать, кто такой водяной?

Шумные голоса раздалились на том конце провода.

— Ладно, почитай. Меня зовут. Мы собираемся гулять.

— В три часа ночи?

— Это же Амстердам. Ключ в горшке с увядшим растением, который стоит у черного входа в мою комнату.

— Гуннар, просто скажи мне, что...

— Все-все, пока.

В телефоне послышался сухой щелчок. Комната наполнилась холодом, поэтому я включила отопление. Остаток своего дежурства я провела в ожидании Гордона, который пришел в четыре часа.

Первым делом, зайдя к себе, я приняла душ и надела пижаму. Мне показалось глупым бежать со всех ног в комнату Гуннара и искать книгу, о которой он сказал. Это было не так важно для меня, и мне в самом деле было все равно, кто такой водяной, тем более что где-то я уже слышала это слово, в каком-то фильме или разговоре или читала в книге и примерно представляла, кто это может быть. Но когда начало светать, а я так и лежала без сна, я решила, что просто должна все узнать. Накинув спортивную куртку прямо на пижаму, я вышла из комнаты. Задняя дверь кабины Гуннара находилась приблизительно в десяти метрах от моей передней двери, и это пространство разделялось деревянным двухметровым забором — такой ужасной ценой обеспечивалось частное пространство каждого. Обойдя забор, я подошла к цветочному горшку, о котором он говорил. Ключ был спрятан в нем. Я открыла дверь и вошла внутрь.

В комнате Гуннара стоял тот же самый слабый запах плесени, который исходил от его одежды. Возможно потому, что его одежда была разбросана везде — в спальне, в ванной и на кухне. Я изумилась, до чего же он неаккуратный. Мама всегда говорила, что мужчины, которые предоставлены самим себе, в конечном итоге вернутся к первобытному состоянию. В углу гостиной на столе стоял компьютер. Стены комнаты были завешаны набросками — не особенно удачными — изображениями воинственных Викингов и мифических животных. Также на стене висел искусственный меч, и была приколотая фотография: Гуннар с друзьями, все одетые в костюмы. Длинные туники, штаны с кожаными вставками, завязанные на лодыжках, а в руках держали копья и щиты. Я почувствовала глупое смущение за него, сама не знаю почему. Его стол был завален какими-то бумажками, грязными кружками и стаканами. Книгу, о которой он говорил, я обнаружила на диване. Открыв ее, я прочитала определение слова «водяной»:

Водяной — оживший дух утонувшей жертвы, часто рыбака, тело которого состоит обычно из воды. Водяной — распухший и бесцветный, со слабым блеском в глазах, и часто весь покрыт морскими водорослями и травой. Его цель — затащить других к себе на дно, чтобы они составили ему компанию. Убить водяного можно только отрезав ему голову.

Я перечитала определение несколько раз, прокручивая прочитанное в голове. Где я раньше это слышала? Но я не помнила, чтобы когда-либо читала скандинавский фольклор. Возможно, я проходила это в школе, когда нам рассказывали о древних богах и днях недели, которые были названы в честь них.

Я оставила книгу, заперла дверь и вернулась в свою комнату. По небу плыли розовые облака, и мне нужно было поспать.

Через неделю после моих ночных дежурств Магнус посчитал меня вполне разбирающейся в метеорологии и доверил мне ассистировать ему в климатических исследованиях и составлении прогноза погоды. Эта работа казалась мне более интересной и нужной.

Однажды, незадолго до того, как они должны были отправляться на конференцию по метеорологии, он пришел и попросил, чтобы я помогла ему установить какое-то оборудование в лесу.

— Доброе утро, Виктория. Как спалось? — спросил он, когда я открыла дверь своей комнаты и убрала ключ в карман.

— Спасибо, хорошо. Я думаю, я все еще отсыпаюсь после ночных смен.

— Ах, да. Иногда бывает трудно вернуться к нормальному режиму. Вот. — Он протянул мне пластиковую коробку с крышкой. Она была тяжелой, а сам он ничего не нес.

— Следуй за мной.

Мы молча шли несколько минут в сторону леса. Когда мы отошли на довольно приличное расстояние, он обратился ко мне, обернувшись через плечо:

— Что ты думаешь о Марианне?

— О Марианне? Она довольно милая. И готовит вкусно.

— Но ты считаешь ее красивой?

Такой вопрос сбил меня с толку.

— М-м...

Он приостановился, и теперь мы шли бок о бок. В его поведении было что-то мальчишеское.

— Ты думаешь, она подходящая партия для такого мужчины, как я?

Я не знала, как реагировать. Его откровенность и обаяние подкупали, но тот факт, что он ждал, пока мы останемся наедине, чтобы спросить об этом, показался мне странным.

— Я не знаю, как ответить на этот вопрос, — произнесла я уклончиво, надеясь, что на этом он отстанет.

— Мне кажется, я ей нравлюсь, — сказал он заговорщицки. — А ты как думаешь?

То, каким пожирающим взглядом Марианна смотрела на него и как говорила о нем, подтверждало его предположения.

— Ну... может быть...

Начался дождь, и он накинул капюшон. Мои руки были заняты, и я не могла сделать то же самое.

— Хотя не думаю, что нам было бы хорошо вместе, — продолжил он, — я в самом деле мужчина, которому нужна более умная женщина. В этом-то и заключалась проблема с двумя моими предыдущими женами. Они обе были

красивы, но недостаточно умны.

Я продолжала молчать, надеясь, что это вдохновит его сделать то же самое.

— Здесь есть большая поляна и большая скала в форме наковальни. Это место я присмотрел, чтобы установить оборудование, — сказал он. — Остановимся там.

Мы с трудом пробирались через лес. Дождь немного утих, и теперь моросило. У Магнуса развязался шнурок, и он остановился, чтобы завязать его. Я сказала, что пойду вперед и чтобы он догонял меня. Мне совсем не хотелось ждать его. Не хватало, чтобы он вновь затеял неприятный разговор. Увидев расчищенную площадку, я поставила коробку, и в этот момент он подбежал, догнав меня.

— Гуннар приводил тебя сюда? — спросил он.

— Простите?

— Я ведь не говорил тебе, куда идти.

Я смотрела на него, наверное, не менее десяти секунд и ничего не говорила.

— Виктория? Все в порядке?

— Да, — сказала я. — Мы с Гуннаром ходили сюда. — Это была абсолютная ложь, но это все, что я смогла ответить, потому что не могла по-другому объяснить Магнусу, как я нашла это место без его помощи.

Когда мы устанавливали приборы, я прокручивала в голове наш путь. Магнус описал мне место, где нет деревьев, и стоит скала. Я просто следовала его описаниям. Я сконцентрировалась и нашла место, но, на самом деле, откуда я узнала, куда нужно идти? Гуннар точно не приводил меня сюда. Мы были по крайней мере в полукилометре южнее, следуя по маршруту Гуннара, когда шли на берег озера.

Я выпрямилась и оглянулась. Появилось ощущение, что я уже была здесь. До боли знакомое чувство и страх. Дрожь пробежала по телу. Я услышала голос Магнуса. Спустя мгновение он подхватил меня за локоть и помог сесть на землю.

— Пригни голову к коленям, — говорил он.

Я послушала его, кровь прилила к вискам, и в голове снова прояснилось.

— Тебе лучше? — спросил Магнус.

— Ах... да. Спасибо.

— Ты ела сегодня утром?

— Нет.

— Ты должна взять себе за правило всегда завтракать перед тем, как идешь на полевые работы.

— Да, я всегда так буду делать.

Он присел на землю рядом со мной, разглядывая меня вблизи.

— Ну вот, снова появился румянец, но я все же думаю, тебе надо вернуться к себе и отдохнуть. Гарстен подменит тебя. Эти ночные дежурства, видимо, трудно переносятся организмом поначалу.

Я кивнула, но ничего не смогла ответить. Мне почему-то очень сильно хотелось заплакать.

— Вот, позволь мне показать тебе кое-что. Тебе станет веселее, — сказал Магнус, улыбаясь своей мальчишеской улыбкой. Он открыл ладонь, и на ней лежал грязный кусок металла.

— Что это? — спросила я.

— Я нашел это только что, когда делал дырку для штатива. Это кусочек прошлого.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду. — Необъяснимое чувство страха окутало меня, когда я рассматривала предмет.

— Кованое железо не могло спонтанно появиться в лесу, Виктория. Эта часть от чего-то, оставлена здесь прежними жителями, возможно, жившими здесь тысячу лет назад. — Он внимательно разглядывал предмет. — Это мог быть горшок или кусок от украшения.

«Это не горшок; и не украшение». Я ничего не сказала.

— Я сохраню его для Гуннара. — Он бросил кусок железа в карман своей куртки и поднялся, протягивая руку, чтобы помочь мне тоже встать. — Он собирает разные старинные штуковины вроде этой.

— Я хорошо себя чувствую, — сказала я, когда он положил руку мне на талию, поддерживая меня.

— Нет, позволь мне проводить тебя до твоей комнаты.

Мы вышли из леса. Я читала, что ощущение дежавю могло стать причиной осечки той части мозга, которая отвечала за способность узнавания. Мне хотелось понять, стали ли тому причиной перемена моей жизни, беспокойный сон и волнение. Могла ли от всего этого произойти осечка в мозгу. Я никогда не была здесь раньше. Откуда же я знала, где поляна? Все просто. Магнус указал мне направление; а я пошла в нужную сторону и вышла к этому месту.

А тот холодящий страх, который я испытала, глядя на «частицу из прошлого», которую Магнус держал в руках? Я вообразила, что знаю, откуда взялся этот фрагмент железа. Он вылетел из-под топора убийцы.

* * *

Во вторник, перед тем как остров перешел в мое распоряжение, я с трудом смогла заснуть. Я намеренно улеглась в кровать в девять часов, закрыла глаза, расслабила тело и попробовала отогнать от себя раздумья. Но мои мысли витали от одной темы к другой. Я глубоко дышала, но даже звук собственного дыхания раздражал меня. Мне было неудобно, как бы я ни легла.

Несколько часов я пролежала без сна, прежде чем мне удалось задремать. Темная синева окутала меня. Ледяной ветер коснулся кожи; откуда-то идет бледно-голубой свет. Чернильного цвета тени окружили меня.

Началось... Я выглянула из окна и стала всматриваться в лесную чащу. Потом, смутившись, резко дернула головой, чтобы оказаться обратно в комнате, и увидела, как мелькнули в темноте мои светлые волосы, разметавшиеся по подушке. Я дышу глубоко, всем телом и лежу под одеялом. Сердце стучит где-то в горле, страх вместе с кровью бежит по венам. Я посмотрела на деревья. Резкий ветер раскачивал макушки, наклоняя их и заставляя стонать гулкими голосами. В темном небе висела четвертинка луны. Быстро бегущие облака делали лунный свет тусклым. Мне было холодно и страшно. Ветки деревьев вытягивались в разные стороны, как костлявые пальцы. Я взглянула, закрыто ли окно и прыгнула обратно в кровать.

— Виктория.

Я не хотела оборачиваться и смотреть, кто разговаривает со мной таким писклявым голосом, похожим на детский. «Виктория, я только пытаюсь помочь».

Я резко кинула взгляд через плечо и завизжала. Лохматое существо. Он

был в лохмотьях, а волосы на голове стояли дыбом, как сухие березовые ветки, обрамляя бледное и грубое лицо. Он протянул мне руку, и я увидела в тусклом лунном свете его длинные острые пальцы. Он стоял всего в нескольких шагах от меня, ритмично покачиваясь.

— Прости, что пришел в твой сон, но я только лишь хочу помочь тебе, — сказал он.

— Кто ты?

— Мое имя Скрипи. Я создание, посланное из Асгарда. Я знаю, что моя внешность пугает тебя, но у меня Доброе сердце. Тебе следует быть осторожной. У других на этом острове не такие добрые сердца.

— У других?

— Водяной, ведьма. — Он сделал шаг в мою сторону, и я пронзительно закричала, подбежала к окну и забарабанила по стеклу.

В этот момент я проснулась в своей постели. Сильный стук разбудил меня. Я села в кровати и уставилась в окно. Что-то сверкнуло в деревьях. Был ли это мой ночной гость? Или просто мелькнула тень качнувшейся ветки в свете луны?

Тяжело дыша, я попыталась расслабиться. Это был ночной кошмар. Но какой кошмар. Моя пижама была вся мокрой. Я попыталась снова лечь под одеяло, но влажное пятно под спиной было холодным и неприятным. Я вылезла из постели, включила свет. При ближайшем рассмотрении оказалось, что простыню можно выжимать. Быстро скинув пижаму, я переделалась в другую и стащила простыню с кровати. Как я могла так вспотеть в такую холодную ночь? За окном ветер гнул деревья, и, поевившись, я укуталась пледом и пошла в гостиную, где включила отопление и прилегла на диване.

Я дремала, но не спала: боялась повторения ночного кошмара. Когда первые признаки рассвета появились на небе, я встала, надела куртку и пошла в комнату Гуннара.

Книга по мифологии лежала на том же месте, где я и оставила ее. Я поискала «Скрипи» в содержании, но не нашла. Вздохнула с облегчением. Просто дурацкое слово, которое мой мозг сам придумал. Когда я клала книгу обратно, мой взгляд упал еще на одну, лежавшую в куче сваленных книг. Словарь древнескандинавского языка. Моя рука потянулась за ним сама по себе. Пальцы перелистывали страницы в поисках нужной буквы... Q,R,S.

Скрипи. Это слово было здесь. С древнескандинавского оно переводилось как «привидение» или «ужас».

Я никогда ни слова не слышала по-древнескандинавски. Это я знала точно. Также я знала, что поспешила уговорить Магнуса, чтобы он разрешил мне остаться на острове в одиночестве в течение недели.

Позднее в тот же день, паром «Ёнсок» отплыл от фьорда Гвитаховуд.

Лес позади меня как будто хранил в себе слабое воспоминание о чем-то неприятном, и пребывание на Острове Одина в одиночестве теперь вовсе не казалось мне хорошей идеей.

Глава 4

[Асгард]

Когда деревья стали сгущаться, а открытая местность Старой Долины осталась далеко за его спиной, Видар понял, что за ним следят.

Сначала он подумал, что это всего-навсего звуки птиц, копающихся в земле и достающих червяков. Но сейчас почти неуловимые звуки шагов стали ритмичнее, слишком похожие на поступь охотника.

Он остановился, прислушался.

Откуда бы ни шли звуки, ему явно не хотели дать узнать, что это было. Солнце осветило ветви над его головой. Вечерело. Видар вздрогнул. В этих лесах, так же как и в лесах Асгарда, жили полумагические существа и духи. Большинство из них не могли причинить ему никакого вреда, но он перекрестил ручей, так же как и остальные места с водой, где существовала опасность встречи с водяным — коварным духом утопленников. Возможно, водяной путешествует вниз по течению с северной стороны, оттуда, где в ледяных водах утонуло много людей.

А может быть, это был волк, что необычно для мягкого юга Асгарда, так как в этих местах на границе с Мидгардом было довольнолюдно. Но какой-нибудь волк-одиночка в поисках пищи может забрести сюда.

Видар повернулся и подождал, стоя в полнейшей тишине. Беззвучно достав стрелу из колчана, он вставил ее в охотничий лук. Он выпрямился, чтобы прислушаться. Шаги затихли. Потом он снова услышал звуки, и черные волосы мелькнули у него перед глазами. Мышцы его рук напряглись, и он выпустил стрелу.

Из-за дерева показалась фигура, и Видар опустил руки, осознав слишком поздно, что это был друг, а не враг. Он.

— Од!

Выпущенная стрела разрежала воздух, слегка задев ее бедро.

Она закричала и упала на колени, прижав руку к коже.

Видар отбросил лук и побежал к ней. Ее темные волосы разметались и повисли над плечами, туфли были в карманах фартука, который она носила, а подол юбки завязан в узел, и сама юбка подогнута, так что были видны длинные бледные ноги.

— Ничего, — сказала она, сжимая зубы. Кровь показалась между ее пальцами.

— У тебя кровь, — заметил он и, достав охотничий нож, отрезал длинный лоскут от низа своей рубашки.

Казалось, она смутилась, увидев свои голые ноги, и опустила юбку.

— От нее было столько шума, когда я пробиралась по кустам, — пробормотала она.

— Дай я посмотрю. — Он с силой отдернул ее руку в сторону, чтобы посмотреть рану. Она была несерьезной, но он в ужасе подумал о том, что мог ранить ее по-настоящему или даже убить.

— Что ты делаешь здесь? — спросил он, перевязывая ее ногу. Он уже знал ответ: с того дня, как она увидела его в воде, она потеряла покой и измучилась от любопытства, желая знать, куда он ходит и что делает.

Од старалась не встретиться с ним взглядом.

— Я ищу дикий розмарин, чтобы приготовить мясо ягненка.

— В следующий раз ищи его возле дома, — сказал он, завязывая повязку узлом и поднимаясь. — Ты нормально себя чувствуешь? Слабости нет?

— Отлично чувствую. — Она поправила юбку. — Прости, Видар.

Он спрятал охотничий нож обратно в ремень, задев сумку, которую он всегда носил на поясе. Ее содержимое высыпалось на землю: фляжка с питьевой водой, точильный камень для ножа и полуобгоревшая книга из Мидгарда.

Пальцы Од сомкнулись на книге, прежде чем он сам успел поднять ее.

— Что это?

— Ничего, — ответил он, отбирая у нее книгу мягко, но решительно. — Старый хлам, которого полно в доме у моего отца.

— Это книга, ведь так?

— Из Мидгарда, — подтвердил он. Книга написана на английском, на языке Халы. Он слышал несколько слов, заглушенные водой в Сьяфьорд. Много лет назад он хорошо знал этот язык; он учил несколько языков Мидгарда. Теперь все, что у него осталось, это одна-единственная книга, которую удалось спасти из пожара во время его последнего визита в Валяскьяльв.

— У Локи не меньше дюжины таких книг, — произнесла Од, поднимаясь на ноги, осторожно наступая на раненную. — Видишь? Она совсем не болит.

— Когда ты видела книги у Локи?

— В последний раз, когда мы были там вместе. Когда мы ездили искать то седло, которое он украл. У него целая полка книг, и ни одной оборевшей, как твоя. Я могу принести тебе какую-нибудь.

Он задумчиво потер подбородок. Книги могли бы быть полезны, но Локи был непредсказуем. Видар не знал, чего от него можно было ждать.

— Почему тебя так интересует Мидгард? — спросила Од, наклоняясь вперед, чтобы обуться. Луч заходящего солнца осветил ее бледную щеку, и ее кожа казалась очень нежной.

— Там так красиво, — сказал он, думая о Хале.

— И там столько смертных людей. Они все измождены. Они все время спешат и много волнуются.

— У них только одна жизнь, чтобы все успеть.

— Ты хочешь поехать туда?

— Я был там. — Он вздохнул. — С тех пор прошло много времени.

— И тебе понравилось там?

— Да.

Она встряхнула головой, когда выпрямилась.

— А я не хочу туда. Не думаю, что там что-то особенное.

Ее распущенность раздражала его, особенно когда дело касалось Халы.

— Тебя ничто не интересует кроме себя самой, Од?

Ее темные глаза злобно сверкнули, и он немедленно пожалел о сказанном:

— Прости меня, — сказал он, нежно касаясь ее руки. — Я сначала говорю, а уж потом думаю.

Од уже отвернулась.

— Я уже доставила тебе много неприятностей. Я направляюсь к дому.

Он смотрел на ее уходящую фигуру, чувствуя вину и ком в горле. Од принадлежала его семье с давних времен. Она совершила преступление, и за это

вся их семья была приговорена работать слугами.

Он встретил ее во время одного из своих редких визитов пять лет тому назад в Валяскьяльве, где она работала во дворце Одина. Его отец заставлял ее работать до изнеможения, придумывая отвратительные задания, чтобы унижить ее и постоянно угрожал ей сексуальными домогательствами других мужчин. Сжав зубы, она все терпела. Видару стало жалко ее, и он попросил своего отца, чтобы он отдал ее в услужение ему. Во дворце Одина было полно слуг, а у Видара — ни одного, и поэтому Один согласился. Далее последовал обычный спор.

— Почему ты должен жить так далеко и в таких бедных условиях? Когда ты вернешься в Валяскьяльв и будешь жить с нами со всеми?

— Я предпочитаю свою спокойную жизнь. Я счастлив жить в Старой Долине, — ответил Видар. Он не мог жить среди своей жестокой семьи. Не мог находиться в компании этого ужасного типа, который считался его отцом. Не мог жить среди этой ослепляющей роскоши, дорогих застолий и бесконечного буйного веселья. Он собрал вещи Од и ушел вместе с ней. А не последний ли это был раз, когда он разговаривал с Одином? Пять лет — не такой долгий период. Один мог не вспомнить о своем сыне еще пятьдесят лет, если на то не было причины.

Од понадобилось не меньше трех недель, чтобы расслабиться в доме Видара и наконец понять, что за его мягким обращением не последует жестокая шутка. Он никогда не спрашивал, что за преступление она совершила, но она упоминала об оставленном грудном сыне. Видар же не вникал слишком глубоко. И без того было очевидно, что она влюблена в него, а у него совсем не было желания давать ей надежду на взаимность. Его сердце было не здесь. Оно находилось за туманами и цветными огнями Бифроста.

Птицы хлопали крыльями над головой, и слабый солнечный свет согревал их крылья. Видар положил книгу обратно в сумку и попробовал произнести фразу по-английски: «Хала, ты меня помнишь?» Но, конечно, теперь ее звали не Хала. Он должен вернуться к воде, чтобы попытаться узнать ее новое имя. И он не осмелился бы спросить ее напрямую, если бы она помнила его. Условия были довольно специфические: она бы вернулась в Мидгард, но он бы не стал напоминать ей об их прошлом, пока она снова не влюбилась бы в него, а если бы она не влюбилась, тогда он не стал бы вмешиваться в ее жизнь.

Но чтобы добиться ее любви, ему нужно знать язык, на котором она говорит.

Видар побежал за Од, зовя ее по имени. Он догнал ее на той стороне ручья.

— Видар? Что-то не так? — сказала она, когда Видар приблизился.

— Ты нормально себя чувствуешь, чтобы идти пешком?

— Как видишь.

— Мне нужно, чтобы ты сходила к Локи.

Од кивнула, горя нетерпением сделать для него что-нибудь приятное.

— Возьми на время все книги на английском языке, которые есть у него.

— Конечно. Я пойду сейчас же.

— Будь аккуратнее. Старайся не наступать сильно на пораненную ногу.

Видар смотрел ей вслед, пока она не скрылась в гуще деревьев. Он все еще чувствовал вину, но успокаивал себя тем, что рана оказалась не слишком серьезная. Вытянувшись на траве, он стал смотреть в небо. Оно казалось вымы-

тым дочиста после недели проливных дождей. Он почувствовал себя молодым, а вовсе не мужчиной, прожившим более тысячи лет. Свет и потрясение от любви засели в нем прочно и со временем трансформировались в болезненную идею, не дававшую ему покоя, сжигавшую его глубоко изнутри, и самым лучшим было бы забыть обо всем. Сейчас воспоминания о ней снова нахлынули. С помощью книг Локи Видар вспомнит ее язык через неделю или две. Тогда он мог бы начать планировать следующий шаг: свое возвращение в Мидгард.

Лишь редким лучам солнца удавалось проникнуть в лес, обогнув могучие черные скалы и преодолев тихие фьорды. Тем же путем шла Од к дому Локи. Последний раз она ехала на лошади по этой дороге вместе с Видаром, вернее, сидела у него за спиной, уютно устроившись, и поэтому почти не помнила этого унылого маршрута. Она чувствовала жар, исходивший от его тела через мягкую шерстяную рубашку. Теплые кончики его волос покалывали ей лицо, а учащенный ритм биения его сердца отдавался у нее в щеке. Она вспомнила, что дом Локи стоял на восточной стороне, сразу после того, как кончалось поле, где деревья снова начинали сгущаться. Пройдя еще немного, она в конце концов увидела крышу. Дом Локи был в три раза меньше дома Видара, но считался десятым по величине в Валяскьяльве. Он прятался среди густых деревьев, ветки которых создавали темную завесу вокруг него. Крыша дома была засыпана старыми листьями, которые лежали здесь уже не один сезон, а вокруг него повис туман. Ветки дикого винограда — где-то темного, где-то совсем белого — дополняли общий вид. У Локи не было земельного участка и хозяйства, он не держал скотину, как Видар. Зато он был постоянным посетителем дворца Одина, где заимствовал разные вещи, а иногда и просто воровал, чтобы поддержать свое одинокое существование. Од прошла по тропинке, ведущей к двери, раздвигая преграждающие дорогу ветки.

— Локи? — позвала она, открывая дверь.

Она вошла в большую комнату и остановилась; в центре, в выложенном камине горел огонь. Все вокруг, все стены до самого потолка были завешаны полками с вещами. Книги, игрушки, неизвестные предметы, различные украшения, старые металлические коробки, горшки и зеркала. Она подошла к полке и взяла зеркало в серебряной оправе с жемчужинами. Оно было очень красивым. Она провела по нему пальцем.

— Это мое!

Од подскочила от громкого вопля, раздавшегося за ее спиной, и выронила зеркало на пол. Локи стоял около двери, скривив рот от изумления.

— Извини меня, — сказала она, собирая рассыпавшиеся осколки.

— Семь лет не будет удачи. Так говорят жители Мидгарда, когда разбивают зеркало.

— Семь лет — не такой уж долгий срок. — Она протянула ему осколки. — Вот.

— Мне нравилось это зеркало. И я очень расстроен, что его больше нет. — Од смотрела на него, изучающего осколки. Локи был красивым мужчиной, с блестящими черными волосами, необычайно светлыми серыми глазами и длинными бледными руками. Он был высокий и худой и всегда одевался в хорошую старомодную одежду. На шее всегда носил золотой обруч.

— Прости меня, — снова сказала Од. — Ты так меня напугал...

— Не вини меня! — закричал он, вытаращив глаза. — Первым делом это тебе не надо было брать чужие вещи.

— Я...

— Если ты и работаешь так же, Видар может избавиться от тебя.

— Да, конечно.

Он нагнулся к полу и стал собирать оставшиеся мелкие осколки.

— Зачем ты пришла сюда, Од? Видар что-то хочет? Я давно ничего не слышал о нем. Все девицы в Валяскьяльве спрашивают о нем.

— Ему нужны книги, — ответила она. — Книги, чтобы учить английский язык.

— Английский? Но он же уже знает английский. — Теперь он перестал собирать осколки и схватился пальцами за ее ногу. У него были ледяные руки.

— Может быть, он забыл его, — сказала она, делая шаг назад. Его рука скользнула.

— У тебя красивые ноги, — сказал он, поднимая на нее глаза. — Мне бы понравилось, если бы они оказались у меня на плечах. Он прыгнул на нее, но она отскочила назад, так что он оказался на полу. Локи громко засмеялся.

— Я предпочитаю, чтобы они остались на своем месте.

— Ну хорошо. — Он поднялся на ноги, стряхивая с себя пыль. — Ты досталась Видару. Если бы ты осталась в Валяскьяльве, то сейчас спала бы с ними со всеми. — Он придвинулся ближе и прошептал ей в ухо: — Хотя, скажу я тебе, ты не подозревала, зачем Видар берет тебя. — Его дыхание было горячим, а голос звучал прерывисто.

— Локи, я пришла за книгами. На английском языке.

— Ты думаешь, что Видар добрый человек, не так ли? Ты считаешь его мягким и нежным.

— Книги, Локи.

— Но я видел, как он смывал кровь своих жертв. Он из Асиров, Од. А мы жестокая семья.

От этих слов у нее сжалось сердце. Это не могло быть правдой. Видар не такой, как его семья. Он даже разговаривал мягче, и его движения были спокойнее.

— Я не верю тебе.

— Наша вражда с вашей семьей длится много веков, — сказал он легко, отворачиваясь от нее к своим полкам. — Я не сомневаюсь, что Видар прирезал не одну из твоих кузин.

— Он всегда добр и терпелив со мной.

— Возможно, когда-нибудь, я расскажу тебе о нем побольше. Расскажу, какой он был до того, как уехал из Валяскьяльва и стал жить отдельно от семьи. Так вот...

Локи повернулся к ней, держа четыре книги в руке.

— Думаю, этих ему хватит.

— Спасибо. — Она взяла книги, зажав их подмышкой.

— Сейчас, ты можешь сказать мне, почему он хочет снова учить английский?

— Может быть, он...

— Нет, нет. Никаких может быть. Скажи точно. Если скажешь, я выпущу

тебя. Ты же не хочешь вернуться через неделю.

— Я подумаю, — сказала она. Даже если бы она знала, какие у Видара планы, то никогда не рассказала бы Локи. Она хранила бы этот секрет в себе, наслаждаясь тем, что тайна связывает ее с Видаром. Она уже знала много его секретов.

Од не собиралась больше выслушивать глупости Локи.

Он подошел к двери, открыл ее и крикнул:

— Скоро вечер, темнеет, Од. Тебе лучше остаться на ночь.

— У меня хватит времени, чтобы вернуться, — сказала она, хотя сумерки уже закрыли солнце, и деревья в лесу казались мрачными и пугающими.

— Я могу постелить тебе мягкую постель рядом с камином. И я мог бы согреть тебя своим телом.

— Нет, я...

— Глупая девка, — сказал он грубо. — Я отвезу тебя.

— Я смогу сама найти свой дом.

— Нет, мне нужно поговорить с Видаром. Хочу договориться, чтобы он отдал тебя мне в прислуги. Поехали. — Он схватил ее за руку своими длинными тощими пальцами и вытолкнул наружу. — К тому же я слишком давно не видел своего кузена.

Видар закрывал ставни перед надвигающимся ураганом. Серые тучи начинали сгущаться. Их тянуло с моря. Он задвинул последний засов, и проверил, все ли в порядке. Вдалеке послышался цокот копыт. Од вернулась, и Локи вместе с ней. Он закрыл ставни и вышел.

— Хорошая работа, Видар, — сказал Локи тоном злобным и презрительным. На нем был пиджак темно-красного цвета. Од, крошечная по сравнению с его длинной фигурой, сидела за ним, держа перед собой книги.

Видар спустил Од на землю.

— Спасибо, что возвратил мне Од.

— Гроза приближается. Могу я остаться?

Видар посмотрел на небо. Тучи еще больше сгустились; дул пронизывающий ветер и начинал накрапывать дождь. Он не мог прогнать гостя в такое ненастье.

— Да, конечно. Поставь Херора в конюшню, а я подброшу дров в огонь.

Локи скрылся, а Видар проводил Од в дом. Свет от камина освещал деревянные стены, бросая тени от языков пламени.

— Извини меня, — сказала она, зажигая свечи. — Он настоял, чтобы привезти меня сюда.

— Я рад, что он так сделал. Если бы ты пошла сама, то точно бы попала под дождь. Послышался мощный раскат грома, и молния сверкнула за ставнями.

— Но теперь он останется на ночь, а ты его терпеть не можешь.

— Не то, чтобы не могу терпеть, — сказал Видар, осторожно подкидывая в огонь два полена. — Я просто не доверяю ему.

— Она протянула ему стопку из четырех книг.

— Это все, что он предложил. Мне придется вернуться к нему.

— Нет, этого достаточно.

— Ты не понимаешь. Я должна вернуться, потому что...

Локи резко открыл дверь.

— Что на ужин?

— Добро пожаловать, кузен, — сказал Видар, слегка обняв его. — Садись со мной. Од приготовит нам что-нибудь. — Он повел Локи к скамье рядом с огнем.

Локи провел рукой по резной колонне.

— Красивая работа, Видар. Ты сделал?

— Конечно. — В этом доме все было сделано руками Видара. Он сам крыл соломой крышу, выкладывал камин, вешал двери и окна. Далее шли забор, конюшня и курятник. Его отец говорил, что такая мужицкая работа не для Асиров.

— Хорошо заполняет время, когда дни тянутся бесконечно, — сказал Видар.

— Я согласен.

Од принесла две чаши с медом. Капли дождя тяжело стучали по крыше, но внутри дома было тепло и пахло дровами и воском.

— Сколько лет ты не видел своего отца? — спросил Локи.

— Лет пять. А ты?

— Я навещаю его время от времени. Мне не всегда рады там.

— Потому что ты крадешь вещи.

— Я беру в долг. Я собираюсь их все вернуть, в конце концов.

— Как он? — спросил Видар.

— Время не меняет его. Он остается так же высокомерен и так же глуп.

Видар улыбнулся.

— Но он в порядке?

— О, они все чувствуют себя превосходно. Твой брат Тор в полном порядке. — Ударил гром, и Локи посмотрел вверх. — Все эти пьяницы считают именно его громовержцем.

— Жалкий дурак с молотом.

Локи громко засмеялся.

— Ты не можешь общаться с ними, Видар. Они думают, что они боги. Никто больше не поклоняется им, и их огромный дом все больше пустеет с каждым годом. Они продолжают заниматься самообманом.

Видар сделал маленький глоток меда. Он предпочитал вообще не думать о своей семье. Од входила и выходила из столовой. Ее волосы прилипли к шее.

Локи проследил за ней взглядом.

— Твоя служанка сегодня разбила одну мою вещь, — сказал он.

— Мне очень жаль.

— Она может искупить свою вину. Работать у меня один раз в неделю до конца года.

— Я дам тебе ее до зимы.

— Для меня эта вещь очень дорога.

— Ты ее украл?

Локи сделал недоуменное выражение.

— Ну вот, опять это слово.

— До наступления зимы, Локи. Между нашими домами не близкий путь. Я не хочу, чтобы она ходила по сугробам. — Локи имел право требовать, чтобы Од заплатила за испорченную вещь. Видар был готов предложить, чтобы Од осталась у него до зимы, лишь бы не видеть здесь своего кузена каждую неделю.

— Ладно, тогда договорились, — согласился Локи.

Видар подождал, пока Од выйдет из комнаты.

— И ты не будешь вынуждать ее спать с тобой.

— Я никогда никого не вынуждаю делать это. В конце концов, они приходят ко мне по доброй воле. И она придет.

Видар посмотрел на Од, которую было видно в открытую дверь кухни. У нее были худые руки и белая кожа, и она выглядела совсем юной и беззащитной.

— Будь добр с ней, Локи.

— А вот и ужин.

Од подошла, держа в руках поднос. Она поставила перед ними чашки с супом и положила хлеб, а потом пошла, чтобы сесть напротив них.

— Что это? — спросил Локи. Твоя служанка ест вместе с тобой?

— Нас здесь всего двое, — произнес Видар резко. — К тому же ты знаешь, что она принцесса Ванир.

— Она прислуга, Видар, Имей хоть немного достоинства. Она должна есть вместе с лошадьми.

— Я пойду, — сказала Од, поднимая свою чашку.

— Нет, ты можешь остаться, — сказал Видар.

— Мне нужно обсудить с тобой что-то очень важное, — сказал Локи, качая головой. — Пусть она идет.

Видар улыбнулся Од извиняющейся улыбкой.

— Я поем у себя в комнате, — сказала она.

— Спасибо, Од.

Она тихо удалилась.

— У нее есть собственная комната? Она не спит с тобой?

— Она не принадлежит мне. Почему она должна спать со мной?

— Ты слишком добрый. Ты знаешь, что семейство Ванир не были бы так добры с тобой.

— Знаю, наши семьи связывает кровная вражда. За это время в наших отношениях были страшные периоды. Обиды перекрывали всякую меру. О чем ты хотел поговорить со мной?

Локи жестом показал на книги, лежавшие на столе.

— Зачем?

— Я изучаю язык. — Видар отломил кусок хлеба.

— Ты же уже учил его.

— Я хочу выучить лучше.

— Для чего?

— Потому что мне интересно.

— Зачем?

Видар улыбнулся:

— Потому что в языке постоянно появляются новые слова и в Мидгарде все знают этот язык.

— Но ты же не думаешь уехать туда? — бесцветные глаза Локи сузились. — После тех неприятностей, которые были у тебя там в последний раз?

— У меня нет намерений ехать в Мидгард, — сказал Видар.

— Ты лжешь. — Локи отставил в сторону свой суп.

Видар покачал головой.

— Я не лгу.

Это не убедило Локи.

— Лжешь, лжешь, лжешь, — сказал он с диким смехом, наклонившись вперед, так что его локти легли на стол. — Я могу сказать. Ты едешь в Мидгард.

— Я не собираюсь в Мидгард.

— Ты не сможешь сделать это один. Тебе понадобится моя помощь.

— Локи, если бы я собирался в Мидгард, я бы решил отправиться туда один. Локи улыбнулся и стукнул пальцами по столу.

— Ты ведь даже не знаешь, верно? Один издал приказ сразу после твоего отъезда сюда.

Локи выпрямился и набрал в грудь воздуха, в его голосе появились нотки, присущие всему семейству:

— Если кто-то увидит Видара в окрестностях Бифроста, я хочу, чтобы мне немедленно доложили.

Словно холодная стрела вонзилась в сердце Видара.

Локи махнул рукой.

— А! Я все вижу по твоему лицу. Ты не знал об этом. Хеймдалл увидит тебя и задаст нужные вопросы. Он помешает.

Хеймдалл охранял мост между Асгардом и Мидгардом. Стоило ему сосредоточиться, и он мог услышать шорох травы на расстоянии двадцати шагов.

— Я не собираюсь в Мидгард, — ответил Видар спокойно.

— Я могу помочь тебе.

Видар не ответил. Он сосредоточенно стал есть свой суп.

— Я знаю, как пройти мимо Хеймдалля. Я могу помочь тебе незамеченным пробраться в Мидгард.

Видар выпрямил спину, отряхивая крошки с рук.

— Ты зря теряешь время, Локи.

Локи переключился на еду, продолжая улыбаться.

Дождь лил за окном, и огонь потрескивал в камине. Видар думал, чего еще можно ожидать от своего непредсказуемого кузена. И еще — ему нужно было пробраться в Мидгард незамеченным. Хала была на той стороне, и ему необходимо было увидеть ее, поговорить с ней. Знать, что она рядом, и находиться отдельно от нее было пыткой.

Но ее звали не Хала. Видар возвращался, чтобы посмотреть в воду днем, когда уходила Од. Он провел почти час, вглядываясь в воду, рассматривая ее, пока вода стала нестерпимо холодной, и он почувствовал, что превращается в ледышку.

Сейчас Хала была современной женщиной, ученой, которая только что приехала на отдаленный остров, принадлежащий Одину. Теперь она носила каре, обтягивающую одежду и красила глаза темными тенями. Это была другая женщина и та же самая одновременно. И ее имя было Виктория.

Глава 5

Ранним утром, когда ночные тени еще лежали на тропинке, Од, сидя на лошади, подъезжала к дому Локи. Воздух был влажный и холодный. Она оставила Видара, сидящим со стопкой книг возле камина. Отблески огня мерцали в его темных волосах. Она надеялась увидеть хотя бы слабую печаль на его лице из-за того, что она уезжает, но увидела только рассеянный вид и насупленные брови.

— Куда ты собралась? — спросил он.

— К Локи. Ты забыл?

— Ах, да. Возьми Арвака. Я не хочу, чтобы Локи снова привозил тебя. — И он снова вернулся к книге.

Почему он был так увлечен этими книгами? Он намеревался поехать туда? Когда она спросила его, он ответил, что у него нет планов оставлять Старую Долину, и слегка улыбнулся ей, как всегда это делал. Он бы с удовольствием улыбнулся ей от всей души, но боялся, что она воспримет эту улыбку как положительный ответ на ее ищущие любящие взгляды.

Первые лучи солнца появились на горизонте, поблескивая на листьях, покрытых инеем. Она остановилась и, открыв дверь дома, громко крикнула:

— Локи!

Ответа не последовало. Мог он забыть, что она приедет? Она окинула взглядом полки, вспомнила последний раз, когда приезжала сюда, и ничего не стала трогать. Пыль лежала повсюду. Ей хотелось знать, должна ли она прямо сейчас приступить к работе? Она взяла полено и подбросила его в огонь.

— Од? Это ты? — Его голос донесся из-за дверного проема в конце коридора.

— Да, я подбрасываю дрова в огонь.

— Не трогай ничего!

— Я просто...

— Иди сюда.

Од подошла к двери и открыла ее. Он лежал на полу среди одеял. Его плечи были голые, а черные волосы разлохматились.

— Ты разбудила меня, — сказал он.

Прости, я думала, что мне надо приехать еще раньше.

— Я не против, что ты разбудила меня, — сказал он, медленно расплываясь в улыбке, — но, Од, ты не должна ничего трогать в доме, пока я не попрошу тебя.

— Да, Локи.

— Может, тебе кажется, что здесь беспорядок, но для меня все вещи лежат на своих местах.

— Я поняла. Тебе нужно только сказать, что я должна делать.

Он откинул одеяло, чтобы встать, и Од увидела, что он лежит абсолютно голый. Она быстро отвернулась, пока он одевался.

— Что ты делаешь у Видара?

— Я убираюсь и готовлю. Шью и ткаю. Еще я молочу зерно и дою корову.

— Хм. У меня не много найдется такой работы для тебя. Что еще? Как вы с Видаром проводите дни?

Она улыбнулась:

— Мы помогаем друг другу. Мы товарищи.

— Товарищи? — Теперь он стоял рядом с ней. Мимолетным взглядом она уловила, что он оделся. — Это на самом деле так?

Од подумала, прежде чем ответить. Видар мало разговаривал, ничего не рассказывал о себе и ни о чем ее не спрашивал. Он был добрым, от него шло тепло, и часто он бывал веселым. Ее сердце дрогнуло.

— Судя по твоему лицу, это все. — Он дотронулся до ее плеча. — Пойдем, Од. Ты можешь стать и моим товарищем. Давай сядем возле камина, и ты расскажешь мне разные истории.

В тот день дул холодный северный ветер, и Од рассказывала Локи истории о своих предках. Свечи успели прогореть, и комната наполнилась дымом. Время от времени Локи говорил, что он прослушал некоторые факты, и ей приходилось пересказывать все заново. Это были истории о сражениях, любви, приключениях и просто о доме.

— А теперь ты расскажи мне что-нибудь, — сказала она утомленным голосом спустя несколько часов.

Он покачал длинным пальцем.

— Нет, нет. Ты моя служанка.

Ей ничего не оставалось делать.

— Конечно.

— Расскажи историю, которую еще не рассказывала, — сказал Локи. — Как ты оказалась в Асгарде?

— Меня приговорили жить в рабстве тысячу лет.

Это я знаю. Но за что? Какое преступление ты совершила?

Боль холодной иглой уколола Од в сердце.

— Никакое, — прошептала она.

— Ты должна была сделать что-то ужасное, чтобы получить такое наказание? Кто отдал такой приказ? Это был твой отец?

Она покачала головой.

— Я не желаю об этом говорить.

— Ты должна говорить. Ты служишь мне и ты должна говорить, если я так сказал.

За пять лет, которые она прожила в Асгарде, она никому не рассказывала эту историю. И хотя она излила свою душу Видару, сам он никогда не спрашивал. Она не хотела рассказывать Локи, который мог посмеяться или отнестись равнодушно. Но она была в его власти.

Его бледно-серые глаза неотрывно смотрели в ее лицо.

— О, я готов долго слушать твою историю, — сказал он. — Ты выглядишь такой несчастной, должно быть это красивая трагедия.

— Это не просто трагическая история, — хмыкнула она, — это моя жизнь.

Он сел, откинувшись назад. В его взгляде был интерес.

— Тогда расскажи мне, — сказал он.

— Меня приговорили норны. Ты знаешь о них?

— Те чудовищные ведьмы? Конечно.

— Когда я повзрослела, меня выбрали учиться колдовству и послали странствовать по корням мирового древа в качестве посвящения. Ты, Локи, без сомнения был в мировом древе. Ты знаешь, что человек может учиться там несколько лет и не встретить ни одной души. И вот в первый же день когда я вошла в мировое древо, я наткнулась на жилище норн.

Локи не терпелось узнать продолжение.

— Ты знаешь, где они живут?

Она покачала головой.

— Я дойду до этого. Норны — хранительницы судьбы, и они решили, что я нахожусь там, потому что так суждено судьбой, и выбрали меня в качестве посредника. Я регулярно навещала их, приносила последние новости, подарки и проводила с ними время. И так продолжалось девять лет.

— В дни беспечной юности у меня был любовник из Земли эльфов, который вскоре вернулся в Эльфхейм, но я родила от него сына. Хельги.

Когда она произнесла имя сына, у нее комок встал в горле, и слезы выступили на глазах.

— У тебя есть ребенок?

Она кивнула, сжав губы.

— Да, — тихо произнесла она. — У меня есть сын. Его зовут Хельги.

— Продолжай, — сказал Локи, — мне очень интересно.

— Мой отец пришел в ярость, когда узнал, что я родила ребенка от эльфа. Поэтому мне пришлось уйти из дома, и я жила, питаюсь старыми яблоками, которые росли у нас на ферме. Я растила Хельги совсем одна, и только изредка получала поддержку. Иногда отец смягчался и приглашал меня домой, но я была упряма и хотела жить только вдвоем со своим сыном. Я играла с ним, рассказывала ему сказки и пела песенки. Он был умный, красивый мальчик, с мягкими ручками и доверчивыми глазами... — Од глубоко и судорожно вздохнула. Она почти что чувствовала его нежную кожу на своих губах и бескрайняя печаль нахлынула на нее как волна. Но однажды, когда ему исполнилось три года, все изменилось. Все изменилось.

Дрова трещали в камине, и дым попадал ей в глаза. Локи сидел очень тихо, глядя на нее. Ей не хотелось обнажать свое сердце перед таким неприятным слушателем, но слова сами вылетали из нее.

— Я хотела собрать несколько яблок на завтрак. Хельги спал, когда я уходила. Он спал так сладко, что мне было жалко его будить. Я собиралась быстро сбегать в сад и вернуться через несколько минут. Но я нашла нашу заблудившуюся козу, она попала в сеть, которую я ставила на лисиц. Пока я распутывала ее, прошло около получаса. Мы держали коз, они давали молоко и мы делали из него сыр. Потом я помчалась домой.

Я надеялась, что Хельги все еще спит, но, приблизившись, я услышала его плач... такой сильный, как он плакал, только когда был грудным. Я вбежала в дом, бросила яблоки и нашла его сидящим на полу около моей кровати и всхлипывающего. Я схватила его на руки и принялась утешать, вскоре он успокоился и сказал мне:

— Мама, тебя так долго не было.

— Ч-ч, ч-ч-ч, — утешала я его, — я виновата, прости меня.

— Мама, сегодня у меня день рождения. Это плохо, что я такой несчастный в свой день рождения, — сказал он.

— Я знаю, мой дорогой, знаю. Как тебе доказать, что мне очень жаль?

Он поднял на меня глаза. Его лицо было красным и заплаканным, но он улыбался.

— Разрешите мне покататься верхом на Стейпр?

Стейпр была одной из лошадей моего отца. Я забрала ее, когда уходила из

дома. У нее был очень норовистый характер, и я боялась ездить на ней. Я бы никогда не позволила Хельги скакать на ней, но он обожал ее. Он мог часами сидеть на куче с дровами, представляя, что едет верхом на Стейпр. Я сказала:

— Нет, Хельги, ты знаешь, что Стейпр очень большая и слишком сильная, чтобы катать такого маленького мальчика.

Он снова заплакал, так сильно, что его маленькое тельце сотрясалось в моих руках.

— Но я уже большой. Мне исполнилось три года!

Я почувствовала себя такой виноватой из-за того, что оставила его одного утром в день его рождения, и я уступила.

Локи наклонился вперед, зажав руки между коленями.

— Ты сожалеешь об этом.

— О, да. — Ее голос стал тише и перешел на шепот, подавляемый слезами.

Потянулись долгие секунды, и Локи ждал с терпеливой улыбкой.

— Продолжай, — сказал он, наконец. — Он упал, да?

— Я подумала, что не произойдет ничего страшного, если я покатаю его верхом на Стейпр, потихоньку водя лошадь по кругу. Но Хельги был так взбодражен. Он смеялся и кричал, и прыгал, хватал ее за гриву. Стейпр фыркнула, поводья выскользнули из моих рук, и лошадь пошла галопом прямо на изгородь. Хельги завизжал. Я крикнула, чтобы он держался крепче. Лошадь собиралась прыгать, но резко остановилась, встав на дыбы, и сбросила его на землю с такой силой...

Слезы покатались по ее щекам, и она смахнула их.

— Он был мертв?

Она покачала головой.

— Он дышал, но очень тяжело. Я подхватила его и понесла на кровать, а он весь побагровел и раздулся, и я знала, что он умрет.

Ее голос надломился, и она сделала усилие, чтобы говорить тверже.

— Я села около него, держала за руку и плакала. Он не осознавал, что это я. Его глаза помутнели, и он ничего не понимал.

Она тяжело вздохнула, набрав в легкие воздуха.

— Мой ребенок был всем для меня: в нем была моя душа, мое сердце. Я не могла сидеть там и ничего не делать. Я знала, где жили норны, хранительницы и поставщики судьбы. В этот раз, уходя из дома, я не боялась, что Хельги проснется, пока меня нет. Я знала наверняка, что он никогда уже не откроет глаза.

Од помолчала и посмотрела на Локи, который смотрел на нее, не говоря ни слова. Ей нужно было контролировать свои слова; становилось опасно рассказывать так много деталей своему слушателю.

— Я отправилась в мировое древо. Судьба Хельги стала проявляться на ткацком станке Верды. Судьба сына висела на волоске. Сейчас все зависело от Верды. Я заключила с ней соглашение. В обмен на то, чтобы она соткала для Хельги новую судьбу, что Хельги снова ожил, она отправила меня сюда, в Асгард на тысячу лет.

— В наказание? — вмешался Локи. — Она разозлилась, что ты использовала связь с ними для личной цели?

Од кивнула.

— Я не жалею об этом. Мне повезло, что я знала их. Благодаря им я смогла

сохранить жизнь своему сыну. Верда отрезала кусок сотканной цепочки и отдала мне. Он переливается разными цветами. Мне сказали, когда я уходила оттуда, что я могу повернуть на запад в Ванахейм, но Хельги умрет, а могу пойти на восток, навстречу своей новой судьбе в Асгард, и тогда мой сын останется жив. Я приняла решение, и с того дня я больше не видела своего сына. Он счастлив и воспитывается в моей семье.

Од опустила голову и сжала руки.

— А норны? — спросил Локи.

— Они ушли куда-то, так что я больше не смогла их найти. Они не доверяют мне больше. — Она подняла глаза, глядя в его лицо, пытаюсь понять его выражение.

— Моя история удивила тебя?

Локи встал и схватил ее за руки, помогая ей встать на ноги.

— Я не чудовище, Од, — произнес он. — Посмотри на себя, сегодня ты больше не сможешь работать. Может быть, тебе лучше вернуться к Видару.

Она удивилась его великодушию.

— Я... благодарю тебя.

— Видар не знает о Хельги?

— Нет. Он не спрашивал.

— Может быть, ты не так близка с ним, как думаешь, — сказал Локи с жесткими нотками в голосе. — Возможно, тебе стоит считать меня своим другом вместо него.

— Видар мой хороший друг, — сказала она, но осознала, как слабо прозвучал ее протест.

— Ты знаешь о его планах поехать в Мидгард?

— Он говорит, что у него нет таких планов.

— Я знаю точно. Я читаю это по его глазам. У тебя есть предположения, почему он хочет ехать туда?

Од подумала о том утре, когда видела его, смотрящим в воду, но покачала головой.

— Нет.

— А сейчас ты врешь. У тебя есть какие-то мысли, ведь так?

— Нет. Нет, никаких. Я ничего не знаю.

— Ты не хочешь выдавать его секретов?

— Нет.

Локи наклонился ближе, сильнее сжимая ее руки.

— Твоя преданность ему слишком сильна, Од. Он не тот, кого из себя строит. Поверь мне. У него жестокое сердце...

— Он всегда по-доброму относился ко мне, — не дала договорить ему Од. — Мне не нравится слышать о нем плохое.

Локи высвободил ее руки.

— А теперь вся моя жалость улетучилась. Тебе стоило принять мою доброту, когда я предлагал. А теперь тебе придется провести остаток дня за чисткой горшков. Но когда вернешься в Старую Долину, передай Видару сообщение. Только Локи сможет провести его мимо Хеймдалла.

Работать прислугой для Од показалось менее утомительным, чем рассказывать истории. Пока она работала, размышляла о словах Локи по поводу Видара. Кроме того, она думала, что допустила оплошность, когда рассказала свою

трагическую историю, но все же она поведала не всю правду. Она до сих пор знала, где жили норны. Но у них в руках был главный козырь, дававший им уверенность, что из ее уст не выскользнет ни слова.

«Только Локи может провести его мимо Хеймдалля».

Всю долгую ночь эта фраза, сказанная важно и вкрадчиво, не давала заснуть Од. Было ли правдой, что Видар хочет уехать? Этот вопрос вертелся у нее в голове, прочно зацепившись в мозгах. Хеймдалл имел славу жестокого убийцы, и большую часть своих подвигов он совершил для Асиров. Он был проницателен и непреклонен. Переехать через мост и остаться незамеченным было почти что обречено на провал. Другие могли приезжать в Мидгард и покидать его, когда пожелают. Локи ездил туда постоянно, надеясь пожить чем-либо, был накопителем сокровищ из Мидгарда во дворце Одина. Один не препятствовал его визитам туда, так как никогда не видел в них угрозы для своей семьи. А вот Видар мог пойти против всех. Он влюбился в простую смертную.

Видар лежал под одеялом и наблюдал за умирающим пламенем огня. Снаружи дождь барабанил по крыше и по окнам. Еще немного и потухнут последние огоньки. Все что у него есть, это его тайна.

И он должен просить помощи у Локи, человека, который блефует и паясничает, занимается воровством и шантажом, который извивается и скользит как рыба.

С другой стороны, Видар не мог не признать своей связи с Локи. Они оба были аутсайдерами, непризнанными в Валяскьяльве, и оба презирали своих предков, благодаря которым в их жилах текла одинаковая кровь. Могла ли взаимная ненависть к их семье объединить их в общем деле?

Дождь прошел, а Видар так и лежал без сна, глядя в окно. Он услышал сонное бормотание Од. Она лежала как раз за дверью. Почему он не мог влюбиться в нее? Она точно любила его. Она была красива, образованна, происходила из благородной семьи, и много раз его взгляд останавливался на ее белой руке или полной груди, и в нем просыпалось желание.

Но желание ничего не значило без страсти и без любви. Он до сих пор любил Халу, и всегда будет любить ее. В какой-то неуловимый момент их души проникли друг в друга, и произошел пожар, яркое пламя которого превратилось в огромную звезду. Это было просто и это было навсегда. Он закрыл глаза. Кончиками пальцев он коснулся ее губ, а ртом почувствовал нежную кожу на ее запястьях. Виктория. Неприятные мысли о Локи отвлекли его.

Он сел, откинул одеяло, оделся и обулся. Еще полчаса и рассветет. Он вышел из дома и направился к конюшне, чтобы оседлать лошадь. Когда Видар вывел Арвака, снова полил дождь, и небо было затянуто тучами.

— Видар? Ты куда собрался? — Од стояла в дверях. Ее волосы взлохматились, а лицо было заспанным.

— Я еду к Локи.

Она догадывалась, зачем.

— Он будет спать, — предупредила она. — Тебе следует подождать несколько часов.

— Я разбужу его. — Не оглянувшись, Видар вскочил на лошадь и, прищипав Арвака, поскакал на восток, к дому Локи, и бледный луч солнца пробился

сквозь хмурое небо.

Глава 6

Каждый раз, когда Од обращалась к Видару, чтобы попросить день для себя, он никогда не отказывал.

— Конечно, Од, — мог сказать он, — воспользуйся своим временем, как тебе будет угодно.

И еще она всегда чувствовала неловкость, когда ей приходилось просить его об этом. Возможно, это происходило оттого, что в подсознании она хотела, чтобы он был против ее отсутствия? Каждый раз, отпрашиваясь у него, она надеялась в его ответе уловить хоть какие-то следы привязанности к ней.

Иногда она возвращалась рано утром на следующий день, когда он еще спал. В этих случаях он просыпался, спрашивал, все ли у нее в порядке, а потом снова засыпал. Он никогда не спрашивал у нее, где она была. Было ли это уважение к ее личной жизни, или просто ему было до такой степени безразлично?

Видар вернулся от Локи поздним утром. Никогда еще он не казался таким привлекательным. В его темных глазах был какой-то дикий блеск, а щеки пылали ярким румянцем. Точно, он решил ехать в Мидгард и просил Локи сопровождать его. Ей до смерти хотелось знать, что тянуло его в этот мир. Его беспокойство началось с тех пор, когда она застала его стоявшим в ледяном фьорде с рунами. Он что-то видел в воде такое, что вынудило его довериться Локи.

Сейчас она наблюдала за Видаром из-за двери. Он сидел у огня, строгая небольшую деревяшку. Его руки работали со знанием дела, но глаза говорили совсем о другом. Казалось, он спит наяву. Она смотрела за движением его пальцев, следила за его жилистыми руками, и прилив нежности и желания перекрывал ее дыхание.

— Од, я чувствую, что ты не сводишь с меня глаз, — сказал он, не поднимая головы. — Что-то случилось?

— Нет-нет. — Она подбежала и неуверенно встала перед ним. — Я надеялась получить свободный день. Прогуляться... — Она жестом показала на запад.

Он отвлекся от работы и улыбнулся ей.

— Конечно, Од. Отдохни день. Соберись с мыслями.

Од скользнула в туфли, замешкалась возле двери, как бы не желая выходить в холод, и оглянулась. Он снова был поглощен своим делом. Сейчас она разглядела, что он делает: птица, изогнувшаяся и зажавшая в клюве собственные когти. Красивая работа, сделанная с любовью. Это был подарок для нее? Трепетное волнение охватило ее. Он снова поднял на нее глаза, увидел ее взгляд и прикрыл фигурку рукавом.

— Ступай. Приятного дня.

— Видар, ты никогда не интересуешься, куда я хожу?

Терпеливо вздохнув, Видар отложил свою работу в сторону и повернулся к ней.

— Од, за все эти годы я ни разу не дал тебе повода не доверять мне. Тебя отдали мне в служанки, но я никогда не унижаю тебя, не обижаю и не вмешиваюсь в твои дела. Я счастлив за тебя, когда ты берешь выходной день и мне все равно, как ты проведешь его.

Од подошла ближе и встала перед ним на колени.

— Да, да. Ты очень добрый и относишься ко мне с уважением. Но разве тебе не хочется узнать, куда я хожу и что делаю? — Ей хотелось спросить: «Ты не думаешь обо мне, когда я ухожу»?

— Ты направляешься в западную сторону, — сказал Видар, и его темные глаза смягчились. — Я видел тебя. Ты ходишь в направлении Ванахейма. — Он встал, поднимая ее.

— Иди, Од. Я хочу побыть в одиночестве.

Он проводил Од в холодное ясное утро.

«Итак, — подумал он, — Од ходила в Ванахейм». Он знал, что ей запрещено возвращаться на родную землю, и потому ему представлялось, что она жалко топчется на границе.

Она с трудом поднималась на холм. Видар практически угадал, что Од идет туда, где проходит граница между Асгардом и Ванахеймом, но только шла она туда не для того, чтобы издали посмотреть на родные места. Ее целью было дойти до Древа мира. По правде говоря, если бы Видар спросил у нее, куда она идет, Од бы соврала. Норны очень дорожили своим секретом.

Дождь, ливший всю ночь, прояснил небо, и теперь оно было бледно-голубого цвета. Древо мира находилось в трех часах пути на запад от Старой долины. Нужно было пройти через равнины, потом идти мимо толстых сосен, а потом взбираться все дальше и дальше в гору, и затем пересечь плато из серой вулканической породы, где только местами, с трудом пробившись, росла желтая трава.

Наконец она увидела его, старый высохший ясень, огромной высоты, черные ветви которого сплелись и создавали зловещие шепчущиеся тени. Они простирались во все стороны: на запад, туда, где был ее дом, на восток, в сторону Асгарда; на север — к островам Ётунхейм и к царству мертвых; на юг, где находилась Земля эльфов, и откуда был родом отец Хельги. Листья сорвало ветром, а его змеевидные корни, переплетались, то, уходя в землю, то снова вылезая на поверхность, словно пропитывая ее ядом. Од задержала дыхание, останавливаясь перед бордюром из дерна, а потом делала первый шаг, поставив ногу на первую из трехсот тридцати трех широченных каменных ступеней, ведущих вниз к основанию дерева. Как же она ненавидела каждую из этих ступенек, поднимаясь без отдыха, не останавливаясь, пока сердце не начинало стучать так сильно, что отдавало в ребра.

Од остановилась в молчаливом раздумье. Норны ждали ее появления два или три раза в сезон, рассчитывая иметь новые истории и подарки из внешнего мира. В ее фартуке лежали засушенные цветы, речные камни, которые она отполировала и заколка для волос, которую она вырезала из дерева под руководством Видара. Над ее головой качались гигантские ветви, закрывая солнечный свет жуткими тенями. Само дерево было древним и походило на чудовище, упрямое и бессмертное. Между двумя огромными черными корнями она углядела маленькое отверстие и вошла внутрь, погрузившись в темноту.

Од знала на ощупь каждый закоулок подземного хода. Ее глаза привыкли к темноте. Извилистые проходы тянулись среди корней, перемешанных с землей, камнями и растениями. Все проходы были ограничены и в высоту и в ширину. Некоторые из них сужались до такой степени, что Од едва хватало места, чтобы повернуться, а иногда приходилось идти, согнувшись так низко,

что спина начинала болеть. Од не могла точно определить, сколько времени она шла, чтобы добраться до норн. Каждый раз путь туда казался более долгим, чем возвращение. Но идя по мрачным проходам, она никогда не спотыкалась на своем пути. Каждый шаг был зафиксирован у нее в мозгу, как болезненные воспоминания.

В конце концов слабый проблеск света замаячил у нее перед глазами. Она тихо прошла по тоннелю и пролезла под большим дугообразным корнем. После этого Од оказалась в теплом гроте, который норны называли своим домом.

Комната была унылой, освещалась лишь сверкающими нитями, которые норны пряли и из которых они сплетали и ткали судьбы людей. Все три, похожие друг на друга, сидели рядом. Од могла отличить их по заданиям, которые они выполняли. Скульд сидела ближе всех к входу, с ручной прялкой, зажатой между коленями, тянула из земли нить, держала в руках и скручивала ее. Рядом сидела Верда, которая подхватывала нити от Скульд, заправляла их в ткацкий станок и ткала. Самой дальней была Урд, которая заправляла поперечную нить в ткацком станке Верды, распутывала ее и бросала готовую цепочку из нитей с руки на руку в темноту за их гротом. И невозможно было сказать, ни откуда появлялась нить, ни куда уходит нить после их работы. Нить принадлежала дереву, и была такая же черная, как все вокруг, но когда норны прикасались к ней, она начинала светиться всеми цветами радуги. В этой нити были скрыты судьбы всех людей: Скульд отвечала за будущее, Верда — за настоящее, а Урд — за прошлое.

— Смотрите, смотрите, это Од, — сказала Верда, поднимая голову и улыбаясь. Ее руки порхали над нитью со сверхъестественной быстротой. У них у всех были бледные, как мел, пальцы, и, казалось, за ними невозможно было уследить.

— Од, что ты принесла нам? — выкрикнула Урд, опуская свою нитку.

— Ты всегда так резко бросаешь работу, сестра, — сказала Скульд, меж пальцев которой скользила нить. Од только однажды держала эту нить в руках. Она не могла читать ее, как это делали они, но она пыталась разделить ее на волокна, чтобы найти одно-единственное из всех, пропадающее в бесконечности. Урд побежала в угол и нашла помятый подсвечник. Она зажгла свечу и приблизилась к Од.

— Что у тебя есть для нас? — спросила она.

Спустя мгновение две другие сестры уже были там же, и их розовые волосы блестели в свете свечи, а голубые светящиеся глаза неотрывно смотрели на Од. Когда-то они, должно быть, были необыкновенными красавицами, с высокими скулами, миндалевидными глазами и пухлыми губами. Теперь же они постарели и стали бледными из-за постоянного нахождения под землей. Все земные удовольствия им заменяла нить, по которой они читали судьбы других людей.

Од протянула принесенные подарки.

— Вот, сестры, возьмите сокровища, которые я взяла по ту сторону мира.

— О-ох, сокровища! — закричала Урд.

— Я возьму вот это.

— Нет, это мне!

Они своими тонкими пальцами буквально вырвали из рук Од камни и цветы, а из-за заколки чуть не подрались. В конце концов они договорились, кто

что берет, и Урд, и Скульд вернулись к работе. Верда, та из них, с кем пять лет назад Од заключила сделку, улыбнулась ей.

— Я полагаю, ты хочешь получить свою плату сейчас?

— Да, хочу, — сказала Од. Когда приближался этот момент, сильное чувство ожидания, как будто целый океан, накрывало ее с головой.

— Тогда вот, — произнесла Верда, вынимая из кармана круглую брошь, из горного хрусталя, обрамленного серебром. Когда-то эта вещь принадлежала Од.

— Вот твой мальчик.

Од жадно схватила брошь и впилась в нее взглядом. Туманные тени рассеялись, и все стало видно отчетливо. Хельги. Он наклонился над лужей, пуская по ней игрушечную лодку. Дыхание сжалось у нее в груди; она напонила сама себе, что надо выдохнуть. Он не слышал ее, но она произнесла его имя: «Хельги. Мой дорогой Хельги».

После того как Од вступила в договор с норнами, Верда заколдовала брошь так, что Хельги всегда был виден внутри нее, и таким образом Од никогда и ни за что не рассказала бы, где они живут. Норны защищали свою тайную жизнь, потому что понимали, что если люди узнают о них, они сразу же придут на порог их жилища и будут просить поменять что-либо в их жизнях. Но тогда работа норн замедлится, им не станет хватать времени, и судьба собьется с намеченного курса.

Од не могла отвести глаз от Хельги: у него медовая кожа, длинные ресницы и пухлые щечки. Ей так хотелось обнять его, прижаться к нему, но он должен был стать мужчиной, прежде чем она снова сможет встретиться с ним. В первый год разлуки она смотрела в брошь и видела, как он плакал, скучая по ней. Сидя на руках у сестры Од, он спрашивал снова и снова: «А где мама? Когда она придет?» У нее сердце обливалось кровью от его слез и вопросов, но время шло, и его страдания притупились. Было ясно, что он забыл ее.

— Он такой красивый, — сказала Од, — посмотри, каким сильным и высоким он растет.

— Он красивый мальчик, и я думаю, он больше похож на тебя, чем на своего отца.

— Я почти не помню, как выглядел его отец, — ответила Од. — Хотя у Хельги такие же светлые волосы, как у него.

— Они потемнеют, — вмешалась Скульд.

Од не знала, было ли это сказано просто так, или Скульд видела будущее, пропуская нить через свои пальцы.

Од продолжала смотреть, не в силах оторваться, пытаюсь запомнить каждую мелочь. Наконец, Верда протянула руку за брошью.

— На сегодня это все, — сказала она. — Расскажи нам, что происходит в мире и в следующий раз, когда придешь, снова сможешь посмотреть на сына.

— Пожалуйста, еще немножко. В следующий раз мне, может быть, будет трудно прийти. Видар уже отправлял меня к Локи...

Урд встрепенулась и взмахнула рукой.

— Локи? Нет, нет, только не Локи.

Другие сестры спросили хором, испуганными голосами:

— Ты знаешь Локи?

— Ты видишься с ним?

— Я вижу его каждую неделю, — сказала Од, удивляясь, что это известие всех так взбудоражило.

— Я провожу у него день, рассказывая ему различные истории.

— Истории! — Верда белой рукой схватила Од за запястье и заморгала выцветшими ресницами.

— Но ты ведь ничего не рассказывала ему о нас?

— Я... я рассказала ему о Хельги, это было.

— Нет! Какой кошмар!

— Он найдет нас! Что нам теперь делать?

— Пожалуйста, сестры, пожалуйста, — сказала Од. — Не волнуйтесь. Он ничего не знает о том, что я вижу с вами. Я ни словом не обмолвилась, что знаю о вас.

— Но он такой хитрый, такой коварный, — произнесла Урд. — Ему достаточно одного намека.

— Нет, нет, — я обещаю вам.

Очень медленно, после множественных заверений, сестры начали успокаиваться. В конце концов Од спросила у них:

— А почему вы так боитесь Локи?

Они обменялись взволнованными взглядами.

— Мы должны ему, — сказала Урд.

— Что?

— Тебе не надо знать.

— Если он найдет нас, — произнесла Скульд, — он потребует расплаты.

— Знаешь, Од, мы никому не меняем судьбу, — добавила Верда, — но для тебя сделали исключение, потому что ты нам нравишься и потому что ты покорно приняла наказание.

— Нити судьбы таинственны и вечны.

— Но Локи... — начала Урд.

Скульд перебила ее:

— Мы должны выполнять все для Локи. Последствия могли быть ужасны. Он мог просить нас переменить прошлое и сделать его королем Валяскьяльва. Он мог потребовать изменить будущее. Он мог вмешаться в жизни многих людей. Он не чувствует, что можно делать, а чего нельзя.

— Он не должен никогда найти нас, — прошептала Верда, дрожа от одной мысли об этом. — Никогда.

— Тебе нужно быть очень осторожной.

— Не рассказывай ни единой душе, где мы живем.

— Если скажешь, я разобью твою брошь, — пригрозила Верда. — И ты не увидишь своего маленького мальчика тысячу лет.

— И мы ни единого слова не расскажем тебе о нем.

Од затрясла головой.

— Я никому не скажу. Вы же знаете. Я никогда не предавала вашего доверия. И разве я не приношу вам красивые вещицы из внешнего мира?

Верда дотронулась до заколки на волосах.

— Да, это правда.

— Возможно, нам не следует волноваться, — сказала Урд.

Скульд посмотрела на Од непроницаемым взглядом.

— Она не даст нам повода для беспокойства.

— Верда, можно я еще разок взгляну на Хельги перед тем как уйду? — попросила Од.

— Нет, — ответила Верда, возвращаясь к своему ткацкому станку, — ты расстроила нас этими разговорами о Локи.

— Иди домой, — сказала Урд, принимаясь за работу. Яркая нить засверкала. Свеча вздрогнула и затухла.

— Приноси больше подарков в следующий раз, — сказала Скульд. — Я тоже хочу заколку для волос.

— И я, — сказала Урд.

— Я принесу их сразу же, как только смогу. — Она жалобно посмотрела на Верду, но та не дала ей брошь. Од попыталась стереть образ Хельги из памяти, зная, что так будет немного легче ждать следующего возвращения.

Когда Од шла обратно, она думала о сыне. Если судить по его виду, он был счастлив. Она сделала все правильно. Главное, что он был жив, пусть ее и не нет рядом. Воспоминание о том несчастном случае острым кинжалом прошлось по ее сердцу. Если бы только она не разрешила ему прокатиться на Стейпр. Если бы, если бы, если бы... К тому времени, когда они снова встретятся, она станет чужой для него, а когда-то была центром вселенной. На ее сердце лежала такая печаль. Если бы...

С вершины холма она увидела фигуру в воде Сьяфорда. Видар. Она остановилась, посмотрела на него и почувствовала слабое утешение. Какое счастье, что она попала к нему. Его доброта облегчила ее первые годы жизни в Асгарде, смягчила ее невыносимое отчаяние и дала ей веру, что в этом мире еще осталось что-то хорошее. Медленно, очень медленно ее душа начала оттаивать после шока, испытанного от потери Хельги, и неожиданно для себя она влюбилась.

Она подняла руку, чтобы помахать и позвать Видара, но в этот момент увидела, что он бросает в воду руны. Он опять прибегал к магической силе.

Это связано с его поездкой в Мидгард.

Од подошла ближе. Видар не ожидает ее. Обычно она возвращалась позже. Она спряталась между деревьями и наблюдала за ним. Он стоял по пояс в воде, и его темные волосы прилипли к мокрым плечам. Ей казалось, она чувствует, как ее пальцы проводят по его шелковистым волосам, а на губах ощущала солоноватый вкус его кожи. Своим телом он закрывал то, что отражалось в воде, а подойти ближе она не смела. Потом, как будто угадывая ее мысли, он отошел немного в сторону, и Од увидела.

Женщина.

Укол ревности был холодным и резким. Он рискнет и поедет в Мидгард ради женщины? И ради этой женщины он готов довериться Локи?

Видар отвлекся и обернулся. Перед тем как он увидел Од, она успела разглядеть на его лице все признаки влюбленного мужчины: нежность, томный и задумчивый взгляд. Она осознала, что ее руки сжались в кулаки.

— Од? — произнес он, выпрямляясь. — Сколько ты уже стоишь здесь?

Она уже открыла рот, чтобы соврать, будто только что подошла и поэтому ничего не увидела, но вместо этого спросила:

— Кто она?

Лицо Видара сделалось мертвенно-бледным. Он поспешил выйти из воды, а она повернулась и бросилась бежать от него, но он успел схватить ее за пле-

чи мокрыми руками.

— Од, нет. Ты не должна говорить. Ты не должна.

— Я никому не расскажу, — произнесла она, вырвавшись.

Он снова схватил ее, на этот раз грубо, и повернул лицом к себе.

— Не рассказывай Локи, — сказал он настойчиво.

Неужели он мог подумать, что она расскажет?

— Конечно, я ничего не расскажу ему.

— Это не должно дойти до моего отца. Если он узнает...

В этот момент у него было такое жалкое выражение лица, что ей захотелось прижаться к нему и поцеловать, чтобы все его страхи исчезли. Но он не мечтал о ее поцелуе. Он любил другую.

— Кто она?

— Я не буду больше говорить об этом. — Он отпустил ее, и они пошли к дому. — Пойдем, приготовь что-нибудь на ужин и забудь, что здесь было. Забудь все, что ты увидела.

Од шла за ним. Бледные лучи солнца отражались в море, ревность, как ядовитая змея, поселилась у нее в груди.

Глава 7

Видар и Локи приехали в Валяскьяльв незадолго до окончания ночи. Вдалеке на горизонте виднелась бледная полоска.

— Арвака и Херора оставим здесь, — сказал Локи, спрыгнув с лошади и хлопнув ее по боку. — Остаток пути придется пройти пешком.

Видар сделал все, как ему было сказано, и последовал за Локи в темную чащу.

— Мне не нравится находиться в такой близости от своего отца, Локи, — сказал Видар, когда они шли по лесу. — Ты не хочешь объяснить, зачем мы здесь?

Локи был великодушен и горел нетерпением помочь Видару осуществить его секретную мечту, попасть в Мидгард, но он отказывался сообщать все детали своего плана.

— Все просто. Хеймдалл сторожит Бифрост ночью.

— Да.

Мост, ведущий в Асгард и обратно, был открыт только в ночное время.

— У Хеймдалла исключительный слух... поэтому он может защитить нас от врагов, которые могли бы попытаться прокрасться в Асгард.

— Да.

— Тогда, как ты думаешь, когда же Хеймдалл спит?

Видар покачал головой, сбитый с толку.

— Я никогда не задумывался об этом.

— Он должен высыпаться в течение дня, когда светло. Но как, по-твоему, он может отдохнуть, когда слышит даже, как проплывает рыба в реке?

— Не знаю.

Локи улыбнулся в темноте.

— А-а! Теперь ты понимаешь, для чего я тебе нужен? Хеймдалл может спать только в тунике, которая блокирует все звуки. Ее для него специально сделала морская великанша Эстла. Мне все это известно, потому что Эстла обожает меня больше всех на свете. — Локи самодовольно улыбнулся.

Наконец-то, Видар понял план Локи.

— Значит, если мы выкрадем эту тунику, я смогу надеть ее, перебраться через мост, и Хеймдалл не услышит и не увидит меня.

— Почти все правильно, кузен, — сказал Локи. — Но если мы украдем тунику, мы разбудим его, и тогда тебе придется держать ответ перед Одним. А Эстла рассказала мне кое-что, о чем не догадывается даже Хеймдалл. Туника волшебная. Если бы мы украли хотя бы одну нитку, этого было бы достаточно, чтобы тебе и даже Арваку пройти незамеченными.

Видар приложил к губам палец.

— Прямо сейчас. Хеймдалл скоро будет возвращаться домой. Нам нужно, чтобы он подумал, будто мы животные, бродящие по лесу, а не заговорщики, которые хотят обдурить его.

Они сделали привал на краю леса. Начинало светать, и первый луч солнца осветил серебряную крышу дворца Одина. Большое черное здание стояло в торжественном молчании, и только проснувшиеся чайки своими голосами, возвещавшими о наступлении утра, нарушали тишину. Заря осветила поля, засеянные льном и ячменем, но солнечные лучи были бледными и холодными.

Локи толкнул локтем в бок и показал на восток. Тень приближалась. Видар встал за дерево и стал наблюдать. Это возвращался Хеймдалл. Пройдя по дороге, он зашел в дверь. Потянулись долгие минуты. Тусклый свет сочился из окна, а потом пропал. Видар ждал. Его сердце сжалось.

Наконец он дотронулся до плеча Локи.

— Пойдем, Локи! — сказал он тихо. — Наверное, он уже заснул.

Локи вышел из своего укрытия и сказал:

— Может, по дороге ты расскажешь, почему так хочешь попасть в Мидгард?

Видар молчал. Протестовать и спорить было опасно.

— Нет? — спросил Локи. — Ты не хочешь объяснять? Наверное, ты вляпался в грязное дельце?

— Думаю, что хочешь.

Они приблизились к западному краю поместья. Локи перешел на шепот.

— Видар, ты действительно так боишься своего отца? — спросил он.

Бояться отца? Бояться чудовища, дрожащего над своими мехами и драгоценностями? Бояться пустой коробки, в которой нет мозгов? О нем ходит много разных слухов. Бояться его мании, пьяных выходок, его бешеного гнева?

Скорее Видар испытывал отвращение и тошноту, чем страх. Видар был сыном Одина; они были одной плоти и крови, и Видар боялся увидеть в себе сходство со своим отцом. Он боялся, что где-то в глубине его сущности кроется такая же безжалостность и жестокость, которые однажды могут мощным ураганом вырваться наружу.

— Я бы просто предпочел больше никогда не иметь с ним дела, — пробормотал Видар.

— В итоге ты вернешься в семью, — сказал Локи. — И тебе это прекрасно известно.

— В этом нет необходимости.

— Ты дурачишь самого себя. Твоя судьба — быть с ними. Так или иначе они затащат тебя обратно, тебе от них не избавиться.

— Я не желаю это обсуждать.

Локи показал на дверь, находившуюся в дальнем западном крыле здания. Дверь, ведущая к Хеймдаллу.

— Конечно, она заперта изнутри. Хеймдалл храпит так громко и даже во сне не расстается с оружием. Он боится воров. — Локи ухмыльнулся. — Воров вроде нас с тобой.

— Как же тогда мы попробуем войти?

Из своей сумки Локи вынул кусок темного камня.

— И снова я незаменим, — сказал он. — В самом деле, что бы ты делал без меня?

Видар улыбнулся.

— Я не знаю, Локи. Я только надеюсь, что цена будет не больше, чем я могу дать.

— Ты меня обижаешь, кузен, — сказал Локи, хотя в его голосе обида совсем не звучала. — Я помогаю тебе, потому что мы с тобой в одинаковом положении, ты и я. Мы оба выброшены за борт. — Он восхищенно посмотрел на камень в тусклом свете. — Его я украл у одного «огненного» великана по имени Муспелль. — Он подбросил его левой рукой. — Камень обладает особенными свойствами. Притягивает к себе металл. Поэтому, если я положу его прямо под засов и потяну...

Локи приложил камень к двери и медленно потянул. Замок открылся.

Видар стоял, затаив дыхание.

Локи медленно отворил дверь. Она скрипнула. Он отошел назад.

— Иди, Видар, а я за тобой.

Видар проскользнул в дверной проем и взглядом обыскал комнату. Она была темной и маленькой, с низким потолком. Хеймдалла нигде не было видно.

— Там, — сказал Локи, указывая на тени рядом с камином. Подойдя ближе, Видар увидел кончики ботинок Хеймдалла. Туника, надетая на нем, немного светилась в сумерках.

— Ты знаешь, он храпит, как будто в лесу воет ветер, просто мы не слышим этого из-за туники.

Видар стиснул зубы. Локи разговаривал слишком громко.

— Я знаю, что Хеймдалл не слышит нас, но как насчет... других?

Локи вздохнул.

— Видар, ты потерял вкус ощущения приближающейся опасности. Чем ты занимаешься в Старой Долине последние тысячу лет? Бегаешь за юбками и поешь серенады?

Видар ничего не ответил. Он приблизился к Хеймдаллу, не отводя взгляда от туники.

— Мне кажется, я вижу болтающуюся нить, — сказал он.

— Ну так тяни ее.

Видар внимательно рассматривал нитку, которую только что вытащил. В этот момент Хеймдалл повернулся во сне и задел Видара, который потерял равновесие. Он едва успел отскочить в сторону, чуть не угодив рукой в камин, где еще тлели угли.

Локи радостно рассмеялся, стоя в другом углу комнаты.

— О, здорово получилось, Видар, — произнес он, спрятав под своей рубашкой нить, напоминающую китовый ус. — Это в духе Асиров.

Видар проигнорировал его слова, на этот раз молча вынув из туники другие свободные нитки. Наконец, нитка нужной толщины была у него в руках.

— Вот она, — сказал он, вставая и наматывая ее вокруг запястья. — Мы можем идти.

— Да, пора. Но нам нужно быть очень осторожными. Солнце уже взошло, а ты сам знаешь, Один любит прогуливаться по утрам.

Видар открыл двери и подтолкнул Локи к выходу. Солнце уже озарило горизонт белым светом. Когда Локи закрывал дверь, боковым зрением Видар увидел темную фигуру. Он резко обернулся. Вдалеке неуклюже шел его отец. У него перехватило дыхание, и он прижался к стене. Локи инстинктивно сделал то же самое.

— Кто это? — спросил Локи, округлившимися от неожиданности глазами.

— Один. — Кровь в его жилах нагрелась и сейчас обжигала кончики пальцев на руках и ногах.

Локи аккуратно наклонился вперед.

— Все в порядке, кузен, — сказал он. — Он идет в другую сторону и не заметил нас.

Видар перевел дух.

— Ты уверен?

— Да. Но нам нужно молчать и все делать быстро. Движением головы он показал на лес. — Как только он исчезнет за холмом, мы побежим.

Видар перевел взгляд на восток. На солнце медленно двигалась темная фигура. Видар видел спину Одина; если он повернется хоть немного вправо, он может увидеть их боковым зрением. Видар почувствовал непреодолимое желание спрятаться и двинулся в сторону леса.

— Подожди, — сказал Локи, перекрывая рукой ему дорогу.

Один приблизился к вершине холма, и исчез за ним.

— Пошли, — громким шепотом сказал Видар.

Они что было силы помчались к лесу. Видару казалось, что сейчас он услышит громкий голос своего отца: «Видар?», и кровь стыла в его жилах.

Но каким-то чудом они добежали до леса беспрепятственно.

Глаза Локи были широко распахнуты.

— Вот так приключение, а, Видар?

— Надо найти лошадей и уезжать, — сказал Видар, — и, возможно, в следующий раз я увижу Валяскьяльв через сотню лет.

Од была занята тем, что вырезала еще одну заколку для волос норнам. Без помощи Видара изделие было далеко не совершенным, и изгибы получались угловатыми и не такими красивыми. Стук копыт за дверью заставил ее отложить работу и побежать открывать дверь.

Это был не Видар, а Локи, сидящий на своем черном скакуне — бледные руки держат поводья, тело выпрямлено в седле. Повернувшись, он улыбнулся ей и увидел ответную улыбку.

— Здравствуй, Од, — сказал он. — У меня для тебя подарок.

— Видар не приехал? — спросила Од. Он исчез еще до того, как она проснулась.

— Видар появится через несколько минут, — сказал Локи, похлопывая Херора. — Мы занимались приготовлениями для его поездки в Мидгард. Сейчас

мы возвращаемся из Валяскьяльва. — Он приблизился и с заговорщицким видом дотронулся до ее волос. — Я уже здесь. Последний раз я слышал, что он кричал мне из-за спины: «Локи, не так быстро!»

Од всматривалась в лесную чащу. И так, Видар собирался ехать в Мидгард. Ее сердце заныло. На какое время он уедет? Как он собирается проводить все это время с той женщиной?

— Что-то случилось, Од? — сказал Локи, изучая ее лицо. — У тебя такой несчастный вид.

Од взяла себя в руки. Она не могла допустить, чтобы Локи догадался о секрете Видара.

— Я буду скучать без него, если он уедет в Мидгард.

— Ты можешь приехать и остаться у меня, если тебе нужна компания, — сказал Локи. — Вот, это подарок тебе. — Он вытащил из своей туники пару брошек из лунного камня, связанных между собой золотой цепочкой.

— Я не могу взять это, — ответила она, хотя ее пальцы сами собой тянулись к ней. Такая красота.

— Я настаиваю.

— Я слышала, как ты говорил Видару, что я всего лишь служанка и что он должен уважать себя и не позволять мне садиться за стол вместе с ним.

— Это было до того, как я узнал тебя. — Его бледные глаза сверлили ее взглядом. — До того, как ты понравилась мне.

В этот момент Видар выехал из леса на Арваке, и Од радостно отошла от Локи.

Локи повернулся к Видару со смехом:

— Я выиграл, кузен.

Видар сдвинул брови, раздражаясь.

— Это были не соревнования.

— Да, но я все равно победил. — Локи подождал, пока Видар спрыгнет с лошади.

— Видар, скажи Од, что она может принять от меня этот подарок.

Видар взглянул на броши.

— Од, если хочешь, можешь взять их, но не носи, если окажешься в Валяскьяльве, потому что там их может узнать кто-нибудь и потребовать вернуть назад. А сейчас зайдем в дом. У меня есть для тебя важное задание.

Од ощутила дрожь. Она любила помогать Видару в важных делах, но сейчас понимала, что это поручение может быть связано с той женщиной из Мидгарда.

— Видар, я предложил Од пожить у меня, пока тебя не будет, — сказал Локи, когда они направились к дому.

— Она останется здесь, в Старой Долине, — ответил он, не поворачивая головы.

Локи посмотрел на Од с заговорщицким видом.

— А что, если она захочет остаться у меня?

— Од? Ты хочешь поехать к Локи, пока я буду в отъезде?

— Нет, — ответила она, и Локи презрительно сузил глаза.

— Очень хорошо, договорились. Ты остаешься здесь на все время, кроме поездок к Локи раз в неделю.

Видар подошел к камину, и Од присоединилась к нему. Локи в нерешитель-

ности топтался возле двери.

— На какое время ты уезжаешь? — спросила Од, пытаясь скрыть беспомощность, звучавшую в ее голосе.

— Я не знаю, — сказал Видар мягким голосом, встречаясь с ней взглядом. — Прости меня, Од. Но я надеюсь, что когда вернусь, то найду тебя здесь, в моем доме и все здесь будет в порядке, а ты сама здорова и счастлива.

От его нежного голоса ее сердце перевернулось. Он был таким добрым и таким хорошим, но вот только его любовь предназначалась не ей. Ей хотелось зарыдать и в ярости растерзать ту женщину из Мидгарда, но Локи стоял поблизости, и кроме того, она не имела права сказать что-либо.

— Я буду заботиться о твоём доме, — только и смогла произнести она.

Он закатал рукава, и Од увидела коричневую нитку, повязанную на его запястье. Он развязал нить и дал ей.

— Мне нужно, чтобы ты сделала из нее тунику и Арваку тоже.

Од выглядела озадаченной.

— Из этого?

Вошел Локи.

— Эта нить заколдованная. Позволь, я покажу тебе. Принеси свой ткацкий станок.

Она сделала, как он просил.

— Намотай нить и увидишь.

Она все сделала, и магическая нить сама собой начала двигаться. Од засмеялась, ей понравилось волшебство. Ей было запрещено заниматься магической практикой на правах принцессы Ванир на период, когда ей предстояло быть служанкой, и сейчас она испытала неожиданное удовольствие.

Видар коснулся ее плеча.

— Мне нужна эта туника как можно скорее. Она должна закрывать меня с головы до ног и Арвака тоже. Ты можешь так сделать?

— Конечно, — сказала она. — Я же хочу помочь тебе.

Несмотря на ее опасения, все было готово за неделю. Поставив ткацкий станок возле камина, она работала без отдыха, пока ее руки не уставали до такой степени, что не могли двигаться. Потом сотканное изделие нужно было сшить. Од работала и работала, ненавидя себя за то, что вкладывает в свой труд столько заботы.

В конце концов задание было выполнено, и Видар стоял перед ней около двери. Арвак был готов и стоял в ожидании. Его было почти не видно в вечерних сумерках. Видар обмотал накидку вокруг плеч и улыбнулся ей. Она заметила, что его руки дрожат от волнения.

— Будь осторожен, — сказала она.

— Я буду.

— Береги свое сердце, — вырвалось у нее, прежде чем она успела подумать.

Он не ответил. Потом посмотрел в сторону и сказал:

— Ты должна завтра идти к Локи, как договорено.

— Я знаю.

— Но только раз в неделю. Не позволяй ему наглеть. Мне нужно, чтобы ты оставалась здесь, в Старой Долине. Я вернусь... сразу, как только смогу.

— Да, конечно. — Она заметила деревянную фигурку птицы, привязанную

к его запястью. Хотя она давно догадалась, что это предназначалось не ей, все же видеть подтверждение этому было ужасно болезненно. Она чувствовала себя опустошенной и потерянной.

Он накинул на голову капюшон и направился к Арваку.

— До свидания, Од.

— До свидания, Видар.

А потом он исчез среди темных деревьев, держа свой путь на Мидгард.

В лесной чаще защитная роба так хорошо скрывала его, что знакомые очертания его фигуры сделались невидимыми. Видар не слышал цокот копыт Арвака, хотя ритм, отдаваемый копытами, проходил по его телу. Его сердце стучало в унисон: вперед, вперед. Его мысли, словно загнанные в ловушку, ходили по одному кругу. Что, если новая Хала, Виктория, стала совсем другой? Что, если она изменилась до неузнаваемости и все то, что Видар любил в ней — ее душа, незаурядный ум, ее нежность — не поддались реинкарнации и теперь она, это не она? Вперед, вперед.

У него не оставалось выбора. Если он хотел продолжать дышать, он снова должен был быть рядом с ней. Рядом с ней он чувствовал себя настоящим. Он мог избежать своей участи и стать Видаром, просто человеком, но не сыном Одина: жестоким, бессердечным, коварным Асиром.

Дорога, по которой он ехал, сейчас раздваивалась. На север Валяскьяльв. На юг — Бифрост. И тот и другой расположены на величественных скалах, уходящих в морскую пучину. Видар часто останавливался, как мальчишка, путаясь и глядя вниз на бушующие волны, которые уходили в бесконечную даль. На глубине, недоступной человеку, живут морские великаны, огромные змеи и другие неземные существа. Неразгаданная, пугающая тайна в бескрайних просторах моря. Сейчас он слышал жесткий стук воды о скалы. Уже ночью он спустится со скалы в темноту. Огни Бифроста появились на горизонте, когда Видар направил в их сторону свою лошадь. Мелькание расплывчатых огней делалось все более четким и вело его в другой мир. Видар знал, куда ему ехать дальше.

На восток. На Остров Одина. К Виктории.

Видар стал двигаться медленнее, когда деревья стали расти реже. На самом краю леса он остановился, нагнулся вперед и, просунув руку под робу, потрепал Арвака по холке.

— Ты готов к приключениям, старина? Что бы ни произошло, ты должен идти вперед. Ты уже бывал здесь раньше, не бойся.

Его голос звучал глухо из-под накидки, но слова, которые он говорил Арваку, скорее предназначались не лошади, а самому себе.

Видар выпрямился в седле. В четверти мили от него высоко на краю скалы возвышались две колонны, как два могучих каменных часовых, охранявших Бифрост по обеим сторонам. Белый камень был весь изрезан и изрисован и слабо выделялся в темноте. Между ними с фонарем в руках, одетый в серую накидку, ходил Хеймдалл. Лицо его было мрачнее тучи. Видар медленно двинулся вперед. Его целью было доехать до северной колонны. Он хотел рассчитать время так, чтобы к моменту, когда он приблизится, Хеймдалл находился в противоположной стороне от края скалы. Он не мог рисковать, потому что Хеймдалл мог заметить блеск глаз Арвака или услышать стук его копыт. По-

этому он ждал в темноте.

Хеймдалл неспеша передвигался туда и обратно: два раза, три, четыре. Прошел час, Арвак стоял как вкопанный. Хеймдалл снова отошел. Видар считал секунды, считал шаги Хеймдалла. Сердце бешено колотилось. Холодный ветер с моря угрожающе продувал защитную робу.

Почти... почти... Пора.

Видар двинулся вперед, прищпорив лошадь. Хеймдалл поворачивался, чтобы идти к краю скалы.

— Ну, Арвак, — пробормотал он, — вперед, вперед. — Гигантская кочка перед ним. — Арвак, не останавливайся.

Земля ушла вниз под ними. Сердце Видара забилося сильнее, так что нечем стало дышать.

А потом копыта Арвака застучали по мосту, и свет ударил в лицо. Зеленые, желтые и голубые огни замигали вокруг них всеми цветами радуги. Ниже и ниже, замедленным ходом на неровной поверхности. Когда кончился трясущийся мост, Видар вздохнул полной грудью и прищпорил лошадь. Он скакал вперед, быстрее и быстрее, оставляя за собой Асгард, накрытый ночным небом, на котором не было видно ни одной звезды.

Глава 8

[Мидгард]

Когда паром исчез из виду, лишь слегка моросило, и облака, плывущие по небу, оставляли голубые просветы. Конечно, погода снова налаживается. Весь день я провела в работе, а во второй половине дня небо опять затянуло тяжелыми тучами, и дождь стал лить, почти не прекращаясь. К трем часам стоял такой стук, как будто в крышу забивали гвозди. Глядя из окна, мне казалось, будто вся станция «Киркья» затоплена и сейчас лежит отдельно над водой.

Из-за тяжелых туч стемнело раньше обычного. Даже когда я была ребенком, я не боялась темноты. В голове у меня вертелось: всему существует логическое объяснение, всему существует логическое объяснение... всему... Наука была для меня светом, и я считала, что благодаря ей можно доказать все, вместо того чтобы верить во всякую ерунду, как моя мама и Марианна, например. Я была занята работой и не думала о своем ночном приключении. Кто в действительности мог измерить глубину подсознания? На меня могло повлиять одно-единственное слово, услышанное когда-нибудь давно, а теперь оно отразилось на моем состоянии, учитывая стрессовую обстановку. В течение дня у меня были моменты, когда я почти что радовалась тому, что нахожусь в полном одиночестве, но с наступлением сумерек мне стало немного не по себе. Я намеревалась провести трехчасовые синоптические наблюдения, но потом решила отложить их на завтра.

Мне совсем не хотелось снова идти в лес, так же как и не было желания ложиться спать в своей комнате и встречаться со Скрипи.

В одиннадцать часов я схватила свою подушку, накинула капюшон и под проливным дождем как сумасшедшая бросилась к станции.

Дверь с грохотом захлопнулась за мной. Здесь было тихо, хотя на улице завывал ветер и стучал дождь. Бросив свои вещи, я прямиком направилась в

подсобное помещение, чтобы накачать баллон. Мне еще раз пришлось выскочить наружу к водородной камере, так что мои волосы успели промокнуть насквозь. Вернувшись, я сбросила плащ, сняла мокрые ботинки и пошла наверх, в комнату для контрольных исследований. Доделав несколько заданий, я решила, что уже достаточно устала за весь день и могу лечь спать.

Я закрыла дверь на балкон, но не стала выключать свет. Электричество давало почти такое же освещение, как дневной свет, ни одному привидению не удалось бы ускользнуть из вида. Но оно было слишком ярким для меня, чтобы спокойно заснуть, хотя я лежала с закрытыми глазами. Поэтому я погасила свет, оставив включенными только компьютерные экраны. От моих волос пахло сыростью, и я думала, подхватчу я простуду или нет. Постепенно мое беспокойство ослабло, и я задремала.

Балконная дверь открылась. Я услышала шум дождя и ветра за окном. Проснувшись, но обнаружила, что не могу шевельнуться. Темная сущность прокралась в комнату. От ужаса у меня перехватило дыхание. Потом я вспомнила объяснение Гуннара этому явлению: сонный паралич. Вот что это было.

Я изо всех сил попыталась пошевелиться. Руки налились тяжестью, перед глазами бегали звездочки. Темная сущность приблизилась ко мне.

Это всего лишь галлюцинация.

Дождь продолжал барабанить. Сущность придвинулась ближе. Я даже слышала дыхание, сопение и кряхтение. Что за ужас находился в комнате вместе со мной?

Это просто сон. Гуннар рассказывал мне об этом. Еще говорил про каких-то ведьм.

В этот момент она и появилась, подползая ко мне по ковру на четвереньках. Первое, что я почувствовала, это зловонный запах: плесень, гниль и запекшаяся кровь смешались вместе. Ведьма была в лохмотьях, волосы как грязная солома, конечности крепкие и мускулистые. Я попыталась закричать, но не смогла издать ни звука и молилась, чтобы зазвонил телефон, чтобы произошло что-нибудь, и этот ночной кошмар улетучился. Про себя я повторяла одно и то же: ты не настоящая, ты не настоящая, ты не настоящая.

Ведьма улыбнулась мне, как будто угадав мои мысли. Она залезла на меня и села мне на грудь. Я услышала свой вдох, а потом она наклонилась ко мне и прижалась своими губами к моим, как будто желая перекрыть мне кислород. Я тщетно боролась с параличом, охватившим меня.

— Убейся с острова, — прошипела она.

Сжав зубы, я пыталась вертеть головой из стороны в сторону. Мне хотелось закричать, но если бы я могла...

Тук, тук, тук.

Стук оживил меня. Она ушла, и я снова смогла двигаться. Я села и пронзительно закричала, хотя прекрасно знала, что нахожусь на острове совсем одна, и дверь на балкон закрыта, и это всего лишь сон, страшный сон.

Слава богу, что зазвонил таймер, подающий сигнал каждые тридцать минут и напоминающий, что нужно сделать очередную отметку. Я совсем забыла об этом с этими ужасными сновидениями. Замигали огоньки, и шок прошел или, возможно, остался где-то в глубине подсознания. Конечно же, это был просто-напросто дурной сон. Я чувствовала сильнейшую усталость, но снова заснуть уже не смогла бы. Сидела, уткнувшись головой в колени, до тех

пор, пока не наступило утро. Тогда я пошла в свою комнату, надеясь, что дневной сон будет более спокойным. Зайдя в ванную и сняв с себя одежду, я увидела их...

Два больших синяка на ребрах справа и слева, как раз в тех местах, где ведьма упиралась коленками.

Уже прошло много времени с тех пор, как я поклялась самой себе никогда не звонить маме, чтобы просить совета, помощи, поделиться чем-то личным или узнать ее мнение. Любая подобная беседа обычно заканчивалась одним расстройством: с таким же успехом мы могли бы общаться на разных языках. Все ее ответы сводились к банальностям и пошлостям. «Вики, почему бы тебе не научиться соглашаться с вещами, которые проверены временем? Если бы ты сначала думала, а потом делала, то ты бы не попала в подобные неприятности». Я начинала приходить в бешенство от ее высказываний и пыталась добиться от нее конкретного ясного ответа. Но она была не в состоянии ответить, начинала защищаться, затем выкатывала глаза, начинала отчаянно стонать и иногда даже что-то выкрикивать в мой адрес, при этом в своей сбивчивой речи упоминая больницу и тот день, когда она родила меня.

И вот сейчас, стоя в пижаме, я судорожно набирала ее номер.

Телефон прозвонил семь раз. Мама считала, что нужно обязательно дожидаться, чтобы телефон издал семь звонков, потому что это к удаче.

— Алло?

— Мама?

— Вики! Ты в порядке? — Ее голос звучал немного панически.

— Да-да. Со мной все хорошо. Почему со мной должно быть что-то не в порядке?

— О, Вики, предостережения Басшебы не выходят у меня из головы. Прямо тяжелым кирпичом засели у меня в мозгах. Ты едешь домой?

Несмотря на свои страхи, я начинала раздражаться.

— Нет, я не собираюсь домой.

— Ты не можешь бороться со своей судьбой, Вики. Когда-нибудь ты должна будешь принять ее.

— Откуда тебе известно, что именно сейчас я стою не на верном пути? — спросила я.

— Потому что я чувствую это, к тому же Басшеба конкретно меня предостерегала. Человеку, имя которого начинается с буквы «В» нужно остерегаться потусторонних сил.

Я не стала говорить, что деятельность Басшебы далека от того, чтобы она могла давать конкретные прогнозы и напомнила себе, что это я была инициатором этого звонка и лучше мне спросить то, о чем я хотела, как бы болезненно для меня это ни было.

— Мам, я так плохо спала. Меня мучили ночные кошмары. Ты много всего читаешь на эту тему. Так вот, ты случайно не знаешь, что означает, когда спишь, как будто бы вне своего тела? Или как будто попадаешь в ловушку собственного тела?

— О, Вики! — клянусь, ее голос звучал довольно. — Так оно и есть. Именно об этом Басшеба мне и говорила.

— Я считаю, это просто ночные кошмары...

— Завтра я собираюсь встретиться с ней. Я спрошу ее обо всем. Я возьму

какой-нибудь из твоих старых шарфов, какую-нибудь вещь, которая хранит твою энергетику.

— Мою энергетику?

— Мне нужно рассказать ей, что тебе снилось, — сказала она. — Подожди, я только возьму ручку...

Я услышала, как она отложила в сторону телефонную трубку и перевела дыхание. Какого черта я делаю, советуясь со своей мамой? Тревожный сон не был для меня чем-то новым, тем более после таких глобальных перемен в жизни. Синяки могли появиться после того, как я неудачно повернулась во сне... Я чуть было не повесила трубку, пока она отходила, когда наступил момент полного просветления в мозгах и нелепые страхи последних двух ночей показались смешными.

— Ты еще там, Вики?

— Да, — ответила я мрачно.

— Я должна сказать, я очень счастлива, что ты наконец-то пришла к моему образу мышления.

— Мама, я...

— Теперь расскажи мне о своих кошмарах. Что произошло?

Я вздохнула, понимая, что зашла слишком далеко, чтобы отступить назад.

— Ведьма. Она приходит, садится мне на грудь и пытается меня задушить.

— О Вики! Тебе надо возвращаться домой.

— А еще человечек из леса говорит, что не хочет причинять мне вреда.

— А, Вики, все абсолютно ясно. Ты совсем запуталась и сошла с нужного пути.

— Откуда ты знаешь, какой у меня путь?

— Я знаю, что ты идешь не по нужной дороге. Хроническая бессонница тому подтверждение. Не надо спорить с очевидными вещами.

Я прикусила язык. Сама напросилась.

— Я не сомневаюсь, еще все повторится, — произнесла мама уверенным голосом. — Я посоветуюсь с Басшебой. А пока тебе нужна какая-то защита от злых духов.

— Где я ее возьму? — Мне казалось, что я начинаю уподобляться своей маме.

— Я спрошу у Басшебы. Позвони завтра вечером. А сейчас, Вики, я хочу, чтобы ты хорошо подумала о своем будущем, о том, что тебе в самом деле нужно.

— Ты можешь предложить что-то более конкретное?

— Не сражайся с судьбой, Вики. Это опасно, — вздохнув, произнесла она.

— Спасибо, мам, — сказала я, стиснув зубы. — Я перезвоню тебе.

Разговор с мамой, суеверной до безумия, помог мне. Я стала думать о том, как бы мне выспаться. Когда я вернулась в свою комнату, дождь стал затихать, но ветер подул еще сильнее, завывая в деревьях и стуча в окна. Я залезла в кровать, закрыла глаза, но не могла уснуть. Ход моих мыслей не давал мне расслабиться. Мама, ведьма, Скрипи, Гуннар, Магнус, синоптические наблюдения, радар, мама, ведьма, Скрипи...

Я встала.

Сон, а вернее, приготовления ко сну, всегда было для меня настоящей пыткой. Я предпочитала быть активной, бодрствовать, и, чтобы заполнить время,

мне вздумалось побродить по острову.

Вернувшись обратно, я опять легла, закрыла глаза и попробовала заснуть. Ничего не получилось. На этот раз в этом не были виноваты мои блуждающие мысли. Мне показалось, что внизу, в холле, раздаются шаги. Я прислушалась. Ничего. Ветер продолжал свирепо выть. Сосны гнулись и трещали, и дверь, закрытая на замок, мягко вздрагивала под напором ветра. Укутавшись в одеяла, я попыталась не прилагать больших усилий, чтобы заснуть.

Тогда я и услышала его.

Стук. В дверь моей комнаты. Три отчетливых удара.

Сев в кровати и натянув одеяло до подбородка, я затаила дыхание.

Наверное, мне показалось, больше на острове никого нет, значит, некому стучаться в мою дверь, похоже, какой-то предмет стукнулся об нее.

В конце концов способность дышать вернулась ко мне. Больше никакого стука. Только завывания ветра. Закрыв лицо руками, я застонала. Мне хотелось только одного: просто быть дома, рядом с мамой, лежать в своей старой кровати и спать, спать, спать. От бессонницы у меня болели глаза, как будто в них попал песок, а мозги готовы были выскочить наружу. Шея болела, спина ныла. Хотелось заплакать, но от усталости не было сил. Ночь прошла, наступило пасмурное утро. Я уже не могла отличить, где право, а где лево.

Теперь только одна мысль была у меня в голове. Мне нужно где-то поспать, но только не у себя и не в комнате для контрольных исследований. Тогда меня осенило лечь в кровать Гуннара. Подойдя к двери и широко распахнув ее, я вспомнила стук, который слышала прошлой ночью и резко выглянула в коридор. Я была абсолютно одна. Закрыв за собой дверь, я пошла к кабине моего друга и тут увидела странный предмет, лежащий около цветочного горшка. Я нагнулась, чтобы разглядеть его поближе. Это было подобие маленькой клумбы из веток, а в центре торчал блестящий черный камень, изрезанный какими-то непонятными буквами. И было трудно понять, создала ли его природа или он — ручной работы. Я осмотрелась. Возможно ли такое, что он все время лежал на этом месте, а я просто не замечала этого?

Конечно же, этого не может быть.

Скорее всего я каждый раз проходила мимо и не замечала.

Мне требовалось поговорить с Гуннаром. Мне было необходимо позвонить Магнусу и сказать ему, чтобы он немедленно возвращался, прямо сейчас. Бросив камень в уродливую клумбу, я помчалась на свое рабочее место и позвонила на мобильный Магнуса. Мне ответил автоответчик, попросивший меня представиться, что я и сделала: «Магнус, это Виктория. Перезвоните мне, пожалуйста, как только сможете». Положив трубку, я взяла записную книжку шефа, где были указаны номера всех сотрудников. Я понятия не имела, где именно в Амстердаме остановился Гуннар, но его родители в Осло могли знать. Их номер был указан. Набирая его, я молилась, — чтобы трубку взял отец Гуннара — англичанин, а не мать.

— Алло... — Женский голос говорил по-норвежски. Черт. Не повезло.

— Мм... Вы говорите по-английски?

— Кто это?

— Ах, прошу прощения. Мое имя Виктория Скотт. Я подруга Гуннара, мы работаем вместе здесь на острове Одина...

— О, Виктория, Гуннар рассказывал о вас. Меня зовут Ева Холм, я мама Гун-

нара.

— Рада познакомиться. Я бы хотела...

— Гуннара здесь нет.

— Я знаю. Он в Амстердаме.

— На самом деле, он уже на пути домой. Я жду его дома завтра.

— Завтра? — Значит, еще одна бессонная ночь ждала меня впереди. Я почти что всхлипнула.

— Все в порядке?

— Мне нужно поговорить с ним. Вы можете передать, чтобы он позвонил мне?

— Конечно же, я передам. Моя дорогая, у вас очень взволнованный голос.

— Просто я не выспалась, — сказала я, пытаюсь разговаривать спокойно и размеренно.

— Гуннар рассказывал, что вы страдаете бессонницей.

Зачем Гуннар рассказывает своей маме все эти подробности? Я разозлилась на него, видимо, из-за своей усталости, но потом опомнилась, осознав, что молчу уже несколько секунд.

— Виктория?

— Да, да. Я совсем одна на острове, к тому же плохо спала, и если бы Гуннар позвонил мне и помог... с оборудованием, это было бы очень хорошо.

— Конечно же, я передам, что вы звонили.

— Спасибо. До свидания.

— До свидания, дорогая. Надеюсь, вам удастся выспаться.

Положив трубку, я почувствовала себя расстроенной из-за того, что так и не поговорила с теми людьми, с которыми хотела. Посмотрев на часы, я решила вернуться к работе, надеясь дождаться звонка Магнуса. Но он так и не перезвонил. В четверть первого я заставила себя пойти в комнату Гуннара. Дождь прекратился, и ветер разогнал тучи. На небе не было видно ни облака. Закрывшись изнутри, я намеренно не стала прикасаться к книгам Гуннара, чтобы, не дай Бог, не спровоцировать нечистую силу вернуться сюда, и залезла в кровать.

Повсюду чувствовался его запах, немного сырой. Я закрыла глаза и мгновенно провалилась в глубокий сон.

Когда я проснулась, было темно. Но не совсем. Шторы на окнах были открыты, и свет со станции проникал в комнату. Его комната не была такой темной, как моя. Посмотрев на часы, я поняла, что проспала шесть часов, но, судя по своему состоянию, могла проспать еще шесть или даже шестнадцать. Я пошла к окну и закрыла шторы, но в этот момент что-то мелькнуло у меня перед глазами.

Все небо было покрыто разноцветными полосками.

— Вот это да! — вырвалось у меня. Радуга. Раньше мне никогда не приходилось видеть этого явления и, сжав руки, я прильнула к стеклу, чтобы лучше разглядеть ее. Дуги бледно-оранжевого и зеленого цветов перекинулись с одного конца неба на другой. У меня был порыв открыть дверь и выскочить. Прежняя Виктория, несомненно, так бы и поступила, но нынешней было очень страшно. Я боялась, потому что Гуннар заронил семя страха в моей голове... Радуга означает, что к острову приближаются воры. Это не имело под собой абсолютно никакой логики, но я не смогла заставить себя выйти. Вме-

сто этого я подошла к задней двери и проверила, надежно ли заперт замок.

Глава 9

Спасибо постели Гуннара, пусть и пропахшей плесенью, но зато позволившей мне выспаться, в конце концов. Когда прошла усталость и в голове прояснилось, истерия последних сорока восьми часов стала казаться мне все менее и менее оправданной. Я до сих пор не чувствовала себя полностью комфортно — опускала голову вниз и опрометью пробегала в главное здание, когда пора было выполнять очередное задание, и с такой же скоростью возвращалась обратно — но постепенно у меня начала появляться уверенность, что, возможно, где-то поблизости кроется рациональное объяснение. Наверное, стук в дверь был вызван резкими порывами ветра; странный камень, лежавший около комнаты Гуннара — это осколок, отломившийся от цветочного горшка; ночные кошмары — это смесь историй о привидениях, которые рассказывал Гуннар, а еще и — стресс. А так как сон — это мое слабое место, все страхи и активизировались во время него.

Посвежевшая и отдохнувшая к трем часам утра, я села за письменный стол Гуннара и включила его компьютер. Войдя в Интернет, я стала искать сайты, где могла узнать что-нибудь о сонном параличе. Или о ведьме. О ней здесь было написано много всего. Я прочитала, что все с этим связанное, относится к общему расстройству сна, что злые духи, возможно, не существуют, и не важно, что вы ощущали общение с ними как наяву, *этого не бывает*.

Укрепившись в своей уверенности, я полезла дальше. Информации о психосоматических травмах было предостаточно, в основном касательно стигмы, когда люди истекают кровью, поранив конечности, имитируя раны Христа. Пара незначительных ссадин на ребрах ничего не значила по сравнению с этим. Я быстро перескакивала со страницы на страницу, радуясь, что со мной не все так плохо.

В конце концов я решила узнать, что могли означать буквы, вырезанные на камне. Я нашла сайт, где рассказывалось все о рунах. Эти буквы использовали викинги. Теперь я догадалась, вспомнив фотографии Гуннара, на которых он одет как викинг, что камень, который валялся около цветочного горшка, принадлежал ему. Изображения различных букв из рунического алфавита мелькали передо мной. Неожиданно бросилось в глаза изображение, какое я видела на найденном камне, — руна, защищающая от злых духов. Откинувшись на спинку стула, я зевнула. Мама будет счастлива; она говорила мне, чтобы я нашла какую-нибудь защиту, и вот она найдена. Тут я застонала, вспомнив, что швырнула камень куда-то в грязь. Что мне теперь делать — ползать на четвереньках и искать его?

Я удивилась, насколько зависима от страхов я стала, оставшись одна на острове.

Неважно, в каких отношениях была я со злыми духами, а появляться в комнате для контрольных исследований мне было необходимо, минимум дважды в день, через каждые двенадцать часов. Сначала нужно зайти в водородную камеру, а потом — в контрольную комнату. К утру воскресенья я окончательно осмелела и стала относиться к окружающему миру как к абсолютно нормальному явлению. Я только что отошла от радара, как раздался телефонный

ЗВОНОК.

— Алло?

— Виктория, это Магнус. Что случилось?

— Извините?

— У тебя такой перепуганный голос на автоответчике. — Он хмыкнул. — Я знал, что если оставлю тебя одну так надолго, вся твоя бравада исчезнет...

— Я нормально себя чувствую, и у меня не был перепуганный голос, — произнесла я, пытаюсь придать злые нотки своей интонации. — Я просто хотела уточнить по поводу оборудования, которое мы установили в лесу. Здесь дожди шли, не прекращаясь. Вам нужно, чтобы я проверила его? — Я так убедительно говорила, что заставила Магнуса почувствовать себя виноватым. Пусть не думает, что все женщины склонны к истерии, как Марианна.

— Действительно, Виктория, это чудесная идея. Проверь все.

— Отлично. Я все сделаю.

Черт меня дернул.

— Запиши показания в журнал. Он лежит у меня на рабочем столе. В синей обложке.

— Можете считать, что все сделано.

Одна в лесу. Мне следовало подумать, прежде чем открывать рот.

— Ты уверена, что не боишься находиться на острове в Норвежском море в одиночестве? Привидения не докучают тебе?

— Нет, со мной все в порядке, — ответила я спокойно.

— Я рад это слышать. Думаю, в среду увидимся. А пока до свидания.

— До свидания.

Положив трубку, я почувствовала себя расстроенной, и не из-за подколов Магнуса, а из-за того, что уже в среду все они вернуться, а я так и не получила никакого удовольствия, находясь на острове совершенно одна. Скорее наоборот, мое пребывание здесь можно назвать пыткой. А замучившая меня бессонница чуть не довела до психоза. Я стукнула пальцами по столу. Снова зазвонил телефон. Я была уверена, что это Магнус, решил еще поиздеваться надо мной.

— Алло, Вики?

— О, Гуннар.

— Ты удивлена? Ты же просила позвонить.

— Да, да, я просила. — Я готова была просить кого угодно. Гуннара, Магнуса, свою маму. Боже, мама. — Спасибо, что перезвонил. Как Амстердам?

— Здорово. Мама сказала, что ты была очень взволнована, когда звонила.

Я положила голову на стол.

— Да, я была в легкой панике. Совсем не могла спать, и какие-то непонятные вещи стали происходить, как только я осталась одна.

— Правда?

— Ночью меня мучили кошмары... ведьма.

— Сон, как наяву...

— Да, да. Но это был не сон, потому что у меня на ребрах остались синяки.

— Они до сих пор там?

Здрав пижаму, я посмотрела.

— М-м... нет.

— Тебе могло померещиться.

— Нет, Гуннар.

— А что-нибудь еще было?

— В четверг ночью, кто-то стучался ко мне в дверь. А утром я нашла за дверью каменную руну.

— Откуда ты знаешь, что это руна? — спросил он.

— Я потом посмотрела. Изображение руны, защищающей от злых духов.

— Защита. Ну, это хорошая вещь.

— Но откуда она взялась? Я надеялась, это ты оставил?

— Нет, это не мое. Но Нильс, который раньше жил в твоей комнате, интересовался историей и стариной, так же как и я. Может быть, это осталось от него, а ты просто не замечала. А что касается стука, ты же говоришь, что почти не спала. Тебе могло...

— Я знаю, мне могло это показаться. А что, если не показалось, Гуннар? Что, если я не одна на острове?

Гуннар хихикнул.

— А не ты ли скептически относилась ко мне, когда я рассказывал тебе разные истории про остров Одина? Но не волнуйся. Ты одна, Вики.

— Откуда ты можешь быть так уверен? А как же воры? И я видела радугу...

— Давай по порядку. Во-первых, ты не боишься ничего сверхъестественного, не так ли? Ведь это ты рассказывала мне, когда мы только познакомились, что не веришь в привидения.

Я подумала о ведьме и о синяках: но, возможно, их появление объяснимо.

— Нет-нет, конечно, не верю.

— Во-вторых, мог ли действительно кто-то еще быть на острове?

— Вот этого-то я и боюсь.

— Этого не может быть. Ты бы услышала или увидела, если бы кто-то высадился на острове, и я не верю, что кто-то мог причалить к берегу.

— Почему?

— После того как ты поговоришь со мной, я хочу, чтобы ты прогулялась по лесу к озеру. Полюбуйся на него еще разок. Вот увидишь, там нет никакого маленького судна.

— А как насчет большого?

— Они должны покинуть остров тем же путем, каким приплыли на него, поэтому, если увидишь там лодку, по крайней мере, будешь знать, что на острове есть еще кто-то кроме тебя. Тогда позвони Магнусу, а потом можешь запереться и сидеть в комнате.

— Вместе с ведьмой.

— Да это просто сон, Вики. Ты же понимаешь.

Он был прав. Я прекрасно все понимала. Первый раз с того момента, как все уехали, я почувствовала, что пришла в себя. Разумная, бесстрашная Виктория. И, наверное, одинокая.

— Спасибо тебе, Гуннар, — сказала я. — Спасибо, что позволяешь мне быть такой... уязвимой и не смеешься надо мной.

— Всегда пожалуйста. Я даже представить не могу, до чего же тебе должно быть одиноко.

— Не знаю, одинока ли я, но просто...

— Ты можешь звонить мне в любое время, Вики. Хоть посреди ночи. Я буду здесь до утра вторника, а потом еду в Олесунн и сажусь на «Ёнсок».

— Как будет здорово снова увидеться с тобой. — Это была правда, и мне было все равно, если мои слова давали ему слабую романтическую надежду. — Я сделаю то, что ты мне сказал. Мне нужно проверить приборы Магнуса, а потом я пойду на берег. Акт бесстрашия будет хорошей терапией.

В этом новом настроении уверенности в себе я вышла из комнаты Гуннара, решив, что пижама загрязнится, если я буду ходить в ней, и поэтому надо переодеться в повседневную одежду. Надев джинсы и черную спортивную кофту с капюшоном, взяв со стола журнал Магнуса с ручкой в нем, я направилась к своей цели. Оставив позади себя жилые домики, я смело вошла в лес, насквозь промокший от проливных дождей, и почему-то уверенности во мне поубавилось. Уже знакомое чувство страха от встречи с привидениями вернулось ко мне. Наклонив голову, я решила не думать об этом и сконцентрировалась на своих шагах, пытаясь идти ритмично. Осознание своей беспомощности охватило меня. Я была одна на целом острове, в самом его центре. Я не привыкла чувствовать себя полностью незащищенной. Обычно я чувствовала себя уверенной и полной сил. Но здесь, в густом лесу на Острове Одина, мне казалось, что я тростинка, и порыв ветра может поднять меня в воздух и унести. Были ли эти ощущения следствием моего недавнего психического расстройства? Я и подумать не могла, что, оставшись одна, стану так бояться всего. Магнус был прав? Я осталась одна и испугалась, как маленькая девочка?

Отгнав эти мысли, я продолжила считать шаги. Эти бессмысленные подсчеты ничего не значили. Через двадцать минут я пришла на то место, где мы с Магнусом установили оборудование. Большой кусок скалы торчал из земли, как клык. Прислонившись к нему спиной, я посмотрела в небо. Очень неприятное чувство нахлынуло на меня. *Что-то плохое произошло здесь.* Я встряхнула головой, выпрямилась и оглянулась. Ничего ужасного вокруг не происходило. Хороший весенний день. Вдали слышался шум моря, и меня окружали холодные зеленые деревья. Солнечный свет, хотя и слабый, но все же проникал сюда. Воздух был свежий.

Магнус установил мониторы в земле, отметив их местонахождение красными флажками. Открыв журнал, я увидела внутри ручку очень дорогой фирмы. Я осторожно взяла ее, боясь выронить, когда переходила от одного монитора к другому, записывая показания в журнал. Мой почерк казался детским по сравнению с аккуратными буквами Магнуса. Сосредоточившись на работе, я немного расслабилась и, найдя место, освещенное солнцем, присела и стала листать рабочие записи Магнуса. Большая часть из них была сделана на норвежском языке. Стало припекать, и я засучила рукава, а когда подняла голову, то увидела темную фигуру, перемещавшуюся между деревьями вдалеке. Сердце учащенно забилось; я резко вскочила. Может, это просто игра света? Я уставилась на стену леса, но больше ничего не увидела, кроме теней, падающих от деревьев. Прислушалась, но различила только шум моря и ветра.

Это уже становилось интересным.

Гуннар был прав. Мне самой нужно было пойти на берег и своими собственными глазами убедиться, что я одна на острове. Я пошла, ориентируясь на шум воды, надеясь, что ветер, дующий с Норвежского моря, унесет в туман глупые страхи.

Когда деревья стали редеть, ветер стал сильнее задувать мне в уши. Морская пучина ревела, а берег был серым и пустынным. Накинув капюшон, я по-

дошла к самой кромке воды, где волны ударяли о песчаный край, и осмотрела берег. Он был пустой; широкий и пустой. Там, где заканчивался берег, начинались скалы: никто не мог причалить к ним на лодке. А вглядываясь в бушующую воду, я усомнилась еще больше в том, что кто-то мог причалить и находиться где-то поблизости. Я почувствовала облегчение; было абсолютно ясно, что никакие воры или бандиты на остров не приплывали.

Я в самом деле была совершенно одна. И не только здесь на острове, но вообще в жизни. Я от рождения была одинокой и знала, что умру тоже в одиночестве. Это было так ужасно и трагично, что мне захотелось плакать. Какими научными объяснениями воспользоваться сейчас? Повернувшись спиной к морю, я направилась обратно.

В воскресенье, в десять тридцать вечера, как и положено, я вышла из своей теплой комнаты и направилась к подсобке, чтобы проверить баллон. Затем заглянула в водородную камеру, быстро окинув взглядом оборудование. Сейчас все эти задания сделались для меня настолько знакомыми и привычными, что я могла выполнять их, не задумываясь, но все же я оставалась предельно внимательной. Во время работы мне было легче не заикливаться на мыслях, то и дело вертящихся у меня в голове. Я намеренно дольше обычного задержалась в комнате для контрольных исследований, вышла из нее уже за полночь (уже наступил понедельник) и, спустившись вниз, отперла дверь.

Прохлада тихой ночи заставила меня поежиться, и мне захотелось поскорее вернуться в теплое помещение. Чувствовался доносившийся запах моря и хвои, и я помню, что сделала глубокий вдох, задержав дыхание.

Раздался звук. Я обернулась. Мужская фигура стояла прямо передо мной. Сердце у меня в груди всколыхнулось и ушло в пятки, и я открыла рот, чтобы закричать.

Он схватил меня за запястье и сказал:

— Пожалуйста, пожалуйста, не кричи. Я не выношу этого.

Глава 10

Все же я закричала. Это был не такой истошный крик, какой можно услышать в фильме ужасов; скорее что-то среднее между звуком, который издает шокированный человек, и стоном безнадежно обреченного. Мой ночной кошмар принял очертания реального человека. Все мои предыдущие попытки убедить себя, что я одна на этом острове, теперь оказались ненужными. Я попыталась вырваться, но он только крепче схватил меня за руку. Внутри все перевернулось и миллион сценариев развития событий разыгрался у меня в голове за несколько мгновений.

Потом он сделал шаг вперед, свет от станции упал ему на лицо. И все изменилось.

— Ты... — Я открыла рот, чтобы назвать его имя, но не знала его. Хотя во мне была уверенность, что я должна знать. Он казался таким знакомым.

— Прости, что напугал тебя.

Он отпустил мою руку, я отпрянула назад, понимая, что мне нужно бежать, запереться у себя и срочно звонить Магнусу, но я стояла перед ним не дыша и просто смотрела. Он был очень привлекателен. Темно-коричневые волосы открывали широкий лоб и волнами спадали на плечи. Глаза были почти черного цвета, широко посаженные, и что-то хищническое было во взгляде; он носил неопрятную козлиную бородку. Тело казалось мускулистым, но движения были плавными. А руки — бледными и длинными. В его образе сочетались атлетический склад тела и утонченность, но вместе с этим чувствовались сила и мощь. Какое-то непередаваемое словами чувство стало нарастать во мне, и я ощутила, что когда-то уже испытывала это чувство, но было это очень давно, а когда, я не могла вспомнить.

— Кто ты? — спросила я.

— Мое имя Видар, — ответил он со слабым акцентом, с которым разговаривали Магнус и Гуннар. — Не убегай. Я обещаю, что не причиню тебе зла.

— Я знаю это, — ответила я.

Он улыбнулся, и снова знакомое ощущение не дало мне ровно дышать. Я знала, что никогда раньше не встречала этого человека, но такая мощная вспышка в моем сердце говорила об обратном.

— Я очень рад, что ты знаешь, — сказал он облегченно.

— Как ты попал сюда?

— На Остров Одина? Я был здесь несколько дней, но я не могу сказать тебе, как я попал сюда. Прости.

Его отказ объяснить свое появление здесь вызвал во мне подозрение. Неужели он приплыл на пароме и прятался в лесу? Гуннар говорил, что это отличное место, где можно затаиться. Может быть, он скрывается от закона.

— У тебя неприятности?

— Не спрашивай меня больше, я все равно не смогу объяснить. Я понимаю, что тебе трудно доверять мне, когда я так мало говорю, но ты должна доверять.

Я улыбнулась.

— По крайней мере ты не привидение.

— Нет, не привидение. — В ответ он не улыбнулся: его глаза неотрывно смотрели на меня, и он пожал плечами с каким-то внутренним беспокой-

ством. — Тебя зовут...

— Виктория.

— Виктория, — произнес он. — Это красивое имя.

— Спасибо. — Тут я впервые заметила, что он одет в коричневую тунику и брюки с кожаными полосками, перетянутыми на коленях. Его одежда напоминала костюм Гуннара, в котором он был на фотографии, висевшей над его столом.

— Ты друг Гуннара?

— Я не знаю никого по имени Гуннар.

— Твоя одежда...

— Я испачкался и замерз, — сказал он. — Ты могла бы мне помочь, Виктория?

Я отвела его в кабину Гуннара, так как не могла придумать что-то еще. Оставить его за дверью в темноте, пока я пойду за одеждой, не пришло мне в голову, хотя это, очевидно, было бы более разумно. Еще, наверное, я поступила так потому, что у меня не было чувства, что я могу потерять ценные вещи. Потому я и привела его в комнату Гуннара, решив, что какие-то из его вещей могут подойти незнакомцу — к тому же в сумраке ночи было плохо видно, а мне хотелось рассмотреть его при свете.

— Ты хочешь принять теплый душ? — спросила я.

— Душ?

Я показала на ванную комнату.

— Иди. Я найду тебе что-нибудь из одежды.

Я зашла в спальню Гуннара и в его шкафу нашла спортивные брюки и скомканную белую футболку, которая по размеру казалась больше, чем другие. Видар был примерно одного роста с Гуннаром, но не такой худой. Выйдя из спальни, я увидела Видара стоявшим в ванной и со смущенным видом разглядывающим душ.

— О, он немного необычный, — сказала я, подходя и протягивая ему одежду. Мои пальцы коснулись его запястья; у него была очень теплая кожа. — Вот, тебе надо установить нужную температуру, а потом... повернуть этот кран.

Теплая вода полилась сверху.

— Когда вымоешься, поверни кран и снова поставь на ноль.

Его взгляд перешел с крана на одежду, которую он держал в руке, а потом на меня. При ярком свете он выглядел смущенным и уставшим. Вокруг глаз темные круги.

— С тобой все хорошо?

— Да-да, — ответил он быстро. — Я пойду в душ.

— Отлично. Полотенце там. Мыло тоже. Я подожду на кухне.

Я вышла, закрыв за собой дверь, и проходя мимо кровати Гуннара, с грохотом врезалась в нее. Что я делаю? Я не знаю откуда, но я наверняка знала, что Видар не преступник. Откуда во мне была такая уверенность? О, без сомнения, он попал в беду. Зачем ему прятаться на острове в лесу? Но я была больше заинтригована им, чем напугана. В нем было что-то незащищенное, какая-то неуверенность сквозила в его взгляде, какая-то нерешительность чувствовалась, когда он собирался что-то сказать — и все это несмотря на его физическую силу. Я потеряла запястье в том месте, где он держал мою руку.

Я подошла к окну, открыла его и наклонилась, чтобы вдохнуть прохладный воздух. Далеко в лесу шелест и глухой звук эхом прокатились по деревьям, но мне не было страшно, как всего лишь несколько часов назад. Теперь я встретила не какого-то сверхъестественного монстра, а простого человека.

Я услышала, как выключился душ, и затаила дыхание. Привлекательные образы возникли у меня в голове: его ровная обнаженная спина, мощное покато плечо... Я встряхнула головой, чтобы прогнать их. Мое влечение к Видару оставалось загадкой для меня: он был совсем не в моем вкусе. Патрик и Адам были короткостриженные, хорошо одетые, щеголи. Оба были мужчинами того типа, которые платят деньги за маникюр.

Через какое-то время Видар с мокрыми волосами стоял в столовой в одежде Гуннара.

— Все подошло? — спросила я.

— Как раз, — улыбнулся он мне. — Я произвел на тебя слишком сильное впечатление. Мне надо идти.

— Идти? Куда идти? Остайся. Поговорим. — Внутренний голос, прямо как будто «голос» моей мамы, подсказал мне, чтобы я говорила не с таким отчаянием.

Он откинул волосы с лица.

— Ты разрешаешь?

— Конечно, садись. Хочешь чего-нибудь поесть? Ты, наверное, проголодался.

— Я взял еду с собой и уже поел. — Он сел в кресло, стоявшее напротив меня, и оглядел комнату.

— Тогда, может, стакан вина, — предложила я, надеясь, что запасы Гуннара еще не иссякли.

— Вина? — медленно повторил он, — нет, спасибо тебе, Виктория. — Он изучающее смотрел на меня некоторое время, а потом спросил:

— Почему ты так добра ко мне?

— Потому что ты... потому что я... — слова просто не шли. Затем он перевел взгляд на окно, и я снова смогла говорить. — Ты кажешься мне таким знакомым, — проговорила я мягко.

— Я? — спросил он, не глядя на меня.

— Я знаю, мы не были знакомы, но...

— Возможно, я напоминаю тебе кого-то. Твоего брата или отца.

— У меня нет ни того, ни другого.

— Старого друга.

— Мы же не встречались раньше, не так ли?

Он повернулся ко мне.

— Ты знаешь ответ.

Между нами наступило молчание. А потом я засмеялась, и напряжение исчезло.

— Я могу только догадываться.

Он посмотрел на меня загадочным взглядом, но как будто не слышал, что я говорю.

— Что ты делаешь здесь, Виктория?

— Я научный работник. Я наблюдаю за погодой. А ты? Чем ты занимаешься?

Он повернул голову в сторону и сжал губы, задумавшись. Наконец он сказал:

— Я мастер резьбы по дереву.

— А-а. А что ты делаешь на Острове Одина?

— Я не могу рассказать тебе. — Он наклонился вперед и опустил глаза. — Мне так жаль, Виктория, но я не могу рассказать.

— У тебя неприятности, правда?

— Можно и так сказать.

Я вздрогнула.

— Ты что-то натворил?

— Кто-то может считать, что натворил. Но на самом деле я ничего такого не сделал. Ты не должна думать обо мне ничего плохого.

— Ты уверен? — спросила я мягко.

— Я не совершал никакого преступления, — сказал он. У него был напряженный взгляд почти что отчаявшегося человека. — Но я нарушил правило.

— Теперь ты еще больше запутал меня.

Он махнул рукой, внезапно изменившись:

— Ты очень добрая, Виктория, но мне нужно вернуться в свой лагерь и высушить одежду у костра.

— В твой лагерь?

Он жестом показал на окно.

— В лесу.

— Но там же холодно. Ты можешь лечь спать в...

Я осеклась, потому что не могла предложить ему кровать Гуннара. Я до сих пор не знала, кто он. Вдруг он окажется беглым вором, и было бы нечестно по отношению к Гуннару оставлять Видара в его комнате, где находятся личные вещи, компьютер, диски. Я не могла предложить ему остаться у себя, потому что, несмотря на свое расположение к нему, я не была совсем идиоткой; помочь с одеждой — это одно, но остаться на ночь в одной комнате...

— Виктория?

Я вспомнила о подсобном помещении.

— Ты можешь лечь в подсобке, — сказала я.

Видара нужно было убеждать. Хотя ночь была спокойной и ясной, я уверяла его, что вокруг острова ходят дождевые тучи. Я принесла ему из бельевого шкафа одеяла, подушки, заперла все комнаты и постелила ему кровать в подсобном помещении. Оглянувшись, я хотела убедиться, что ему будет нечего украсть. Тряпки, чистящие средства, использованные детали от оборудования, синий журнал Магнуса, старые книги. Удачи ему, если он решит поживиться чем-нибудь отсюда, чтобы продать потом на рынке.

— Я ничего не возьму, — сказал он, словно догадавшись о моих мыслях. — Я не вор.

— Я в этом не сомневаюсь, — быстро сказала я.

Он улыбнулся мне доброй улыбкой.

— Спасибо, Виктория. Ты хороший человек. Надеюсь, что когда-нибудь смогу отблагодарить тебя.

Я поспешила к двери.

— Не стоит благодарности. Я просто надеюсь, что ты хорошо выспишься.

— Я в этом уверен, — сказал он, задержав на мгновение пристальный

взгляд. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Закрыв за собой дверь, я поспешила в свою комнату, уже предчувствуя бессонную ночь. Мои мысли были взбудоражены, а в сердце полыхало пламя. Лежа в безопасности, в своей теплой постели, я подумала о Видаре, и чувство умиротворения и счастья накрыло меня. Ничто больше не беспокоило меня. До самого утра.

Утром я более тщательно подбирала одежду. Надела теплое платье и даже накружилась — впервые за целую неделю. У меня дрожали руки, когда я открывала дверь своей комнаты: ноги подкашивались, а сердце ушло в пятки. Я не знала: было это желание или страх, или то и другое вместе, но я чувствовала слабую тошноту, как будто выпила много кофе и бодрствовала всю ночь.

Я направилась к главному зданию. В воздухе висел запах моря. Я открыла дверь в подсобную комнату и заглянула.

Там никого не было.

Осознание произошедшего: Видар ушел, забрав одежду Гуннара и белье, которое я дала ему. Журнал Магнуса был открыт и... это правда, о, Боже... его фирменная дорогая ручка исчезла.

Я подергала дверь, ведущую в само здание, но, естественно, она была заперта. Выбежав наружу, я быстро огляделась вокруг. Потом посмотрела в сторону леса. Без сомнений, он там. Прячется. Скорее всего, я была права: наверняка поделщики высадили его на острове, чтобы потом забрать с награбленным. Я кинулась в комнату отдыха проверить, все ли там на месте. Она была по-прежнему заперта, но я все же заглянула внутрь (ничего не пропало) и пошла дальше по коридору.

— Ну, я надеюсь, твой приход стоил этой чертовой ручки, — пробормотала я, возвращаясь в главное здание. Я злилась на саму себя. Какой же надо быть идиоткой, чтобы довериться незнакомцу? Когда я села за письменный стол в комнате для контрольных исследований, мрачные мысли полезли мне в голову. Была ли я в безопасности, находясь с ним на острове? Я была так незащищена, а кто знает, возможно, его намерения гораздо хуже, чем просто воровство дорогостоящей ручки?

Я уронила голову на стол. Мое дыхание громким эхом отдавалось у меня в ушах. Интуиция подсказывала мне, что он не причинит мне вреда, но в последнее время доверять интуиции стало слишком опрометчиво...

Зазвонил телефон, возвратив меня к реальности.

— Алло?

— Ах, Виктория, я надеялся, что застаю тебя здесь.

— О, Магнус. — Я почувствовала вину и стыд — от этого мое лицо начало гореть.

— Я возвращаюсь в Осло и завтра встречаюсь с остальными. Мы собираемся выпить и будем скучать без тебя.

Ах, как здорово: дружеские посиделки с коллективом. Я вздохнула.

Магнус хмыкнул.

— Не беспокойся. Мы устроим вечеринку, когда все вместе соберемся на острове в среду. Как там дела?

Я открыла рот, чтобы рассказать: «Здесь, на острове, посторонний мужчи-

на, и он украл вашу золотую ручку, а я сейчас же запираюсь на все замки». Но вместо этого я произнесла:

— Все отлично. Нечего рассказать.

— Молодчина. Ты прекрасно работаешь, Виктория.

— М-м-м... спасибо. Я высоко ценю вашу похвалу.

— Тебе следует отдать должное, Виктория. Ты умная девушка и способная. В общем, я считаю, что принял верное решение, наняв тебя на работу, — сказал он без тени иронии. — Сейчас мне нужно спросить у тебя что-то важное.

Я схватила ручку и лист бумаги.

— Говорите.

— Ты считаешь, что это не очень-то хорошо для босса, когда он начинает испытывать романтические чувства по отношению к кому-то из своих подчиненных?

Его слова сбили меня с толку.

— Простите?

Его громкий смех в трубку прорезал мне ухо.

— Не волнуйся, Виктория. Речь идет о Марианне.

— О Марианне?

— Мы встречались вчера за ленчем, а потом прогулялись по пляжу. Она поцеловала меня.

Я понимала, что он хочет услышать мое мнение, но сказала:

— Магнус, я не уверена, что являюсь тем человеком, у кого вам следует спрашивать о подобных вещах, — сказала я.

— Виктория, ты женщина, а я очень ценю женское мнение.

— Ну... я... если она... я хочу сказать... — Я не могла связать двух слов, удивляясь, почему я так смущаюсь, хотя смущение должен чувствовать он. Я швырнула ручку на стол.

— У молодых людей все это так просто и легко, — вздохнул Магнус. — Ты и Гуннар в том возрасте, когда можете думать о любви и разговаривать о любви, и никто не посмотрит косо.

— При чем здесь мы с Гуннаром?

Он хмыкнул.

— Виктория, это же очевидно всем нам, что между вами что-то... что-то есть.

— Нет-нет. Мы только друзья.

— По-моему, Гуннар так не считает, — сказал он голосом озорного школьника. — Он сам говорил мне, что... — О, правда, он же просил меня не говорить об этом.

— Кстати, — продолжил Магнус, — вся эта романтика не только для молодых. А ты знаешь, сколько мне лет, Виктория?

Я догадывалась, но не ответила.

— Нет.

— Пятьдесят один, — объявил он тоном, как будто сделал важное открытие. — Так-то!

Я догадалась, что сейчас моя очередь выразить удивление.

— О! — сказала я.

— Я знаю, что не выгляжу на свой возраст. Мне нравится следить за собой, держать себя в форме. Но я уже немолодой человек, а мне хочется завести на-

стоящий роман.

— Тогда, я думаю, вам нужно убедить в этом Марианну, — сказала я, надеясь положить этим конец разговору.

— Но я не знаю, подходит ли она мне?

— Тогда, возможно, не стоит. Магнус, у меня для вас есть плохие новости. Это был единственный способ сменить тему разговора.

— Плохие новости?

— Ваша ручка. Я брала ее с собой, когда ходила в лес проверять оборудование, а сейчас не могу ее найти. Я думаю, что где-то выронила ее.

— Что! Ох, Виктория, чем ты думала, когда брала ее в лес?

— Она была заложена в журнал. Я только потом поняла. Мне так жаль.

— Эта ручка была коллекционной. Сделана в ограниченном количестве!

— Я знаю-знаю. Извините меня.

— Ты можешь пойти и поискать ее?

— Я попробую.

Он забыл о Марианне, и о романтике, и о своих годах и стал давать какие-то бессмысленные задания, которые я должна выполнить до их приезда. Все записав, я с облегчением положила телефонную трубку.

Откинувшись на спинку стула, я почувствовала странное опустошение. Неприятное ощущение исчезло. Видар не был романтическим героем, а просто обычным вором, мой босс был поставлен в известность о том, что случилось с его ручкой, и на ближайшие два дня остров снова в моем распоряжении. В компании с самой собой мне было скучно; я устала от бесконечных монологов, подсчетов и мыслей, витавших у меня в голове.

Но больше всего я думала о Видаре, понимая, что это нелепо. Я не знала его, но он попросил доверять ему, и я поверила, а теперь, возможно, больше никогда не увижу его.

Мне хотелось увидаться с ним. Мне хотелось этого очень сильно.

Глава 11

За последние несколько дней я ничего не ела кроме хлеба и сыра, которые были у меня в комнате, и поэтому пошла в столовую, чтобы перекусить, собираясь приготовить что-нибудь из овощей, чтобы не умереть с голоду. Поджарив картошку, я понесла ее в комнату отдыха, чтобы там поесть. В большом пространстве эхом разнеслись мои шаги и стук от поставленной тарелки.

Шаги около двери. Я подняла глаза. Видар. Он стоял там, в одежде Гуннара, не двигаясь и не говоря ни слова. Укол страха. Зачем он вернулся? Я подскочила на месте.

— Виктория? — сказал он наконец, и озадаченное выражение появилось на его лице. — Что-то случилось?

— Ручка Магнуса, — выкрикнула я.

— Чья?

— Я не стану вызывать полицию, если ты прямо сейчас исчезнешь.

Да, интересно, сколько времени понадобится полицейским, чтобы добратся сюда?

— В полицию?

— Ты взял ручку Магнуса, — сказала я со злобой.

Он нащупал что-то в кармане спортивных брюк Гуннара.

— Эта ручка?

Он подошел ближе, вытягивая перед собой руку.

— Почему тебя это так напугало? Ты вся дрожишь.

Я выхватила ручку.

— Потому что я не думала, что ты окажешься лгуном и вором, и я хочу знать, чего еще от тебя можно ожидать.

— Нет-нет, Виктория. Я не крал эту ручку. Я не знал, что она такая ценная, а взял ее просто на время, чтобы начертить карту, понимаешь?

Он развернул кусок бумаги и протянул мне.

— Мне было не совсем удобно в той комнате, и поэтому я решил вернуться в свой лагерь. Я специально для тебя нарисовал эту карту, чтобы, если понадобится, ты могла найти меня, и я смог бы отплатить тебе чем-то за твою доброту.

Я перевела взгляд с его лица на карту, а потом снова посмотрела на него. Синяки под глазами говорили о бессонно проведенной ночи.

— Ты должна поверить мне, Виктория, — сказал он мягким голосом. — Я не лгун и не вор.

— Тогда объясни, какого черта ты делаешь здесь? — спросила я, стараясь контролировать свой голос. И когда он открыл рот, я сказала:

— Только не говори мне эту чушь, что ты не можешь мне рассказать. Я совершенно обыкновенный человек, и у меня нет высокопоставленных друзей, кому я могла бы все передать, и если ты уверяешь меня, что не нарушал закона, тогда что особенно изменится, если ты расскажешь мне правду?

Он опустил голову.

— Прости меня, Виктория. Возможно, уже совсем скоро ты поймешь, но я...

— Просто скажи, от кого ты скрываешься?

Видар засучил рукава и выставил локти, жестикулируя, как восьмилетний мальчишка. На внутренней стороне левой руки я заметила длинный шрам, а

на правом запястье — следы от кнута.

— От моего отца, — прошептал он, — ни в коем случае он не должен узнать, где я.

— Твой отец? Ты боишься своего отца?

Он резко выпрямился.

— Нет, конечно же, нет. Не за себя. Я боюсь того, что он может сделать... с теми, кого я люблю. — Он провел рукой по своим длинным волосам. — Он очень влиятельный человек.

Подозрительно. Кто его отец? Глава всемирной корпорации? Миллиардер? Разве в Норвегии есть королевская семья? Я раньше не встречала мужчин, похожих на Видара: несмотря на привилегированное окружение, они хотели избежать участи своих семей, не повторить их судеб. Это я могла понять.

— Звучит так, будто он может все, — сказала я.

Видар грустно улыбнулся.

— Да, он может.

— Он действительно может навредить людям, которых ты любишь, чтобы наказать тебя?

— Да, может. — Теперь глаза Видара сделались тусклыми, и он отвел их в сторону. — Он уже сделал это.

— Просто потому что так ему вздумалось?

— Нет, по своим причинам.

— Так что же он сделал?

Засунув руки в карманы, он покачал головой.

— Ты бы не поверила, если бы я рассказал тебе.

Я почувствовала внутри легкий холодок.

— Хочешь чего-нибудь поесть? — я переменила тему разговора, — там еще осталось на сковородке.

— Я бы не отказался, — произнес он в нерешительности. — Последние дни я ел только хлеб с сыром.

— Как и я. Подожди здесь.

Когда я вернулась с тарелкой, он сидел на противоположном конце стола. Я предложила ему китайские палочки, которыми сама ела, и он очень внимательно стал рассматривать их.

— О, извини, ты никогда не пользуешься палочками?

— Нет.

— Тогда я тебе дам нож и вилку.

— Ложку, пожалуйста, — крикнул он мне вслед.

Я села за стол вместе с ним и наблюдала, как он ест. Интересно, все члены скандинавской королевской семьи так орудуют ложкой?

Он поднял на меня глаза.

— Почему ты ела только хлеб и сыр?

— На самом деле по твоей вине.

— По моей вине?

— Ну, не совсем. Ты видишь, что я здесь совсем одна. Обычно нас здесь восемь человек, но сейчас в Швейцарии проходит Всемирная метеорологическая конференция, и я вынуждена одна следить за станцией. Мне было страшно, и я пряталась в своей комнате. Из леса доносились какие-то странные звуки, возможно, это был ты. А еще снились такие страшные сны.

— Ты же понимаешь, что в твоих ночных кошмарах я не виноват?

— Это конечно. Знаешь, у меня бессонница. Я часто не могу заснуть, а когда сильно переутомляюсь, то, может быть, мне и видятся разные вещи.

Он не встретался со мной взглядом и сосредоточился на еде.

— А что это за вещи? Что тебе снится?

— Ведьма, — сказала я. — Хотя я знаю, что ее не существует, но такое ощущение, что она и правда есть.

Он аккуратно положил ложку, подставил руки под подбородок и внимательно посмотрел на меня:

— Продолжай, расскажи мне об этой ведьме.

— Я была парализована, а она вошла и села мне на грудь. Откуда-то я знала, что она хочет задушить меня.

Неестественный страх снова охватил меня, хотя был день, и я была не одна. Мурашки, как гусиная кожа, покрыли мои руки.

— А потом еще приходил Скрипи, — сказала я, — стараюсь говорить твердым голосом. — Человечек с соломенными волосами, который предостерегал меня от водяного.

— А ты боишься водяного, — сделал он вывод.

— Да я не верю во все это, а ты?

— А я верю, что герои рассказываемых историй могут оживать и, возможно, в каждой легенде есть правда, взятая из жизни. И если это так, то надо быть очень осмотрительной, особенно в тех местах, где водится водяной. — Едва заметная улыбка коснулась уголков его рта, и я не могла определить, насколько серьезно он говорит. — Расскажи мне еще раз тот сон, когда тебе снился человек... ты назвала его Скрипи?

— Он встретил меня в лесу... я имею в виду... это звучит глупо. — Я нервно засмеялась. Какое впечатление я произвожу на незнакомого человека? — Конечно же, это был сон, а сны часто бывают дурацкие. Он сказал, что не причинит мне вреда, и поведал, что его зовут Скрипи, а я потом нашла, что на древнескандинавском...

— Фантом. Да. Я знаю.

— Ты знаешь, но откуда мне было знать? Как я во сне могла узнать это слово? Я никогда раньше его не слышала.

Он пожал плечами и вернулся к еде.

— Может быть, это был не сон?

— Ха-ха. Забавно. Кстати, теперь я понимаю, что это за странные звуки и тени были в лесу, и не чувствую себя так плохо в этом месте. Сейчас я не одна.

Закончив есть, Видар поднялся. Я почувствовала разочарование, от того что он собирается уходить.

— Ты уходишь?

— Я и так отнял у тебя слишком много времени. Тебе нужно работать.

Я подумала обо всем происходящем, о том, как я пряталась в комнате у Гуннара, не говоря уже о тех бессмысленных заданиях, которые Магнус диктовал мне по телефону. Видар был прав. Мне нужно возвращаться к работе.

Он перебрал мне карту через стол.

— В этом месте ты можешь меня найти. Если захочешь навестить меня...

Я взглянула на карту. Его лагерь находился в километре на северо-запад от той площадки, где было установлено наше оборудование.

— Благодарю тебя, Виктория, — сказал он, нежно дотронувшись до моего плеча. — Благодарю за твою доброту и доверие. До свидания.

— Пока. — Я смотрела, как он уходит, представляя, как в полночь приду к нему. Глупо, наверное. Может быть, он хочет заманить меня в ловушку. Больше я не стала развивать эту мысль. Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности и знала, что он добрый, честный, хороший, и была уверена, что ничего страшного не случится, если после работы я последую по этой тропинке в лес.

Полагаю, что конец любой тропинки редко можно увидеть в самом ее начале.

Начало смеркаться, и в небе зажглись звезды, а легкий ветерок закачал верхушки деревьев. Вдалеке шумело море. Я закрыла станцию и пошла в столовую. Разогрев суп, я налила его в термос, взяла две чашки, а еще положила в пакет четыре булки.

Всего двадцать четыре часа назад мысль о том, чтобы одной идти в лес ночью, была для меня недопустимой. Сейчас я страшилась находиться здесь в изоляции, слушать шуршание ветра и смотреть на одинокие звезды в темном небе. Где-то в животе я ощущала сладкое напряжение, предвкушая что-то долгожданное, и по телу пробегала дрожь, делая мою кожу болезненно чувствительной. Когда я нашла тропинку в лесу, уже было совсем темно и ветки деревьев напоминали замороженные руки примитивных ночных чудовищ. А в голове снова и снова мелькали одни и те же мысли. Это было нереально. Кто я и что я делаю? Во время этой прогулки по заросшим и мрачным дорожкам леса, я открывала себя. Моя одержимость заставила меня сделать шаг в неизвестность. Почему странный незнакомец с черными глазами и мягким голосом так непреодолимо манил меня к себе.

Пламя огня мелькнуло у меня в глазах, и я пошла по направлению к нему. Видар сидел спиной ко мне, но я почувствовала по его напряженным плечам, что он знает о моем приходе.

— Ты пришла, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я принесла тебе еду.

Я подошла к костру. Одеяло, которое я дала ему прошлой ночью, лежало на земле. Я устроилась на нем, поставив термос и чашки.

— Суп из тыквы. Надеюсь, он тебе понравится.

— Я уверен, что понравится.

Я кинула на него мимолетный взгляд, когда разливала суп. Он был взломаченный, на щеках появилась щетина, а футболка Гуннара была в грязных пятнах, похожих на сажу. Я попробовала угадать его возраст: точно старше меня, может быть, лет тридцать пять. Он быстро перехватил мой взгляд, а потом наклонился вперед и подбросил сук в огонь.

— От огня уютно и тепло, — сказала я, протягивая ему чашку с супом и круглую булку.

— Я заметил, что не могу засыпать без него, даже летом, — сказал он. — Я так привык к его тихому потрескиванию.

— Получается, ты не можешь спать, когда гроза?

Он отломил кусок хлеба и окунул его в суп.

— Да, и когда слышу другие звуки.

Я скинула свою куртку.

— О, извини. Я всегда ношу ее в помещении. Там вечные сквозняки.

Мы ели в тишине несколько минут. Он еще ни разу не улыбнулся мне и почти не смотрел на меня, но я не чувствовала холодности, исходящей от него. И я не испытывала неловкости и неудобства, находясь с ним рядом, как это обычно бывает в таких случаях. Наоборот, он казался мне таким знакомым, хотя мы почти не разговаривали.

Потом он стряхнул крошки с пальцев и спросил:

— Почему ты здесь?

— Здесь, с тобой? Или здесь, на острове?

— И то, и другое. — Он улыбнулся. — Начни с острова.

— Я приехала сюда в качестве стажера. Я помогаю в климатологических исследованиях.

— Нет-нет. Я не спросил, чем ты здесь занимаешься. Я хотел знать, что привело тебя сюда?

Я откинула прядь волос с лица.

— Я убегала от своей матери, — сказала я, а потом наигранно засмеялась. — Хотя раньше я никогда не задумывалась об этом.

— Почему ты бежишь от своей матери?

— Потому что боюсь стать похожей на нее.

Он кивнул.

— Тогда мы абсолютно понимаем друг друга.

— А ты боишься стать похожим на своего отца?

— О, да.

— Готова поспорить, он не такой плохой, как моя мама.

— Спорю, что это не так, — быстро ответил Видар со смехом. — Но в этом не стоит соревноваться. — Он встал и протянул мне руку. — Пойдем, прогуляемся немного по лесу.

Я почувствовала внутренний толчок. Он помог мне подняться, и мне показалось, что он неохотно выпустил мою руку из своих пальцев. Я пошла за ним в холодную ночную прохладу, ожидавшую в глубине леса.

Я забыла взять свою куртку и теперь ощущала небольшой озноб.

— Этот лес всегда казался мне до странности знакомым, — сказала я. — Это так чудно.

— Может, ты просто бывала здесь раньше, — ответил он.

— Нет, я бы помнила.

— Раньше. Когда ты еще не была Викторией.

Это никогда не приходило мне в голову. Скорее это было в духе моей мамы.

— Ты имеешь в виду переселение душ? Ты в это веришь?

— Не знаю. А ты?

— Нет. Я в такие вещи не верю.

— Вообще ни во что?

— Ни во что, что я не могу объяснить. Бог, привидения, чтение мыслей, переселение душ.

— Даже если бы ты увидела Бога, или почувствовала бы прикосновение привидения или прочитала бы чью-то мысль, все равно не поверила бы?

— Такого никогда не случалось.

— Но если бы случилось?

Слабый ветер освежил мне лицо. Я почувствовала легкий привкус соли.

— Тогда бы я переоценила все, — ответила я. — Было странно, что я не раздражалась, обсуждая эту тему, как бы скептически я ни была настроена.

— Я не думаю, что ты стала бы рассуждать по-другому.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что мне кажется, с тобой уже происходили какие-то необъяснимые явления, а ты так и продолжаешь не верить ни во что.

По телу пробежал холод.

— Что ты имеешь в виду?

— Скрипи, — ответил он.

— А, это.

— Разве он не разглядывал тебя через свои соломенные волосы глазами маслянисто-черного цвета, а его руки и пальцы не были худыми и бледными?

— Да. А откуда ты знаешь?

— Я так думаю, он лесное существо, — сказал Видар. — Я много знаю об этом. В местных историях часто рассказывают о лесных существах.

Я сжала пальцы.

— Тогда понятно. Наверное, я тоже видела что-то такое по телевизору или в книгах в детстве. Если об этих существах из сказок знают и дети и взрослые, я тоже с удовольствием послушаю. — Я была очень удовлетворена собой, так как мне показалось, что Видар пытается навязать мне свою точку зрения.

— Извини, — сказала я, — но я атеистка до мозга костей.

— Да ничего, — сказал он совершенно спокойным голосом.

Мы удалялись в темную чащу, проходя мимо теней, все больше погружаясь в запах хвои и соли. Случайно я задела его рукой, и между нами прошел электрический разряд. Мы в бескрайнем лесу, над нами холодное бездонное небо, и ни души на много-много километров вокруг.

— Значит, ты веришь в сверхъестественные вещи? — спросила я.

— Я видел много странных вещей.

— Например, что?

— Расскажу как-нибудь в другой раз. А ты ответила только на половину вопроса. Зачем ты здесь? Здесь, со мной?

Этот вопрос застал меня врасплох, и я даже споткнулась, потеряв равновесие.

— С тобой все в порядке? — спросил он, придерживая меня рукой под локоть. Мы остановились, оказавшись лицом друг к другу. Я смотрела на него, поднимая глаза, а он — на меня, опустив глаза вниз. Ветер растрепал его волосы, его глаза светились в темноте.

— Виктория?

— Да со мной все нормально, — произнесла я, обретая дар речи. — Я здесь, потому что ты интригуешь меня.

— Я?

— Да. Это вовсе не в моем характере... сразу скажу тебе, чтобы ты не подумал ничего такого.

— Я знаю тебя очень хорошо, — произнес он почти не слышно, потому что разгулявшийся ветер унес его слова.

Меня охватило волшебное чувство, ощущение того, что произойдет что-то хорошее. Я думала, что он собирается поцеловать меня, но он потихоньку отошел назад, отпустив меня. Я вздрогнула.

— Ты замерзла, — сказал он, — надо возвращаться к костру.

— Я не против, — ответила я, но он уже шел впереди. Я последовала за ним, и мы прошли участок, где были расставлены приборы. В темноте красные флажки Магнуса были не видны. Мне снова показалось, что что-то должно произойти.

— Мы здесь проводим исследования, — показала я рукой на местность.

— Здесь? — В его голосе послышалась настороженность.

— Честно говоря, это место вызывает во мне неприятные эмоции.

— Возможно, это плохое место.

— Ты помнишь? Я атеистка до мозга костей.

— Конечно, — засмеялся Видар. — Я уверен, это совершенно обыкновенная местность, в самом обычном лесу на самом обычном острове.

— Все совершенно обычно, пока не приглядишься внимательнее, — сказала я с грустью. В этот момент Видар казался похожим на романтического героя, но я знала почти наверняка, что при более длительном общении он может оказаться обычной заурядной личностью. — Кроме погоды, — добавила я мягко.

— Ах, погода. Знаешь, было время, когда люди верили, что боги контролировали погоду.

— А еще считалось, что земля плоская.

— Хочешь сказать, что этого не было? — Я уловила слабую улыбку на его губах и засмеялась.

— Нет.

Мы приблизились к костру, и я почувствовала волнение и разочарование, потому что хотела, чтобы он поцеловал меня, но он не сделал этого, когда был подходящий момент. Значило ли это, что он не хотел целоваться со мной?

— Видар, — сказала я, — сколько ты пробудешь на острове?

— Не могу сказать.

— Мне кажется, я знаю, как ты попал сюда. — Я имела в виду свое предположение, что кто-то высадил его на берегу.

— Ты не знаешь, и я не могу сказать.

— Ты весь окутан тайнами, — произнесла я вызывающим тоном.

Он повернулся ко мне, и огонь осветил его лицо. На нем читалось напряжение.

— Я не специально так веду себя, Виктория. Я в самом деле не могу тебе рассказать... не рискуя...

Он говорил мягко, но уверенно.

— Извини, — я накинула куртку. — Мне пора идти.

— Виктория, не злись на меня, — сказал он печальным голосом и с такой нежностью, что это напомнило мне о чем-то... о чем-то прекрасном. Он поднял термос и чашки и протянул их мне.

— Но тебе нужно идти и нужно поспать.

— Нет, в одиннадцать мне надо перезаправить баллон. — Я посмотрела на часы. У меня еще было время, и мне так не хотелось возвращаться и сидеть одной.

— Можно я еще ненадолго останусь?

Он жестом показал, чтобы я села.

— Конечно, я был бы рад. Ты можешь рассказать мне о своей матери.

Я рассказывала ему разные истории о своей семье, и было так приятно сидеть при свете костра, болтать и смеяться. Но беседа была односторонней, потому что я не осмеливалась попросить его рассказать мне о себе, о его непростых отношениях с отцом. И чем больше я открывалась ему, тем загадочнее и таинственней становился он для меня.

Наконец пришло время уходить. Я попыталась не выдать своего расстройства, когда собирала вещи. Я всё еще надеялась, что он поцелует меня.

Эта встреча по ощущениям чем-то напоминала мне мое первое свидание, но для него это, видимо, было не так. Я стояла и ждала, чтобы попрощаться, пока он подбрасывал поленья в костер.

— Спокойной ночи, Виктория, — произнес он наконец, отрывая взгляд от огня и поднимая на меня глаза. Прядь волос прикрыла ему лицо.

— Приходи опять к обеду завтра, — сказала я. — Я приготовлю для тебя что-нибудь.

— Не могу. Это было бы не правильно.

— Я никому не скажу.

— На станции я чувствую себя не совсем удобно, — сказал он. — Извини. Но у тебя есть карта, и ты теперь знаешь, где я разбил лагерь. Если бы ты пожелала снова встретиться со мной...

— Я найду тебя, — тихо сказала я.

Даже намеком он не показал, что услышал меня.

— Спокойной ночи, Виктория.

— Спокойной ночи.

Весь следующий день моя работа казалась мне невообразимо скучной, тупой и бесполезной. Несмотря на отказ Видара, в глубине души я надеялась, что он все же придет. Но его все не было. Время тянулось. По небу поплыли тучи, и я испугалась, что дождь сорвет мои планы сесть рядом с ним возле костра и на этот раз осмелиться и поцеловать его.

Стемнело, но дождь не пошел. Теперь Видар лежал около костра и глядел в небо.

— Я слышал, что ты идешь, — сказал он. — Ты никогда не сможешь быть хорошим охотником.

— А я никогда и не стремилась к этому.

Он резко вскочил и схватил меня за руку.

— Пойдем, — сказал он.

— Куда? Я принесла тебе обед.

— Обед может подождать.

Он улыбнулся, и было видно, что вчерашняя напряженность сменилась хорошим настроением.

— Пойдем, я покажу тебе, как передвигается настоящий охотник.

Мне передался его энтузиазм, и я позволила ему увести меня от яркого костра в темноту леса.

— Во-первых, — сказал он, — тебе нужно уметь сохранять баланс. Тяжесть тела не должна перемещаться с одной стороны на другую.

— Как в балете, — ответила я, вспомнив уроки, которые я брала, будучи ребенком.

— Твои ноги должны быть чувствительны, так же как и руки. Если бы ты

научилась одними пальцами определять почву под ногами, тебе удалось бы избежать падения или возможности случайно наткнуться на сук.

— Мне нужно разуться?

— Нет. Тебе нужно, чтобы ноги были защищены, когда ты бежишь.

— Тогда как?

— Это практика. Продолжай, сделай шаг и не перекладывай вес на другую ногу, пока не почувствуешь под собой землю.

Я сделала, как он сказал, и палка под ногами сломалась с громким треском.

— Опс, — вырвалось у меня.

— Если ты слышишь, что шумишь, надо научиться маскировать этот шум.

Нагнувшись, он поднял небольшой камень, отвалившийся от скалы, и бросил его так, что он пролетел по земле, несколько раз ударившись о нее. Послышался звук, очень похожий на шаги убегающего животного.

— Это забавно.

— Я покажу тебе.

Следующие полчаса Видар обучал меня беззвучно передвигаться. Мне никогда до этого не приходилось этим заниматься, и поэтому я удивилась, насколько веселым оказалось это занятие. Темнота и тени от деревьев немного пугали; Видар был терпелив, и настроение у него было игривое.

— Главное — практика, и все получится очень быстро. У тебя хорошая грация.

Я почувствовала нахлынувшее удовольствие. Пожалуй, это было единственное словесное подтверждение того, что я могла быть привлекательна для него.

— Я стараюсь, но не думаю, что когда-нибудь буду охотиться. Я предпочитаю мясо уже в готовом виде. В этом случае не так чувствуешь вину, что ешь некогда живое существо.

Он улыбнулся.

— Знаешь, уметь прятаться так же важно, как и охотиться. Позволь мне показать, насколько бесшумно я могу действовать.

Я засмеялась.

— Зачем?

— Потому что я хочу показать тебе. Потому что это то, чем я горжусь. — Положив руки мне на плечи, он сказал: — Встань здесь и закрой глаза.

Я сделала, как он попросил, и подождала, пока он отойдет. Мне не удалось услышать ни звука от его движений, и через десять секунд я открыла глаза.

Его не было.

— Видар? — позвала я, все еще удивленная, но немного встревоженная. Хотя я и смотрела во все глаза, все равно слышала только звуки леса и легкий бриз, доносившийся с моря. Повернувшись, я огляделась по сторонам.

Слева от меня что-то мелькнуло, какая-то тень среди других теней? Мне сделалось очень одиноко, и я почувствовала себя брошенной в этом пустом месте. Вглядываясь в темноту, всматриваясь в предмет,двигающийся мне навстречу, я подумала, что это может быть он.

— Видар? Это ты?

Рука опустилась на мое правое плечо, и я вскрикнула от неожиданности: уж справа-то я его совсем не слышала, не видела.

— Извини, — произнес он мягким голосом, — я не хотел напутать тебя.

Я громко рассмеялась.

— Боже, я чуть не описалась.

Сказав это, я тотчас пожалела, но он тоже засмеялся, и было очень приятно слышать его открытый смех.

Потом он показал жестом, что направляется к своему лагерю.

— Становится холодно, — поежился он.

Он принялся за еду, скрестив ноги и держа перед собой миску, а я прилегла на сложенное одеяло. Языки пламени грели и освещали, и я почувствовала, как меня разморило. Боль, вызванная желанием, снова вернулась, и магнетизм между нами усиливался. Мы оба молчали несколько минут, изучая друг друга в свете огня.

— Сколько еще времени ты пробудешь здесь одна? — спросил он.

— До завтрашнего дня, — ответила я.

— До завтра?

— Завтра приплывает паром, и на нем приезжают все остальные сотрудники. Но ты не беспокойся, я никому не расскажу о тебе.

— А я не беспокоюсь. Вернее, беспокоюсь не об этом.

Снова тишина. Мой взгляд был прикован к его глазам, и мне показалось, в них я увидела желание, которое было во мне. Я встала и подошла ближе.

Он отвел взгляд и произнес нежно:

— Виктория, уже поздно.

— Но я...

— Тебе надо идти.

Я сильно смутилась.

— Да, ты прав, уже поздно. Мне пора вернуться, чтобы перезаправить баллон...

— Спокойной ночи, — сказал он голосом, полным нежности.

— Спокойной ночи, — ответила я, всем своим видом показывая, будто сильно занята сбором термоса и чашек. — Скоро увидимся.

— Спокойной ночи, — повторил он, и мне показалось, он испытывает неуверенность и даже боязнь, оттого что остается один. — Спокойной ночи, Виктория.

Я вернулась в свою комнату с горящим от смущения лицом и в полнейшем смятении. Я не могла раскусить его и до конца понять некоторые его слова или нюансы в поведении.

Но я была почти уверена, что он влюблен в меня. Или я ошибалась? Или нет? Возможно, он женат или собирается жениться, когда вернется домой. Может быть, именно от этого он бежал. А теперь он встретил меня и хотел...

Я могла бы завтра спросить у него. Не имеет значения, что это неудобно. Я должна знать, какой барьер существует между нами, ведь я знала, что он испытывает те же чувства, что и я.

На следующее утро я напрягала мозги, продумывая речь, одновременно накладывая много туши на ресницы. Чем глубже я уходила в лес, тем больше нарастали моя неуверенность и напряжение. Найдя место, где раньше горел костер, я увидела аккуратно сложенное одеяло, одежду Гуннара. Одежда была выстирана, висела на ветке дерева и сохла.

Мое сердце упало.

Я подошла, чтобы взять одеяло, и увидела фигурку, вырезанную из дерева,

которая лежала наверху. Она была размером с мою руку и напоминала одну из тех, что делали викинги — птица, склонившая голову и схватившая себя клювом за лапу. Видар упоминал, что он занимался резьбой по дереву, и мне было очень интересно, сделал ли он ее специально для меня. Никто никогда ничего не делал для меня.

Я увидела, что у меня палец в саже, и пристальнее посмотрела на фигурку. С одной стороны углем было написано единственное слово.

До свидания.

Глава 12

За пятнадцать минут до того, как должен был причалить «Ёнсок», я оделась потеплее, взяла плед, постелила его на бревно, и села дышать свежим воздухом и ждать паром. Фьорд был очень глубоким, и вода в нем — спокойной и темной, казалось, на тебя смотрят строгие родительские глаза. Небо было такого же цвета, как грифельная доска, и с него падали крупные редкие дождевые капли. Накинув капюшон и засунув руки в рукава, я смотрела в пространство между двумя высокими скалами, откуда с минуты на минуту должен был появиться паром.

Хорошо, что Видар исчез, сказала я сама себе. Не для того я ехала сюда, в это богом забытое место, чтобы потом мучиться от сердечных переживаний. Патрика и Адама мне было вполне достаточно. При сером свете дня воспоминания о Видаре казались мистическими. Его черные глаза и нежный голос, доносящийся из темноты; его категорический отказ рассказывать о себе; к тому же одежда, в которую он был одет, когда мы встретились в первый раз. Он был слишком загадочным, весь окутан тайнами и сильно напряжен. Все это было мне ни к чему. Я ничего не хотела.

И все же, несмотря на весь рационализм, я никогда до этого не чувствовала такой боли. Я чувствовала ее всем телом, и мне хотелось плакать и, закрыв глаза, думать только о нем и больше ни о чем, но я не могла себе этого позволить, потому что не хотела возвращаться в возраст тинейджера. Я была взрослой женщиной с двумя образованиями и множеством возможностей. Поэтому я сидела на холодном ветру и ждала, когда приедут остальные и можно будет поболтать и пошутить, выпить вина и выкинуть из памяти эту самую странную неделю в моей жизни.

Когда наконец-то вдалеке на серой воде появилась белая точка, я почувствовала смесь разочарования и облегчения. Когда паром причалил, я поймала себя на том, что высчитываю, насколько он опоздал, и какое процентное соотношение это время имеет к общему времени всего путешествия. Странно, но, находясь в компании Видара, я ни разу не произвела ни одного расчета в уме. Я поднялась на ноги и потянулась. Гуннар стоял на палубе и махал мне рукой. Я помахала в ответ и вымучила из себя улыбку. Паром причалил, и матросы стали выгружать на берег наши продовольственные запасы. Марианна раздраженно прошла по перекинутому мостику. Магнус, не отрываясь, смотрел на меня и даже не сделал ни одного движения в ее сторону, чтобы помочь ей сойти. Я поняла, что их роман не состоялся... Повернувшись, Магнус крикнул кому-то на нижней палубе, и двое тепло одетых детей — мальчик и девочка — в радостном возбуждении поднялись наверх.

— Виктория, познакомься, это Матиас и Нина, — сказал Магнус, представ-

ляя их мне.

— Привет, рада познакомиться, — сказала я, стараясь улыбаться, как мне казалось, обычно улыбаются детям.

— Они боятся разговаривать по-английски, — объяснил мне Магнус, когда дети промолчали в ответ. — Они побудут здесь неделю и убедятся, насколько безнадежен их английский, если только ты им не поможешь.

— М-м... я думаю, я не смогу, — произнесла я, подумав о том, что я сама знаю по-норвежски пару фраз. — Магнус, я нашла вашу ручку.

— М-м-м, хорошо.

Он сказал что-то детям, и они побежали в сторону от пристани, крича что-то друг другу, а Магнус смотрел им вслед. Гарсен и Фрида спустились вместе, и я сразу заметила новое сверкающее кольцо у нее на пальце. Ёзеф, Гордон и Алекс спорили с матросом, который неосторожно нес картонную коробку с «дорогим швейцарским бренди». Когда я увидела Гуннара, спускавшегося с парома, то решила, что он может обнять меня, и поэтому отвернулась и притворилась, будто наблюдаю за Марианной, убегающей от Магнуса и его детей.

— Как дела? — Он легонько дотронулся до моего плеча.

Я покачала головой.

— Я... я даже не могу это описать. Но думаю, все в порядке. Просто это была очень странная неделя.

— Магнус сильно волновался из-за того, что пришлось оставить тебя здесь одну.

— Да? Но он ничего не говорил мне по телефону.

— А он и не скажет, потому что считает это признаком слабости. — Гуннар показал рукой на свой чемодан. — Я хочу выпить кофе у себя в комнате. Не хочешь составить компанию?

— Хочу, с удовольствием.

Рядом с Гуннаром я почувствовала себя так спокойно, и день прояснился. Даже если Гуннар и заметил, что я провела несколько ночей в его кровати, виду он не подал. Мы пили кофе, пока он разбирал вещи и рассказывал мне, как много туристов из Англии бродит по улицам Амстердама, и о том, как его самый лучший друг сообщил, что собирается жениться, и о том, как сам он как-то ночью напился, а потом его мутило. Я слушала и смеялась в нужных местах, а он продолжал веселить меня. Я предложила ему помочь убрать в его комнате, и, когда мы подняли разбросанные вещи, вымыли посуду и протерли пыль, он наконец-то сказал мне:

— Послушай, я еще не слышал, чтобы ты снова рассказывала мне о том, что говорила тогда по телефону. Ты решила не возвращаться к этой теме?

Я засмеялась и покачала головой.

— Все обошлось, и, как видишь, я в полном порядке.

— Больше ничего такого не было? Привидения тебя не навещали?

— Нет, и здесь нет ничего смешного.

— А я и не пытаюсь смеяться, — сказал он с озорным огоньком в глазах. — Я абсолютно серьезен. Должно быть, подействовала руна. Как только ты взяла ее...

— Я не брала ее, — ответила я отстраненно.

— Нет? Но тогда где же она?

— Я выбросила ее в грязь.

Он взял меня за руку:

— Пойдем, надо ее найти.

— Гуннар...

— Пойдем, просто ради шутки.

Я последовала за ним через дверь черного хода, обходя забор между нашими кабинами. На краю леса, присев на корточки, я стала копать в грязи, разгребая осыпавшиеся иголки сосен.

— Послушай, может, лучше было бы заняться капитальной уборкой в твоей комнате? — спросила я.

— Это тоже неплохой вариант. Но раз уж мы здесь, и вдруг тебе попадетсЯ защита, лучше возьми ее, потому что неизвестно, когда в следующий раз тебе придется одной остаться на острове и встретиться с лесным существом. Пусть будет.

— Хватит издеваться, — ответила я. — Думаешь, мне было легко позвонить ночью и быть такой слабой?

— А я не издеваюсь. — Он сел на корточки и улыбнулся мне. — Виктория, мы ведь с тобой больше чем друзья, не так ли?

Я подняла голову и откинула прядь волос, упавшую на глаза, подумав, как я тогда еще не рассказала ему о Видаре.

— Да, конечно.

— Тогда позволь мне вести себя как твоему лучшему другу.

— Все правильно, мне надо быть не такой резкой, я знаю, но ты тоже должен понять меня. Моя мама совсем сдвинулась, и я не хочу стать такой же. Ты можешь подшучивать надо мной в чем-нибудь еще, но только не по этому поводу.

— Но у тебя нет ничего общего с твоей мамой. Ты же не сумасшедшая.

Я подумала обо всем, что случилось за эту неделю: истерия, мания, неблагоприятные поступки.

— М-м-м...

— Вот она! — Гуннар наклонился вперед, а затем поднялся, держа в руке руны.

— Ты нашел ее, здорово, — воскликнула я, чувствуя странное облегчение.

Он внимательно рассматривал ее.

— О, Вики, она совершенно потрясающая!

— Почему?

— Видишь это отверстие?

— Я так понимаю, оно необходимо, чтобы сквозь него пропустить цепочку.

— Да, но эту дырку проделал не человек, потому что ручная работа может нарушить всю магию. Возможно, она образовалась от воды.

Кончиком пальца он провел по краям отверстия.

— Это больше, чем просто к удаче.

— В каком смысле?

— Руны, найденные в воде, приносят удачу, а те, что с отверстием, удачны вдвойне, потому что их сила сохраняется намного дольше. — Гуннар потер камень пальцем и бросил его в свой карман. — Ну, раз тебе не нужно...

Я открыла рот, чтобы запротестовать, но остановилась. Зачем мне защита, если я не верю в привидения.

— Оставь себе, — сказала я, — мне она не нужна.

Вместе с паромом на станцию пришла почта. Я получила письмо от Саманты, в конверт были вложены фотографии ее нового бойфренда, с которым она познакомилась во Флоренции, а также письмо от мамы.

Дорогая Вики.

Я знаю, почему ты мне не перезвонила и знаю, что ты боишься, что с тобой что-то случится, поэтому понимаю, как ты себя чувствуешь. Я отдала Басшебе твой старый шарф, чтобы она смогла понять ситуацию. Есть хорошие новости и плохие. Начну с плохой.

Басшеба говорит, что ты перепрыгиваешь через собственную голову, особенно это касается твоего скептицизма, из-за которого ты остаешься незащищенной. Вокруг тебя витают разные сущности, которые интересуются тобой и относятся к тебе недоброжелательно. Хорошие новости — это то, что за тобой наблюдает дух, который поможет тебе, и ты должна ему доверять.

Также Басшеба говорит, что ты уже встретила мужчину, за которого выйдешь замуж и с которым проживешь до конца жизни.

Пожалуйста, очень прошу тебя, будь осторожной и позвони мне в скором времени!

Люблю, мама.

Я отложила письмо, чувствуя, что у меня округлились глаза. Ну, возможно, Басшеба была права и Видар был Тем Самым, хотя я не была уверена, что наша встреча еще когда-либо состоится. И, кстати, не следовало доверять кому-то по имени Басшеба, несмотря на ее способности. Я легла на кровать, и мои мысли обратились к Видару.

К реальности меня вернул стук в дверь. На пороге стоял Магнус, а за его спиной — дети, смотревшие широко раскрытыми глазами, их губы были сжаты.

— Ах, Виктория. Скажи, могу ли я попросить тебя об услуге?

— Конечно. — Я заволновалась. Магнус улыбался одной из своих самых очаровывающих улыбок.

— Я понимаю, что ты работала семь дней без выходных, и помню, что обещал тебе четыре свободных дня, когда мы вернемся и... я надеялся, что Марианна присмотрит за детьми сегодня днем, но она занята неотложными делами, а у меня накопилось столько работы с бумагами...

— Вы хотите, чтобы я присмотрела за детьми?

Мой тон вынудил его сделать паузу.

— Только днем. Ты могла бы помочь им попрактиковаться в английском языке.

Матиас сказал что-то по-норвежски Нине, и она хихикнула. Магнус обернулся и посмотрел на них строгим взглядом.

— Я совсем не знаю, как обращаться с детьми, — прошептала я, наклонившись вперед, так чтобы дети не услышали меня. — А если я не справлюсь?

Магнус покачал головой.

— Они сами найдут себя занятия. Просто отведи их в комнату отдыха, налей им чаю и разговаривай с ними по-английски. — Видимо, он понял, что я

чувствую. — Пожалуйста, Виктория. Ты очень сильно выручишь меня.

Я расстроилась, потому что была научным работником, а не нянькой. Тем не менее Магнус был моим боссом, и я, находясь на отдаленном острове, должна была прислушиваться к нему, поэтому мне пришлось согласиться.

— Конечно, — согласилась я.

— Спасибо тебе огромное, — поблагодарил он, и голос его прозвучал даже чересчур искренне. — Матиас, Нина, вы остаетесь с Викторией сегодня днем и будете разговаривать только на английском.

Дети проводили его печальными взглядами, пока я надевала пальто. Закрыв за собой дверь, я сказала:

— Пошли.

Пахло морской солью вперемешку с хвоей. Я глубоко вдохнула.

— Сколько времени вы пробудете здесь? — спросила я, когда мы шли в комнату отдыха.

Матиас и Нина переглянулись, посмотрели на меня и пожали плечами. Похоже, они понимали по-английски еще хуже, чем я думала.

— Сколько вам лет? — попробовала я произнести очень медленно.

Нина невинно улыбнулась мне и покачала головой.

— Ясно, давайте пойдем и попьем чаю, — пробормотала я и повела их в столовую, где усадила за стол.

— Подождите здесь, — произнесла я и показала на стулья.

Матиас кивнул и сказал что-то Нине, девочка захихикала.

Марианна была на кухне и точила ножи.

— Привет, Марианна, — сказала я непринужденно, открывая дверцу холодильника, и достала шоколадное печенье и молоко.

Она посмотрела на меня жестким взглядом:

— Что ты собралась делать?

— Приготовить чай для детей Магнуса.

Марианна фыркнула, издав звук, похожий на горький смешок.

— О, он повесил их на тебя, да?

Я налила два стакана молока и выложила печенье на тарелку.

— Он сказал, что ты очень занята.

— Занята! Понятно. Да я отказалась сидеть с этими чертенятами снова. Они приезжают четыре раза в году, и когда он не может заниматься с ними, то вешает их на меня. Я еще на пароме сказала ему, что в этот раз не буду за ними смотреть и чтобы он договаривался с кем-то еще. — Скорость, с которой она точила нож, стала бешеной, и я сделала шаг назад. — Просить Фриду он тоже боится, разговаривать об этом с кем-то из мужчин бесполезно, поэтому следующей жертвой в его списке стала прекрасная новенькая стажерка. Ну, желаю тебе терпения с этими противными бестиями, Вики.

Я выждала пару секунд, чтобы все проанализировать.

— Вы с Магнусом в ссоре?

— Он просто свинья.

— А что он сделал?

Марианна опустила голову, изучая лезвие ножа.

— Я бы не хотела об этом говорить.

К моему ужасу, она начала плакать. Я положила свою руку ей на плечо.

— Мне надо идти, Марианна, но если тебе нужно с кем-то поговорить...

— Нет-нет, со мной все хорошо.

Я медленно поставила чай на поднос. Когда я вошла в комнату, они сидели там, где я им и сказала. Дети сами взяли чай, хихикая и разговаривая по-своему, лишь иногда хитро поглядывая на меня. Я решила попытаться еще раз заговорить с ними и произнесла одну из базовых фраз в английском языке.

— Матиас и Нина, как вы себя чувствуете сегодня?

Снова раздались смешки, а потом Матиас произнес на отличном английском:

— Наш отец — твой босс, и он говорит тебе, что нужно делать.

Я бросила на него резкий взгляд и сказала:

— О, так ты прекрасно разговариваешь на английском.

— Естественно, — произнесла Нина, протягивая руку за очередным печеньем.

— Так почему же вы раньше не отвечали на мои вопросы?

— Потому что это были дурацкие вопросы, — ответил Матиас.

Нина, повторяя мое произношение, сказала:

— Сколько времени вы здесь пробудете? Сколько вам лет?

Я сжала зубы и выдавила из себя улыбку.

— Как тогда насчет того, чтобы заткнуться?..

После этого я прослушала целый диалог на норвежском языке, и я уверена, что большая часть оскорблений была направлена в мой адрес, но мне было все равно. Это были всего лишь дети, а Магнусу следовало бы их знать получше.

Встреча сотрудников и распитие напитков были организованы в тот же вечер, и дети, предположительно, отправились смотреть видео в комнату Магнуса. Я сидела в комнате отдыха вместе с Ёзефом и Алексом и ждала остальных. Теперь, когда вокруг были люди, станция выглядела совсем иначе. Здесь было намного теплее и уютнее, здания казались безопаснее и надежнее, и тени в лесу больше не пугали. Была только одна вещь, которая расстраивала меня. С исчезновением Видара что-то оборвалось во мне, как будто пропало охотничье чувство. Он был чужим, частью леса и бескрайнего ночного неба. И с его отсутствием снова все стало обыденным.

Наконец вошел запыхавшийся Магнус и, извинившись за опоздание, сказал, что укладывал спать детей.

— Сегодняшнее собрание не будет длинным и скучным, — пообещал он, но в течение следующего часа никак не попытался сдержать свое обещание.

В восемь тридцать, когда Марианна принесла бутылку скотча и девять стаканов, Магнус вскинул руки и произнес:

— Подождите-подождите, еще одна тема на повестке дня.

Раздался коллективный стон, как будто каждый вздохнул про себя, но звук получился громкий.

Магнус улыбнулся.

— Поверьте мне, эта тема очень интересна. В Берне я разговаривал кое с кем из начальников других станций, и у них есть клуб, в котором они устраивают по средам небольшие пирушки, где отмечают общие праздники. Всем понравилось это сообщение?

Все начали переглядываться между собой.

Гуннар сказал:

— Продолжайте.

— Я предлагаю попробовать ежемесячно проводить такие вечера, и будем вычитать небольшую сумму из наших зарплат и отмечать праздники, например, Рождество. Такие вечеринки поддержат командный дух нашего коллектива. Сейчас, я думаю, нам стоит обсудить это, хотя бы потому...

— Звучит здорово, Магнус, — сказала я быстро.

— Прекрасная идея, — поддержал Гарстен, — я голосую «за».

— Я тоже, я тоже, — присоединилась Фрида, — не стоит это обсуждать.

— Хорошо, — произнес Магнус, довольный самим собой. — Какие будут предложения по поводу празднования первого события общественного значения? Предлагаю отметить то, что мы находимся на острове в середине Норвежского моря.

— Как насчет пикника? — сказал Гуннар. — Дни становятся теплее.

— На поляне, — предложила Фрида.

— Нет, около озера, — сказал Ёзеф.

— Ах да, озеро, — отозвался Магнус, — неплохая идея.

Итак, пикник около озера было решено устроить в ближайшую среду, и мы наконец-то принялись за скотч.

Все уже закончили пить, а я продолжала. Просто мне не хотелось ложиться спать, не хотелось, чтобы заканчивался день, когда я потеряла Видара, и не хотелось, чтобы наступал другой день, такой же как и все остальные. Я мечтала, чтобы мир вокруг стал другим, и для этого из доступных средств под рукой был алкоголь. Гуннар, который перегулял во время своего отпуска, отправился спать самым первым, следом за Гордоном, который дежурил сегодня ночью, потом удалились Алекс и Ёзеф, которых в последнее время я начала подозревать в том, что они любовники. За ними отправились спать Фрида и Гарстен, до сих пор официально не объявившие о своей помолвке, и остались только Магнус, Марианна и я.

Покачивая ногой в такт музыке и болтая всякую ерунду, я вдруг поняла что, возможно, Магнус и Марианна ждут, когда я оставлю их наедине, чтобы они смогли выяснить свои отношения. Я понимала это, но все равно не уходила, хотя Марианна за последние полчаса четыре раза сказала мне, что я выгляжу очень уставшей.

— Правильно, — согласилась я, раскачиваясь на стуле, — пойду, лягу.

— Спокойной ночи, — произнесла Марианна натянуто.

— Увидимся в...

Мне не удалось договорить, потому что в этот момент я потеряла равновесие и с грохотом рухнула на пол. Шок от падения был больше, чем боль в руке, которой я прикрылась, чтобы не удариться о спинку стула. Я напилась. И начала плакать.

— Эй, все в порядке. — Магнус уже стоял рядом со мной, помогая подняться. Он положил руку мне на плечи и произнес:

— Не плачь.

— Я не плачу, — всхлипывала я.

Помогая мне подняться, он спросил:

— Ты не поранилась?

— Я плачу не потому, что упала, — промычала я.

— Ч-ч-ч, это не важно. — Теперь Магнус прижал меня к себе и гладил по волосам. Уткнувшись ему в плечо, я всхлипывала, ненавидя себя и зная, что потом буду жалеть об этом.

Я услышала звук отодвинувшегося стула и подняла глаза. Марианна смотрела на меня и Магнуса.

— Я думаю, лучше оставить вас наедине?

Я отошла от Магнуса и откинула с лица прилипшие волосы.

— Не будь глупой, Марианна, это не...

— Желаю вам обоим хорошей ночи, — объявила она и, схватив пальто, бросилась к двери.

— Марианна! — крикнул Магнус, кинувшись за ней. Он схватил ее за руку, но она вырвалась и побежала, хлопнув за собой дверь. Магнус постоял немного у двери, а потом повернулся и подошел ко мне.

— М-м, простите, — сказала я.

— Ты не виновата. Марианна очень ревнует.

— Ревнует?

— Мы с тобой пытаемся сплоченно работать, но она считает, что ты и я...

У меня отвисла челюсть.

— Что?

— Я много говорю о тебе, — сказал он смущенно и улыбнулся.

Я скрестила руки на груди, чувствуя себя ужасно незащищенной.

— Не беспокойся. Она считает себя ущемленной. До того как ты приехала, она была самой привлекательной женщиной на острове. Я уверял ее, что между нами ничего нет, но она не верит.

— О, понятно. Простите меня в любом случае. Мне лучше... — Я сделала шаг по направлению к двери.

— Подожди, Вики, — сказал он. — Я только хотел спросить.

— О чем? — слабо выговорила я.

— Нет вообще никакого шанса?

— Какого шанса?

— Что между нами что-то может быть. Может, мы могли бы поужинать как-нибудь у меня в комнате. Что-то вроде свидания?

— Нет, — выкрикнула я и отошла от него. — Нет, нет, нет!

— Понимаю. Прости, что заговорил об этом. — Выходя из комнаты, он обернулся и сказал через плечо: — Не сомневайся, я не откажусь от своих слов.

В этот вечер я выпила слишком много, упала со стула, рыдала в объятиях своего босса, который потом подкатил ко мне. Что за представление!

Через несколько минут после того, как Магнус скрылся из виду, я надела куртку и вышла. В темноте был виден пар от моего дыхания. Я знала, что если лягу в кровать, то так и останусь в этом положении до утра, и буду прокручивать в голове все события этого чудовищного дня, все больше и больше ужасаюсь всему произошедшему, сравнивая его с двумя предыдущими вечерами, спокойно проведенными с Видаром. Сделав глубокий вдох, я почувствовала боль в груди. Я положила ключи обратно в карман и отправилась в лес.

Я шла около десяти минут, не понимая, в каком направлении двигаюсь, и без всякой надежды увидеть там Видара. Он попрощался и не сказал, что увидимся вечером. Тот, кто высадил его на берег, мог забрать его обратно.

Я вздохнула и стала вглядываться в лесную чащу. Меня окутывали темнота

и холод, а наверху тихо покачивались макушки деревьев. Легкий холодок пробежал у меня по спине, и я немного протрезвела. Поежившись, я направилась обратно к станции. Меня охватило отчаяние. Он ушел, и, как бы глупо это ни казалось, вместе с ним, как вода сквозь пальцы, ускользнул мой последний шанс найти свою любовь.

Глава 13

Как я и предсказывала, в эту ночь заснуть я не смогла, поэтому устроилась на кровати с книгой и чашкой растворимого кофе. Перелистывая страницы и читая, я все же поняла, что ни одно слово не осело у меня в голове. Я была слишком пьяна, и Видар не выходил у меня из головы — воспоминания о нем и тоска не отпускали меня.

Я резко вскинула голову, когда стукнула оконная рама.

Видар! Это должно было случиться.

Подойдя к окну, я приподняла штору и вгляделась в темноту. Мне ничего не удалось увидеть, но были слышны шаги, удаляющиеся в сторону леса.

Я насторожилась. А что, если это был не Видар? Что, если это?..

Кто, Вики? Один из монстров, в существование которых, как ты клянешься, ты не веришь?

Это должен был быть Видар, он все еще на острове, и он дал мне знать, чтобы я шла за ним в лес. На часах было три утра. Он не стал бы рисковать разбудить кого-нибудь, проходя мимо их комнат, если бы не хотел вызвать меня. Схватив куртку, я толкнула дверь и выбежала в коридор, но тут же остановилась, сделав пару шагов: вся моя храбрость исчезла непонятно куда.

Мне совсем не хотелось идти в лес.

— Черт бы тебя побрал, Виктория Скотт, — пробормотала я. — Ты же не боишься этих выдуманных существ.

Преодолевая холодящий ужас, я все же отправилась в сторону леса, прислушиваясь к шагам. Надо мной, покачиваясь, свисали ветки деревьев, и свет со станции, придавал им гротесковые формы. Отойдя довольно далеко, я позвала:

— Видар? Где ты?

Послышались шаги слева от меня. Я повернулась, застыла и прислушалась.

— Видар?

Я знала, что он может передвигаться абсолютно беззвучно, если захочет, поэтому сконцентрировала взгляд в одной точке. В поле моего зрения что-то двигалось, и я, зайдя за дерево и замерев, стала пристально смотреть. От выпитого алкоголя, усталости и бессонницы было трудно сдерживать себя, чтобы не дрожать.

— Видар? — переспросила я. Если он не отвечал, возможно, это был вовсе не Видар. Я потеплее укуталась в куртку и поежилась. Пора возвращаться, но это была плохая мысль.

Я повернулась и завизжала.

Передо мной стоял Скрипи, глядя на меня из темноты своими сверкающими маслянистыми глазами, а его взлохмаченные волосы и острые пальцы казались серыми при свете звезд.

— Видар уехал, — сказал он.

Наверное, это сон.

«Проснись, проснись», — сказала я сама себе, с силой ущипнув кожу на запястье. Было больно, но сон продолжался.

— Ты не спишь, — произнес Скрипи, — не бойся.

— Проснись! — пронзительно закричала я, отбегая назад.

— Послушай меня, я хочу тебе помочь.

Я вспомнила письмо от мамы; там что-то говорилось о хорошем духе. Если бы это был сон, может быть, я бы прислушалась. Но я на самом деле находилась в ночном лесу. У меня зазвенело в ушах.

— Ты потеряла защиту. Тебе нужно вернуть ее назад. Я не могу дать тебе другую. Эту я нашел в берлоге водяного, но он увидел меня и попытался убить. Ты должна вернуть себе защиту. Новую я не смогу достать, потому что водяной следит за мной.

— Я схожу с ума, — промычала я.

— Видар уехал. Он не сможет защитить тебя.

— Куда он уехал?

Скрипи показал на небо.

— На своей лошади.

— Ох... но я знаю, что лошади не умеют летать, поэтому это звучит как бред, и это означает, что я сплю.

— Ты должна найти защиту. Она твоя и поэтому должна находиться у тебя. — Он отвернулся от меня, вытянув перед собой руки, и распрямил длинные костлявые пальцы.

— Я ухожу и не хочу, чтобы ты оставалась напуганной.

Он исчез в темноте, а я осталась стоять как вкопанная, ожидая, когда проснусь.

— Я напилась, мне снится всякая чушь, и я начинаю сходить с ума, — сказала я. Я не могла пошевелить ногой и начала паниковать, дышать стало трудно, а потом...

Меня окутало туманное облако, очертания леса сделались расплывчатыми, исчезли звуки и время...

И я проснулась в своей кровати.

— Фу, слава богу, — выдохнула я. За окном совсем рассвело. — Слава богу, слава богу. — Закрыв лицо руками, я облегченно застонала. Значит, я пока не начала сходить с ума, и это был просто слишком явственный сон, из-за выпитого скотча. Немного смущало то, что я не помнила, как ложилась в кровать, но в тот момент я была совсем пьяная.

Запястье болело от того, что я прикрылась рукой, когда падала со стула. И еще я заметила глубокий порез на руке. Наверное, я оцарапалась о спинку стула. Я встала, промыла царапину и наклеила пластырь, а потом пошла к окну и подняла шторы. Когда я посмотрела на лес, мне сделалось не по себе; если бы я не знала эту местность лучше, то точно решила бы, что никогда снова не пойду туда. Я дотронулась до холодного стекла и вздохнула, сильно пожалев о том, что позволила Гуннару забрать руны, защищающую от злых духов. Скрипи был прав: руны принадлежала мне и она мне нужна.

Я очень удивилась, когда в девять утра увидела стоявшего около моей двери Магнуса, за спиной которого скрывались Матиас и Нина.

— М-м, привет, — сказала я, внутренне содрогнувшись, вспомнив о событи-

ях прошлого вечера.

Магнус ничем не выдал своего смущения, а просто улыбнулся и сказал:

— Доброе утро, Виктория. Матиас и Нина просто настояли, чтобы сегодня я привел их к тебе.

Я посмотрела на детей. Нина, сложив губки бантиком, смотрела на меня.

— Неужели?

— Ты им очень понравилась, и я вижу, что ты испытываешь к ним то же самое. Может, ты побудешь с ними немного и...

— Магнус, если я соглашусь посидеть с вашими детьми, то взамен мне нужен еще один выходной день, — сказала я.

— Идет, — ответил он, вздохнув явно облегченно от того, что больше ему не нужно врать, очаровывать меня и изворачиваться, как уж на сковородке. — Я обещал тебе четыре выходных подряд, а в конце недели можешь взять пятый день.

— Это другое дело. Эй, вы, двое. Пойдемте, я научу вас играть в покер. — Я впустила их в комнату.

Магнус поймал мою руку и незаметно близко придвинулся ко мне. Я напрыглась, думая, что он может снова пригласить меня на свидание, но вместо этого он прошептал:

— Сейчас я тебе плачу, поэтому смотри за ними как следует.

— Я смотрю.

— Вчера вечером, когда мы все были на собрании, Матиас связал между собой все мои галстуки. Некоторые из них можно выбросить на помойку.

Я подавила смешок.

— Понимаю, я буду смотреть за каждым их шагом.

Нине очень быстро надоело играть в карты, и она занялась моим шкафом, рассматривая вещи и косметику. Матиас оказался прирожденным карточным шулером и выиграл у меня все спички до ленча.

— Пошли, — сказала я, собирая карты. — Я отведу вас в столовую.

— Я проголодалась, — объявила Нина, потеряв глаза и размазав тушь по щекам.

— А я совсем не хочу есть, — сказал Матиас, — и я не хочу идти в столовую.

— Мы пойдем в комнату отдыха, рядом со столовой. И тебе нужно поесть, так что пойдем.

— Я еще хочу играть в карты! — закричал он.

Я протянула им их пальто.

— Ну, а я хочу есть, и мы идем все вместе. — Я жестом показала им на дверь. — Пошли.

Нина гордо пошла впереди меня с размазанным макияжем на лице. Матиас догнал ее у двери и сказал ей что-то по-норвежски. Она кивнула.

— Вы хотите сэндвич или один из Марианнинных овощных пирогов? — спросила я.

— Я уже сказал, что ничего не хочу, — ответил Матиас и, неожиданно повернувшись, быстро побежал в лес.

— Черт!

— Это английское ругательство? — спросила Нина. — Я хочу выучить английский мат.

— Нина, ты не могла бы пойти в комнату отдыха и подождать меня там?

Скажи Марианне, что мы будем есть пироги.

— Я не хочу пироги, научи меня ругательным словам.

— Нет. Сейчас же иди и жди меня.

Я побежала в лес за Матиасом. Его уже не было видно, но впереди слышались его шаги. Затем они стали замедляться, сделались тише и прекратились. Я заволновалась. Что, если он упал и разбил себе что-нибудь?

— Матиас, Матиас, с тобой все в порядке?

Я продиралась между деревьями как можно быстрее, а потом остановилась, оглянувшись.

— Матиас?

Ответа не последовало. Я была уверена, что его шаги оборвались где-то поблизости. Я пристальнее всматривалась в деревья, и меня словно окатила холодная волна...

Вчера ночью ты была здесь. В панике убежала и пряталась за деревьями от Скрипи...

Но это был сон. Я же проснулась в кровати...

Нет, ты была здесь.

Я наткнулась на тонкую сломанную ветку дерева, и память вернула меня в темноту, я вспомнила, как бежала в ночи и рукой отклонила ветвь, чтобы та не попала мне в лицо. Вот откуда царапина на запястье.

Посмотрев на пластырь, прилепленный на руке, я похолодела от страха.

— Ха! — Матиас выпрыгнул из-за дерева, пытаясь напугать меня.

Я завизжала, но, поняв, что это всего-навсего противный мальчишка, схватилась рукой за сердце и выдала ему весь запас английских ругательств, которые знала. Он опять побежал от меня, на этот раз в направлении станции, но теперь я не бросилась за ним, а пошла по тропинке, чувствуя растерянность и страх, но больше всего — злобу. Я не хотела бояться и быть беспомощной, но что мне оставалось делать, когда я больше не могла отличить сон от реальности?

В тот день Магнус взял детей на берег собирать ракушки, и я решила подавить в себе гордость и попросить Гуннара вернуть мне защитную руну. Мой план сорвался в течение первых двадцати секунд после того, как он открыл дверь, хмыкнул, глядя на меня, и произнес:

— Дай угадаю. Ты наконец-то сдаешься и хочешь получить свою защиту, приносящую удачу, обратно?

— С чего ты взял?

— Я слышал твой пронзительный крик в лесу.

Мое сердце упало.

— Вчера ночью?

— Нет, сегодня, примерно около полудня.

— А ну да, это Матиас напугал меня.

— Хм, я думаю, это защита спасает от злых духов, а не от вредных мальчишек.

— И только? — спросила я, присаживаясь за стол. — Сделаешь мне кофе?

— Конечно. У тебя уставший вид.

Я положила голову на руки.

— Эти дети довели меня.

— Тогда скажи Магнусу, что больше не будешь смотреть за ними.

— Он платит мне выходным днем. — Я подняла голову и наблюдала за ним, как он готовит кофе.

— Не рассказывай Марианне. Она всегда соглашается просто так.

— Неужели кто-то хочет оставаться с детьми? Они же просто неуправляемы.

— Матиас и Нина да. Но твои такими не будут, — сказал он, показывая ложкой в мою сторону.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что для этого нужно, чтобы их отцом был Магнус, а матерью его бывшая жена или женщина с такими же странностями.

Я засмеялась.

— Кто знает? Тем более, по-моему, у меня уже появились странности, а Магнус уже приглашал меня на свидание.

Гуннар в шоке плюхнулся на стул, стоявший напротив меня.

— Он не мог!

Я махнула рукой.

— Давай не будем об этом.

— А ты что ответила?

— Нет, конечно, — быстро воскликнула я. — Я была пьяная, и он тоже. А сегодня утром он вел себя, будто ничего не произошло.

— Может, он забыл, если был пьяный...

— Надеюсь, что так. Но Магнус такой бессовестный, что я бы не удивилась, если он все помнит и специально делает вид, что так и надо.

— Поэтому ты закричала, когда он разговаривал с тобой об этом?

— Не поняла?

— Когда я сказал, что слышал твой крик, ты подумала, что я говорю о прошлой ночи.

— О, это. Нет, я не кричала на Магнуса. Просто около трех ночи мне кое-что померещилось. Мне приснилось, как будто я в лесу, а ты сказал, что крик был оттуда, поэтому я подумала...

Он снова с улыбкой посмотрел на меня:

— Ты подумала? О чем?

— Ни о чем. — Я стукнула по столу. — Где этот чертов кофе?

Гуннар расхохотался.

— Я думаю, у меня есть интересная информация для тебя.

— Если что-то о привидениях...

— Нет, — сказал он, наливая кофе. — Это о погоде.

— Продолжай.

Держа чашки в обеих руках, он повел плечом, показывая в сторону компьютера.

— Иди сюда. Я покажу тебе.

Мы устроились за столом.

— Я просмотрел все старые документы, — объяснил он, когда экран осветил его лицо голубым светом. — Магнус хотел, чтобы я обратил особое внимание на необычные погодные явления. Ему это нужно для его исследований. Итак, я проверил все сводки о штормовых предупреждениях, снежных заносах, о затяжных дождях... и я проследил статистику до сегодняшнего дня. — Он нажал

несколько кнопок, и на экране появился текст. — Вот, семнадцатое июня, тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года. Открытие станции «Киркья», первый штат сотрудников состоял из восьми человек. Температура в одиннадцать часов утра была двадцать два градуса. Небо ясное, влажность низкая. А вот... — Он перещелкнул на другую страницу. — Та же дата, три часа ночи. Здесь указано, что была метель.

— Да, очевидно, это ошибка, — сказала я. — Ты перескочил. Проверь.

— Я проверил.

— Тогда это их ошибка. Они записали это в другой день.

Он щелкнул на значок в углу экрана, и появился конверт. В некоторых случаях я добавлял комментарии из журналов. «Мы праздновали какое-то событие. После ленча с напитками в руках мы вышли из здания. Был пригожий день. Как вдруг температура начала резко падать, и по небу поплыли тяжелые тучи. Вскоре пошел снег, который к вечеру сделался еще сильнее, и снегопад сопровождался громом и молнией. Все мы были в недоумении».

— Интересно, — сказала я, — они как-то объяснили это?

— Я не знаю. Об этом больше ничего не сказано в записях.

— Погода преподносит сюрпризы, — сказала я. — Дожди с пузырями...

— Здесь есть два примера про такие дожди, но мне это не интересно. Да и метель сама по себе ничего особенного не представляет. Есть кое-что другое, что меня интригует.

— И что же это?

Гуннар перегнулся через стол и начал передвигать пепельницу и какие-то бумаги. Что-то с треском выпало из груды бумаг. Он поймал предмет и протянул мне.

— О, по-моему, я показывал это тебе. Магнус нашел его в лесу.

Это был осколок металла, чем-то похожий на часть лезвия от топора. Я вся похолодела, только на этот раз было непонятно, по какой причине. И было не совсем понятно, от чего отвалился этот кусок.

Гуннар достал пачку копий фотографий и встряхнул ими передо мной.

— Помнишь, я рассказывал тебе о первом поселении здесь? В одиннадцатом веке? Это были христиане, а они любили вести записи. Некоторые из них сейчас хранятся в одном из музеев Бергена. Вот копия современного перевода с латинского. В большинстве своем, они скучные и неинтересные. Но посмотри на это... — Он показал на предложение.

— Я не умею читать по-норвежски, — напомнила я сухо.

— Тут сказано: «В день закладки первого камня в основание церкви, теплое летнее утро сменил мощный ветер со снегопадом».

— Вау, — вырвалось у меня. — Забавное совпадение.

— Совпадение и только?

— А что еще это может быть?

— Не знаю, — ответил Гуннар, — и мне нравится незнание. Я люблю докапываться до всего. А ты?

Я покачала головой.

— Продолжай.

Он перевернул несколько страниц.

— Вот, в конце. Перед... перед тем, как что-то с ними произошло. «В это утро, холодное и ясное, чувствовались первые признаки зимы». — Палец Гун-

нара спустился вниз по странице. — «Все что описано в Библии, это чушь и ерунда». И вот, здесь: «Ближе к полудню стало жарко. Дети раздевались и резвились в воде. Я не помню такой жары, даже в середине лета. Наверное, языки адского пламени жгут не так сильно, как солнце в тот день». И вот еще: «Необычные погодные явления продолжаются, и многие из наших работников становятся суеверными. На смену неожиданно наступившей удушающей жары через весь остров крадется суровый мороз. Деревья покрываются снегом, озеро замерзает, и земля превращается в ледышку. Если бы я не видел всего этого собственными глазами, я бы никогда не поверил. Сейчас темно, и пугающие звуки доносятся из леса. Пронизывающий ветер вынуждает всех нас сидеть у огня в помещении и в страхе ожидать, что может случиться дальше».

Когда Гуннар читал, я слушала с замиранием сердца. Мне показалось, есть что-то знакомое в этой истории. Яркие образы и впечатления вспышками за сверкали у меня в голове: отчаянные лица в свете пожара и давящий страх. Кусок металла, который я держала в руке, нагрелся. Я выронила его на стол, осознавая, что этот момент повторяется со мной.

— Что случилось потом? — произнесла я.

— Неизвестно. Это последнее описание. Здорово, не правда ли? Настоящая мистика. И как видишь, эта история о погоде.

Я собралась с мыслями.

— Ты сказал, что эти записи были сделаны сотни лет назад. Было бы невозможно подтвердить, правда ли это? А может, кто-то из переводчиков поиграл с языком, чтобы придать истории больше драматизма.

— Я тоже так думаю, — сказал Гуннар, откладывая страницы в сторону. — Невозможно, чтобы мороз и жара чередовались в один день.

— Нет, здесь средние широты. В Арктике изменение воздушной массы и резкое понижение температуры может быть вызвано ветрами. Но, конечно же, не так, как описывается здесь.

Гуннар улыбнулся.

— Ты пытаешься убедить меня или себя?

— Что ты имеешь в виду?

Гуннар помахал рукой.

— Это не важно. Пойдем в комнату отдыха. Я обещал Марианне помочь с сэндвичами для завтрашнего пикника.

Гуннар потянулся к кнопке, чтобы выключить компьютер, и я увидела на его шее защитную руно, продетую через цепочку.

Если бы я не выдержала и спросила о ней прямо сейчас, он решил бы, что я проиграла. Он явно подсмеивался надо мной, рассказывая мистические истории. Я же предпочитала оставаться прежней Вики, которую ничем не испугать.

Когда Гуннар запирали за нами дверь комнаты, я посмотрела в сторону леса. На секунду мне показалось, будто ветки покрыты инеем, поверхность земли превратилась в ледяную корку, и странная тишина стоит в лесу. Это видение взволновало меня. Как будто я уже однажды видела эту картинку.

Как будто это могло в самом деле произойти.

Несмотря на изморозь вчера вечером, наступивший день на острове обещал быть спокойным и ясным. И мы оказались правы. Такая погода как раз

подходила для пикника. Быстро проверив показания приборов, все мы отправились в лес, неся покрывала и корзинки с едой. Матиас и Нина то убегали вперед, то отставали и все время возбужденно кричали. В такой атмосфере лес не казался устрашающим и наполненным привидениями. События прошедшей ночи потихоньку стерлись из памяти, и на несколько часов мне удалось забыть о Видаре.

Вся местность вокруг озера была в грязи, но мы нашли поляну с травой около самого края леса, где и расстелили наши покрывала. Я лежала на спине, смотрела в небо сквозь ветки и слушала, как мои товарищи переговариваются и смеются, распаковывая тарелки и стаканы.

Гуннар присел на край моего покрывала.

— Вики, почему одна ты ничего не делаешь? — спросил он.

— Почему? Я присматриваю за детьми Магнуса. — Я повернула голову и увидела, что они все так же бегают возле озера и кричат. — Видишь?

— Ты все еще выполняешь обязанности няни?

Я села и произнесла ехидно:

— Магнус говорит, что я самая лучшая няня, которая когда-либо была у его детей, и он даже хочет пригласить меня к себе домой в Осло.

— Я думаю, тебе надо устроить что-то вроде соревнований с Марианной. — Он показал на Магнуса с Марианной, которые сидели рядышком и тихо шептались.

— Это прогресс, — сказала я.

— Сегодня утром я видел впервые за все время, как он выходил из ее комнаты.

— Ты думаешь они?..

— Нет сомнений. Можно считать, это место выбрано для общественного эксперимента, — сказал Гуннар, обхватив своими длинными руками колени. — Похоже, здесь все по парам. Фрида и Гарстен. Магнус и Марианна. Ты знаешь, что Алекс и Ёзеф?..

— Я догадывалась.

— Итак, у меня остается выбор между Гордоном и тобой, — сказал он.

— Готова поспорить, с Гордоном надежнее, он сможет тебя защитить, если что, — сказала я непринужденно.

— Но у тебя лучше зубы.

Я захохотала. У Гордона были большие, выпирающие вперед зубы.

— Но на самом деле, — сказала я, — зубы не зубы, я не...

— Я знаю, Вики. Я просто пошутил, — быстро перебил он меня.

Я почувствовала неловкость, но попыталась притвориться, что все нормально.

— Я знаю.

— Виктория! — это кричал Магнус. Они вместе с Марианной, отойдя шагов на сто, открывали бутылку шампанского. — Можешь сказать детям, чтобы они вели себя осторожнее и не соскользнули в воду?

Обернувшись, я посмотрела на детей, которые, взяв в руки ветки, боролись, представляя, будто сражаются на мечах. Я встала и медленно пошла в их сторону, обходя озеро. Увидев меня, они сразу же побежали.

— Эй! — крикнула я. — Аккуратнее, не упадите в воду.

Матиас обернулся и бросил свой меч.

— Я хочу купаться.

— Нет, нельзя. Это опасно.

— Я лучше всех плаваю в школе, и я иду в воду.

— Тебе сказано, нет. Веди себя послушно, или я забираю тебя с собой и тебе придется сидеть рядом со мной и Гуннаром.

Тогда он снова схватил прут и побежал за Ниной, но я заметила, что между ним и грязным краем реки всего три шага. Повернувшись, я увидела, что Марианна смотрит на меня с вызовом. Гуннар и Ёзеф сдвинули все покрывала в одно место, где разложили сэндвичи и расставили шампанское. Гарстен и Фрида сделали официальное объявление о своей помолвке. Когда произнесли тост, я сделала два маленьких глотка шампанского, решив, что на сегодня это — моя норма. После той попойки в среду у меня не было никакого желания прикасаться к алкоголю. Магнус, похоже, считал наоборот и не собирался отказываться от пикника. Дети Магнуса больше никому не мешали, так как тарелка с сэндвичами и апельсиновый сок были куда интереснее.

Около четырех слабая прохлада известила о приближении вечера. Пока я проверяла, не оставили ли мы после себя пластиковый мусор, Магнус крикнул мне:

— Ты смотришь за детьми?

— Да, смотрю, — ответила я, обернувшись.

— Присмотри за ними до конца дня, — добавил он. — Мы с Марианной... Нам надо зайти к ней в комнату.

Я была рада, что стояла к нему спиной, потому что ужас, исказивший мое лицо, было бы не скрыть.

— Хорошо.

Я собрала мусор и когда повернулась, то увидела Магнуса и Марианну, удаляющихся в сторону станции, при этом его рука лежала у нее ниже талии — так американские тинейджеры возвращаются с вечеринки. Все присутствующие вежливо отвернулись. Примерно через полчаса мы заговорили о том, что уже пора собираться.

Уже пройдя по лесу шагов двадцать, Матиас дернул меня за руку и сказал:

— Вики, я забыл свой меч около озера.

— А ты не можешь найти другой? Это всего лишь обыкновенная палка.

Он покачал головой.

— Ну, давай, только быстро, — сказала я. Нина побежала за ним. Пройдя шагов сто и болтая с Гуннаром, я вдруг поняла, что, возможно, не стоит позволять детям отставать от меня, учитывая, что я несу за них ответственность.

— Послушай, Гуннар, я, пожалуй, подожду детей.

— Увидимся на станции, — сказал Гуннар и исчез за деревьями.

Я была на полпути назад к озеру, когда услышала пронзительный крик Нины.

Мое сердце подпрыгнуло, и я побежала.

— Матиас! Матиас! — кричала она. — Сюда! Сюда! На помощь!

Пробравшись между деревьями, я увидела Нину, которая стояла в грязи и всхлипывала.

— Нина, где Матиас?

Она начала кричать на меня на своем языке и показала на воду. Пузыри на поверхности озера были в пятнадцати шагах от меня.

— Я за ним, — сказала я, сбрасывая куртку и ботинки. — А ты беги, как мы шли, и громко зови Гуннара.

Она побежала, крича имя Гуннара, а я вбежала в холодное озеро...

Водяной — его нужно бояться.

...и нырнула, туда, где должен был быть Матиас.

В глубине вода была мрачного серо-зеленого цвета. Подо мной начиналась чернота, через которую просвечивались водоросли и туманные очертания. Я схватилась за бледную руку и, потянув за нее, вынырнула на поверхность вместе с Матиасом.

— С тобой все в порядке? — выдохнула я.

Он выплюнул воду изо рта и начал плакать, потом, оттолкнув меня со злобой, поплыл к берегу. Я поняла, что с ним все хорошо.

Что-то зацепилось за мою лодыжку. Водоросли или...

Какая-то стремительная сила утянула меня под воду. Я открыла рот, чтобы закричать, но заглотнула воды. Как будто что-то укололо меня и мешало выбраться, но я отчаянно боролась. Я запуталась в водорослях или у меня свело ногу? У меня было ужасное ощущение, будто мои ноги зажаты в тиски, а за пальцы моих рук крепко ухватились чьи-то руки.

Они тащили меня все глубже. Вода была ледяная, в горле пересохло, дышать было нечем. Легкие отказывались работать.

Прямо из зеленой темноты на меня смотрело размытое лицо, и это было последним, что я увидела перед тем, как отключилась.

Следующим лицом, склонившимся надо мной, было раскрасневшееся лицо Гуннара.

Затем снова темнота.

Шум голосов, из которых больше всех выделяется голос Гарстена, отдающего приказ.

Гарстен? Наш медработник. Это хорошо. Значит, меня спасли.

— Я жива? — пробормотала я, а ощущения в горле были такие, как будто оно разорвано.

Облегченный смех. Почувствовав на лице теплое полотенце, я открыла глаза и обнаружила себя, укутанной в одеяла и сидящей на стуле, а подо мной знакомый пол, покрытый линолеумом. Гарстен наклонился ко мне и улыбнулся.

— Добро пожаловать обратно.

Гуннар с встревоженным видом стоял в углу. Я дотронулась до своих мокрых волос. Память вернулась ко мне, и я содрогнулась.

— Что произошло?

— Как мы поняли, ты прыгнула в воду вслед за Матиасом, а потом запуталась в водорослях, — сказал Гарстен.

— Я видела лицо в воде, а потом все исчезло. Кошмар...

— Уверен, в таких обстоятельствах это неудивительно.

— Сейчас ты в порядке, — сказал Гуннар, — Нина вовремя позвала меня, и мне удалось тебя вытащить.

Я улыбнулась:

— Ты спас мне жизнь, Гуннар Холм?

— Думаю, я поступил правильно. Недаром же мы лучшие друзья.

— Вот меня угораздило, — засмеялась я и почувствовала сильную боль в легких.

— Ты поступила очень храбро, когда бросилась вслед за Матиасом, — сказал Гуннар. — Он мог бы погибнуть в лапах морского чудовища.

— Морского чудовища?

— Он рассказал Магнусу, почему полез в воду.

Я закрыла глаза, и даже это движение отдалось болью во всем теле.

— Ты нормально себя чувствуешь? — спросил Гарстен.

— Я думала, что утопленники находят самую легкую смерть.

— Не совсем так. Когда легкие заполняются водой, это очень больно. Гуннар, ты можешь рассказать Магнусу, что произошло?

Гарстен послушал мои легкие, проверил зрачки, дал мне какие-то болеутоляющие таблетки и сказал, чтобы я шла в свою комнату, приняла теплый душ и легла в кровать.

— Я найду через час посмотреть, как ты, — сказал он, по-отечески похлопав меня по плечу, — но я думаю, сейчас тебе лучше всего поспать.

Я сделала все, как он сказал, и когда укладывалась, заметила что-то на прикроватном столике.

Защита. Гуннар оставил ее там. Я сжала ее в ладони. Он оставил ее, не сказав ни слова, потому что решил, что я действительно нуждаюсь в ней и просто побоялась спросить у него? В любом случае он был прав.

Я разжала руку, и защита начала медленно вращаться на цепочке. Матиас, несмотря на то, что умеет хорошо плавать, начал тонуть. Я прыгнула за ним, и меня потянуло на дно. С Гуннаром все обошлось. Это связано как-то с его оберегом, приносящим удачу?

Впечатления последней недели заполнили мое воображение: сущность из леса и водоросли, ночная темнота, мрачное озеро, болезненная тошнота, вызванная нехорошими предчувствиями. Раз я лежала здесь и могла довольно четко соображать, то, значит, могла выбросить все эти ужасы из своего сознания, но мои легкие так болели, что я не знала, что для меня сейчас важнее — думать или дышать.

Я быстро надела защитную руну на шею — дышать стало легче.

Глава 14

[Асгард]

В доме в Старой Долине стояла полнейшая тишина, когда Видар въехал во двор. Слабый дымок шел со стороны кухни, но Од не спешила приветствовать своего хозяина.

— Од? — позвал он, спускаясь с седла и отпуская Арвака, а потом заглянул в дом. Догорающий огонь. Тихо и темно. Запах, оставшийся от давно приготовленной пищи. Од нет.

Он проверил все снаружи. Какой был день? Возможно, она у Локи. Видар выругался, когда вел Арвака в конюшню, чтобы накормить и напоить лошадь. Видару не хотелось находиться одному, особенно сейчас. Ему нужно было с кем-то поговорить, чтобы разорвать замкнутый круг своих мыслей.

Это казалось так просто, перед тем как он встретился с Викторией. В его воображении они встречались, влюблялись, а потом прятались от его семьи, чтобы вместе прожить дальнейшую жизнь. И еще, когда он наконец-то увидел ее снова, реальность тяжелым грузом надавила ему на сердце. Неужели он действительно позабыл, какая прекрасная у нее кожа, такая бледная, что голубые вены просвечивают на запястьях рук? Как он мог забыть ее звонкий голос, изящные руки? Она была такой настоящей, такой живой. Все время, когда он был в Мидгарде, ему так хотелось обнять ее, прижаться к ней всем телом и обжечь свои губы жаром, исходящим от ее кожи. В ее присутствии он еле сдерживал дрожь в теле. Но когда представился момент, не смог признаться ей в своих чувствах.

Видар оставил Арвака в конюшне, но не стал возвращаться в дом, потому что не мог вынести замкнутого пространства, находясь в столь взбудораженном состоянии. Он пошел по широким полям и сам не заметил, как дошел до берега.

Почти тысячу лет он ждал. Каждый день каждой недели из этой тысячи лет он думал о Хале с любовью и нежностью, зная наверняка, что она вернется. Он так неистово тосковал по этому дню, что иногда боялся, что это причинит ему вред. Как же теперь он мог отвернуться от нее?

Просто препятствие, стоявшее между ним и Викторией, было так велико. Его отец. Негодяй, жестокий и бесчеловечный. Черт бы его побрал. Видар сжал зубы. Иногда в своих фантазиях он ночью пробирался в Валяскьяльв, врывался в трапезную и убивал всех их: своего ненавистного отца, своих поддельцов-братьев, женщин с ничего не выражавшими лицами, которые окружали их...

Но он останавливал себя прежде, чем расправлялся со своей семьей в воображении.

Видар стоял на берегу и долгое время смотрел на волны, не понимая, что ему делать дальше. Солнце, встававшее за его спиной, отбрасывало на землю его тень.

Од приехала в дом Локи и, не застав его там, развела огонь и села ждать, решив, что, если через час он не появится, она вернется в Старую Долину. Видара не было уже неделю, и без него дом казался пустым, но лучше вернуться об-

ратно, чем сидеть здесь, среди пыльных полок и предметов, которые коллекционировал Локи.

Время тянулось, и она пожалела, что не взяла с собой что-нибудь из шитья. После того случая, как она разбила зеркало, она не смела прикасаться к вещам Локи, чтобы ненароком не оказаться у него на службе два раза в неделю.

Ей так хотелось знать, когда вернется Видар. Эта женщина из Мидгарда отлучила его от дома, и Од в глубине души надеялась, что эта незнакомка с безразличием отнесется к Видару, и он, возвратившись к Од, найдет утешение. Хотя она не могла представить, чтобы нашлась женщина, которой Видар мог бы быть безразличен. Разве можно отказаться от человека с такой красотой и таким добрым сердцем?

Дверь медленно отворилась, и на фоне дневного света появился Локи. Од резко поднялась.

— Я напугал тебя? — сказал он, смеясь.

— Нет. Ты забыл, что сегодня я прихожу?

— Нет, я помнил. — Он вошел внутрь и закрыл за собой дверь. — Я ходил на охоту.

— На охоту?

Он протянул букет желтых цветов:

— Собирал дикие цветы. Для тебя.

Од слабо улыбнулась и взяла цветы.

— Спасибо, Локи.

Он встал перед ней.

— Видишь, не такой уж я плохой. Я милый и нежный.

Она засмеялась.

— Вовсе не эти слова приходят мне на ум, когда я думаю о тебе.

— А тогда что ты думаешь? — спросил он, наклонившись так близко, что она почувствовала дыхание на своих руках.

Вор и лжец.

— Хозяин и служанка, — произнесла она, отстраняясь от его частых поцелуев, которыми он стал осыпать ее пальцы.

— О, пойдём, — сказал он, беря ее руку, — мы больше чем хозяин и служанка.

— Локи, у меня есть точные указания от Видара. Я только служанка. Какое задание ты дашь мне сегодня?

Он встал и начал перебирать предметы, стоявшие на полках в другом конце комнаты.

— Видар говорит, что ты прекрасная ткачиха и швея. Это правда?

Од залилась краской от удовольствия.

— Он действительно говорил так?

— О, да, — заверил ее Локи. Блестящий серебряный горшок упал с полки и ударил его по голове. Он выругался и стал разбирать вещи аккуратнее.

— Когда я приехала в Старую Долину, у него было только две туники и двое бридж, все из плохой шерсти. И то, и другое он сам соткал и сшил для себя, — подтвердила она, усмехнувшись, вспомнив об этом. — Я сшила ему новую одежду, а старую сожгла. — Од похлопала по переднику, который был надет на ней, и в карманах которого лежали ее швейные принадлежности. — Ему очень понравилось.

— Я полагаю, ты пользовалась нитками, привезенными от Асиров, — обернувшись через плечо, сказал Локи. — Толстыми, тяжелыми, грубыми.

Од загадочно посмотрела на него.

— Да, почему ты спрашиваешь?

Он повернулся, доставая с полки маленький ткацкий станок, вырезанный из древесины клена, и протянул его ей.

Она сразу узнала, ее пальцы ощупали резьбу.

— Это принадлежало семье Ваниров, — сказала она.

— Да, им, — ответил он. — Я нашел, когда последний раз ездил в Валяскьяльв. Я искал мед и увидел его уже когда уходил, в самом конце столовой.

Чувство горькой радости охватило ее. Что-то из дома.

— Ты хочешь, чтобы я соткала и сшила что-нибудь для тебя? — спросила она.

— Нет. У меня много прекрасной одежды. — Он сел рядом с ней возле камина и вяло потянулся. — Это подарок. Делай с ним, что захочешь.

— Тогда что мне сегодня делать?

— В Ванахейме ты была принцесса-чародейка, не так ли?

Од ощутила особый привкус этих слов. Перед тем как она покинула свою страну, в ней с каждым днем крепло чувство, какой властной и могущественной она может стать однажды. Магические чары были переданы ей по наследству, и то, что Локи знает об этом, наполнило ее гордостью.

— Да, — произнесла она.

— Ты можешь сделать для меня защитное средство?

— Сейчас мне запрещено пользоваться магией, — ответила она.

— Ты оказала бы мне услугу. — Он помолчал. — Хорошо, тогда рассказывай мне истории.

— Еще истории? Я больше ничего не знаю. Я уже все рассказала. — А про себя еще добавила: даже сказки про животных, которые рассказывала сыну.

— Ну, что-нибудь придумай.

Она покачала головой.

— Я не могу, Локи. Я не умею сочинять истории. Я...

— Но я требую. — Бесцветные глаза Локи сузились. — Ты должна делать, как я говорю. Ты же выполняешь все приказы Видара. Имя Видара он произнес звонким, почти женским голосом.

— Ладно, я придумаю что-нибудь.

После нескольких часов Локи начинал хохотать при каждой ее попытке придумать новую историю. В конце концов она встала и, прервавшись на полуслове, сказала:

— Локи, ты смеешься надо мной, поэтому я не могу сосредоточиться.

— Обидчивая девчонка, — сказал он, — ты у меня на службе, и я могу обращаться с тобой, как захочу. Ведь я намного добрее отношусь к тебе, чем те ослы в Валяскьяльве, разве не так?

Закусив губу, она кивнула:

— Да, так.

— Видар тебя избаловал. Здесь в Асгарде ты не принцесса. Здесь ты наравне с червяками.

Од опустила глаза. Он был прав, Видар избаловал ее. Она приняла наказание по доброй воле — была готова на все, ради спасения жизни Хельги — и те-

перь должна была смириться с насмешками Локи. Она была слишком горда. А Локи был такой хитрый. Казалось, он инстинктивно угадывал ее помыслы.

— Од?

Она подняла на него глаза:

— Да, Локи?

— Ты червяк, не так ли?

Она попыталась обратить все в шутку:

— Да, так.

— Хорошо, теперь, когда мы обсудили это, можешь придумывать истории дальше.

— Нет, Локи, прошу тебя, дай мне какое-нибудь другое задание. Разреши мне залезть на самую высокую полку и снять там паутину.

— Что в этом веселого будет для меня? — спросил он.

— Тогда ты расскажи историю. Ты много всего знаешь. Ты прожил такую долгую жизнь, и у тебя было столько приключений.

— Х-м-м, — промычал Локи, делая задумчивое выражение лица. — А следует хозяину исполнять капризы слуг?

— О, расскажи, — сказала она, повторяя его собственные слова, сказанные им ранее, — мы больше чем просто хозяин и служанка.

Это развлекло его. Он расхохотался, и Од поймала себя на том, что тоже смеется.

— Очень хорошо, — сказал он наконец. — Какую историю ты бы хотела услышать?

— Любую.

— Хочешь узнать, как я связался с норнами?

— Да. Мне всегда было интересно...

— Всегда? Значит, ты знала, что я знаком с ними?

Од почувствовала, что ее сердцебиение участилось. Как она могла проболтаться? Всего несколько неосторожно сказанных слов могли испортить всю ее жизнь. — Я слышала о тебе много различных историй, — произнесла она, смутившись.

Если Локи и заподозрил что-то, то виду не показал.

— Это чудесная история, Од. Тебе понравится. Она произошла несколько веков тому назад. Ты когда-нибудь видела великанов, Од?

Она покачала головой.

— О, когда они издают звуки, делается так страшно. Однако большая часть из них всего метра два с половиной — три высотой, и половина из них женщины. Они совсем не страшные. Но судьба гласит, что они будут врагами Асиров, когда наступит конец света, и потому Один решил сослать их в Ётунхейм. У них напрочь отсутствуют смекалка и хитрость, и потому они редко пытаются сбежать. И если сделают это, то у них только один маршрут, залив Утгард. Они терпеть не могут воду, и Один часто посылает своих шпионов-воронов наблюдать за ними. На случай, если кто-то проскользнет. Однажды великан по имени Оргримнир преодолел свой страх воды и переплыл на другой берег, высадившись неподалеку от мирового древа. Коричневый, уродливый и очень, очень близорукий, он взобрался на мировое древо, чтобы устроить себе там наблюдательный пункт. Он был такой грубый и неуклюжий, что дерево под ним закачалось и норны решили, что началось землетрясение. Они побе-

жали к ближайшему выходу, первой показалась Урд. Оргримнир спрыгнул вниз и схватил ее. Скульд и Верда кинулись обратно с криками, а в это время великан потащил Урд в пещеру над заливом. К тому времени, когда Скульд набралась храбрости, чтобы отправится за сестрой, он успел влюбиться в Урд. «Отпусти мою сестру, грубое животное!» — потребовала она. Он покосился на нее и улыбнулся. «Еще одна красивая девственница!» — громко произнес он и устремился к ней, но ей удалось ускользнуть прямо из его рук, и она помчалась со всех ног обратно к мировому дереву.

Бедные Скульд и Верда! Без Урд работа остановилась, и множество новых судеб не удавалось сплести. С каждым днем они отчаивались все больше, и тогда Верда отправилась в Валяскьяльв в поместье Одина. Ворвавшись в огромный холл, она прокричала: «О, о, великан похитил мою сестру!»

Мне в тот момент как раз случилось быть там с визитом. Нужно было взять в долг несколько необходимых вещей. Первым, кого она встретила, оказался я. Она была так встревожена и вся дрожала. «Верда, — сказал я, отводя ее в укромное местечко, — ты выглядишь взволнованной». — «Я должна найти Одина, — пробормотала она. — Великан влюбился в Урд и украл ее, а сейчас держит ее в пещере на берегу залива. Один должен прийти ей на выручку». — «Тсс, — сказал я, — никто здесь не станет спасать ее. — Один боится великанов, и поэтому не станет помогать тебе». — «Но он должен помочь, а иначе время замедлит свой ход, и судьба собьется со своего пути». — «Он просто скажет тебе, чтобы Скульд и ты вместе с ней работали усерднее». Ужас отразился на ее лице. — «Нет, нет». — «Знаешь, Верда, я не занят и я не боюсь великанов».

Од засмеялась:

— Конечно же, она не приняла твое предложение.

— Конечно, приняла. А что ей оставалось делать? Она была в отчаянии. Я люблю отчаявшихся людей, Од. Они выдают свои секреты, свои тайные намерения. Так вот, я схватил несколько нужных предметов, и она уже через несколько минут сидела верхом на моей лошади вместе со мной.

Когда мы прискакали к заливу, где стояла Скульд, я велел им ждать меня около мирового древа. У меня с собой была женская одежда и парик рыжеватого-коричневого цвета, сделанный из гривы лошади. Я переоделся в одну из норн и направился в пещеру.

Од выдохнула с изумлением:

— Ты переоделся в женщину?

— Да, и получилась очень даже привлекательная женщина. На подбородке у меня никогда не было волос. Я еще засунул яблоки себе под платье и встал около входа в пещеру. Над головой кричали чайки, дул ветер. Проверив, все ли я взял с собой, я начал петь женским голосом: «О, любовь прошла мимо меня, и я должна навсегда остаться одна...»

Од поразились, до чего же его голос может становиться похожим на женский.

— Это невероятно.

— У меня полно скрытых талантов, Од, — сказал он, растягивая улыбку. — Они могут проявиться у меня в любое время.

— Продолжай. Что же сделал великан?

— Я наблюдал за пещерой краем глаза, а сам танцевал, выражая свою пе-

чаль. — Локи встал и показал движения своего танца. Од громко расхохоталась.

— Я увидел выглянувшее лицо, которое следило за мной. Я повернулся и улыбнулся.

Тогда он выскочил и, схватив меня за руку, потащил в свою пещеру. — Локи снова сел, наклонившись вперед. — Урд скрывалась в темноте. Она смотрела на меня с изумлением, и я выкрикнул: «Сестра!» Она так перепугалась, что не могла выговорить ни слова.

Великан подвел меня ближе к костру, который выложил в пещере. Кости от рыбы были разбросаны по всему полу, и все вокруг пропахло рыбой. Он пристально посмотрел на меня и сказал: «Ты одна из ее сестер?» — «Да, — ответил я, улыбаясь ему безвинно, — но ты можешь обладать только одной из нас. Я хочу сказать, что тебе нужна я. Урд бессердечная и злая. Пусть она уходит, а я стану твоей невестой». Великан перевел взгляд с Урд на меня и снова посмотрел на нее. «Я оставлю вас обеих!» — объявил он и стал гоняться за мной по пещере.

«Нет! Нет! — кричал я, убегая от него. — Я не позволю тебе быть с моей сестрой. Пусть она уходит, и я буду с тобой».

Он остановился и изучающее смотрел то на меня, то на Урд.

«Иди, — сказал он Урд наконец, — я оставляю твою сестру вместо тебя».

Урд понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что происходит. Жестом я показал ей на выход из пещеры. «Уходи, — сказал я, — оставь меня наедине с моим принцем».

Дрожа всем телом, она быстро убежала. Когда она удалилась на безопасное расстояние, я повернулся к Оргримниру, который смотрел на меня похотливыми светящимися глазами.

«Пойдем, моя дорогая, — сказал он. — Дай я раздену тебя». — «Нет, нет... позволь мне раздеть тебя, — ответил я, бросившись расстегивать его бриджи, которые в одну секунду оказались у него на лодыжках. Тогда я толкнул его назад и, встав перед ним, стал что-то бормотать, приближаясь все ближе... потом я остановился». — «Продолжай», — прорычал он. — «Ты уверен?» — Он закивал. Тогда я поднял свою юбку и показал...

Од прыснула со смеха.

— Оргримнир не ожидал, что я ему покажу, — закончил Локи. — Ты помнишь, что у него было плохое зрение. Так вот, он нагнулся ближе, чтобы убедиться в том, что он действительно это видел. Тогда я вытащил яблоки из-под платья, пульнул ему в глаза, и пока он не опомнился, я стянул парик, распустил его и, длинными нитками обмотав горло великана, начал его душить.

— Ты убил его? — спросила Од.

Локи печально покачал головой.

— Нет, потому что какие-то дураки из Валяскьяльва сообщили Одину о нашем разговоре с Вердой, произошедшем в то утро, и он послал бородатого Тора с чудовищным молотом. Тор появился в пещере в тот момент, когда лицо великана уже посинело. Он остановил меня, а потом отправил великана к заливу, велел ему плыть обратно в Ётунхейм и никогда оттуда не возвращаться, а не то угрожал уничтожить его.

Но самым худшим из всего этого было то, что Тор повернулся ко мне, когда великан уплыл, и сказал: «Я отправил всех трех норн обратно в мировое дре-

во».

«Что? — закричал я. — Но они теперь в долгу у меня!» — «Мой отец не желает, чтобы ты получил этот долг!» — С этими словами он прыгнул на спину лошади и ускакал прочь, оставив меня в женском платье на берегу залива.

Конечно же, я вернулся к мировому древу и бродил внутри его корней весь остаток дня, но, понимая, что никого не найду, решил возвратиться домой, сжав зубы от негодования. Ведь все это нечестно по отношению ко мне. Вот и вся история, Од.

— Мне она очень понравилась, — ответила Од, — так смешно, когда я представляю тебя в женском платье.

— Понравилась? — хитро спросил он. — Может быть, я могу поручить тебе одну из норн?

Поставив локти на коленки, он подложил пальцы под подбородок. — Вообще-то нет, это будет пустой тратой времени. Думаю, кто-нибудь расскажет мне, где они прячутся.

Од улыбнулась, стараясь ничем не выдать своего волнения.

— А чем, ты хочешь, чтобы они оплатили тебе?

Локи сделал широкий жест рукой.

— О, я могу придумать тысячу вещей. Это зависело бы от того, что было бы наиболее важно для меня в тот момент. Может, это было бы что-то не очень приятное. Еще не знаю. Он потянулся и зевнул:

— Я устал говорить. Твоя очередь, Од.

— Локи, но я, правда, больше ничего не знаю.

— Тогда на следующей неделе. Подумай, что рассказать. А сейчас, если хочешь, можешь убрать паутину.

— Наверняка это занятие будет не таким утомительным, — сказала Од, радуясь, что избавится от его компании.

— Можно я загляну тебе под юбку, пока ты полезешь вверх?

— Нет.

Он пожал плечами:

— Стесняешься. Ладно, я принесу тебе лестницу.

Когда Од спускалась с холма и вдалеке показался дом Видара, она заметила дым, выходящий из трубы. Ее пульс участился. Он был дома! Она ускорила свой шаг и, запыхавшись, влетела в дверь.

— Видар! — позвала она, оставляя ткацкий станок около двери.

— Внутри, — слышался его ответ.

Она пошла на звук его голоса в свою комнату, лелея полу фантастическую надежду увидеть его среди своих одеял, готового рассказывать ей о том, как он нашел ту женщину из Мидгарда, а также о том, что именно Од он желал видеть все это время. Ее окно было закрыто ставнем неплотно, и это привлекло внимание Видара: он потуже закрывал раму.

— Од, я удивился, как ты не мерзнешь ночью, оставляя окно открытым, — сказал он.

— Я никогда не думала жаловаться на свое место, — ответила она. Ее глаза следили за ним, пока он не видел, и она не могла оторвать взгляда от его натруженных рук, длинных темных волос и мускулистой спины.

— Конечно, ты можешь жаловаться, если тебе холодно или неудобно. — Он

обернулся и посмотрел на нее с улыбкой, но не было сомнений, что его гложет какая-то печаль. Он выглядел понурым, а его глаза были пусты.

— Все... все ли хорошо в Мидгарде? — спросила она.

Он вздохнул и отвернулся.

— Нет, не все.

Од почувствовала, как в ее груди оживает надежда. Неужели та женщина отвергла его? Она попыталась не выразить в своем голосе облегчения, которое испытала.

— Мне жаль это слышать. Почему ты не пошел, чтобы согреться у огня? Я приготовлю тебе еду, и мы можем поговорить о том, что случилось, если хочешь.

Видар снова проверил ставни.

— Да, думаю, мне надо поесть, — пробормотал он.

Од зажгла свечи и бросилась готовить рыбный суп, пока Видар сосредоточился на вырезании какой-то фигурки из дерева. Он ел, почти не глядя на нее, а потом сразу же вернулся к своему занятию.

— Видар, может, ты почувствуешь себя лучше, если расскажешь о том, что произошло в Мидгарде?

Вместо отказа, который ожидала услышать Од, он произнес:

— Может быть...

Он неотрывно смотрел на огонь, и его брови сдвинулись на переносице.

Од сделалось больно. Если бы только его печаль и страдания были из-за нее, а не из-за той смертной женщины из Мидгарда.

— Видар, я выслушаю все, что ты скажешь, если только захочешь.

Он помолчал какое-то время. За окнами ветер мягко шевелил макушки деревьев, и комнату наполнил запах дыма и пряностей, которые Од добавляла в суп. Не глядя ей в глаза, Видар проговорил тихо и медленно:

— Од, если бы ты любила кого-то так же сильно, как солнце любит луну, смогло бы что-либо удержать тебя в стороне?

Неожиданно слезы подступили к глазам Од, и тяжесть, лежавшая на сердце, сдавила его. Она не смогла ответить и набрала в грудь побольше воздуха, чтобы не разрыдаться.

— Прости, Од, — сказал Видар, касаясь ее плеча. — Я совсем не хотел огорчить тебя. Как бесчеловечно с моей стороны забыть о том, что ты далеко от дома, и там есть тот, кого ты любишь.

— Далек от моего сына, — произнесла она дрожащим голосом. — Так далеко, что иногда кажется, будто его не существует на самом деле.

— Ты никогда не рассказывала мне о нем, Од.

— Ты никогда не спрашивал.

Он улыбнулся ей такой нежной и теплой улыбкой, что ее сердце сжалось. За все эти годы, что она провела здесь, Од никогда не видела Видара таким открытым. Это удивило девушку даже больше, чем обрадовало, и кровь сильнее побежала по жилам.

— Вот я спрашиваю, — сказал он, — я тоже могу выслушать тебя, Од, если ты захочешь рассказать.

И она снова поведала свою историю. Рассказав ее Видару, Од получила намного большее облегчение, чем когда рассказывала ее Локи. Когда история подходила к концу, она увидела слезы в глазах Видара, вызванные жалостью

и состраданием. Неожиданно она почувствовала сильную досаду. Ту женщину он любил, как солнце любит луну, а ее, Од, только жалел. Видар живо представил, как она на закате дня стоит на границе с Ванакеймом и с тоской вспоминает о доме. Но сейчас он, должно быть, разглядел в ней нечто большее, чем слабое незащитное создание. В ней было достоинство — недаром же она была принцессой Ванир, — но его надо было в рабстве не показывать. Неудивительно, что он не любил ее. Она скрывала свой дух и свою силу. Теперь она заговорила слишком свободно:

— Видар, — произнесла она заговорщицки, наклонившись вперед: — Я до сих пор встречаюсь с норнами.

Его глаза округлились.

— Ты?

Пульс стучал у нее в горле. Она должна была остановиться. Сейчас, в этот момент, до того, как расскажет слишком много. — Вот куда я хожу в те дни, когда ты позволяешь мне потратить время на себя. Я прихожу к мировому древу, спускаюсь под землю и там обмениваюсь с норнами новостями в ответ на то, чтобы увидеть в волшебном кристалле моего сына. — Она села. — Пожалуйста, ни одна живая душа не должна узнать. Если я приведу к ним кого-нибудь...

— Конечно, Од, — быстро ответил он. — Его голос сделался твердым, но теплым.

— Спасибо, что выслушал мою историю, — сказала она, откидывая волосы с плеч и протягивая руки к огню. — Я чувствую себя лучше, когда делюсь с кем-то.

Они оба молчали несколько долгих минут. Порыв ветра попал в комнату, и огонь затрепал. Наконец у Од не хватило терпения, и она предложила ему рассказать свой секрет. — Ты был со мной так добр, Видар, но я могу быть тебе больше, чем просто служанка, — сказала она. — Я могу быть твоим товарищем. Мы можем стать друзьями.

Видар резко откинулся назад, и Од пожалела, что зашла так далеко, но она не могла допустить, чтобы он ушел сейчас.

— Тогда отвечу на твой другой вопрос, — быстро проговорила она, пытаясь сохранять легкость в голосе. — Не важно, как сильно солнце любит луну, их разделяют километры и километры звезд. Они — каждый на своем месте и не могут достичь друг друга. И они должны принять это и смириться, как поступаю я. Иногда любовь бывает невозможной.

Он поднялся и прикрыл голову руками, как будто не желая слышать этих слов.

— Мне нужно сделать глоток свежего воздуха. Дым режет глаза.

— Я подожду здесь, у огня, — сказала она.

— Нет, нет, иди спать. Мне еще нужно заглянуть к Арваку. Дверь в стойло сильно скрипит. — И он вышел.

Его внезапная холодность отозвалась в ней внутренней болью, казалось, что желудок завязан узлами.

— Прекрасно, — прошептала она, разозлившись. — Ну и спи с лошадью.

Глава 15

Каждый день всю неделю Видар исчезал рано утром и возвращался только тогда, когда сумерки окутывали лес и ветер с солоноватыми брызгами начинал доноситься с моря. Иногда он приходил весь промокший, и Од хотелось знать, ходил ли он снова к фьорду, чтобы в его водах увидеть Мидгард. Все вечера дома он проводил в глубокой задумчивости. Любые попытки Од вклиниться в его пространство пресекались Видаром на корню. Ее сердце ныло, и Од чувствовала, что он удаляется от нее все дальше и дальше и все больше замыкается в себе, но она была не в силах изменить ситуацию.

В одно ясное утро, через час после ухода Видара, Од собирала дрова для печи, когда услышала цокот копыт, приближавшийся со стороны леса. Она оглянулась и увидела Локи, который пулей вылетел из леса, сидя верхом на Хероре. Он был одет во все черное, его волосы растрепались, на лоб был надет серебряный обруч, а его одежду украшала брошь. С охапкой дров в руках она пошла ему навстречу, чтобы поприветствовать.

— Доброе утро, — сказала она с любопытством.

Спрыгнув с лошади и отпуская ее, он улыбнулся:

— Приветствую тебя, Од. Ты выглядишь замечательно.

— Спасибо.

— А как Видар? Мне нужно с ним поговорить.

— Его нет, он ушел.

— Куда?

— Я не знаю.

Локи прищурился:

— Ты не знаешь?

Од отрицательно покачала головой.

— Он не сказал, а я не спросила.

— Ах, какое разочарование. А мне так была нужна компания сегодня. — Локи оглянулся по сторонам. — Возможно, мне придется отправиться на его поиски.

Од забеспокоилась. А что, если Видар стоит в Сьяфьорд и никого не ожидает увидеть? Что, если Локи найдет его и узнает его секрет... что тогда?

— В каком направлении он поехал, Од? — спросил Локи.

Она взяла себя в руки и покачала головой.

— Не знаю, извини.

Видар доверял ей, он знал, что она никому ничего не расскажет, и Од не могла подорвать его доверие.

Локи устремил взгляд на северо-запад, туда, где виднелась вода.

— Скорее всего, я отправлюсь по склону к...

— Если тебе нужна компания, я с радостью составлю ее тебе, — сказала она быстро, бросая дрова и вытирая руки.

— У меня нет намерения сидеть около камина в такой замечательный день, — ответил он.

— Тогда давай погуляем по лесу.

— Погуляем? Разве ты не хочешь прокатиться верхом вместе со мной?

— Я не могла бы выдержать твою скорость.

— Нет, — сказал он, мягко беря ее под локоть. — *Со мной*, верхом на Херо-

ре. — Он громко свистнул, и Херор повернулся и пошел в их сторону.

Холодок пробежал по ее коже. Скакать на такой быстрой лошади.

— Я не уверена...

— Зачем тогда сказала, что можешь составить мне компанию? — спросил он. — Поехали.

— Мы помчимся очень быстро?

Локи дико захохотал.

— Конечно! — Он протянул ей руку. — Пойдем, Од. Не бойся. Ты должна доверять мне.

Доверять Локи? Од едва не засмеялась. Ей хотелось знать, как Видар отнесется к ее поступку, когда она расскажет ему об этом сегодня вечером. Она обвязала юбки вокруг лодыжек и позволила Локи помочь ей взобраться на лошадь.

— Держись крепче, — сказал Локи, игриво шлепнув ее.

Од не нужно было предупреждать, и она крепко обхватила руками его талию. Почему-то от его тела не шло человеческого тепла. Его черные волосы щекотали ее щеки и губы. Од зажмурилась.

Как только они сели, Херор молнией рванул с места. Од приоткрыла глаз, чтобы посмотреть, куда они едут, но тут же закрыла его, потому что ветки деревьев напугали ее.

Тени от деревьев, пролетающие мимо, были похожи на дикие привидения. Она сильнее прижалась к Локи, почувствовав его ребра. Время от времени она слышала, как все его тело содрогается от сумасшедшего смеха. Они ехали примерно двадцать минут, и наконец Од поняла, что Локи натянул поводья. Лошадь замедлила свой бег, и девушка осмелилась открыть глаза.

Они выехали из леса и теперь скакали по залитому солнцем полю, покрытому колосающейся травой и маргаритками. Херор остановился, они спрыгнули, и Локи отпустил лошадь. Ноги Од дрожали так сильно, что она не могла стоять. Поэтому она села на траву, чувствуя, как теплые лучи солнца припекают голову.

Локи сел рядом с ней и начал лениво срывать маргаритки.

— Тебе понравилось наше путешествие, Од?

— Нет, — ответила она, глубоко вздохнув и пытаясь унять дрожь в руках, трясущихся до сих пор.

— По дороге домой я попробую гнать лошадь еще сильнее, — ответил он, наклоняясь, чтобы вставить цветок ей в волосы. — Почему ты решила поехать со мной, Од? Я думаю, ты не хотела, чтобы я нашел Видара.

— Мне было так одиноко, и я была в доме, словно в ловушке, и мне как раз не хватало свежего воздуха, солнца и компании.

— Почему тебе было одиноко? — Он положил руку ей на колено.

— Видара часто нет дома, — ответила она.

— Он снова был в Мидгарде?

— Нет. Он уходит по утрам, а возвращается вечером и почти не разговаривает со мной. — Она осознала, что ее голос звучит горько.

— Как ты думаешь, что он делает целый день?

Од пожалела, что их разговор принял это направление. Как всегда, Локи выманивал из нее секреты.

— Я в самом деле не знаю, — просто ответила она. — Иногда мне кажется,

что он просто убегает от меня.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он знает, что я люблю его, и чтобы не отвергать меня, старается избегать. — Од говорила так жалобно, что ей самой сделалось смешно.

Локи сорвал еще одну маргаритку и вставил ей в волосы. Она сорвала цветок и сделала то же самое. Несколько минут, пока они украшали друг друга цветами, она ощущала себя настоящим ребенком. Все казалось таким простым.

— Знаешь, Од, — сказал Локи, — Видар не заслуживает от тебя такого отношения.

— Он заслуживает. Я знаю, он не чувствует ко мне того же, но он очень добр, терпелив, все делает для того, чтобы мне было хорошо. — Она опустила руки. Говорить о безразличии Видара было для нее так болезненно, и она сразу почувствовала опустошение во всем теле. — Он хороший человек, — произнесла она мягко.

Локи приблизился к ней и коснулся ее щеки своими холодными пальцами.

— Ты хорошая девушка, — сказал он. — Ты очень красивая, Од. Не стоит предлагать свою любовь тому, кто не ценит этого.

Од оттолкнула его руку.

— Я твоя служанка, — произнесла она с горечью в голосе.

— Нет, не сегодня. Оставь это для завтрашнего дня. Сегодня мы вместе, на залитом солнцем поле. Я из семьи Асиров. Ты из семьи Ваниров. История говорит, что мы должны поцеловать друг друга или убить. — Локи улыбнулся и наклонился вперед, обжигая ее щеку нежным дыханием. — Но я не собираюсь тебя убивать.

Он прижался холодными губами к ее губам. На какой-то момент она затаила дыхание, вся напряглась, но он обхватил руками ее запястья и прижался к ней ближе. Это было первый раз с тех долгих пор, как кто-то прикасался к ней. Она сделала вдох, а его поцелуй стал глубоким, и он повалил ее на траву. Его руки блуждали у нее в волосах, а губы покрывали поцелуями ее уши, шею, потом снова возвращались к губам.

Од открыла глаза и увидела, что яркое солнце смотрит на них. Она хотела знать, где сейчас Видар и что он делает. Локи положил руку ей на грудь.

— Стой, — сказала она.

Локи отстранился от нее, сдвинув брови на переносице:

— Стой?

— Пожалуйста, — сказала она, — я не хочу, извини.

Его глаза смотрели разъяренно.

— Женщина-служанка должна понимать, что ей не следует начинать с того, чего она не собирается доводить до конца.

— Прости. Пожалуйста, не вынуждай меня.

Казалось, это еще больше разозлило его. Он сел и отбросил волосы с плеч. Цветок упал на землю.

— Не вынуждать? Од, я никогда никого не вынуждал. К тому же ты рассказала бы Видару, а он сильнее меня и жестокий.

— Он не жестокий.

Локи фыркнул.

— Ты еще очень, очень молода. — Он встал и протянул руку, чтобы помочь

ей подняться на ноги. — Я отвезу тебя домой, а завтра придумаю такое отвратительное задание, какого ты и представить себе не можешь.

Од ощутила пустоту, вину и злобу одновременно. Обрато они скакали еще быстрее, чем ехали туда, и она обрадовалась, когда дом в Старой Долине показался из-за леса. Секунду спустя она увидела Видара, возвращавшегося со стороны фьорда. Он был весь вымокший. И Локи тоже увидел его.

— А это не твой ли хозяин? — спросил он, обернувшись через плечо.

— Да. Что это он делает дома так рано?

— Он мокрый. Есть какие-нибудь предположения?

— Нет.

— Тогда ты дура. Каждый может увидеть, как он выходит из фьорда. Он использует магию. — Локи направил лошадь навстречу Видару.

— О, кузен!

Од увидела беспокойство на лице Видара, когда он поднял голову. Он молча ждал, когда они приблизятся, а потом помог Од спуститься с лошади.

— Ты весь промок, Видар, — сказал Локи.

— Я купался. Сегодня жарко.

— Да, это так, — произнес Локи, сделав ехидное лицо.

— Для чего ты здесь? — спросил Видар.

— Я собирался встретиться с тобой. Однако твоя служанка уговорила меня покататься. Но сейчас мы вернулись, и я хочу спросить, когда мы ходили за нитью к Хеймдаллу, ты там больше ничего не брал?

Видар озадачен.

— Нет. Только нить.

Од придвинулась ближе к Видару.

— Ты дал мне пару брошей, Локи, — произнесла она.

— Они нужны мне, — сказал Локи. — Верни их.

— Почему?

— Я не собираюсь отчитываться перед тобой. Просто отдай их, — сказал Локи.

Видар кивнул, посмотрев на девушку с доброй улыбкой.

— Отдай, Од.

Од побежала в дом и среди остальных вещей нашла броши, лежавшие в деревянной резной коробке. Она боялась, что Локи может что-то не то сказать о ней Видару, пока ее нет. Вдруг он расскажет об их поцелуе? За дверьми дома она слышала смех, когда Локи рассказывал Видару какую-то историю. Видар не разделял его восторга, и, когда она подошла, он молчал.

— Вот, — сказала она, отдавая Локи брошки.

Локи покрутил их между пальцами и развернул лошадь.

— Увидимся завтра, Од. Приходи еще до рассвета, у меня для тебя много работы. До свидания, Видар.

— До свидания, кузен.

Локи ускакал, и Од осмелилась спросить Видара:

— Он говорил что-нибудь обо мне?

— О тебе? Нет.

Она почувствовала облегчение.

— Но я обеспокоен, — продолжил он. — Когда мы с Локи заходили в комнату Хеймдалла, Локи украл оттуда какие-то драгоценности.

— И?

— И Хеймдалл заметил, что они пропали, а потом понял, что произошло. Локи должен вернуть их.

— Но у тебя из-за этого не будет неприятностей, не так ли?

Они повернулись и пошли по направлению к дому.

— Кто знает, что Локи скажет Хеймдаллу? — сказал Видар. — Что, если он расскажет, что я был там? И почему мы первым делом заехали в Валяскьяльв?

Од улыбнулась:

— Ты же доверял ему, когда он повел тебя туда? Я считаю, что и дальше ты должен ему верить.

Видар посмотрел на нее задумчивым взглядом.

— Ты веришь ему, — произнес он твердо. — Я это вижу.

Од удивилась:

— Как ты можешь это видеть?

Теперь он смотрел перед собой, избегая встретиться с ней взглядом.

— У тебя цветы в волосах; и у него в волосах точно такие же цветы.

Она остановилась, вытащила маргаритки и бросила их на землю.

— Нет, Видар, все не так, как кажется. Мы не близки, и я не верю Локи, — крикнула она, догоняя его. — Но иногда он рассказывает мне свои секреты и я...

Видар замедлил шаг и посмотрел ей в лицо. В его глазах было напряжение, и они еще больше потемнели. Она не могла вспомнить, чтобы он когда-либо смотрел на нее с таким неприкрытым чувством, и ее охватили дрожь и испуг одновременно.

— Я предупреждаю, что это будет на твоей совести, если ты расскажешь ему о Виктории.

Она не смогла сдержаться.

— Ты не уверен во мне, — кратко произнесла она.

Прошла секунда, две, три. Напряжение между ними росло.

— Оставь меня, Од, — произнес он резко. — Мне нужно переодеться в сухую одежду.

Бриз с моря растрепал ее волосы, и несколько последних лепестков маргариток слетели с ее головы. Од смотрела, как удаляется Видар, но не пошла за ним. Итак, теперь ей было известно имя той женщины. Ее звали Виктория. Она произнесла имя вслух и от этого ощутила еще большую горечь.

Последние несколько недель Видар проводил очень много времени вне дома. Погруженный в собственные мысли, он снова и снова прокручивал в голове воспоминания о том, как встречался с Викторией, и ругал себя за то, что оставил ее одну. Он так много времени проводил в воде, наблюдая за ней, что его руки становились сморщенными, а сам он почти превращался в ледышку. Он бродил по ферме, чинил вещи, которые не требовали ремонта, кормил кур по нескольку раз, забывая, что уже давал им зерно, вырезал подарки для Виктории, не зная, сможет ли когда-нибудь подарить их ей.

С того дня, как он назвал имя Виктории и его услышала Од, он совсем изменился. Од проводила долгие часы с Локи, а Локи просто умирал от любопытства, хотел узнать, зачем Видар ездил в Мидгард. Если слух о его тайне дойдет до ушей отца, все его дело будет обречено на провал.

Видар жалел, что резко ответил Од. Он сожалел каждый раз, когда вспышка гнева не давала ему совладать со своими чувствами, но в такие моменты им руководили любовь и страх — две самые могущественные из всех страстей.

Хотя умом он понимал, что эмоции нужно сдерживать, но, глядя, как Од и Локи возвращаются вместе, раскрасневшиеся, с цветами в волосах, он почувствовал укол ревности. Долгие пять лет он на корню пресекал все попытки Од сделаться любовниками, и их отношения развивались в одном направлении — собственник и собственность. Она была его. Видар знал, что она любила его; он знал, что не любил ее. Но она принадлежала ему. И он стыдился такого положения; это было жестоко, неправильно, высокомерно — именно эти черты он ненавидел в своих родственниках. Единственный способ навести порядок в своих чувствах — извиниться перед Од.

Видар вернулся домой, когда стемнело. Огонь не горел, Од его не ждала. Он развел огонь в камине и проверил все комнаты. Они были пусты. Открыв заднюю дверь, он посмотрел вдаль и на фоне голого поля увидел ее черные волосы. Он пошел к ней. Она повернулась.

— Од, ты прячешься от меня?

— Нет. Я... думала.

— Могу я присесть рядом с тобой?

— Можешь, если хочешь. Я твоя служанка.

— Могу я присесть рядом со своим другом, Од?

— Сегодня утром ты не разговаривал со мной, как со своим другом.

— Я знаю, — произнес он мягко, присаживаясь на холодную траву рядом с ней. — Я хочу попросить прощения. Я доверяю тебе, Од. Мне нужно все объяснить тебе.

— Ты не должен.

— Я бы хотел. Я бы хотел помириться с тобой, потому что скоро уеду навещать свою мать. — Ему было нужно с чего-то начать разговор.

Она поднялась и отряхнула сзади юбку от земли. Он вытянул ноги перед собой. Морские волны тихо и ритмично ударялись о берег, и черные силуэты птиц кружили на розовом фоне неба.

— Продолжай, — сказала она.

— Я не могу все рассказать тебе. Не потому что я не доверяю тебе, а просто это не в моем характере — рассказывать все.

— Я понимаю.

— Я влюблен. Ты умница и все понимаешь.

— Да.

— Ее зовут Виктория, она живет в Мидгарде, и она не знает, что я влюблен в нее. Она не поверила бы, если бы я признался ей во всем.

— Почему именно она, Видар? — спросила Од, сдвинув брови и насупившись, так что стала похожа на обиженного ребенка. — Почему женщина из Мидгарда?

— Она особенная.

— Откуда ты это знаешь? Как ты можешь это знать, если всего лишь видел ее отражение в воде? Она так красива?

Видар тщательно подбирал слова:

— Я знаю ее, Од. Я узнал ее очень давно.

— Еще до того, как я пришла к тебе на службу?

— Да, еще до этого. Задолго до этого.

Отпечаток разочарования показался на лице Од, а потом она опустила голову и тихо промолвила:

— Я понимаю.

— Од, я знаю, что... что ты чувствуешь ко мне.

Она не ответила.

— При других обстоятельствах... — начал он.

— Не говори, Видар. — Она слабо улыбнулась ему. — Оставь мне хоть немного достоинства.

— Я очень высоко ценю тебя, — произнес он мягко. — Вот почему ты здесь, в Старой Долине, и не прислуживаешь этим ослам в Валяскьяльве. — Он чуть было не начал предостерегать ее от Локи, но потом решил не делать этого, на случай, если они уже стали любовниками.

— Ты так хорошо относился ко мне, — сказала она, — я стольким тебе обязана. Вот почему я не стерпела бы, если бы ты подумал, что я могу выдать твои секреты.

— Мне правда жаль. Просто я не могу рисковать.

— Чем?

— Ты хорошо знаешь мою семью, Од. Ты знаешь, каков Один. Когда он разозлится, то готов на все.

— Но почему он должен злиться? — спросила она, помедлив. — Другие ездят в Мидгард, встречаются там со своими возлюбленными, развлекаются, а потом приезжают обратно.

Видар ничего не ответил.

— О, — сказала она, — они возвращаются.

Он опустил голову, чувствуя тяжесть во всем теле. Соленый бриз продувал его насквозь, и он начал дрожать.

— Я уже рассказал больше, чем собирался.

— Ты так сильно любишь ее, — произнесла она с грустью. — Как солнце любит луну. Именно так ты сказал, когда только приехал.

Видар встал и сцепил руки сзади на шее, почувствовав, как с облегчением распрямился позвоночник.

— Не пойти ли нам домой и поесть, Од? Могу я приготовить что-нибудь для тебя в знак благодарности?

Од не ответила. Она смотрела в бездонное небо, и на ее лице было обеспокоенное выражение.

— Од?

Она повернулась к нему и быстро произнесла:

— Если бы Один обо всем узнал, Виктория была бы в опасности?

— Да, — ответил Видар, и его сердце подпрыгнуло. Она говорила так серьезно.

— А она знает об этом?

— Конечно, нет.

— Тогда как же она сможет защититься, Видар?

Он помолчал, задумавшись. Од была права. Если бы Один обнаружил Викторию, было бы слишком поздно. Если бы Один узнал о ее возвращении, он захотел бы ее смерти. Поэтому Видар должен поехать и предостеречь ее, помочь

ей защититься. Или остаться и гнать от себя дурные мысли?

— Видар?

— Она не сможет, — произнес он, и ему стало не по себе. — Она не сможет защитить себя.

Небо было еще черным, когда Од тихонько подошла к двери, чтобы отправиться к Локи. Видар проснулся и сказал сонным голосом:

— Возьми Арвака, — и снова заснул.

Арвак обрадовался, увидев ее. Теплый запах соломы в стойле резко контрастировал с солоноватым и подмороженным воздухом снаружи. Пристегнув к лошади седло, она поскакала к Локи. Ей хотелось знать, какое задание он придумал ей в наказание за то, что она отвергла его. Однажды в Валяскьяльве Тор заставил ее чистить собачьи конуры голыми руками и складывать все в одну кучу около двери. Когда он пришел проверить ее работу, он толкнул ее в кучу и расхохотался так, что слезы потекли по щекам. Она сомневалась, что Локи был способен придумать что-то лучше этого.

Как он потребовал, она приехала еще до рассвета и очень удивилась, застав его перед домом, полностью одетого и сидевшего верхом на лошади.

— Вовремя, Од.

— Я не думала, что ты уже проснулся.

— Мы собираемся в экспедицию и должны выехать как можно раньше. Я рад, что ты на лошади. — Он показал на восток. — Поехали.

— Куда мы едем? — в замешательстве спросила она, следуя за ним.

— Это зависит от того, как скоро мы доберемся. Ты хочешь поехать в Валяскьяльв?

Валяскьяльв? Он собирался отдать ее на день на службу прежним хозяевам?

— Нет, нет, я не хочу.

— Тогда мы должны двигаться быстрее. Мы должны поймать Хеймдалла до того, как он покинет Бифрост.

— Мы едем, чтобы встретиться с Хеймдаллом?

— Отдать ему вещи, которые я брал у него в долг. Я думал, тебе нравятся путешествия. Поехали.

Он прищпорил лошадь и галопом поскакал в лес.

Од сделала глубокий вдох и поскакала за ним.

Локи мчался не так быстро, как в прошлый раз, и за это она была ему благодарна. Выехав из леса, они миновали вулканические скалы, о подножия которых бились волны фьорда, сверкая в темноте, потом долину, застеленную туманом, и снова въехали в лес. Первый рассветный луч забрезжил на небо-склоне, когда они приблизились к развилке на дороге. Локи резко подался вперед и подождал, пока Од догонит его.

— Должно быть, Хеймдалл еще внизу, у Бифроста, — сказал он. — Мы поедем на юг.

— Я буду следовать за тобой. Я не знаю дорогу.

Он поскакал впереди, а она за ним.

— Нам не нужно ехать в Валяскьяльв?

— Нет.

Посмотрев на север, она представила место своей прежней работы. Слава

богу!

— Ты сказал, что приготовил для меня какое-то особенное задание? Ты дашь его мне, когда мы вернемся?

Локи покачал головой и улыбнулся.

— Нет, я не стал злиться на тебя, Од. — Его глаза расширились. — Знаешь, в моей натуре нет жестокости.

Они ехали вверх по дороге, а затем пошел резкий склон. Вдали, в утреннем свете показались два огромных, сверкающих камня.

— Это?..

— Бифрост. Впечатляет, не правда ли? Посмотри, видишь, на северной колонне стоит темная фигура? Это Хеймдалл, он знает, что мы подъезжаем. Примерно сейчас он начнет прислушиваться к нашему разговору. — Локи улыбнулся, а затем, не повышая голоса, произнес: — Я прав, старина? Если да, подними руку и махни нам.

Темная фигура подняла руку, и Локи рассмеялся.

— Ты встречалась с Хеймдаллом? — спросил он у Од.

— Да, — сказала она, осторожничая, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. Однажды она поймала Хеймдалла на том, что он подглядывал за ней, когда она купалась, а его рука была прижата к штанам спереди.

— Я недолго, — сказал Локи. — А потом мы отправимся в обратный путь. Может быть, посмотрим берег.

— Я в твоём распоряжении, — сказала она, удивляясь тому, что чувствует счастливую дрожь при мысли, что этот день ей не нужно будет сидеть у камина рядом с Локи и занимать его разными историями.

— Где мои вещи? — крикнул Хеймдалл, когда они подъехали ближе.

— Они у меня с собой, — ответил Локи. — Как-то раз я брал их у тебя в займы. Но я собирался вернуть их тебе.

Они остановились рядом с высокой колонной. Она была разрисована картинками, неровными линиями, ангелами, которые были похожи на настоящих. Эти рисунки возвратили Од в историческое прошлое. Она знала, что когда-то Асиры жили как боги. Их могуществу и власти не было предела. Время обернулось вспять, и груз тысячелетия, которое она должна была провести в служанках, сдавил легкие.

— Брал займы? — крикнул Хеймдалл. У него была густая, седая борода, которая делала его старше. — Тогда зачем ты прокрался ко мне в комнату, когда я спал?

— А вдруг ты бы отказал мне? — сказал Локи тоном, подразумевавшим, что так оно и было бы.

Хеймдалл посмотрел на Од.

— Что ты делаешь с ним? — спросил он, — ты его шлюха или служанка?

— Служанка, — сказала она со слабой ноткой гордости в голосе.

— Значит, Видар один? — спросил Хеймдалл. — Я смотрю, у тебя его лошадь.

— Видар...

Локи не дал ей договорить.

— Од сейчас живет со мной.

— Один хочет знать новости о Видаре, — сказал Хеймдалл.

— Я ничего не знаю о нем, — ответил Локи. — Я не вижусь с ним, потому

что он никогда не покидает Старую Долину.

Хеймдалл сдвинул густые брови.

— Мои вещи, Локи.

Локи протянул ему сумку. Старик заглянул внутрь, а потом перекинул ее через плечо.

— В следующий раз, — сказал Хеймдалл, — приходи так, чтобы я знал.

— Я могу не приходить больше, — произнес Локи равнодушно.

— Так даже лучше.

Они посмотрели, как он направился в сторону Валяскьяльва, и затем Локи повернул свою лошадь на юг.

— Хочешь приключений, Од?

— Только не очень быстро.

— Сегодня у меня хорошее настроение, — ответил он, — будь по-твоему.

Они проехали мимо южной колонны моста, а потом несколько миль по скалистому краю. Од не могла оторвать взгляда от темной пучины. Не было видно ни одного островка, казалось, этот океан бесконечен. Воздух был морозный, и Локи нашел скалистую тропинку, которая вела вниз со склона к границе бледного берега.

— Едем вниз, — сказал он и пришпорил свою лошадь.

Од старалась не спешить, но как только копыта Арвака ступили на песок, он сам увеличил скорость, и ей ничего не оставалось, как покрепче держаться в седле. Она вцепилась в него, когда они скакали по берегу, ее волосы растрепались, а холодный ветер больно бил по лицу. И она чувствовала себя обновленной, а сердце стучало сильно и требовало забыть о Видаре, по крайней мере на какое-то время. Лошадь Локи, ехавшего впереди, замедлила свой шаг.

— Здесь есть уединенное место, и мы можем посидеть там немного, — сказал он. — Пусть Арвак погуляет вместе с Херором. Они скоро придут.

Они отпустили лошадей, и Локи нашел вход в пещеру, где можно было укрыться от пронизывающего ветра. Сев рядом с ним, она стала смотреть на море. На горизонте солнце пробивалось через облака и бросало на воду сверкающие лучи.

— Ты заметила, как я выкрутился, когда Хеймдалл спрашивал о Видаре? — спросил Локи, пристально глядя на нее своими бесцветными глазами.

— Да, я уверена, что он все понял.

— Ты думаешь? Видишь, я могу быть лояльным и даже позаботиться о твоём Видаре, когда нужно.

— Он *не мой* Видар, — пробормотала она.

— Бедная, несчастная Од, — сказал он, и жесткие нотки мелькнули в его голосе. — Невезучая в любви.

Она не ответила. И как только она снова оказалась наедине с Локи?

— Скажи Видару, чтобы он приехал поговорить со мной, — произнес Локи, отклоняясь назад и облакачиваясь на скалистую стену, подложив руки под голову. — Может быть, завтра.

— Завтра он уезжает.

— Снова в Мидгард?

— Увидеться со своей матерью.

Локи нетерпеливо наклонился вперед, и Од испугалась, не сболтнула ли она чего лишнего.

— Со своей матерью?

— Может быть, он не говорил этого.

— О, Од, извини, ты не выдала секрета. Я просто удивлен. Ты знаешь, кто у него мать, да?

Од грустно покачала головой:

— Мне так мало известно о нем.

— Тогда, позволь, я расскажу тебе, девочка. Ее имя Грид. Она из великанов.

Сначала Од не могла вымолвить ни слова, а потом сказала:

— Мать Видара великанша?

— Да, поэтому он такой сильный. Разве ты не знаешь, большие женщины во вкусе Одина? Из них по крайней мере двенадцать были его любовницами.

— Значит, Видар должен переплыть залив, чтобы попасть в Ётунхейм? — Од сделалось страшно. В дороге его могло поджидать много опасностей.

— Наверное, но не беспокойся, Од, он не простой парень. Он сильный и хитрый, и мало кто устоит против него в битве.

— Я знаю это, или, по крайней мере, мне всегда так казалось. — Она задумалась, вспомнив различные истории, которые когда-либо слышала о семье Асиров. — Сколько он живет?

— Больше тысячи лет, — ответил Локи. — Сейчас я не могу вспомнить, когда точно он родился. Он намного моложе меня. Он родился в те времена, когда в Мидгарде люди почитали нас как богов. Видар рос во времена жесточайших сражений. У него был меч Хьярта-бигр, который считался самым безжалостным лезвием в Ванахейме. Чаша его собственной крови, крови Асиров, была подмешана в железо, когда ковали меч, и он никогда не заржавеет и не затупится. Он отливает слабо-красным цветом, а иногда даже бордовым. Я так часто видел Видара, перепачканного запекшейся кровью и покрытого пылью сражений, что я с трудом узнаю его, когда он чистый.

Од насупилась:

— Ты рассказываешь мне это, чтобы напугать?

— Я рассказываю это, потому что это правда. — Локи улыбнулся, и искры веселья осветили его глаза. — Ты не сможешь стоять, если узнаешь о его жестоком нраве? Какая же ты наивная. Тебя еще не было на свете в дни наших сражений. Откуда ты можешь знать его лучше меня?

— Как это может быть правдой? Как он мог быть жестоким, если он такой нежный и мягкий сейчас? Что, в нем поменялась кровь? Это невозможно.

— Человек может попытаться измениться. Он может избавиться от плохих черт характера, не поддаваться влиянию, запереться у себя в доме и не общаться ни с кем, кроме принцессы Ванир, и вкладывать всю свою энергию в свою ферму и строительство своего жилища. Но он всегда будет опасаться, что однажды его кровь может выдать его.

Од покачала головой.

— Я все равно не верю тебе. Я знаю Асиров, и в нем нет ничего общего с ними. Я не могу представить, что должно было произойти, чтобы человек изменился в корне.

— Не можешь? Ты в самом деле не можешь?

Од вздохнула.

— Нет.

Голос Локи перешел почти на шепот, и он наклонился ближе:

— А как насчет любви?

— Если он любил кого-то так сильно, что решился уйти из семьи, то где же сейчас та, кого он так любил? — спросила она. — Почему она не живет с ним в его доме?

— Один убил ее.

Мысли и чувства захлестнули ее. Нельзя было допустить, чтобы Локи прочитал ее мысли.

— Тогда расскажи мне об этом, хотя я вряд ли переменю свое мнение о нем.

Локи посмотрел в морскую даль:

— О, я не знаю, могу ли я. Все это произошло так давно.

— Пожалуйста, расскажи. Он любил кого-то? Кто она была?

— Нет, нет, я не буду утомлять тебя такими старыми историями.

Од застонала от отчаяния.

— Локи, я сойду с ума, если ты не расскажешь.

— Я расскажу, если потом ты разрешишь мне поцеловать тебя.

Не будь она так сосредоточена на том, чтобы услышать историю любви Видара, она бы рассмеялась.

— Я разрешу. Но ведь ты уже поцеловал меня однажды.

Локи улыбнулся.

— Ты веришь в конец света, Од? Ты веришь, что действительно будет конец нашего мира?

Она пожала плечами.

— Тысячи и тысячи лет мы ждем, что это произойдет. Иногда мне кажется, что эту историю специально рассказывают детям, чтобы напугать их, когда они не слушаются.

— Один верит. Все они в Валяскьяльве верят, что он наступит.

— Конечно, потому что они верят до сих пор в те истории, которые о них рассказывались в Мидгарде. Они до сих пор думают, что они боги.

— Видар частично принимает эту игру. Если предсказания осуществятся, гигантский волк Фенрир проглотит Одина целиком, а Видар спасет его, так что Один останется невредимым и потому сможет управлять и новым миром. — Локи поднял вверх длинный палец. — Видар всегда был рядом с отцом, пока не встретил девушку. Женщину из Мидгарда.

Удивительно. Значит, Видар любил и раньше женщину, жившую в Мидгарде?

— Что он нашел в ней, тебе лучше самой спросить у него. Все знали, что для него она единственная и он будет любить ее всегда. Он сказал, что оставит Асгард и будет жить с ней. Поэтому Один выпустил своих собак и затравил ее, как оленя, а потом зарубил топором.

Од затрясла головой.

— Но это ужасно.

— Но самое интересное. Видар был вне себя от ярости, когда узнал об этом. Он направился прямо к отцу, взяв свой меч. Даже небо сделалось черным. Убил бы он родного отца? — Локи покачал головой и женским голосом произнес: — О, нет. Он был слишком напуган.

— Один страшный человек, — сказала Од.

— Вместо этого, — продолжил Локи, — он убил всех слуг Одина.

— Что?

— Мило, не правда ли? Побоявшись сломать дверь в комнату своего отца, он убил всех, кто прислуживал его отцу, — мужчин и женщин. Если бы в то время ты служила в том доме, Од, он уничтожил бы и тебя.

— Я не верю в это.

— Он оставил зарубленные тела около двери Одина и исчез. Говорят, что когда Один вышел из комнаты и увидел мертвых, он рассмеялся.

Од покачала головой, абсолютно не веря в это.

— Нет, это все неправда. Видар не причинил бы вреда невинным людям.

— Я тебе говорю, Од, он мог и он сделал это. Он не такой, каким кажется. — Локи пожал плечами. — Кстати, Видар исчез надолго. Он никогда не возвращался в Валяскьяльв — было стыдно или очень боялся... Кто знает?

Од перебаривала в голове все, что он только что сказал ей. Она не могла поверить, что Видар способен на такую жестокость, и решила, что Локи наговаривает на него. Но как насчет этой смертной женщины? *Она единственная его любовь.* Тогда как же теперь он мог влюбиться в другую?

Тем не менее не было никакой *другой*. Она вспомнила слова Видара: он познакомился с Викторией задолго до того, как узнал Од.

— Понимаю, я дал тебе повод для раздумий, Од, — сказал Локи, вставая. — Спроси у него сама, почему он уехал из родительского дома? Хотя, я думаю, он может солгать.

— Он живет отдельно от семьи по тем же причинам, что и ты, — сказала Од. — Потому что они бессердечные, грубые, эгоистичные, и он не желает быть в их компании.

Локи помог девушке подняться?

— Это лишь половина правды. Да, они такие, но Видар знает, что он один из них.

Од стряхнула песок с юбки.

— Полагаю, сейчас я должна позволить тебе поцеловать меня. В качестве платы.

Локи оторвал взгляд от моря и прищурился от яркого солнца.

— Нет. Сейчас у меня нет настроения целоваться. Давай возвращаться.

Он вышел на песок и свистом позвал Херора, оставив Од в тени пещеры.

Глава 16

Видар подъехал к мировому древу в середине дня, когда солнце светило особенно ярко и было тепло. Он не надеялся, что, проведя день в дороге, станет чувствовать себя хорошо, но сейчас не был разочарован. Он оставил Арвака побродить и постоял несколько минут, разглядывая пейзаж, раскинувшийся перед ним: горы, широкая равнина, покрытая травой. Очертания Ётунхейма виднелись на той стороне залива, и серые облака лежали на вулканических макушках. Его мать Грид жила на южном краю Ётунхейма — перебираться надо через воду, через лес и по нетронутой зеленой равнине. Целый день пути от его дома. Дальше на север лежали таинственные земли мертвых. Некоторые ходили туда и возвращались. Он тоже был там. Это произошло несколько веков тому назад... Мороз пробежал по коже, и он поежился.

— Арвак, я вернусь завтра, в это же время, — сказал он.

Арвак уже направлялся в сторону поля, где колыхалась высокая трава.

Видар затаил дыхание, стиснул зубы и стал потихоньку спускаться по скалистым ступенькам. Морской бриз шевелил верхние ветви мирового древа, отчего внизу, в самых его корнях, слышался глухой стон. Быстрым шагом он пошел по равнине. Только через полчаса он обошел массивное дерево, а потом стал удаляться и удаляться, направляясь к скалам, отражавшимся в воде.

Остановившись, Видар окинул взглядом огромный залив. Несмотря на теплый день, он содрогнулся, представив, какая холодная вода в заливе. Он вошел в воду и какой-то момент не мог пошевелиться, но когда шок, сковавший конечности, прошел, он смог сделать вдох и поплыть.

Преодолеть вплавь так много миль было утомительно даже для бессмертного человека, в котором текла кровь великанов, и потому, чтобы благополучно доплыть, необходимо было сконцентрироваться, отбросить все мысли, отвлекавшие его внимание: Виктория, Од, Локи, Один. Так и сделав, он сфокусировался на своих мускулах и движениях, слушая ритм воды и своего дыхания. Вокруг него была плоская поверхность серой воды, и на губах чувствовался соленый вкус. Долгое время, продвигаясь вперед, он не видел ничего перед собой, кроме моря.

Здесь, в бескрайнем море, Видар нашел уединение, которого искал, когда покинул Валяскьяльв, чтобы жить в одиночестве, изолированно, в тишине. Потом появилась Од и нарушила его затворнический образ жизни. Хотя он был рад находиться рядом с ней, все же временами не мог достаточно глубоко укрыться в своем мире.

Когда Видар проплыл три четверти пути, его накрыла темная тень, заслонившая солнце. Он не поднял головы. Просто буревестник. Затем еще одна тень. Он посмотрел наверх.

Хугин и Муниин — шпионы, посланные Одним. Два огромных ворона своими широкими черными крыльями заслонили солнечный свет.

Видар все взвесил. Пусть отец и не придет в восторг от того, что он собрался навестить Грид, все же в этом не было ничего преступного. Он лег на спину и крикнул им:

— Передайте отцу, что я посылаю ему привет!

Один из воронов каркнул, затем обе птицы развернулись и стали удаляться, превратившись в две черные точки на идеально-голубом небе. Еще ка-

кое-то время Видар проплыл на спине, отдыхая. Солнце светило ему в лицо, и капли воды на ресницах блестели, переливаясь всеми цветами радуги. Потом он перевернулся и поплыл с новой силой. Его руки и плечи ныли от усталости, легкие болели, но он продолжал движение.

Наконец показались очертания суши, и вскоре он вышел на берег. Найдя небольшой участок с грубой травой, лег, чтобы отдышаться и подождать, пока солнце высушит одежду и волосы. Его пальцы были бледные и сморщенные от почти двух часов, проведенных в воде. Когда он сел и посмотрел на залив, то почувствовал себя неприятно. Завтра ему предстоит проделать обратный путь.

«Не думай о завтрашнем дне», — сказал он самому себе, закидывая руки за голову. Он огляделся по сторонам. Склон, поросший травой, поднимался в заросли деревьев и кустарника — там полно волков. Он должен идти тихо и осторожно.

Отдохнув и почувствовав силы двигаться дальше, он поднялся и начал взбираться на холм. Деревья в лесу росли очень близко друг к другу, создавая темноту, но все же немного солнечных лучей сюда проникало. Видар аккуратно передвигался среди деревьев, чтобы тонкие ветки не попали ему в глаза. Земля под ногами была неровной, с выступавшими корнями деревьев и множеством осколков скал. Из-за лесной прохлады его недосохшая одежда быстро отсырела. Время от времени то справа, то слева он слышал звуки животных, бегавших по лесу. Он пытался передвигаться тихо, чтобы не потревожить их, и все время смотрел по сторонам, чтобы не пропустить какую-либо опасность. Деревья начали расти гуще, трава становилась выше, и все свое внимание он сконцентрировал на том, чтобы продолжать передвигаться беззвучно. Почувствовав запах дыма, он понял, что где-то неподалеку находится дом женщины-троль Ярнвидьи, разводившей волков, которые охраняют забор и охотятся в лесу. Ее дом стоял на отшибе.

Снова послышался шорох. Видар остановился, внимательно осматриваясь по сторонам, но ничего не было видно. Закрыв глаза, он прислушался. Ничего. Ничего.

Там!

Он повернулся, открыв глаза. Светло-серое существо промелькнуло вдали. И снова ничего, привидение исчезло.

Рычание за спиной заставило его сердце замереть. Он обернулся, но прежде чем увидел волчицу, она уже прыгнула на него, повалив на землю, и ее морда оказалась около его горла. Он стал бороться, и ее челюсти щелкали вхолостую, а слюна капала на лицо. Он уворачивался, она нападала снова, цепляясь за его тунику. Когда он повернулся в очередной раз, камень от скалы больно вонзился ему в живот. Волчица укусила его за ногу, но он отбросил зверя. Когда Видар встал, кровь стекала в его ботинок.

Видар огляделся по сторонам и сосчитал волков. Пять. Они окружили его. Он потянулся за охотничьим ножом. Какая из них Альфа? Если бы он мог различить волчицу, которая привела стаю, и убить ее, тогда у него был бы шанс, что другие отступят. Через мгновение первая волчица снова приблизилась. Он поймал ее за туловище и повалился вместе с ней на землю, вонзив нож ей в грудь. Теперь остальные волки тоже набросились на него. Кровь забрызгала лицо, и он не понимал, волчья это кровь или его собственная. В мозгу бешено

носились мысли, и наконец он осознал: ни одна из этих волчиц не была Альфой. Это были волчицы, выращенные Ярнвидьей. Только она могла остановить их.

— Ярнвидья! — закричал Видар, сплевывая мех и струящуюся кровь.

В ответ послышался крик из-за деревьев. Вой женского голоса. Волки мгновенно отошли назад, он сел, скинув с себя мертвую волчицу, и стал ждать.

— Я подумала, что чувствую запах Асира. — Раздавшийся голос был грубым и неприятным.

Видар огляделся, чтобы понять, откуда идет голос:

— Позови своих волков, Ярнвидья. Мне нужно пройти по этой дороге, чтобы повидаться с Грид. Я не причиню тебе вреда.

— От Асиров всегда жди только вреда, — сказала она. Эхо ее голоса раздавалось со всех сторон, но сама она хорошо пряталась. — Ты убил одного из моих детей.

Видар взглянул на мертвую волчицу.

— Ты бы поступила так же, чтобы защитить свою жизнь. Дай мне пройти.

— И ты направишься прямо к своей матери?

— Да.

Наступила недолгая пауза. Потом среди деревьев послышался шум от движения. Еще одна волчица выскочила из кустов, сжимая в зубах широкую черную ленту.

— У моей дочери есть кое-что для тебя, — сказала Ярнвидья. — Возьми это у нее.

Видар встал, когда волчица приблизилась. Взяв у нее ленту, он озадаченно стал рассматривать ее.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал с этим?

— Повяжи себе на глаза. Ты сможешь пройти этот лес без помех только с завязанными глазами.

— Но как же я увижу, куда иду?

Женщина-троль фыркнула, издав смешок.

— Ты Асир. И ты думаешь, что ты Бог. Ты найдешь дорогу.

— Мне не нравятся твои слова.

— У тебя нет другого выбора, Видар. Или ты надеваешь повязку, или умираешь в лапах моих детей. Двенадцать штук ждут на моей стороне, а за ними еще больше.

— Какие гарантии, что твои волки не набросятся на меня, когда я завяжу глаза?

— У тебя есть мое слово, — сказала она притворнодевичьим голосом.

— Твое слово?

— Будь смелее, Видар. Жизнь — это путешествие по темноте.

Видар посмотрел на ленту и завязал ею глаза. Все перед ним стало черным.

Из леса послышался крик, наполовину женский, наполовину волчий. Он услышал, что волки удаляются. Он двинулся вперед, в полную силу наступив на укушенную ногу. Болью отдало в бедре. Он сделал несколько шагов, держа перед собой руки.

Пальцы рук похолодели.

— Позаботься, чтобы повязка была у тебя на глазах, когда будешь возвращаться обратно, — сказала женщина-троль. Из ее рта пахло мясом и тле-

ном. — Если ты осмелишься пойти обратно без повязки, мои девочки не пощадят тебя.

— Я понял, — послушно произнес Видар, — но я проходил по этой дороге раньше, не потревожив тебя...

— Я не обязана ничего объяснять тебе, — фыркнула Ярнвидья, отпуская его руку. Ее шаги удалились, и он понял, что остался один.

Так, ступая шаг за шагом, он продолжил свой путь к Грид.

По ощущениям он понял, что лес стал реже, но пока не осмеливался снять повязку. Лишь когда солнце полностью осветило его лицо, он осознал, что теперь ему ничто не угрожает. Он развязал узел и снял ленту.

Видар стоял перед полем с цветами, залитым солнцем. Его мать стояла в ста шагах от него, держа в руках охапку цветов. Она была приятно удивлена, увидев, как он выходит из леса.

— Видар?

— Грид, — улыбнулся он.

Она побежала к нему, бросив цветы, и заключила его в объятия. Грид была почти на голову выше Видара, крепкая и мускулистая, как большинство великанов, но удивительно красива: волосы цвета полуночи, а глаза — словно изумруды. Она была довольно старая, очень старая, на много веков старше Одина, хотя возраст был ей к лицу, и она выглядела только лет на десять старше Видара.

— Не могу поверить, что это ты! — воскликнула она, покрывая его лицо радостными поцелуями. — Я так давно не видела тебя.

Он обмотал черную ленту на запястье, чтобы не забыть ее завтра, когда будет возвращаться домой.

— Ярнвидья дала мне ее, — объяснил он, когда Грид взяла его за запястье и повела с поля.

Она прищелкнула языком.

— Эта старуха близка к умопомешательству. Я расскажу тебе что-то, только ты никогда не должен рассказывать это отцу.

— Ты знаешь, что я ничего не рассказываю ему.

— Ярнвидья устала ждать конца света. Она растит волка Манагарма, у которого зубы и пасть смертельны для Асира — он хитрее Локи, злее Тора. Она дала тебе повязку, чтобы ты не увидел ничего, что может выдать ее секрет. — Грид хихикнула. — Она свихнется, если узнает, что я рассказала тебе.

— Я никому не открою ее секрета. Я только ношу имя Асиров.

— Я рада слышать, что кровная вражда продолжается, — сказала Грид, едва заметно улыбнувшись. — Ты всегда был больше похож на мою семью, чем на его. — Они пересекли зеленый холм, где местами росли сосны, и миновали серую гору. Перед ними в долине показался дом Грид, маленькая круглая хижина, напоминавшая перевернутое птичье гнездо.

— Пойдем внутрь. Ты ранен. Позволь мне посмотреть твою рану.

В доме он сел у огня, и Грид промыла и перевязала рану, нанесенную волчицей. Он огляделся вокруг. Дом был построен из глины и соломы, а стены внутри были разрисованы птицами. В основном это были чайки белого и серого цвета, но на концах их крыльев и среди оперенья мелькали яркие пятна синего и красного цвета. Солнечный свет слабо проникал сквозь стены.

— Не тут-то было, — сказала она, улыбнувшись и похлопав его по колену. — Тебя не так просто убить. Это у тебя в крови.

— Иногда я хочу, чтобы в моих жилах текла кровь смертных, Грид.

— О, не говори таких вещей. — Она игриво щелкнула его по уху. — Как бы я жила, если бы ты умер?

Видар подождал, пока Грид сядет на стул рядом с ним.

— Мама, она вернулась.

У Грид округлились глаза.

— Смертная девушка?

Видар кивнул.

— А, я понимаю.

— Она находится на Острове Одина, только на другой стороне радужного моста. Я не знаю, что делать. Я пришел к тебе за советом.

Грид улыбнулась:

— Жизнь женщины делится на три периода. Сначала она должна найти себе пару, потом вырастить детей, а дальше — должна жить мудро. Что бы ты хотел услышать от меня, Видар?

— Что-нибудь мудрое.

— Твой отец убьет ее, когда узнает о ее существовании.

У Видара сердце заныло. Конечно, он знал это, но все-таки в нем теплилась надежда, что Грид может поговорить с Одином, как с разумным человеком.

— Ты уверена?

— А ты нет? Видар, с годами он делается не лучше, а все хуже. Он не позволит тебе уйти дальше Старой Долины.

Видар безнадежно опустил голову.

— Я знаю, ты любишь ее...

— Я люблю ее несколько столетий, — произнес он хрипло.

— Но ради ее безопасности ты не должен вступать с ней в отношения.

Он поднял глаза и горько улыбнулся.

— Слишком поздно, мама.

Грид покачала головой:

— Видар, что ты такое говоришь?

— Я уже виделся с ней. Она не знает, кто я. Или кто она.

Грид глубоко вздохнула:

— Видар, ты Асир, ты сделан совсем из другого материала, нежели она. Если ты дотрагивался до нее, то она носит твою отметку, и Один может почувствовать, что она где-то рядом.

— Почувствовать ее?

— Ты недооцениваешь своего отца, если думаешь, что он дурак. Чаще всего он бывает пьян. Конечно, возможно, он никогда не обратит своего внимания на Мидгард. Но что будет, если он сделает это?

— Он ничего не узнает, пока не посмотрит в воду в Сьяфьорд. Но я бы узнал, если бы он подошел так близко к моему дому, и остановил бы его.

— Он не станет утруждать себя поездкой в Старую Долину, Видар. У него есть собственный запас воды, в которую он может посмотреть и узнать обо всем. Я сама наполняла для него хрустальную бутылку, и он хранит ее в своих покоях. Ему стоит лишь немного налить в чашу.

Видар закрыл лицо руками.

— Я не знал этого.

— Ее нужно предупредить, чтобы она уехала с Острова Одина куда-нибудь, где он не найдет ее, на другой край земли.

— Она не поверит мне. Она ни во что не верит. К тому же есть условие — я не могу ничего рассказать ей, пока она не влюбится в меня.

Грид наклонилась вперед и обняла его.

— О, Видар, какая беда.

Он встретился с матерью взглядом.

— Что мне делать?

— Тебе нужно ехать к ней и добиваться ее любви. А потом ты должен будешь покинуть ее.

Казалось, тяжелые тиски сдавили вдруг его грудь.

— Как я смогу оставить ее, Грид? Я ждал, ждал и ждал. Она все для меня. Жизнь без нее слишком долгая и не имеет смысла. — Его голос сорвался, и он закусил губу, чтобы прийти в себя.

— Прости, мой любимый. Это мой совет. Ты в безопасности, и отец не причинит тебе вреда, но он может навредить ей, и этого достаточно.

— Мама, почему ты когда-то полюбила его?

Вопрос удивил ее, и на глазах заблестели слезы.

— Мы не выбираем тех, кого любим, Видар. Глупое сердце. К тому же не полюби я его тогда, у меня не было бы тебя, чтобы сейчас отдавать тебе свою любовь. — Грид заулыбалась. — Может быть, тебе удастся побороть свое глупое сердце и влюбиться в кого-то еще?

Видар подумал об Од.

— Нет, этого не будет никогда.

— Все еще может быть, — сказала она. — Ты, наверное, проголодался. Давай я дам тебе что-нибудь поесть.

Она пошла готовить еду, а Видар сидел у огня, и в голове у него вертелась мысль: *Ехать к ней, добиться ее любви, покинуть ее.*

На первое и на второе он мог решиться, но вот последнее казалось ему невозможным.

Последние лучи закатного солнца отражались от поверхности моря, когда на следующий день Видар подъехал к Старой Долине. Арвак первым почувствовал что-то неладное; он встал на дыбы и заржал, натянув поводья.

— Что такое, Арвак? — спросил Видар, наклонившись и похлопав его по шее. Видар затих на мгновение, оглядываясь по сторонам, и увидел дым, выходящий из кухни...

Потом он заметил какое-то движение за конюшней. Арвак уже учуял ее: Таннигрснир. Лошадь Тора, бестия, страшное создание. Она без труда могла превратиться в козу или дикого борова, чтобы быть съеденной на пиру, а затем возродиться. Расседланная означала, что его ненавистный братец находится в доме.

— Я знаю, ты не любишь ее, старина, — сказал Видар, устремляя Арвака вперед, — но я не могу оставить Од одну вместе с Тором. Поехали.

Арвак немного посопротивлялся, но потом набрал скорость, почувствовав напористость в голосе хозяина. Подъехав к дому, Видар отпустил лошадь побродить. Он очень устал от путешествия и надеялся вечером принять горячую

ванну и с удовольствием съесть какое-нибудь из самых лучших блюд, приготовленных Од. Ничто так не напрягало его, как общение с членами своей семьи.

Ударом ноги Видар открыл дверь. Тор сидел на лавке, его рыжие волосы и борода казались золотыми в отблеске пламени огня. Он криво улыбнулся Видару и произнес:

— Привет, слабак.

— Где Од?

Нежданный гость махнул рукой.

— Прячется от меня. Она ничего. Видно, ты хорошо с ней общался. Она породы Ванир, показывает свою семейную гордость.

— А в моей семье нет ничего, чем бы я мог гордиться, — ответил Видар.

Мелькнуло лезвие, и Тор метнул нож, который вонзился в столб за спиной Видара. Его рукоятка задрожала.

— В следующий раз я воткну его в тебя, если ты хоть слово скажешь против Асиров.

— Зачем ты приехал сюда?

— Один послал меня. Он видел тебя плывущим через залив.

— Ты имеешь в виду, что его трусливые курицы видели меня?

— Глаза воронов — это его глаза. Ты был в Ётунхейме, не так ли? Виделся с ней?

— Если ты говоришь о моей матери, да, я был у нее.

Тор выдернул свой нож из колонны.

— Один хочет видеть тебя.

Видар почувствовал резкий толчок сердца.

— Зачем?

— Ты поедешь в Валяскьяльв вместе со мной.

Видар покачал головой:

— Я никуда не собираюсь с тобой. Арвак не захочет ехать вместе с Таннгри-снир.

— Тогда Арвак такой же мягкотелый, как и его хозяин. Один настаивает. Ты едешь со мной в Валяскьяльв. У него есть вопросы, которые он хочет задать тебе.

— Передай Одину, что я приеду через три дня. Я только что вернулся из далекого путешествия и очень устал.

Тор прищурился.

— Ты приедешь завтра.

— Или послезавтра.

— Лучше не слишком испытывай мое терпение, Видар.

Наступила небольшая пауза, после чего Тор сказал:

— Я передам Одину, что ты приедешь послезавтра. Утром. — После этих слов он поднялся и посмотрел на дверь комнаты Од.

— Бери ее с собой, если хочешь. Я найду, чем ее занять.

— Од останется здесь. Она подчиняется мне.

— Скажи мне, ты спал с ней, братец? Дай мне хоть какой-нибудь повод гордиться тобой.

— Ты уезжаешь?

Его брат захохотал.

— Да, уезжаю, боюсь, что если останусь дольше, мои яйца сохнут, как у тебя. — Он пошел к двери. — Видар, послезавтра.

— Я приеду.

Дверь за ним закрылась, и слышались его шаги, направляющиеся в сторону конюшни. Видар затаил дыхание, пока не различил цокот копыт удаляющейся лошади. Тяжело опустившись на скамью, он схватился за голову. Чего хотел Один? Видар был рад, что у него осталось несколько дней, чтобы обо всем хорошенько подумать. Скорее всего, Один хотел поговорить с ним о его матери. Но предостережения Грид посеяли в нем страх: он дотрагивался до Виктории, а значит, на ней есть его отметка. Один уже мог почувствовать ее и, может быть, он собирался отправиться в Мидгард и...

Видар покачал головой, глубоко вздохнув. Он устал и был обессилен. Еще две ночи остались до того, как он предстанет перед своим отцом, а пока он должен позвать Од.

— Од? — сказал он, — ты можешь выходить. Он уехал.

Од оторвалась от своего шитья, и Видар увидел синяк под правым глазом.

— О, Од. — Видар вбежал в комнату и встал на колени перед ней. — Это сделал Тор?

— За то, что я не сказала ему, когда ты вернешься. — Она осторожно дотронулась до синяка и поморщилась.

Видар заправил прядь волос ей за ухо и внимательно посмотрел на кровоподтек.

— Какой же он смелый, что смог ударить женщину. — Он встал и протянул руку. — Подойди к огню. Сколько он здесь пробыл?

— Он приехал рано утром, с первым лучом солнца. — Она дала Видару руку, не встречаясь с ним взглядом. — Чего он хотел?

Видар снова почувствовал беспокойство.

— Он сказал, что отец хочет видеть меня, и я должен ехать.

— Ты поедешь?

— Если я не поеду, то он придет сюда. — Видар вздохнул. — У меня нет выбора. Встречи с ним не избежать.

Глава 17

Когда Од пробиралась по извилистым дорожкам к мировому дереву, она пыталась понять, почему ощущает печаль и тоску. Не было ничего необычного в ее встрече с норнами, просто она всегда чувствовала возбуждение от того, что увидит Хельги.

Сегодня она не испытывала этого чувства.

Она присела под паутиной между корнями. Холодный ветер, дувший откуда-то из-под земли, растрепал ее волосы. Она вздрогнула и вошла внутрь. Последний раз, когда она наблюдала за Хельги в кристалле, он смеялся и играл с Турид, тетей Од. Он выглядел счастливым. Он хватал ее за руки и вис на ней, как обычно дети висят на своей маме. Возможно, воспоминания о нем и были причиной ее меланхолии. Од, его настоящая мама, содрогалась, когда видела, как ее маленький сынишка играет с кем-то еще.

Тусклый свет сочился из обиталища норн, и Од остановилась около стены на несколько мгновений. Ее губы задрожали, и слезы неожиданно брызнули из глаз. Совсем не о такой жизни она мечтала: быть разлученной со своим ребенком, любить мужчину, который безразличен к ней, спускаться по этому подземному лабиринту с болью, засевшей глубоко в сердце и такой сильной, что, казалось, она может гору разнести на мелкие кусочки.

Сделав вдох, она собралась. Ее сердце должно быть крепче любой горы. Когда-нибудь, через несколько столетий, она снова увидит Хельги. Он вырастет, и она будет чужой для него, но он захочет встретиться с ней и узнать, кто была его мать. Од должна быть достойна этой предстоящей встречи; женщина, полная достоинства, а не какая-нибудь развалина.

Смех Верды эхом прокатился по проходу, и Од подняла голову. Она услышала их мирную болтовню, и ей захотелось знать, почему у них у самих такая судьба? Она сделала еще один поворот и увидела их.

— Добрый день, сестры, — произнесла она, стараясь придать своему голосу веселые нотки.

— Од! Ты принесла мне заколку для волос? — спросила Урд, откладывая свою нить и приближаясь к ней.

— Я принесла. И тебе, и Скульд. Я вырезала их без помощи Видара, поэтому... — Она вынула из сумки две деревянные заколки и показала их.

Урд едва заметно отклонилась назад.

— О!

— Какую из них ты выбираешь? — прошептала Од, наклоняясь вперед и протягивая ту, на которой было меньше неровностей.

Урд быстро схватила ее.

— Я возьму эту. Скульд, а ты возьми другую. Она не такая красивая, как моя.

Она пошла в глубь своего жилища и зажгла свечу.

Скульд не могла выпустить нить.

— Положи пока, я посмотрю чуть позже. — Она подняла голову и посмотрела на Од. — Как у тебя дела, Од?

— У меня все хорошо.

— Ты виделась или разговаривала с Локи?

— Да, и виделась, и разговаривала. Я ничего не говорила ему о тебе.

— Хорошо. Так и поступай дальше, — произнесла Верда, сматывая нитку в клубок и откладывая его в сторону. — Присядь с нами. Расскажи, что происходит в мире. Как Видар?

— У него тоже все хорошо. На этой неделе он ездил повидаться со своей матерью, а еще Тор приезжал к нам.

После этих слов последовало громкое хихиканье, и щеки Урд залились краской, из чего Од поняла, что Тор был в ее вкусе.

— Кто тебя ударил в лицо? — спросила Верда.

Од дотронулась до синяка у себя под глазом.

— Я упала, — ответила она. Если Урд была увлечена Тором, то не стоило портить их отношения.

Она свободно обо всем рассказывала, но старалась ни словом не обмолвиться о Локи, чтобы они не испугались и не отказались и дальше показывать ей Хельги.

— Сестры, — сказала Од, когда они получили свою порцию сплетен. — Это правда, что Видару предназначено судьбой спасти своего отца, когда наступит день конца света?

— Да, да, — ответила Скульд. — Видар очень важен для Асиров.

— Неудивительно, что Один так сильно беспокоится о нем, — прибавила Верда.

— Когда-то Видар любил смертную женщину... — Урд разложила нити по всему полу. — Это в прошлом, — добавила она.

— А какая-нибудь женщина существует для него в будущем? — спросила Од.

— Од! — воскликнула Скульд. — Ты не должна выведывать у нас тайны будущего.

— И настоящего, — добавила Верда.

— Ты знаешь, что тебе запрещено знать.

— И знаешь, что мы не будем ничего рассказывать.

— Представь, какие нас ждут неприятности, если кто-нибудь узнает, что посторонний знает о судьбе других.

Од вскинула руки:

— Простите меня, но вы же знаете, что я люблю его.

— Он не любит тебя, — сказала Верда решительно.

— Не проси нас, чтобы мы сделали так, чтобы он полюбил тебя, — сказала Урд. — Мы не можем иметь с тобой никаких дел, Од.

Скульд была добрее.

— Будущее запланировано, но еще не значит, что именно так все случится, Од. Судьба меняется каждый момент. Это более загадочно, чем мы можем объяснить. Береги свое сердце. Все еще может произойти.

Верда посмотрела на Скульд с опаской.

— Спасибо, сестра, этого достаточно. — Она нащупала карман на своем переднике и достала волшебный кристалл.

— Од, ты хочешь увидеть своего мальчика?

— Да, — ответила Од, протягивая руки, — спасибо, Верда.

— Пользуйся своим временем, — сказала она, нежно поправляя волосы на голове Од. — У нас много работы.

Од отошла в сторону и стала смотреть в кристалл. Ребенок спал. Что может

быть чудеснее, чем лицо мирно спящего младенца? Она пристально рассматривала его. С того времени, когда она видела его в последний раз, он изменился. Его щечки теперь были не такими пухлыми, а волосы немного потемнели. За последний год он заметно подрос. Это уже не тот малыш, которого она держала на руках в яблоневом саду. Пройдет еще пять-шесть лет, и он станет юношей. Од почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Но не было смысла убиваться, потому что нет надежды что-то изменить. Хельги, ее дорогого крошечного мальчика уже не было. Возможно, лучше было бы позволить ему умереть тогда, пять лет тому назад, и продолжать горевать по нему на своей родной земле, оставаясь свободной женщиной.

Но нет, она не должна была беречь Хельги для себя. Она спасла его, чтобы он рос, превращаясь из мальчика в мужчину, а потом чтобы влюбился и занял своих собственных детей.

Она неотрывно смотрела на него, но не испытывала душевного покоя. Так было всегда? Может быть, но боль, которую она ощущала, стоила того, чтобы смотреть на него и знать, что его лицо спокойное и счастливое. Он спал еще какое-то время, а потом пришла ее тетя, и они отправились гулять на поле. Он бегал, широко расставив руки, притворяясь птицей. Потом появился Мимир, отец Од, отчего Хельги очень сильно смутился. Потом горничная принесла им еду, и они принялись за нее, сидя на траве, залитой солнцем. Потом Мимир дал Хельги деревянный меч, и они стали играть, сражаясь, и всегда ее мальчик побеждал. Од наблюдала за ними, все больше и больше желая находиться среди них.

Незаметно подошла Верда и легонько коснулась ее плеча.

— Од, уже пора.

Од вздрогнула от ее прикосновения. Пробежало несколько часов, и теперь ей нужно было возвращаться домой в темноте.

— Конечно, — сказала она, протягивая кристалл Верде. — Спасибо.

— Сегодня ты кажешься несчастной, — Скульд прищурилась.

— Нет, я вполне счастлива. Какой смысл страдать от того, что уготовано судьбой? — вздохнула Од.

Уже было за полночь, когда Од вернулась в Старую Долину, и она очень удивилась, что Видар до сих пор не спит.

— Видар? Сегодня ты долго не ложишься, — сказала она, закрывая плотнее за собой дверь, чтобы не напустить ночного холода.

Он вырезал из дерева что-то маленькое и красивое.

— Пойдем, посидим у огня, Од. Мне хочется поговорить с тобой.

Од сбросила свою тунику, чувствуя жар от длительной прогулки, хотя руки и лицо были холодные.

— Я твоя служанка, Видар, и ты можешь говорить мне все, что захочешь. — Она проследовала за ним к камину и села.

Он принес ей чашку с пивом, подождал немного, пока она усядется, и сказал:

— Почему ты решила, что обязана слушать меня?

— Потому что, когда я жила в доме твоего отца, они никогда не спрашивали, хочу ли я выслушивать их. — Она сделала глоток.

— Ты же знаешь, я не такой, как они.

— Продолжай, что ты хотел сказать.

— Подожди. Сначала расскажи, как прошел день? Ты видела своего сына? Возвращаясь, Од немного развеялась, и сейчас вопрос Видара снова заставил ее огорчиться.

— Да, я видела его, с ним все в порядке, но...

— Но?

— Я скучаю по нему, — договорила она шепотом.

Видар молчал несколько секунд. Свеча в подсвечнике затрепетала и потухла. Потом он произнес:

— Од, ты должна утешать себя тем, что сделала все возможное для того, чтобы он был жив.

— Я пытаюсь. — Она покачала головой. — Мне намного легче, когда я на время забываю о своем горе. Скажи, о чем ты хотел поговорить.

Он взял ее руки в свои, и на его лице промелькнуло торжественное выражение. Она попыталась успокоить свое сердце.

— Тебе это не понравится, но это очень важно, Од.

— Говори.

— Завтра я должен ехать в Валяскьяльв — увидеться со своим отцом. Я не знаю, чего он хочет, но боюсь, что... — Он не смог закончить фразу и опустил глаза.

— Ты боишься, что он знает о Виктории?

— Да. Это маловероятно, но такое возможно. — Глаза Видара казались почти черными при свете огня. Они неотрывно и напряженно смотрели на нее.

— Я не могу допустить, чтобы отец нашел ее, — сказал он, — Виктория мне слишком дорога.

Од не подала виду, до чего больно ей было это слышать.

— Чем я могу тебе помочь? — спросила она.

— Я совсем не доверяю своему отцу. Я уверен, что он зовет меня под фальшивым предлогом. Он может заманить меня в какую-нибудь ловушку, специально, чтобы оградить меня от встреч с Викторией. Когда я не смогу помочь ей... Он сотворит что-то ужасное.

Од почувствовала волну нежности к Видару.

— Что-то похожее на то, что он сделал в последний раз?

Он нахмурился.

— Откуда тебе известно про последний раз?

— Мне рассказал Локи. Я догадалась, что Виктория это та же самая женщина.

— Я не могу ничего тебе рассказать, Од. Каждая деталь в этой истории — секрет. Извини меня.

Она заулыбалась, вся засветившись.

— Тебе не нужно извиняться передо мной. Я твоя служанка, запомни.

— Од, ты мой друг, — просто ответил он.

— Ах, твой друг. — Он никогда еще не смотрел на нее с такой любовью, и никогда она не чувствовала себя так спокойно. Потом она подумала, что это неожиданное предложение дружбы он сделал специально, чтобы навязать ей свою волю, но тут же отругала себя за такие мысли. Видар был просто отчаявшимся мужчиной.

— Продолжай, Видар, прости. Объясни мне, что ты хочешь, чтобы я сдела-

ла.

Видар выпрямился и глубоко вздохнул. Потом протянул фигурку, которую вырезал, держа ее перед собой.

— Если я не вернусь завтра вечером, я хочу, чтобы ты поехала в Мидгард. Я оставлю тебе свою специальную тунику, и тогда Хеймдалл не сможет увидеть тебя на мосту. Я хочу, чтобы ты нашла Викторию и сказала ей, что она должна уехать с Острова Одина как можно дальше. Сначала она не поверит тебе, но ты должна убедить ее... сделать это. — Он протянул Од фигурку. — Отдай ей это, — произнес он мягко, — и скажи, что я люблю ее.

Од взглянула на фигурку. Волк среди листвы. Она была уникальна. У Од захватило дыхание, и какое-то время она не могла говорить.

— Од, ты сделаешь это для меня?

Девушка подняла голову и встретилась с ним взглядом. Ей хотелось закричать, наброситься на него, бросить фигурку в огонь, но вместо этого она быстро ответила:

— Я все сделаю.

— Ты уверена? У тебя сомневающийся вид.

Она покачала головой и сказала более твердо:

— Нет, у меня нет сомнений. Я сделаю. Но я знаю, что завтра вечером ты вернешься домой. Твой отец просто хочет расспросить тебя о Грид.

— Надеюсь, это что так. — Видар встал. — Спокойной ночи, Од. Утром я снова с тобой поговорю.

Она поняла, что он хочет остаться один, и, забрав фигурку, удалилась в свою комнату.

Од долго не могла заснуть. Лежа под одеялами, она слышала шаги Видара, все еще бродившего по комнате. Беззвучно она подошла к двери и открыла ее. Видар стоял спиной к ней, обхватив голову руками. Девушка вернулась в кровать и достала из-под подушки фигурку. В тусклом свете Од восхищалась ею, до боли в сердце желая, чтобы фигурка предназначалась ей.

Видар проснулся с неприятным чувством. Что произошло?

Свет проходил сквозь ставни. О нет, он просто проспал. Он вскочил и посмотрел из окна. Судя по расположению солнца, время уже близилось к полудню.

Думать было некогда. Быстро одевшись, он стукнул в дверь Од. Почему она не разбудила его раньше?

По ее бледному лицу он понял, что она тоже поздно заснула.

— Видар?

— Я опоздал. Мне нужно ехать немедленно.

— Будь осторожен.

— Ты помнишь, о чем я просил тебя вчера ночью?

— Конечно, — ответила она, раздражаясь.

Он взял ее за руку. Ее кожа была очень мягкой.

— Спасибо тебе, Од. Миллион раз спасибо. — Потом он отвернулся. — Я должен идти.

Она не ответила, когда он поспешно вышел из дома.

Видар не выспался, а его конь Арвак был в превосходной форме. Когда оставалась четверть мили до Валяскьяльва, на небе начали сгущаться облака и по-

лил дождь.

Скоро Видар промок до нитки, ветер на побережье усилился, превратив его одежду в ледяную корку. Выезжая из леса, он откинул с глаз мокрые волосы и увидел дом своего отца. Казалось, что крыша чуть согнулась под тяжестью туч. Видар отдал лошадь молодому конюху и пошел к дому.

Две массивные резные двери, украшенные серебром, открывали дорогу в длинный коридор. Видар постоял немного, позволив глазам привыкнуть к темному прокуренному помещению. Войдя внутрь, он ощутил себя так, будто шагнул в пасть акулы: темнота и запах моря, перемешанный с кровью. Стены украшали факелы, освещавшие потолок. В каждом проходе стояли бюсты, серебряные фигуры, лежали шкуры убитых животных, а также висело оружие, инкрустированное драгоценными камнями. Все трофеи, добытые в битвах в Мидгарде за много сотен лет, были покрыты пылью. Видар поднял глаза к потолку. Серебряные карнизы тускло поблескивали в свете камина. Оба конца холла освещались двумя огромными факелами.

Длинные столы и скамейки были пусты, несколько слуг, стоявших в дальнем конце коридора, держали над огнем тушу оленя. Там, за деревянной дверью, находились покои Одина. В другом направлении холл сужался, переходя в еще один длинный коридор. Он вел в комнаты, где жили дяди, тети... двоюродные и сводные братья и сестры Видара.

К нему подошла молодая горничная. Все слуги здесь были смертными, которые надеялись получить бессмертие, обещанное Одином за их службу. Несмотря на это, здесь умирали многие. Частенько можно было увидеть тело, висящее на дереве, или найти человеческий скелет, объединенный рыбами и прибитый волнами к подножию скал. Лицо девушки-горничной было бледным и измученным, что говорило о том, что пожизненная служба не лучше, чем сама смерть.

— Видар? — спросила она.

— Я здесь, чтобы увидеться со своим отцом, — ответил он.

— Присядьте около огня. Я сообщу Одину о том, что вы приехали. — Вернувшись, она сообщила: — Он говорит, что скоро увидится с вами. Я дам вам выпить чего-нибудь горячего.

— У вас не найдется какой-нибудь сухой одежды? — спросил Видар.

Она избегала его взгляда.

— Хозяин велел, чтобы я ничего не предлагала вам, кроме горячего напитка, до тех пор пока он не встретится с вами.

Видар вздохнул:

— Понимаю.

Такое поведение было обычным для отца — надо показать свою власть. Видар снял мокрую рубашку и повесил ее над столом, а сам сел на пол, чтобы быть как можно ближе к огню. Потом принесли напиток, слуги входили и уходили, его одежда начала высыхать. А Один все не шел.

Наконец тяжелая дверь скрипнула, и Видар приказал самому себе собраться. Его пульс учащенно бился.

Не отец. Это вышел Вали, сводный брат Видара.

— Вали, где Один? — спросил он.

Вали закрыл дверь за собой и подошел ближе:

— Почему ты сидишь здесь полураздетый?

— Моя одежда промокла, а кожа сохнет быстрее.

Вали был очень похож на Видара, потому что его матерью была родная сестра Грид, только его волосы и глаза были светлее. Когда-то они были очень близки, но события с Халой сделали их врагами. Сейчас Видар видел в своем брате странное отражение самого себя. Он мог стать точно таким, если бы остался здесь, среди этой семьи.

— Мог бы кто-нибудь дать мне покрывало? — спросил Видар.

— Один скоро придет, — ответил Вали. — Ты можешь подождать и спросить у него.

— Вали, это нелепо. Я замерз.

— Веди себя как мужчина, а не как капризная девица, — сказал Вали, садясь рядом с ним.

— Ты не знаешь, зачем он хочет видеть меня? — спросил Видар, надеясь, что его голос не выдаст его страха за Викторию.

— Понятия не имею.

— Он ничего не говорил тебе?

Вали улыбнулся, показав рот с тремя недостающими зубами.

— Совесть замучила?

— Нет.

— Возможно, он просто соскучился по тебе, Видар. Ты же его любимый сын.

— Не уверен, — ответил Видар грубо.

— Ты знаешь, что это так. Мы все это знаем. Он съел бы любого, кто посмел бы поступить так, как ты, неблагодарный.

Видар больше ничего не сказал. Он потрогал свою рубашку. Она была почти сухая.

Вали встал и игриво хлопнул Видара по плечу:

— Посмотрю, готов ли он принять тебя.

Видар наблюдал за ним, пока он не исчез за тяжелой дверью. Повсюду сновали слуги, двери открывались и закрывались, то здесь, то там слышались шаги. Прошел час, два, но Один не шел.

Видар начал волноваться. Что, если отца не было здесь? Что, если он уже находится на пути в Мидгард? Но нет, он будет ждать до ночи.

— Один на самом деле там? — спросил он у молоденькой горничной.

— Конечно. — Ее смущение было очевидным.

Видар продолжал ждать. Меньше всего на свете он хотел оказаться в этом доме, чужом и холодном, и ждать появления своего отца. Сейчас он понимал, что все это была игра: и дождь был вызван специально, чтобы он промок насквозь, и это бесконечное ожидание было рассчитано на то, чтобы напомнить ему, что не имеет значения, как далеко от своей семьи он живет, — он все равно остается одним из предметов собственности Одина.

Эхо скрипнувшей двери прокатилось по холлу, и Видар обернулся, вздрогнув и разозлившись на самого себя за то, что его сердце бешено подпрыгнуло.

Вали снова стоял там.

— Где он? — требовательно спросил Видар. — Я замерз, проголодался и устал... — Он сделал паузу. Сейчас он жаловался, но план отца на это и был рассчитан.

— Прости, брат, — сказал Вали низким голосом, жестко улыбаясь. — Наш отец чувствует себя не очень хорошо. Он просил передать тебе сообщение и

послать тебя домой.

— Какое сообщение?

— Он предпочитает, чтобы ты не навещал свою мать.

Облегчение теплым медом разлилось по телу.

«Речь шла о Грид?» Слава всем звездам на небосклоне и луне, что он ничего не знал о Виктории.

— Один говорит, что великаны были отправлены в Ётунхейм по веским причинам, и когда ты пересекаешь залив, чтобы увидеться с ней, твоему отцу это сильно не нравится.

— Ты можешь передать отцу, — сказал Видар, стараясь сохранять спокойствие в голосе, — что в ближайшее время я не собираюсь туда. Теперь я могу ехать?

— Конечно. — Вали широко распахнул руки. — Видар, ты всегда волен идти, куда хочешь. Мы же твоя семья, а не надзиратели.

— И на этом спасибо.

— Один говорит, что тебе здесь будут рады в любое время.

Видар был уже на полпути к выходу. Морозящий дождь сразу же начал усиливаться.

— Может быть, ты хочешь что-нибудь передать отцу? — спросил Вали.

Видар замедлил шаг, обернулся и еще раз окинул взглядом богатое убранство холла.

— Нет.

— Тогда до встречи.

Облегченно вздохнув, Видар закрыл за собой дверь и направился к конюшне. Даже издали был слышен рев моря, и в холодном воздухе стоял тяжелый запах соленых брызг. Пока Виктории ничто не угрожало, но в самое ближайшее время ему необходимо увидеться с ней.

Глава 18

Когда Видар вернулся из Валяскьяльва целый и невредимый, Од заметила, что он снова замкнулся в себе. Следующие два дня он провел, блуждая по полям, и почти все ночи напролет вырезал фигурки, сидя у огня. На все попытки Од разговаривать с ним, он лишь отвечал вежливой улыбкой и слабо пожимал плечами в знак протеста. Каждую ночь, ложась в свою кровать, она чувствовала, что они все больше и больше отдаляются друг от друга. Она ощущала полное одиночество.

С тех пор как девушка покинула родной дом, она продолжала тешить себя надеждой, что когда-нибудь Видар все же полюбит ее. Сейчас ее надежда таяла, и она не могла выносить длинных дней и пустых ночей.

На третий день Видар проснулся в хорошем настроении и даже предложил свою помощь Од, когда она долго не могла заправить нитки в свой ткацкий станок.

Она подняла на него тревожный взгляд, не веря тому, что он может провести с ней какое-то время.

— Да, — ответила она, — помоги, клубок не держится.

— Однажды моя мама так сильно разозлилась на отца, что запустила в него клубком, — засмеялся Видар. — Потом мне пришлось сматывать нитки.

— А что сделал Один?

— За это он отправил ее в Ётунхейм.

— О, прости. — Пока он не смотрел на нее, она не могла глаз отвести от его мужественного подбородка, от его ресниц. Боль желания пронзила ее тело.

— Ну вот, — сказал он, закрепив клубок.

— Спасибо.

— Я хочу согреться вином. Ты будешь?

— Да, с удовольствием. — Она посмотрела на него. — Ты сегодня никуда не собираешься?

— Я закончил свои дела, — сказал он. — Похоже, курам очень нравится их новая крыша. Теперь она не течет.

— Ты в отличном настроении, — заметила она. — Неужели починенная крыша так повлияла на тебя?

Видар засмеялся.

Она продолжала сматывать нитки, и через несколько минут Видар протянул ей чашку с вином. Отложив работу, она начала пить маленькими глотками.

— Что ты будешь ткать?

— Новую тунуку для лета. Та, что у меня была, совсем прохудилась.

— Сделай мне тоже, — сказал он.

— С удовольствием.

— Сегодня ночью я уезжаю.

Од не ожидала.

— Сегодня? Куда? — Но она знала куда, так же как и понимала то, отчего Видар был в таком хорошем расположении духа.

— В Мидгард. — Он сжал губы — верный признак того, что не собирался отвечать на ее дальнейшие вопросы.

— Она в безопасности? — Сердце Од забило быстрее, и девушка почув-

ствовала ком в горле. Она знала, что не должна спрашивать.

— Мне нужно предостеречь ее, — сказал Видар. — Это может занять какое-то время. Если кто-то из моей семьи будет разыскивать меня, скажи, что я поехал в Эльфхейм повидаться со старым другом.

Од не могла смотреть ему в глаза.

— Конечно.

— Прости меня, Од. Мне не нравится, что ты вынуждена врать из-за меня.

— Врать твоей семье — это удовольствие, — ответила она, подумав о Торе. — Надеюсь, что в твое отсутствие они не выплеснут на меня все свое негодование.

Видар поднял брови.

— Од, я даже не подумал об этом. Будешь ли ты в безопасности, оставшись здесь одна?

Он даже не подумал об этом.

— Я уверена, все обойдется.

— Ты можешь поехать к Локи, если там ты будешь чувствовать себя спокойнее.

— Спокойнее рядом с Локи! — она хмыкнула и покачала головой. — Я надеюсь, все будет хорошо. Видар, почему ты единственный из вашей семьи, кому я могу доверять, и знать, что ты не обидишь меня?

Хотя его безразличие было больнее, чем удар, который нанес ей его родственник Тор.

Он пожал плечами, и напряженное выражение вновь вернулось на его лицо.

— Я не такой, как они.

— Я знаю. — Она вспомнила историю, которую ей рассказывал Локи, и, отводя глаза в сторону, тихим голосом спросила: — А раньше ты был похож на них?

Последовало долгое молчание. Она подняла на него глаза. Видар смотрел на огонь с бессмысленным выражением на лице.

— Видар?

— Я не могу отрицать, что во мне течет та же кровь, что и в них, — произнес он, — но я стал другим, когда встретил Халдизу.

— Халдизу?

— Викторию.

Значит, есть два имени, которые она ненавидит.

— Локи рассказывал, что...

Видар повернулся к ней, и его глаза потемнели от злости. Он смотрел таким свирепым взглядом, что Од готова была поверить в его жестокость, о которой предупреждал ее Локи.

— Локи ничего неизвестно обо мне, — сказал он, ткнув указательным пальцем в плечо девушке.

— Прости меня, я... — Она не договорила. Видар не слушал ее. Он пошел в угол комнаты, чтобы взять свои вещи.

— Видар?

— Уже стемнело. Мне пора ехать.

— Я не хотела разозлить тебя.

Видар посмотрел на нее сочувственно.

— Я рад, что ты служишь у меня, — сказал он медленно, как будто обращался к маленькому ребенку, — но есть вещи, которые я никогда не буду обсуждать с тобой, а значит, есть вопросы, которые ты не должна задавать. — Повернувшись, он встал около нее. — Попытайся понять. Ты еще очень молода.

Гнев и досада нахлынули на нее. Он снова предлагал ей только жалость. А она не кто-нибудь, она — принцесса!

— Мне нет дела до твоих тайн, Видар, — ответила Од, поднимаясь со своего места. Чашка выпала из ее рук и ударилась об пол. — Мне хватает своих тайн. — После этих слов она выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Бросившись на кровать, зарылась лицом в подушки. Ужасная несправедливость ее положения мучила Од до такой степени, что было трудно дышать.

Она долго пролежала так, заливаясь горячими слезами. Потом послышался цокот лошадиных копыт, и она поняла, что Видар уехал. Подошла к окну и открыла ставни. Солнце садилось. Девушке было так одиноко, и она понятия не имела, когда снова увидит Видара.

Она схватила тунику, выбежала из двери и направилась к дому Локи.

Когда Од приблизилась к тому месту, где жил Локи, было уже совсем темно. Слабый свет виднелся в окне дома. Она продолжала путь, стараясь не думать, переехал ли Видар мост и встретился ли уже со своей любимой.

Подойдя к двери дома, она замешкалась.

Это было безумием. Локи ничем не сможет помочь ее одиночеству.

Дверь открылась, на пороге стоял Локи. В комнате чувствовался слабый запах дыма.

— Ну, Од, ты заходишь?

— Откуда ты?..

— Я услышал шаги и выглянул в окно. Заходи, раз пришла. Там холодно.

Она не решалась.

— Давай, девочка, я не против того, что ты пришла. Мне не мешает компания. — Повернувшись к ней спиной, он прошел внутрь.

Од задержала дыхание, а потом медленно выдохнула.

— Где Видар? — спросил Локи, когда она проследовала за ним.

— Я не знаю, — произнесла она осторожно.

Локи улыбнулся. Огонь осветил его лицо.

— Конечно же, ты не знаешь. Ты никогда ничего не знаешь. Хотя бы сейчас тебе известно, почему ты здесь?

— Я... я...

Локи сжал руки и передразнил ее:

— Я... я...

Злость, которая была в ней, выплеснулась наружу.

— Я здесь, потому что не знаю, что еще делать, — всхлипнула она.

Выражение лица Локи моментально смягчилось. Он резко схватил ее и заключил в объятия.

— Зато я знаю, почему ты пришла сюда, — сказал он.

Она продолжала всхлипывать у него на груди.

— Это нечестно, — плакала она, — нечестно.

— Нет, нечестно, Од.

Од вцепилась в него и рыдала. Ей необходимо было упереться в чье-либо

плечо, пусть даже это был Локи, холодный, как статуя.

— Я люблю его, — проговорила она сквозь слезы.

— Не понимаю за что?

— Он хороший и добрый и...

— Ты не представляешь, как меня тошнит, когда я слышу этот вздор, — сказал Локи, отталкивая ее. — Посмотри на себя. Ты же вся зареванная. Посмотри, на кого ты стала похожа. Я рад, что ты находишься не среди этих твердолобых ослов, которые живут в Валяскьяльве, но он заморозил тебя своим безразличием. Все, что ему нужно от тебя, это осознавать, что рядом есть живая душа, которая заботится о нем. Но и об этом он уже не помнит. — Локи, улыбаясь, наклонился ближе и произнес с издевкой: — Од, он заботится о своей лошади больше, чем о тебе.

Она почувствовала приступ новых рыданий и попробовала высвободиться из рук Локи, но он крепче прижал ее, обхватив ее голую шею своими холодными руками.

— Ах, девочка, — произнес он мягко, — поплачь хорошенько, скоро ты снова будешь счастлива.

— Мне так далеко до этого, — прошептала она, контролируя себя, чтобы опять не расплакаться. Ее пульс учащенно бился под его пальцами. — Дальше, чем до самых далеких звезд.

Он наклонил голову и поцеловал ее в щеку, и его губы заскользили ниже, по подбородку и остановились на теплой впадинке на шее.

— Тогда прими все как есть и живи своей жизнью, лишенной удовольствий.

Волна желания медленно начала разливаться по ее телу, заполняя его с кончиков пальцев ног и поднимаясь все выше.

— Как живешь ты?

— Я не несчастлив.

Он отошел назад, скинул рубашку и провел ее рукой по своей гладкой груди. Он был не теплее, чем лунный свет. Ее пальцы пробежали по его коже, и она вздрогнула.

— Давай найдем теплое место, чтобы лечь, — сказал он, отходя от нее.

— Я не лягу с тобой.

— Да, ляжешь, — сказал он, не поворачивая головы. Он собрал в охапку шкуры и расстелил их на полу, рядом с огнем, а потом сел.

— Иди, — сказал он, показывая на место рядом с собой.

Од почувствовала себя марионеткой.

— Иди, Од. Не бойся. Будет очень хорошо, а потом мы чего-нибудь поедим.

Она вздохнула, подумав о Видаре, о котором так часто мечтала.

— А я и не боюсь, — сказала она.

Од подошла к нему. Он раздел ее и нежно положил на спину. Она закрыла глаза.

— Нет, нет, — сказал он. — Не закрывай их. Я не хочу, чтобы ты представляла, будто вместо меня он.

Од радовалась, что рядом горит огонь, потому что ее любовник был опытным, но холодным. Она дала выход всем своим накопившимся эмоциям, позволив телу расслабиться и забыть о тревожных мыслях. Когда все закончилось, она осознала, что испытывает удовольствие, находясь с Локи.

— Как ты думаешь, собаки, лошади и птицы испытывают такое же сильное наслаждение, как и мы? — спросил он, накидывая медвежьей шкуру на их переплетенные тела.

— Я никогда не задумывалась об этом, — ответила Од, утыкаясь головой ему в грудь.

Он поцеловал ее в макушку:

— Ты красивая, Од. Видар дурак, что не отвечает тебе взаимностью.

Она улыбнулась, хоть он и не мог видеть этого:

— Спасибо.

— В самом деле, где он? — спросил Локи. — Снова отправился в Мидгард, да?

Од вспомнила об их разговоре сегодня днем.

— Обещай, что никому не скажешь.

— Конечно, не скажу.

Она села. Ее сердце стучало виновато.

— Он в Мидгарде. Ты прав, он поехал туда.

Локи прищурился, глядя на нее пристально.

— Тебе известно, что он делает там, ведь так?

Од прикусила губу. Она зашла слишком далеко.

— Нет, Од, теперь поздно отпираться, — произнес Локи, хватая ее за волосы.

Она попыталась вырваться, но почувствовала боль.

— Я не знаю, — сказала она. — Отпусти волосы.

Локи разжал кулак, и ее волосы заструились у него по пальцам, но он тут же схватил ее за запястье.

— Ты вся открыта передо мной, Од, — сказал он, и впервые за весь вечер знакомый жестокий блеск появился у него в глазах. — Твои мысли и твое тело я вижу насквозь.

Свободной рукой она натянула шкуру, чтобы прикрыть грудь.

— Уже слишком поздно, — сказал он. — Ты сама подтвердила, что Видар в Мидгарде, и теперь мне все известно.

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты так одинока, что пришла ко мне за утешением, значит, Видар в конце концов разбил твое сердце. Ты потеряла последнюю надежду вернуть свои чувства. Итак, ты должна думать, что он влюблен в кого-то еще.

Она сидела молча, глядя на него, и ее лицо пылало.

— Когда он ездил в Мидгард, я подозревал, что там живет его возлюбленная. Я сам помогал ему перебраться через мост. Любовь, которая была у него тысячу лет назад, вернулась? Я прав?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала она.

Локи потер руки:

— Я прав! Я догадывался, но по твоему виду все ясно. Ты в шоке, Од.

— Ты не расскажешь ни одной душе, — потребовала она.

— Это отчаяние, не так ли? — спросил он. — Один не должен узнать об этом.

— Видар убьет тебя.

— Я не сомневаюсь в этом, Од, но я никому не расскажу. У меня нет причины досаждать Видару. Он никогда не доставляет мне проблем и никогда не

встает на моем пути. — Он отвернулся и оделся. — Хотя мне любопытно. А тебе?

— Что?

— Та женщина. Почему у него к ней такие сильные чувства.

— Любовь слепа и сердцу не прикажешь, я думаю, — предположила она.

— Я хотел бы посмотреть на нее, — сказал он. — Интересно познакомиться с ней, — после этих слов он разразился громким смехом. — Возможно, я нанесу ей визит.

Од схватила его за плечо и развернула к себе.

— Нет, — сказала она, — Видар узнает об этом. Он поймет, что я рассказала тебе, и никогда не простит за это. Он возненавидит меня.

— Ах, да. Мы не можем этого допустить, — произнес он, растягиваясь рядом с ней. — Я постараюсь сдержаться.

Боль от вины и сожаление не давали ей покоя. Видар был прав, что не доверял ей.

— Я жалею, что пришла сюда сегодня.

— А я рад. Неужели ты хоть капельку не рада? — Он быстро поцеловал ее в шею.

Она печально улыбнулась.

— Ну, может быть, совсем немного, — сказала она.

— Можешь доверять мне все свои секреты, Од, — сказал он, играя ее волосами. — До тех пор пока мы остаемся друзьями, тебе не о чем беспокоиться.

Часть вторая

*... Стала, дева, ты непокорная, ненавистна богам.
Поездка Скирнира. Старшая Эдда
(Перевод А. Корсуна)*

Глава 19

[Мидгард]

Гарстен дал мне пять дней отдыха, и сначала казалось, что этого будет недостаточно. Я чувствовала себя абсолютно раздавленной, больной и испуганной. Мне очень хотелось домой, и если бы не было надежды, что Видар может вернуться, я, возможно, уехала бы. Мой мир словно разделился надвое, и я не могла понять, что со мной происходит.

Лежа в кровати, я читала до тех пор, пока мой мозг не отказывался соображать, а потом просто лежала с закрытыми глазами, проводя в голове бессмысленные подсчеты, пытаюсь угадать нужные номера на лотерейных билетах, которые покупала моя мама. К среде я уже не могла выносить даже мысли об очередном дне, проведенном в кровати. Поэтому, когда Гуннар постучался и сообщил мне, что в четыре часа намечается чаепитие по поводу пятидесятилетия Гордона, я настояла, что тоже буду присутствовать. Я встала и оделась.

— Ты слышала? — крикнул Гуннар из кухни, пока я одевалась в спальне.

— Что?

— Паром. Ходят слухи, что Матиас и Нина уезжают.

— Так быстро?

— Не волнуйся, они вернутся. Они приезжают четыре раза в году.

У меня немного дрожали ноги, но я была уверена, что это от долгого лежания в кровати. Я присоединилась к Гуннару на кухне.

— Они приезжают четко через каждые тринадцать недель или как получится? — спросила я.

Вместо ответа он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Ты уверена, что тебе уже можно выходить?

— Я хорошо себя чувствую.

— Ты очень бледная.

— Да я всегда такая, — ответила я. — Думаешь, Гарстен отправит меня назад?

Гарстен остановил меня в офисе и настоял на том, чтобы послушать мои легкие, перед тем как разрешить мне идти пить чай. К этому времени Гуннар уже ушел, а Магнус остался со мной.

— Тебе лучше? — спросил он резко.

Это был первый раз, когда я увиделась с ним после инцидента, он явно не испытывал ко мне прежних теплых чувств.

— Мне уже намного лучше, спасибо, — сказала я осторожно.

— Хорошо, я хочу, чтобы ты приступила к работе в пятницу.

— В пятницу? Но вы же обещали пять выходных?!

— Уже четыре прошло, — ответил он с недоумевающим видом.

— Да, четыре больничных дня.

— Это не моя вина, что ты заболела в свои выходные. Мне нужно, чтобы в пятницу ты была на работе.

Он быстро вышел, и, как обычно бывает, только через несколько секунд до меня дошло, как нужно было правильно ответить: «На самом деле это ваша вина, что я провела в постели свои выходные, потому что мне пришлось спасти жизнь вашего сына, пока вы были заняты со своей поварихой». Но было

слишком поздно, и сейчас он уже смеялся в комнате отдыха. Я растерялась.

— Как ты думаешь, почему Магнус и Марианна так холодны со мной? — прошептала я Гуннару, отведя его в дальний угол комнаты.

Гуннар был в курсе всех дел.

— Фрида рассказала мне, что Марианна говорила ей, будто Магнус тайно засматривается на тебя. Марианна обижается и думает, что нужна Магнусу только для того, чтобы спать с ней.

На какой-то момент я опешила.

— Но это же сплетни, Гуннар. Если ты слышишь сплетни о друге, то должен немедленно обо всем рассказывать.

— Я не хотел беспокоить тебя. Ты болела, — сказал он и отрезал большой кусок фруктового торта.

— Магнус равнодушен ко мне, — застонала я.

— Кто может винить его за это? — произнес Гуннар с набитым ртом. Крошки посыпались на его рубашку.

— Мне нужно выпить воды, — сказала я.

— А мне, пожалуйста, налей шампанского, — сказал он, стряхивая крошки. Я направилась к бару, где стояли Ёзеф и Алекс.

— Мне бокал шампанского и стакан воды.

Гарстен склонился над моим плечом:

— Я бы пока не советовал употреблять алкоголь, Вики.

— Это не для меня, это для Дон-Жуана, — сказала я, показывая в угол комнаты, где стоял Гуннар, доедая кусок торта.

Алекс протянул мне два стакана и наклонился ближе.

— Не ешь суп! — сказал он, скорчив гримасу.

— Что?

Обнажив свои большие белые зубы, он показал на Марианну.

— Любая еда, которую она приготовит для тебя, может быть отравлена.

— А если кто-то еще попробует эту еду?

Ёзеф присоединился к нам:

— Гарстен говорил мне, что Магнус...

Я подняла руку.

— Не хочу знать! Спасибо за шампанское. — Все, чего я терпеть не могла, сейчас происходило со мной. Сплетни, многозначительные взгляды в мою сторону, обсуждение моей личной жизни. В те спокойные моменты, проведенные с Видаром, все казалось таким возвышенным, лишенным обыденности.

Когда праздничное чаепитие плавно перешло в ночную вечеринку, я осталась единственной трезвой среди пьяных дураков. Ёзеф заступил на ночное дежурство, а Алекс и Гуннар, прихватив с собой одеяла в комнату для контрольных исследований, громко заявили, что собираются остаться здесь до утра. Все остальные отправились спать по своим комнатам, и мы остались втроем. Я взяла стакан с теплым шампанским и пила его маленькими глотками, сидя на полу, скрестив ноги.

Ёзеф выключил свет, оставив включенными только компьютерные экраны. Гуннар и Алекс рассказывали разные истории, пока Ёзеф не присоединился к нам.

— Сколько времени? — спросил Алекс, зевая во весь рот.

Ёзеф посмотрел на часы.

— Второй час. Ты можешь лечь, если хочешь.

— Но это же вечеринка, — сказал Гуннар.

— Виновник торжества ушел два часа назад, — заметила я.

— Эта вечеринка не в честь Гордона, — объяснил Гуннар. — Это вечеринка в твою честь. Мы празднуем то, что ты не утонула в субботу.

— Я выпью за это! — сказал Алекс, поднимая стакан.

Гуннар был сильно пьян. Он удобно устроился, облокотившись на мое плечо.

— Ну да, я очень довольна, что осталась жива, — сказала я, отодвигаясь немного, чтобы он не так давил мне на плечо.

— Я уже было подумал, что ты будешь жертвой номер три, — сказал Ёзеф.

— Номер три?

— Одного мы потеряли в озере в восемьдесят четвертом году, другого в контрольной комнате в девяносто втором году.

Я ужаснулась:

— Я слышала, что кто-то утонул, но чтобы здесь? В комнате для контрольных исследований? А что случилось?

— Тогда никого из нас не было здесь, поэтому я не знаю, — сказал Ёзеф.

— Может быть, у него был сердечный приступ? — предположил Алекс.

— Сомневаюсь. Ему было всего двадцать пять лет.

— Я уверен, что что-то слышал о сердечном приступе.

— Но как двадцатипятилетний человек мог умереть от сердечного приступа, Алекс?

Они спорили какое-то время, а я пыталась не вмешиваться в их разговор.

— Готов поспорить, что его задушила ведьма, — объявил Алекс в конце концов.

— Задушила? — спросил Гуннар.

— Ты же знаешь. Эта старая сука приходит сюда, если ты осмелишься заснуть в этой комнате.

Упоминание о ведьме заставило меня вздрогнуть и похолодеть.

— Да, но это же просто сонный паралич, — пробормотала я.

— Да уж, — сказал Алекс, наклоняясь вперед. — Тебя ведь она не душила, не так ли?

Моя рука инстинктивно потянулась к горлу.

— Нет, но я очень хорошо могу себе это представить.

— Сейчас я кое-что расскажу, — произнес Ёзеф, откидываясь назад и прикладываясь головой на ногу Алекса. — Вы знаете тридцатиминутный таймер?

Мы все кивнули. Он говорил о таймере, который каждые полчаса напоминал нам о том, что нужно проверить направление ветра, температуру и атмосферное давление. Он издавал отвратительные звуки на всю контрольную комнату, противные и навязчивые.

— Я установил время с самым громким звуком, так, чтобы мог проснуться, на случай, если засну и она придет. Он всегда будит меня, перед тем как она может...

— Ёзеф, ты слишком суеверен, — усмехнулся Алекс. — Это был просто сон.

— Я знаю, — сказал он.

— Самый лучший способ избавиться от ночных кошмаров — это столкнуться с ними наяву, — сказал Алекс. — Это бессознательная материя, пытающаяся

привлечь твое внимание. Если бы ты спросил эту ведьму, чего она хочет, ты получил бы вполне вразумительный ответ.

— Послушайте, — сказал Гуннар. — Мы рассказываем истории о привидениях, сидя в темноте, как девочки-подростки.

— Я пойду спать, — сказала я, поднимаясь и обхватывая себя руками.

— Я провожу тебя в твою комнату, — сказал Гуннар с блеском надежды в глазах.

Этот блеск исчез, когда я оставила его за дверью, даже не поцеловав в щеку. Я села на кровать, сняла ботинки и носки, думая о том, что сказал Алекс. Сны были всего лишь бессознательной материей, которая нуждалась в сортировке. Если бы я могла поверить в это, тогда бы я поверила и в то, что Скрипи не являлся ко мне.

Одному Богу известно, существуют ли другие миры или нет.

Сейчас для меня было главное то, чем заняться. Я больше не могла упражняться в математических расчетах. А что, если королеве скептиков провести небольшой эксперимент в качестве терапии? Никто бы не узнал об этом, кроме меня. Возможно, игнорирование снов о Скрипи сделало их более настойчивыми. В следующий раз я бы поступила, как предлагал Алекс, — попыталась бы встретиться с ним лицом к лицу.

* * *

«Сделай один шаг в сторону мистики, Вики, и она сделает шаг навстречу тебе». Это было любимое высказывание моей мамы, особенно когда я пыталась убедить ее, что сверхъестественные явления были простым совпадением.

«Мам, тебе не кажется это слишком, что во сне к тебе явилась душа Клеопатры, представившись твоим гидом, сразу после того, как ты посмотрела документальный фильм о Клеопатре?» — «Нет, совсем не кажется! Этот фильм, возможно, разбудил мое шестое чувство. Сделай один шаг в сторону мистики...» — И так далее.

Я поклялась, что встречу лицом к лицу со Скрипи, и сразу же после этого я заснула в ту ночь. Знакомое чувство от голубого света луны появилось у меня, ледяной холод обдал лицо, и я уже не лежала в своей кровати. У меня было ощущение, что если бы я зажмурилась и очень сильно захотела, то смогла бы вернуться и заснуть в течение нескольких секунд. Но вместо этого я набралась храбрости и открыла глаза. Я стояла около своей кабины прямо под окном своей комнаты и смотрела в сторону леса. Лунный свет окутывал меня, а облака висели прямо над головой. Мне было очень холодно и страшно, но я стояла на месте.

Раздался хруст под ногами.

— Кто здесь? — позвала я; тонкое эхо моего голоса прозвенело в темноте.

— На этот раз ты опять убежишь? — Раздался грустный голос, похожий на детский.

— Скрипи? Это ты?

Он вышел из тени надломленного дерева и попытался изобразить улыбку:

— Ты приглашала меня в свой сон.

Впервые я видела его так близко. Он был ростом с десятилетнего ребенка, но в его лице было что-то нечеловеческое: белки его глаз были маслянистые и черные, а нос и подбородок чем-то напоминали лисий нос. На нем была наде-

та потрепанная туника и штаны, а также грязные меховые ботинки.

— Думаю, что приглашала, — произнесла я. Оглянувшись через плечо, я посмотрела на окно, но шторы были опущены. Я еще не просыпалась и знала, что если бы они были подняты, я увидела бы себя, спящую в теплой постели.

— Почему ты хотела увидаться со мной? Мы можем быть друзьями? — Его глаза засветились, и он сделал шаг в мою сторону, протягивая ко мне свои пальцы.

Инстинктивно я отпрянула назад.

— Я смотрю в лицо своим страхам, — сказала я, — и пытаюсь иметь дело с бессознательной материей, из которой ты состоишь. — Когда слова слетели с моих губ, я осознала, как вздорно они звучат, и, потеряв терпение, чуть было не проснулась.

— Так кто ты? — произнесла я мягко.

— Я лесное существо, Скрипи. Когда-то я обитал в Идавид, в лесу Асгарда, но сейчас живу здесь вместе со своим братом и сестрой.

— У тебя здесь брат и сестра? — я посмотрела по сторонам.

— Водяной и ведьма, — подтвердил он, смущенно ковыряя носком ботинка в земле.

— Так вы все родственники?

— Мы все перешли сюда из Идавид. Мы никогда снова не вернемся туда.

Я хотела спросить, есть ли у водяного водоросли и пальцы, с которыми я боролась в озере, и он ответил мне, хотя я не задала вслух своего вопроса.

— О да, это был он. Он хотел сделать тебя своей невестой. Но у Гуннара оказалась защита. — Он поднял руку и сделал останавливающий жест, и показалось, что он держит знакомый предмет, похожий на каменную руну.

— Ты видишь? Видишь? Я же говорил тебе, что это важно.

— Для чего вы здесь, на этом острове?

— Боги из Асгарда направили нас сюда, всех троих. Они послали ведьму и водяного, потому что они злые, а меня, потому что я их родственник. — Он печально покачал головой. — Мы можем выбирать многие вещи, но семья — это данность, которую нам не дано изменить.

— Понимаю, — сказала я, подумав о своей маме. — Итак, ты здесь вроде как в наказание? — спросила я.

— Да, но мы также здесь, чтобы напугать до смерти людей, живущих на острове, чтобы они убрались отсюда. Но они все равно остаются. Никто в нас больше не верит. — Его глаза сделались серьезными. — Мы существуем, и мои брат и сестра с удовольствием забрали бы твою душу в свою коллекцию.

— И что бы они стали делать с ней?

Он пожал плечами.

— Я не знаю. Возможно, просто бы оставили ее в озере навсегда. Там, на дне, холодно и темно. — Он скрестил руки на груди и поежился. — Ты должна слушать меня. Я помогу тебе остаться невредимой.

Я стояла и смотрела на него в упор, а в голове витали обрывистые вопросы. Я начинала чувствовать грань между сном и явью.

— Скрипи, — сказала я быстро, — а Видар настоящий?

Но тут же почувствовала толчок и вздрогнула, проснувшись. Я открыла глаза, глубоко вздохнула и уже откуда-то издалека услышала шепот: «*Все настоящее*».

Скинув одеяло, я бросилась к окну. Открыв шторы, прижалась лицом к стеклу, но ничего не увидела, только лунный свет и тени, и странное разочарование волной нахлынуло на меня.

От моего дыхания запотело стекло.

— А что, если ничего из этого не было на самом деле? — пробормотала я и, вспомнив о Видаре, почувствовала тупую боль, которая пальцами вцепилась мне в грудь.

В ту ночь я больше так и не заснула и с первым же лучом солнца направилась в столовую, чтобы приготовить себе завтрак. Когда я проскользнула в дверь, Марианна уже искала что-то среди сковородок.

— Доброе утро, Марианна, — сказала я.

Она подпрыгнула и вздрогнула. Затем, увидев, что это всего лишь я, схватилась рукой за сердце.

— Ох, как ты меня напугала.

— Прости, я не хотела. — Я заметила темные круги у нее под глазами. — С тобой все в порядке?

На ее лице читалась борьба между желанием рассказать и недоверием. Она долго молчала, часто моргая.

— Марианна, что-то случилось?

— Я слышала очень странные звуки прошлой ночью... — заговорила она мягким, перепуганным голосом.

— Ночью? — я вспомнила блестящие глаза Скрипи в темноте. — Что за звуки?

— Сейчас я сплю в комнате Магнуса, — сказала она. — Она как раз выходит окнами на лес. Я слышала звуки. А он не проснулся. Я выглянула из окна и увидела...

У меня сковало дыхание.

— Что ты видела?

— Я не знаю, что это было. Человечек с соломенными волосами. Потом он нырнул в кусты и исчез. Это было похоже на ночной кошмар.

Ледяная дрожь пробежала по моей спине.

— Наверное, это был ночной кошмар.

Она покачала головой:

— На этом острове случаются нехорошие вещи, Вики. В лесу живут привидения.

Я не могла найти логического объяснения. Мы с Марианной видели одно и то же.

— Вики, — сказала она, и ее глаза сделались тревожными, — ты не видела ничего? И ничего не слышала?

— Я? Нет, — быстро ответила я.

Она прищурила глаза:

— Потому что я подумала... мне показалось, я слышала ночью твой голос, перед тем как увидела этого человечка.

— Мой голос? Не говори глупостей.

Шаги и голоса, доносившиеся из комнаты отдыха, заставили нас прервать разговор.

Она отвернулась:

— Забудь, что я говорила.

На меня нашел ступор. Я не могла понять, сошла ли я с ума. Неужели я вообразила все это, включая знакомство с Видаром. Тем не менее я продолжала двигаться: мое сердце не остановилось, голова продолжала работать, и я была в состоянии положить хлеб в тостер. Марианна снова занялась своими сковородками, и на какой-то момент показалось, что никакого разговора не было.

— Виктория?

Я повернулась и увидела Магнуса и Гарстена, стоявших за моей спиной.

— Доброе утро, — сказала я, пытаюсь изобразить улыбку.

Они и не думали улыбаться.

— Вчера прибыло новое оборудование. Я хочу установить его на площадке в лесу. Это твоя область для исследований, так что если бы ты захотела помочь...

— С удовольствием, — ответила я и подумала: «Работа — вот, что сможет отвлечь меня».

— Возможно, Вики стоит еще один день соблюдать постельный режим, — предположил Гарстен.

— Я действительно хорошо себя чувствую, — настаивала я. — Я схожу с ума, сидя в своей комнате.

— Гарстен, назначь Виктории физическую нагрузку на сегодня. Вики, я буду на площадке около девяти. Там и встретимся. — Магнус удалился, так и не улыбнувшись мне.

— Я посмотрю тебя сразу после завтрака, — сказал Гарстен.

Когда после завтрака мы остались с Гарстеном наедине и он, достав маленький фонарик, осветил мне в глаза, я набралась смелости и спросила:

— Гарстен, такое возможно, чтобы кто-то сошел с ума после пары месяцев пребывания на острове?

Он рассмеялся:

— Обычно это случается намного быстрее.

— Я серьезно. Изоляция. Известно, что это может стать причиной физиологических проблем.

— Какого рода?

— Обостренное воображение. Снятся странные сущности.

Гарстен присел на край стола:

— Ты хочешь услышать мнение врача? Но я ведь не доктор и тем более не психиатр.

Я покачала головой.

— Тогда просто мнение.

— Много разных людей приезжало на остров за эти годы. Некоторые говорят, что здесь водятся привидения, некоторые не верят в это. Относится ли это к изоляции, не могу сказать. Но ты, конечно же, не первый человек, кого это волнует. — Он улыбнулся мне ободряющей улыбкой. — У тебя еще и был шок. Ты чуть не утонула, потеряла сознание. Если хочешь, я скажу Магнусу, что тебе необходимо провести в постели еще несколько дней.

— Нет, я лучше займусь делом. — Я провела рукой по волосам и вздохнула. — Я слишком испугана.

— Уверен, что все будет отлично. Возможно, ты залежалась. — Он по-отечески похлопал меня по плечу. — Прогулка по лесу может быть именно тем, что

тебе нужно.

Как раз то, что мне нужно.

Я стояла на краю леса, зная, что должна идти вперед, но была не в состоянии сделать и шага. Я чувствовала там что-то неприятное, оттуда веяло каким-то первобытным холодом. Такого я не ощущала раньше. После вчерашней ночи я не знала, верить или нет, что в лесу живут привидения.

Но мой босс ждал меня, и нужно было идти.

Глубокий вдох.

Я считала шаги, проходя мимо деревьев, и все это время мое сердце стучало все глуше, а плечи все больше и больше сжимались от страха.

Вдруг раздался голос Магнуса:

— Виктория? Это ты?

— Да, — откликнулась я, ускоряя шаг. — Я иду.

Я подошла, покрасневшая и запыхавшаяся.

Магнус посмотрел на меня раздраженно.

— Ты опаздываешь, — сказал он.

— Извините, — я решила отвечать ровным голосом. Мои ладони взмокли, и я вытерла их о джинсы. — Что я должна делать?

— Нужно, чтобы ты замерила температуру и влажность в верхнем слое почвы, покрытом мхом, — сказал он, подталкивая в мою сторону коробку с инструментами.

Прекрасно — пока он занимается своими делами, у меня будет время отвлечься и прийти в себя.

Утренний бриз раскачивал ветки и листья, издали доносился рев океана. Я глубоко вздохнула и сосредоточилась на мхе. Я передвигалась по земле на коленках, собирала пробы, проводила тесты и записывала результаты. Теплые лучи солнца припекали мне плечи. Тянулись долгие минуты. Подняв глаза, я увидела, что добралась до подножия скалы.

Внезапно у меня в голове пронеслась какая-то вспышка, и на какой-то момент я ощутила себя не Викторией Скотт. Вместо нее был кто-то другой. Паника, ужас, отчаяние охватили меня. Я побежала, упала и, обернувшись, увидела огромную фигуру, своей спиной закрывавшую солнечный свет. Человек занес топор над головой, и от него пахло чем-то сладким, кровью и железом. Где-то на расстоянии бешено лаяли собаки.

Я завизжала, прикрываясь руками.

Магнус смотрел на меня сверху вниз:

— Виктория? Что с тобой?

В одно мгновение все вернулось на свои места. Не было никакого разъяренного человека с топором, передо мной стоял всего лишь Магнус, держа в руках термометр, и на голове у него была каска.

— Мне показалось, я увидела... — Я не смогла закончить фразу. Сердце неистово колотилось, и в горле пересохло.

Магнус нахмурился.

— Что все это значит, Виктория? — его голос звучал подозрительно.

Я чувствовала, как дрожит моя нижняя губа, но у меня хватило сил снова не разрыдаться перед Магнусом.

— Извините меня, Магнус, — выдохнула я. — Я думала...

— Ты в чем-то обвиняешь меня?

— Обвиняю вас? — Я была смущена.

— Если бы ты хоть слово сказала против меня, а на самом деле я даже пальцем тебя не тронул, то имей в виду, что на острове найдется немало людей, которые будут свидетельствовать за меня и подтвердят, что ты на меня наговариваешь.

Я сидела на траве, полностью выбитая из колеи своим видением, и даже не сразу поняла, что он говорит.

— Что вы сказали? — промямлила я.

— Девочки вроде тебя никогда не заходят далеко, — сказал он.

— Вроде меня? Не понимаю, о чем вы говорите.

— Ты думаешь, на станции был слышен твой пронзительный крик?

— Я не знаю. Я закричала, потому что подумала... что увидела... — Шум за моей спиной заставил меня повернуться и вздрогнуть. Пролетел буревестник.

— Виктория? — сказал Магнус, и его голос прозвучал решительно. Мой перепуганный вид в конце концов впечатлил его. — Ты больна? — Он протянул руку, чтобы коснуться моего плеча, и я, отпрянув, поползла назад.

— Я должна вернуться на станцию, — задыхаясь, проговорила я, поднимаясь на ноги. — Я не могу больше находиться здесь.

— Подожди, подожди, — сказал Магнус, и на этот раз крепко схватил меня за руку. — Ты первый раз здесь с тех пор, как чуть не утонула в озере?

Я кивнула.

— Виктория, мне кажется, у тебя панический приступ. Тебе нужно сделать пять глубоких вдохов, чтобы взять себя в руки. Я буду считать.

— Мне надо...

— Дыши! — приказал он. — Давай... раз... два...

Я послушалась его. И действительно, мне полегчало. Наверное, Магнус был прав. Я впервые вышла после долгого лежания.

— У меня была галлюцинация, — сказала я, — и поэтому я так испугалась.

— Галлюцинации могут случаться, если ты не высыпаешься. Думаю, тебе стоит как следует отдохнуть в выходные и приступить к работе уже в понедельник. — Он отпустил меня, и я уронила руки. — Тебе не надо было выходить, если ты чувствовала слабость.

— Но все было нормально, пока я не пришла в лес.

— Расскажи о случившемся Гарстену. Пусть он лучше осмотрит тебя. — Потом Магнус добавил нехотя: — Мы всегда можем отпустить тебя домой на несколько дней, если потребуется.

Эти слова благотворным бальзамом легли мне на душу. Дом. Лондон. Мама. Моя кровать. Никаких лесных существ и привидений.

— Прошу прощения, если я расстроила ваши планы, — сказала я.

Он отмахнулся от моих извинений и сам извинился за то, что заподозрил меня в том, будто я пыталась обвинить его в сексуальных домогательствах.

— Я провожу тебя до станции. Мы сможем закончить работу в другой раз.

Мысль, что придется вернуться сюда еще раз, наполнила меня ужасом, но я успокоила себя тем, что после выходных все может быть совсем по-другому.

Я была права.

Все выходные лил дождь, и я не выходила из своей комнаты. Гуннар при-

нес мне еду, потрепанные журналы пятилетней давности из комнаты отдыха, а также предложил поболтать со мной. Я сказала, что мне хотелось бы побыть одной и подумать. В мыслях я снова и снова возвращалась к идее Магнуса отправить меня домой. В конце концов эта мысль стала навязчивой. В ночь на воскресенье я спала отвратительно, просыпалась, не понимая, где я и сколько времени. Мне снились кошмары, в которых собаки преследовали меня. Когда под утро я открыла глаза, было ощущение, что они полны песка.

Я оделась и вышла из комнаты, чтобы позавтракать. Переступая порог, увидела деревянную фигурку волка.

И на ней было вырезано имя. *Видар*.

Глава 20

Я направлялась к лесу. От моего страха не осталось и следа. Неожиданно Магнус появился из-за угла и увидел меня.

— Виктория? Так, значит, ты в порядке?

— Я... — В какой-то момент я даже не знала, что ответить. Все мои мысли были поглощены Видаром. — Мне намного лучше, спасибо.

— Это видно. Решила прогуляться по лесу?

— М-м. Нет, — ответила я, а потом добавила: — Мне показалось, я видела кошку.

— Уверен, ты не могла ее видеть. На острове нет ни одной кошки.

Я нервно засмеялась, думая, как мне отделаться от Магнуса и найти Видара.

— Игра света, — сказала я.

— Надеюсь, это не имеет отношения к той галлюцинации, которая была у тебя в лесу? Я найду за тобой в столовую. Мне нужно поговорить о сегодняшних заданиях.

— Сегодня? — спросила я, следуя за ним. Разве такое возможно, чтобы сегодня я занималась чем-то еще, кроме встречи с Видаром?

— Нужно сделать кое-какие расчеты.

В любой другой раз это задание показалось бы просто мечтой: весь день тихонько просидеть за столом, ведя расчеты. Сегодня это занятие было для меня сродни пытке.

Магнус шел впереди, а я замешкалась, оглядываясь через плечо.

— Ты идешь, Виктория?

— Да-да, иду, — ответила я отсутствующим голосом.

Мои мысли витали далеко, и в них совсем не было места для работы. Дав точные указания, Магнус оставил меня одну. К ленчу я не успела закончить, и он принес сэндвич мне на рабочий стол. Заглянув в мои записи, ужаснулся.

— Что-то не так? — спросила я, чуть не опрокинув тарелку со стола.

— Какой формулой ты пользовалась?

Я показала ему, и он сделался бледным как полотно.

— Пожалуйста, скажи, что ты не отправила это.

— Я отослала почти три четверти от этого, — ответила я.

— Виктория, это неверная формула. О чем ты думала? Это же вообще не та таблица.

Я посмотрела на лист, куда он показывал пальцем, и покраснела от нахлынувшего смущения. Я была настолько невнимательна, что сделала ошибки да-

же в тех расчетах, которые без труда выполняют первоклассники.

— Магнус, простите меня, наверное, я отвлеклась.

— Я перезвоню им, — сказал он резко. — Я скажу, что у нашей стажерки сегодня явные проблемы с математикой. — Он отвернулся и снял телефонную трубку. Магнус разговаривал с каким-то выдающимся профессором по-норвежски, но все равно было понятно, что он отзывается обо мне нелицеприятно. Я задумалась, почему должна терпеть всю эту чушь, вместо того чтобы побежать в лес и отыскать Видара.

* * *

Время тянулось медленно. После работы меня перехватил Гарстен, спускавшийся вниз по ступенькам. К нам присоединился Гуннар, и мы вместе поужинали. А потом наконец...

Я ускользнула.

Заскочив в свою комнату, я быстро причесалась, схватила какие-то покрывала и побежала в лес.

Весь лес был пропитан запахом хвои, морской соли и прошлогодней листвы, покрывавшей ковром сырую землю. Я не могла объяснить, но с появлением Видара моя боязнь леса улетучилась. Я больше не ожидала никакой опасности. Спокойно шла по тропинке к тому месту, где он остановился в прошлый раз. Но там никого не оказалось. Раскачивались ветки деревьев, морозящий дождь начал усиливаться. Я остановилась, внимательно осмотревшись по сторонам, и сердце заныло.

И тут до меня донесся запах костра.

— Видар? — позвала я. — Это я, Виктория. — Я пошла в сторону дыма и вскоре увидела костер.

Видар сидел на бревне около огня, опустив голову, так что его длинные волосы закрывали лицо. Над головой он развесил две большие шкуры животных, которые служили укрытием от дождя. Он поднял голову, заправляя волосы за уши, и улыбнулся мне до того знакомой улыбкой, что я почувствовала боль в груди.

— Привет, Виктория.

— Привет, Видар. — Я подошла ближе. На нем опять была очень странная одежда. — Ты необычно одет.

— Не для тех мест, откуда я приехал.

Я села рядом с ним, прикрыв наши ноги покрывалами, которые принесла с собой.

— А откуда ты приехал?

Раздался громкий шум в кустах, и я подскочила на месте, схватившись рукой за сердце.

— Что это?

Он аккуратно взял меня за запястье и потянул на место.

— Не бойся. Это всего лишь Арвак.

— Арвак?

— Моя лошадь.

— У тебя здесь лошадь? Но как ты?..

Он нежно приложил палец к моим губам, а потом резко отдернул руку.

— Послушай, я все объясню тебе, но только не сейчас.

Лошадь. Значит, он не уезжал отсюда, а жил в лесу все это время незаме-

ченным.

— Когда ты объяснишь? — спросила я.

Он поднял голову — вид у него был задумчивый. В черных глазах отражался свет костра.

— Это зависит от того, что будет дальше.

Я засмеялась:

— Это глупости. Ты говоришь глупые вещи, но я с удовольствием слушаю их. Откуда у меня такое чувство, как будто я знаю тебя?

— Ты меня знаешь. Мы познакомились месяц назад.

— Нет, нет. Как будто я знала тебя намного раньше.

— Когда? — он повернулся к огню.

— Раньше... Я не знаю. — Я разглядывала его профиль. — До всего, — прошептала я, чувствуя, как время ускользает. Было неважно, что всего в двадцати минутах ходьбы светились ясные огни станции «Киркья». Рядом с Видаром я будто находилась в опьянении, ощущала невесомость и спокойствие; в этом месте вся суэта мира отходила на задний план. Все тревоги, вопросы и расчеты не имели значения.

Он не ответил, а вместо этого встал на колени и подкинул сучьев в огонь. Я обратила внимание на его мускулистые плечи, выделявшиеся под красно-коричневой тканью его туники. Трепет появился у меня в груди.

— Ты принесла мне покрывала? — спросил он, не глядя на меня.

— Да, я подумала, ты можешь замерзнуть. Или промокнуть. — Я посмотрела на шкуры, служившие крышей. — Но вижу, ты обладаешь всеми навыками бойскаутов.

Он не понял:

— Каких бойскаутов?

— Прости, ты разговариваешь на таком хорошем английском, что я подумала, ты все понимаешь.

Видар сел перед костром и накинул одно из покрывал себе на колени.

— Ты побудешь здесь какое-то время, Виктория? — спросил он.

— Да, — ответила я и прилегла на бок, рассматривая пламя. — Но вечер будет тянуться долго, если ты так ничего и не расскажешь о себе.

Он медленно закивал.

— Я могу рассказать тебе немного, но есть важные вещи...

— Расскажи мне о том, где ты живешь.

— Место, где я живу, называется Старая Долина.

Наконец-то хоть что-то конкретное.

— Продолжай. Какое оно?

Видар закрыл глаза, восстанавливая в памяти образ.

— Это маленькая ферма в двух километрах от тихого залива. Среди скал, ведущих к большой земле, живут чайки. Иногда по утрам бывает очень туманно. Мой дом стоит за высоким склоном. Трава сочная и зеленая и в теплые месяцы покрывается цветами. Летом, когда дни длинные, солнце освещает холм и тени от облаков пробегают по нему. На другой стороне находится фьорд. Вокруг него растут деревья, поэтому там часто тень. Вода во фьорде темная и такая холодная, что даже захватывает дух, когдаходишь в нее. Я чувствую, что он очень глубокий. Это мистическое место.

— А какой у тебя дом?

— Небольшой деревянный дом. Я сам его построил.

— Ты сам построил свой дом? Ничего себе, я даже не могу сама себе связать свитер.

— Мне нравится чем-то заниматься. Я люблю работать руками. Когда занят делом, легче думается.

Шаг за шагом он открывался для меня как человек, и в ответ мне хотелось быть такой же откровенной.

— Что ты делаешь целый день?

— У меня много дел. Нужно подправить изгородь, надоить коров, весной шить, осенью чинить, рыбачить, ходить на охоту.

— Ты живешь один?

— В округе на много километров нет ни одного соседа. Но у меня есть... подруга, которая живет со мной. Ее зовут Од.

Я затаила дыхание. Он запнулся на слове «подруга». Это бывшая любовница или бывшая жена?

— Расскажи мне о ней, — попросила я.

— Од очень красивая и очень исполнительная, но она очень грустная. Она долгое время живет вдали от дома и семьи. Я думаю, у нее есть чувства ко мне, на которые я не могу ответить... — Он наклонился вперед и поправил кофтер, и я почувствовала, что он смутился. — Я иногда не могу выносить ее грусти и стараюсь не видеться с ней. Я стараюсь быть с ней добрым, но иногда моя доброта ранит ее.

— Потому что она хочет большего?

— Я думаю, что если бы она вернулась домой, к людям, которых любит, она бы очень скоро забыла меня. Она молода.

— Так почему бы ей просто не вернуться домой?

Видар покачал головой.

— Это слишком трудно объяснить. — Он кивнул головой в мою сторону. — А ты? Где ты жила до своего приезда на Остров Одина?

Я долго рассказывала ему. Возможно, рассказала даже слишком много. Я поведала ему о своей квартире, рассказав даже о том, какие обои у меня в комнате, о своей лучшей подруге Саманте и о сумасшедших каникулах, которые мы однажды провели в Париже. Рассказала о нескольких годах своей тяжелой работы в кафе на Лондон Бридж, где мне приходилось льстить и не обращать внимания на грубых и неотесанных туристов. Я даже рассказала ему о Патрике и Адаме, и как я соглашалась выйти замуж за каждого из них просто потому, что все вокруг меня этого ждали.

— Но ты не любила ни того, ни другого? — спросил он.

Это была щекотливая тема, и я долго думала над ответом:

— Возможно, любила. Но... недостаточно.

— А достаточно, это как? — спросил он, пронизывая меня пристальным взглядом своих темных глаз. Дождь усилился, и теперь ручейки стекали по обеим сторонам шкур.

— Я не могу объяснить, какие чувства испытывала к ним, но этого было недостаточно.

Последовало долгое молчание. Видар смотрел на огонь, а я смотрела на Видара.

Наконец он произнес:

— Достаточно — это когда любовь дотрагивается до твоей души. — Он глубоко вздохнул, и его голос зазвучал печально. — Это чувство древней и ярче, чем солнце.

— Точно, — согласилась я. Или, по крайней мере, мне показалось, что я так сказала. У меня перед глазами возникло видение, еще одна галлюцинация, только на этот раз мне совсем не было страшно. Мы с Видаром стояли на каменистом берегу у самого края воды, и солнце согревало нас своими лучами. Он держал меня за руки, и я ощущала единение с ним, с солнцем, с землей, с волнами и со временем. Потом картинка пропала, и я снова была в дождливом лесу. Я закрыла глаза руками.

— Виктория, тебе нехорошо?

— Непонятные вещи происходят со мной с тех пор, как я приехала на этот остров, — сказала я. — Обычно мне делается страшно, но сегодня вечером — нет.

— Почему нет? — спросил он, хотя, мне показалось, он уже знал, каким будет мой ответ.

Я встретила с ним взглядом:

— Потому что рядом с тобой я чувствую себя в безопасности.

Он нахмурился, и глаза сделались напряженными.

— Пока мы сидим с тобой здесь в лесу, ты в безопасности, но, Виктория, я не могу защитить тебя полностью.

У меня похолодели ноги.

— Что ты имеешь в виду?

Внезапный хруст веток напугал меня.

— Не бойся, это Арвак, — сказал Видар, поднимаясь навстречу лошади.

— Я боюсь лошадей.

— Почему? — спросил он, похлопывая Арвака по носу.

— Просто они такие большие и вонючие.

Видар смущенно улыбнулся.

— Не так громко. Арвак очень чувствителен. — Он махнул мне рукой. — Иди сюда. Я бы хотел познакомить тебя с ним.

Я неохотно встала и подошла к краю навеса. Арвак был мокрый, и я обеспокоенно посмотрела на Видара. Я осторожно дотронулась до носа лошади.

— Он не выглядит счастливым.

— Он привык к своей теплой и сухой конюшне. — Видар потрепал Арвака за уши. — Я прав, старина?

— Он уже давно у тебя?

— С тех пор, когда я был еще мальчиком.

Я почти ничего не знала о лошадях, но по виду эта выглядела бодро.

— А сколько тебе лет? — спросила я.

— А тебе?

— Двадцать семь.

— Я немного постарше. — Он улыбнулся, и в его глазах заплясали веселые искорки.

— Ты снова собираешься вести себя загадочно? А кто ты по знаку зодиака?

— Я не знаю.

— Ну, когда ты родился?

— Я не помню. — Он похлопал Арвака по шее, и лошадь удалилась в дере-

ВЪЯ.

— А как зовут твою маму?

— Ее имя Грид.

— А имя отца?

Улыбка моментально сошла с его лица.

— Этого я не могу тебе сказать.

Я пожала плечами:

— Пожалуйста, не говори, если не хочешь. А я, кстати, родилась третьего сентября и по гороскопу Дева. Но я не поверю, что ты не помнишь, когда у тебя день рождения.

— Там, где я родился, только дети празднуют дни рождения.

— А как насчет Рождества?

Его лицо потемнело.

— Никто не отмечает Рождество. Никто не посмеет упоминать Христа.

В голову мне пришла мысль. Религиозный культ? Тогда это объясняет, почему он так одет.

Видар наклонился вперед и легонько коснулся моего колена.

— Я вижу, что ты пытаешься угадать, Виктория, но я могу сказать тебе, что твои догадки неверны.

Я посмотрела на часы:

— Мне надо идти. У меня завтра много работы, а я и так уже немало проблем доставила своему боссу.

— Ты вся вымокнешь, если пойдешь прямо сейчас. Оставайся, пока дождь не закончится. Если ты хочешь спать, то можешь устроиться здесь, около костра.

Долгих убеждений не требовалось.

— Если ты не возражаешь, чтобы я осталась...

Его голос был очень мягким.

— Виктория, оставайся хоть на всю ночь.

От тепла костра меня разморило, и мне так захотелось прижаться губами к губам Видара, просунуть руки под его грубую одежду и ощутить под ней его горячую кожу.

— Я останусь, — сказала я. — Прямо здесь. И буду спать около костра.

— Хорошо.

Но я не спала, и он не спал. Мы разговаривали, и он поведал мне истории из своего детства: о маме, о том, как строил дом. Он поразил меня поэтичностью своей речи. Я рассказала ему почти все, что было важно для меня, и разные мелочи тоже. Мы разговаривали до тех пор, пока мои глаза не начали слипаться и голова не заболела от напряжения. Я ощущала нечто странное, и мне сделалось любопытно, не влюбилась ли я по-настоящему.

Бледная полоска света показалась на небе — пора уходить.

— До вечера, — сказала я. — Я приду.

— Буду ждать тебя, — ответил он.

Нехотя я побрела к станции, надеясь подремать хотя бы пару часов перед завтраком.

Я проспала четыре часа и пропустила завтрак. Быстро проглотив тост с мармеладом и запив все горячим чаем, я появилась на рабочем месте.

— Вики? Ты опаздываешь!

Я обернулась и увидела Гуннара, направляющегося к раковине и держащего в руках четыре пустые чашки из-под кофе.

— Да. Не могла заснуть всю ночь. Задремала только около пяти. — Я показала на чашки. — Наводишь порядок в комнате?

— Да, — ответил он, ставя чашки в посудомоечную машину. — Сегодня утром ты пропустила самое интересное.

— Самое интересное?

— Марианна потеряла рассудок, — сказал он без юмора.

Я улыбнулась.

— О чем ты говоришь?

— Сейчас она ночует в комнате Магнуса. Она клянется, что слышала звуки, которые доносились из леса всю ночь. Она уверяет, что это привидения.

Я подумала о Видаре и Арваке, которые находились там.

— Может быть, это ветер воет? Или животные?

— Мне кажется, она стала чересчур впечатлительной. Не спит, а сидит у окна и смотрит. — Он сел за кухонный стол рядом со мной. — Сегодня утром она рассказала нам, что видела чудищ в лесу. У нее вид, как у умалишенной. Волосы спутались, а глаза... Говорит, что когда придет паром, она уплывает домой. Магнус выглядит опустошенным.

— Ты думаешь, он любит ее?

— Наверное, да.

Я посмотрела на часы.

— Мне пора работать. А то Магнус и так недоволен мной. — Я направилась к двери.

— Вики, — сказал он.

Я обернулась:

— Да?

— Ты сегодня здорово выглядишь.

— Спасибо, — буркнула я и выбежала из столовой.

Дождь барабанил весь день, но к вечеру прекратился, и на небе даже появились редкие звезды. После ужина я извинилась и пошла в свою комнату, затем, прихватив одеяло, юркнула в лес.

Когда я увидела Видара, он сидел верхом на лошади.

— Ты куда-то собираешься? — спросила я, бросая одеяло около костра.

— Мы собираемся, — ответил он, натягивая поводья и хлопая Арвака по шее. — Я решил показать тебе, что не нужно бояться лошадей.

— Я не умею ездить верхом на лошади.

— А тебе ничего не нужно делать. Просто садись и крепко держись за меня.

Когда я взобралась на лошадь, крепко обняла Видара и прижалась щекой к его спине, я поняла, что страх стоил этого. Видар прижал мои руки к своему животу.

— Держись очень крепко, — сказал он. — Не отпускай меня.

— Не отпущу. *Никогда.*

— Ты готова?

— Да.

Мы двинулись с места, и я затаила дыхание.

— Мы должны медленно выехать из леса, — сказал Видар. — А когда поведем к берегу, то увеличим скорость.

Увеличим скорость? Мне уже сейчас казалось, что небо смешалось с землей. Я закрыла глаза и прижалась к Видару.

Так прошло несколько минут. Потом я открыла глаза и увидела, что мы буквально вырвались из лесной чащи. Море шумело около берега, и бледный полумесяц висел в небе среди серебристых облаков.

Видар наклонился вперед, что-то сказал Арваку на каком-то своем языке, и мы рванули с новой силой.

Я съежилась. Ветер гудел в ушах, а морозный воздух колот мои губы и нос. Казалось, будто земля уходит из-под нас, а потом снова возвращается. Переполненная чувствами, я открыла рот и захохотала. Видар что-то сказал мне, но я не расслышала его. И быстрый бег лошади, и холод, и море — все вместе развеселило меня.

Наконец мы начали постепенно замедлять ход.

— Сейчас мы как раз удаляемся от берега, — сказал Видар, показывая на скалы, находящиеся в четверти километра от нас. — Давай остановимся и разведем костер.

Я кивнула, хотя понимала, что он этого не видит. Арвак остановился, Видар помог мне спуститься. Он быстро набрал дров и через несколько минут развел костер. Небо опять заволакивало тучами, я смотрела на них с беспокойством. Дождь не даст огню разгореться.

— Ты выглядишь взволнованной, — сказал Видар, присаживаясь на песок рядом со мной. Арвак побрел обратно в сторону леса.

— Может начаться дождь, — сказала я.

— А может и нет. — Он улыбнулся мне, и я почувствовала, что он постепенно успокаивается в моей компании. Он вытянул руки над головой и громко вздохнул.

— Я люблю ездить верхом. Это наполняет меня первобытными чувствами.

— Первобытными?

— Да, в этом есть что-то дикое и спокойное.

— Ты считаешь, что счастье заключается в дикости и спокойствии? — спросила я.

— А ты так не думаешь?

Я призадумалась, а потом сказала:

— Не знаю. Я вообще не уверена, что когда-нибудь была счастлива. Я имею в виду, что это должно быть нечто большее, чем просто отсутствие печали, правда?

Видар взял мою руку и повернул ее ладонью вверх.

— Конечно, это так. Счастье — это когда ты можешь испытать страсть и при этом остаться спокойным. — Он начертил маленький круг на внутренней стороне моего запястья. — У тебя такая мягкая кожа.

— Спасибо, — сказала я, но, казалось, мой голос звучит отдельно от меня. Мне хотелось знать, хочет ли он поцеловать меня. Я подозревала, что если он сделает это, я, возможно, умру.

Но он не поцеловал меня. Аккуратно выпустил мою ладонь и обхватил руками свои колени, будто специально не желая дотрагиваться до меня.

— А почему спокойствие? — спросила я.

— Потому что все, что является причиной глубокой радости, имеет свою обратную сторону. — Он смотрел в морскую даль, и я понимала, что в данный момент он переживает глубокую печаль.

Я долго разглядывала лицо Видара: прямой нос, широкий лоб, серьезное выражение мягких глаз. Глядя на него, я тоже начала ощущать в себе что-то первобытное и спокойное.

Он повернулся и увидел, что я наблюдаю за ним. Его лицо напряглось, в глазах появилось выражение отчаяния. Я была уверена: он хочет что-то сказать мне — очень важное, что перевернет все в моем сознании с ног на голову. Но он молчал.

Потом спросил:

— Расскажи мне, почему ты так увлечена изучением погоды?

Я снова заговорила, пытаюсь не загружать его деталями. Около полуночи опять полил дождь, и мы возвратились в его лагерь, где, спрятавшись под крышей, укутались в покрывала. Мы то разговаривали, то подолгу молчали, и он больше не прикасался ко мне. Всю ночь я провела в напряжении; было ощущение, что мое тело готово ко всему: я могла резко побежать, заняться любовью, умереть. Начинало светать, и мне снова пора было уходить.

Видар поднялся вместе со мной и неуверенно топтался, пока я собирала покрывала.

— Я опять приду вечером, — сказала я.

— Виктория, что ты думаешь обо мне?

Мне показалось, что неверно расслышала вопрос, поэтому я не сразу ответила.

— Мне не надо было спрашивать, — быстро сказал он.

— Нет-нет, я рада, что ты спросил.

Он сделал шаг в сторону, взял мою левую руку и прижал к своей груди. Его сердце билось под моими пальцами.

— Виктория, — снова сказал он, — что ты чувствуешь ко мне?

Мои мысли запутались, и я не могла дать определенный ответ. Во мне боролись два чувства, одно из которых подсказывало мне, что нужно быть осторожной.

— Я не знаю, Видар. Все это похоже на сумасшествие. Мне кажется, будто мы знакомы с тобой целую вечность, а на самом деле я так мало знаю о тебе.

— Я уже рассказал тебе много разных историй о себе, — запротестовал он, отпуская мою руку.

— Но ты так много держишь в секрете, — сказала я, чувствуя, будто что-то сломалось, будто я нарушила что-то красивое и совершенное.

Видар пожал плечами:

— Я понимаю. Вечером ты все узнаешь.

— Спокойной ночи, — нежно произнесла я.

— Доброе утро, — ответил он с грустной улыбкой.

Глубоко вздохнув, я повернулась и пошла, ощущая свободу и спокойствие.

Это было даже не счастье. Это была любовь.

Я остановилась и посмотрела через плечо. Видар поправлял шкуру, служившую крышей.

Я махнула рукой, а потом повернулась и пошла обратно к нему.

— Видар?

Он увидел меня.

— Виктория?

— Видар, — произнесла я, набравшись смелости и дотронувшись до пальцев его рук, — Видар, я люблю тебя.

Он неистово прижал меня к себе, и я чувствовала, как кровь пульсирует в его венах. Потом поднял мое лицо и поцеловал долгим горячим поцелуем в подбородок. Я хотела поцеловать его в ответ, но он резко отстранил меня, приложив палец к моим губам.

— Нет, — сказал он, — не сейчас.

— Не сейчас?

— Вечером, — сказал он, и его темные глаза сверкнули в свете костра. — Вечером я все расскажу тебе.

Глава 21

Ошеломленная, я брела к станции, прокручивая в голове всевозможные варианты. Он был членом королевской семьи, убегал от закона, скрывался от религиозного культа или просто являлся плодом моего воображения? Мне нестерпимо хотелось узнать, изменятся ли к нему мои чувства, когда он откроет мне свой огромный секрет. Неужели по своей наивности и дурости я могу стать жертвой мошенника. *«Ты ведь совсем не знаешь его. А вдруг он убийца. Ты думаешь не головой, а совсем другим местом»*, — говорил мне внутренний голос.

Но он был неправ. Любовь, которую я чувствовала, была глубже Атлантического океана и сильнее, чем его самые мощные течения. Мой мозг вынужден был разрываться между мыслями о ночи в лесу, проведенной с Видаром, и рутинной на работе. Я встряхнула головой, чтобы прояснить мысли, и нащупала в кармане ключ.

Как раз в тот момент, когда я выходила из леса, Магнус вышел из своего домика и окликнул меня.

— Виктория?

— Доброе утро, Магнус, — ответила я, зная, что у меня виноватый вид, потому что я не смотрела ему в глаза и слишком низко опустила голову. Я понимала, что все написано на моем лице, и догадывалась, что то, что сейчас испытывала я, было ему не чуждо.

— Что ты так рано делаешь в лесу? — спросил он.

— Я выходила прогуляться.

— Едва рассвело.

— Но вы же уже на ногах, — сказала я, пытаюсь этим все объяснить. Если он был не у себя в комнате, так почему я не могла тоже выйти?

— Я направляюсь за чаем для Марианны. У нее была еще одна ужасная ночь. — Он медленно кивнул. — И я начинаю подозревать, что знаю, что послужило тому причиной.

Если бы я спала всю ночь, то сейчас, наверное, попыталась бы сбить его с толку, нейтрализовать подозрения, но вместо этого, покачав головой, произнесла невинным тоном:

— Что вы хотите этим сказать?

Его глаза засветились подозрением.

— Жду у себя в кабинете. Через тридцать минут, — произнес он, показывая

на меня пальцем.

— Что?

— Что слышала, — резко развернувшись, он удалился.

Я смотрела ему вслед, понимая, что, видимо, Марианна пожаловалась ему на меня, будто это я мешаю ей спать в ночные часы.

— Это не я, — выкрикнула я, но он не услышал.

— Черт! — выругалась я, открывая дверь в свою комнату. А я так надеялась вздремнуть перед работой. Чувствовала себя абсолютно разбитой. Посмотрев на свою кровать, я попробовала причесать волосы. Спать, спать, мне нужно выспаться. Мне нужен Видар. Я мечтаю заснуть в его объятиях, свернувшись калачиком возле теплого костра. А вот что совсем мне не надо, так это конфликтовать с Магнусом.

Я поспешила к станции. Магнус сидел на стуле с решительным видом. Я присела рядом, чувствуя напряжение и волнуясь.

— Я знаю, что сейчас рано, но раз ты уже встала...

— Я надеялась немного поспать перед работой, — сказала я.

— Так ты и не ложились всю ночь?

— Вы же знаете, что я плохо сплю. Поэтому я рано вышла на прогулку. Магнус, я надеюсь, вы не станете обвинять меня в том, что я пыталась расстроить Марианну, потому что...

— Я ни в чем тебя не обвиняю. Я знаю, что происходит. Ты пытаешься вывести ее из равновесия, пугая шумом среди ночи. Все ясно.

Во время его речи я качала головой.

— Нет, нет! Магнус, клянусь вам, я ничего не имею против Марианны. У меня нет причин устраивать шум под вашими окнами.

— Нет? Никакой ревности?

Я была поражена в самое сердце.

— Ревность? — еле выдохнула я. — Магнус, вы почти вдвое старше меня.

Этого мне не стоило говорить. Его лицо немедленно сделалось темно-красного цвета.

— Виктория, факты говорят сами за себя. Как только Марианна перешла в мою комнату, она сразу же начала слышать странные звуки; она говорила, что однажды слышала твой голос; сегодня утром я застучал тебя, выходящей из леса, когда еще почти не рассвело. Может, я и пожилой человек, но я не глухой.

Я была настолько уставшей, что у меня не было сил толком разозлиться, несмотря на его нелепые подозрения. Я снова покачала головой:

— Нет, это не я. Я тоже иногда слышу какие-то звуки, доносящиеся из леса. А вы вовсе не пожилой и не глухой, Магнус. Я так устала, что сейчас хочу только одного — лечь поспать.

Его губы скривились в усмешке.

— Уже совсем скоро пора приступать к работе.

— У меня есть еще четыре часа...

— Я бы хотел, чтобы ты была на работе в семь. Сегодня у меня для тебя будет много поручений. Уже почти шесть, так что лучше тебе пойти позавтракать. — Он сорвался с места. — Я поговорю с Марианной. Когда я вернусь, жду тебя здесь.

Я быстро отправилась к себе, приняла душ и выпила чашку крепкого кофе,

чтобы взбодриться.

Заботливый Гуннар принес мне завтрак в кабинет, чтобы я успела перекусить до того, как останусь с глазу на глаз с боссом. У Магнуса хватило ума не поручать мне ответственных заданий, чтобы не запороть весь процесс, но зато я весь день провела в кладовой, переписывая ярлыки и зевая. К концу дня я почти ничего не соображала. Мне нужно было поспать несколько часов, а потом снова возвращаться к Видару.

Но Магнус подготовил мне еще один сюрприз.

— Виктория, я собираюсь выпить кофе.

— Да?

— Гордон заболел, а у него сегодня ночное дежурство.

— И?

— И я бы хотел, чтобы ты заменила его.

— Но я же работала весь день.

— Сейчас иди в свою комнату и поспи несколько часов, — сказал он. — Я просто хочу быть уверен, что ты не будешь бродить по лесу всю ночь.

— Я же говорю вам, Магнус...

— Если ты уверяешь, что не виновата в этих звуках, то вот у тебя и будет хорошая возможность доказать это.

Я боролась с собой, чтобы не наговорить лишнего. Работать целый день. Не спать. А теперь еще ночное дежурство? А как же Видар? Как же его секрет? А как же горячие поцелуи, которые он обещал мне?

— Виктория?

— Я просто не смогу. Я...

— Сможешь, — наклонился он ближе, и его голос перешел на резкий шепот. — Я здесь начальник.

Я вскинула руки и сделала шаг назад.

— Прекрасно. Пошлите Гуннара разбудить меня в семь часов.

Смесь кофеина и отчаяния долго не давали мне заснуть, и я задремала только за полчаса до подъема.

Сидя за рабочим столом в комнате для контрольных исследований, я поняла, что спала всего пять часов за последние сутки.

Послышались шаги на лестнице, и я уже было подумала, что это опять Магнус. Это оказался Гуннар.

— Я принес тебе ужин, — сказал он.

— А разве уже время ужина? Я совсем потерялась во времени.

Он поставил передо мной тарелку:

— Это не положено, ты знаешь. Он не имеет права заставлять тебя работать столько часов кряду.

Я не обратила внимания на его слова.

— Возможно, это даже хорошо. По крайней мере он убедится, что это не я пугаю Марианну.

— Он идиот, — сказал Гуннар, присаживаясь на кушетку. — Марианна бредит, будто видела какого-то человечка с соломенной головой. Это явно была не ты. — Его глаза сделались хитрыми. — Или ты? Позволь мне обыскать твою комнату. Может, я найду костюм?

— Мне тоже снился человек с соломенными волосами. Помнишь?

— А ты рассказывала об этом Марианне? Вы обе из Англии, может быть, там детям рассказывают какие-нибудь сказки про этого человечка?

— Кстати, я никогда не задумывалась об этом. Хотя Марианна старше меня. Ладно, я слишком устала, чтобы сейчас думать об этом. Так зачем ты пришел?

— Принес тебе ужин. И я подумал остаться ненадолго. Составить тебе компанию.

— Это очень мило с твоей стороны, — сказала я. Но это был не Видар, и я смотрела в окно, выходящее в лес, не в состоянии отвести взгляда. Ждал ли он меня? Не решит ли он, что я передумала?

Гуннар занимал меня болтовней, пока я работала, приготовил мне кофе, однако в час ночи я отправила его спать. Он ушел, и я вышла на балкон. Немного моросило, ветер дул с северо-запада. У меня заныло сердце. Сегодня была холодная ночь, и, поевшись, я зашла в теплую комнату, закрыв за собой дверь.

Моя голова стала совсем тяжелой, и я решила прилечь на несколько минут.

Сон начал наваливаться на меня, а я попыталась проснуться, но не смогла.

Я не могла открыть глаза и пошевелиться. Мой мозг работал, отчетливо осознавая все происходящее, но, попытавшись сесть, я ощутила, что мои конечности словно окаменели.

Только не этот ужас. Я помнила, что, принимая душ сегодня утром, сняла с себя защиту, но была настолько утомленной, что забыла надеть ее обратно. Я с силой пыталась открыть глаза, но ресницы не поднимались. И еще я ощущала, как надо мной проносились какие-то цветные тени, наполнившие комнату: синие, красные и серые. И такая странная пустота образовалась вокруг, будто нога человека не ступала здесь веками. Это было одновременно знакомое и незнакомое чувство. Мне хотелось скинуть с себя этот сонный паралич и посмотреть, что же это было на самом деле.

Я боролась с паникой, охватившей меня. Больше всего я надеялась на то, что таймер, установленный на тридцать минут, прозвенит раньше, чем появится ведьма.

Затем я услышала, как скользящим движением открылась балконная дверь.

«Проснись, проснись, проснись!» — стучало у меня в голове. Я чувствовала ее приближение, а потом ко мне вернулась возможность видеть, и я увидела руки, которые она держала за спиной, как школьница, скрывающая что-то. «Проснись, проснись!»

— Ты должна отстать от него! — прошипела она и, опустившись на четвереньки, начала в таком положении приближаться к кушетке. Ее губы не двигались, когда она говорила, а слова, которые она произносила, отдавались у меня в мозгу глухим эхом.

Я вспомнила о защите, оставленной на раковине, и сильно пожалела, что ее нет со мной.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

Ухватившись за мои колени, она резко поднялась и наклонилась вперед. Изо рта у нее шел тухлый запах, черные глаза неотрывно смотрели на меня, а пальцы шарили по моему телу.

— Он сын могущественного человека. Мудрого человека. — Она отвела взгляд, и на ее лице появилось печальное выражение.

— Уйди от меня. — Вики, ради Бога, проснись!

Лицо ведьмы, все покрытое кровоподтеками и синяками, приблизилось к моему.

— Отстань от него, — повторила она. А потом своими костлявыми руками схватила меня за волосы и дернула мою голову вперед, так что мои губы оказались прижатыми к ее рту. Я пыталась дышать, но она словно высасывала воздух из моих легких. В груди появилась боль, и я моментально поняла, что все это происходит наяву и что мое несчастное растерзанное тело утром найдут здесь, в комнате для контрольных исследований, и никто не узнает, что же произошло.

«Пип, пип, пип, пип».

Я села и глубоко вздохнула. В комнате все по-прежнему, я была одна.

— Слава богу! — произнесла я, закрыв лицо руками и наклонившись к коленям. Прошло не меньше минуты, прежде чем я осознала, что в тех местах, где ведьма дотрагивалась до меня, моя кожа болит. Я провела взглядом по джинсам, подумав о том, найду ли я два синяка под штанинами, но потом решила не смотреть. Она говорила о Видаре.

Я уже догадывалась, каким мистическим образом все эти вещи связаны вместе.

Естественно, до четырех часов я больше не ложилась. Потом меня сменил Алекс. Я вышла из дома. Моросил мелкий дождь. Я опустила голову, а когда подняла, то наткнулась прямо на Гуннара.

— Ты рано встал, — сказала я.

— Я шел, чтобы поговорить с тобой кое о чем.

Я посмотрела на восточную сторону неба, где уже начинало светать. Ждал ли меня Видар? Возможно, если бы я отправилась в лес, я нашла бы его, спящего, свернувшись калачиком под развешанными шкурами животных. Возможно, я прилегла бы рядом с ним, почувствовала бы тепло его тела, сильные руки, обнимающие меня...

— Вики?

— Ты можешь подождать, Гуннар? — спросила я, стараясь говорить нежно и терпеливо.

— Я знаю, что ты устала, — сказал он, — но мне нужно всего пять минут.

Я просто не могла ответить. Так много всего было сейчас важнее Гуннара — Видар, еда, сон, — но он всегда так хорошо относился ко мне, был таким добрым и внимательным.

— Вики, мы промокнем.

— Конечно, — сказала я.

— Пойдем в мою комнату, — предложил он, облегченно улыбаясь.

Мы поспешили. Гуннар сказал, чтобы я присела на кровать, пока он заваривал для меня чашку чая.

— Магнус не должен был ставить тебе две смены подряд, день — ночь, — крикнул он из кухни.

— Уже все позади.

— Ты уверена? Он собирается снова отправить тебя на ночное дежурство сегодня.

— Снова? — я чуть не соскочила с кровати. Если ночью я опять должна

быть на работе, тогда днем мне необходимо увидеться с Видаром. Я приказала себе сидеть тихо и быть терпеливой с Гуннаром. Через час Видар все еще будет там. Ведь для меня не было установлено правил, что я должна встречаться с ним только с наступлением темноты.

— Я так думаю. Тебе лучше уточнить. — Он поставил передо мной чашку с ароматным чаем и сел напротив.

— Так о чем же ты хотел поговорить со мной?

— Сегодня утром я получил письмо по электронной почте из Метеорологической службы Новой Зеландии.

— Из Новой Зеландии?

— Меня приглашают туда на работу. Вики, мне осталось пробыть на «Киркья» только месяц.

Я была ошеломлена. Гуннар уезжает?

— Ты? Почему ты ничего не говорил мне раньше?

Он пожал плечами.

— Кажется, что прошло столько времени с тех пор, как ты сюда приехала, и за этот период мы так сблизились, и я не хотел ничего говорить, чтобы ты не подумала...

Он замолчал, но я поняла, что он хотел сказать.

Гуннар не хотел, чтобы я подумала, будто он хочет использовать свой отъезд как повод для начала наших романтических отношений.

— Ты знаешь, что ты мне нравишься, Вики. Мы всегда шутим на эту тему, но ты для меня больше чем просто друг.

— Прости, Гуннар.

Гуннар был одним из самых лучших людей, которых я когда-либо встречала: умный, добрый, веселый и заботливый.

— Я помню, ты говорила, когда только приехала, что твои бывшие бойфренды причинили тебе много боли. Но теперь прошло несколько месяцев... что-нибудь изменилось?

— Гуннар, дело даже не в этом. Просто... я не чувствую к тебе того же. Я не знаю почему. — Я подумала о Видаре и вспомнила лунную дорожку на воде. Я никогда не испытывала такого раньше, и к Гуннару в том числе.

Он улыбнулся и положил ноги на кофейный столик.

— Так что, я могу спокойно отправляться в Новую Зеландию?

— Я буду скучать без тебя. Правда, буду.

— Ты можешь приехать навестить меня. Там очень красиво. — Он соскочил со стула. — Хочешь посмотреть фотографии?

— М-м... конечно.

Он остановился.

— Посмотри на себя. Ты так устала, а я веду себя как идиот.

— Ты не идиот. Я с удовольствием посмотрю фотографии Новой Зеландии.

— Приляг. Я распечатаю их из Интернета. Мне только надо найти их.

Я легла, подложив под голову подушку, и подумала: «Полежу пять минут. У меня впереди целый день».

Это было последнее, что я помнила, когда проснулась через девять часов.

Гуннар оставил мне записку, где написал, что я так безмятежно спала, что ему не захотелось меня будить. Я схватила ее и бросила через всю комнату.

Черт! Я проснулась, когда мне пора было идти на дежурство, если Гуннар был прав, что сегодня опять моя смена. А я до сих пор не виделась с Видаром.

Я побежала на станцию с одной мыслью в голове, чтобы только Гуннар оказался не прав.

Но он был прав. Магнус вписал мое имя вместо Гордона. Это было уже слишком для меня, и я разрыдалась.

— Виктория?

Я обернулась, вытирая слезы, и увидела Гарстена.

— Привет, — выдавила я из себя улыбку.

— Что-то не так?

— Ничего, ничего.

Он обнял меня за плечо:

— Это правда? Что Магнус вчера назначил тебя работать подряд два дежурства?

— Похоже, он хочет, чтобы я всегда дежурила по ночам, — сказала я, почувствовав, что мой голос дрожит.

Он покачал головой:

— Нет-нет, так нельзя. Я этого не допущу.

— Но он начальник станции.

— А я медработник. Это рискованно для здоровья. Отправляйся в свою комнату. Ложись в кровать и отдыхай. Позволь мне обо всем договориться с Магнусом.

Я готова была расцеловать его.

— Правда?

— Правда. Иди.

— А как же собрание?

— Забудь о собрании. Тебе нужно отдыхать.

Я побежала, чтобы переодеться, и опрометью кинулась в лес.

— У меня были проблемы с начальником, — сказала я, стоя перед Видаром.

Дневное солнце осветило нас, и я заметила рыжеватые пряди в его волосах, которых не видела раньше. Я непроизвольно дотронулась до своих волос, заправляя их за уши.

— Ты красивая, — сказал он, поглаживая мои волосы и отодвигая их с лица. — Я мог бы смотреть на тебя вечно.

Я прижалась к Видару и почувствовала себя так хорошо и спокойно, как никогда раньше. Мы молчали, и мне хотелось, чтобы так продолжалось всегда. Потихоньку он отстранил меня.

— Мы не можем сделать следующий шаг, пока я не рассказал тебе свою историю, — произнес он, касаясь губами моих волос.

Сердце застучало у меня в груди. Чего я испугалась?

— Тогда рассказывай.

— Давай сядем. Виктория, я расскажу тебе вещи, которые поначалу могут показаться невозможными, но если ты выслушаешь меня до конца, скорее всего ты поверишь мне.

Я села на меховую шкуру, которую он расстелил около костра. Я чувствовала себя маленьким ребенком, который боится историй и слов.

— Что ты имеешь в виду?

— Некоторые из этих воспоминаний принадлежат тебе, но некоторые —

только мои, — сказал он. — Тебе нужно услышать все.

— Воспоминания? — У меня появлялось до боли знакомое ощущение, когда я находилась в лесу. Сейчас вновь все стало как будто ярче и громче.

— Что со мной происходит? — спросила я, и мой собственный голос напугал меня.

— Воспоминания о нас, — произнес он, согревая дыханием мои пальцы. — Ты ведь знаешь, не так ли?

Я попыталась найти утешение в его горячих, твердых руках, не понимая до конца, о чем он говорит.

— Я не знаю ничего.

— Тогда слушай, — сказал Видар. — Ничего не говори, просто слушай. И запоминай.

Глава 22

1004 год новой эры

— Я совершил много поступков, за которые мне стыдно. Я глубоко погряз в жестокости и боли. Я часто дышал пылью сражений и не понаслышке знаю вкус крови. Не стану тебе рассказывать об этом, дабы не внушать тебе страх. Я рассказываю тебе все это, потому что это правда, и я хочу рассказывать тебе одну только правду.

Я родился в семье Асиров. Ты ничего не слышала о них в этой жизни, но когда-то ты знала их. Мой отец, Один, верит в то, что он сам и есть Господь Бог. Мои братья, дяди, сестры и тети также верят в это. Теперь я знаю, что мы всего лишь мелочные, жестокие, глупые люди. Много веков тому назад существовало много людей, которые поклонялись моей семье. Они строили храмы, называя их нашим именем, приносили в жертву свои жизни, сражались в войнах и рожали детей в нашу честь. У каждого человека, живущего в этой части Мидгарда, имелась история, связанная с нами. Затем, распространившись из теплых частей света, надвигаясь на нас медленно, сквозь снега и дожди, пришло слово человека, которого мы называли Хвитакристр — Белый Христос. Это был прилив такой мощи, которую мы не могли воротить вспять.

Один возненавидел этот новый образ мышления. Бог, который призывает к кротости, смирению и отворачивает от противоборства! Один следил за событиями в Мидгарде с ужасом. Король Норвегии Олав Трюггвасон провозгласил свое королевство частью Христианского государства, но много простого люда продолжало придерживаться старой веры. Со смертью Олава все постепенно вернулось на круги своя. Миссионеры удвоили свои усилия, стараясь привнести христианскую веру в новые поселения. Одного из этих миссионеров звали Ислейф Гримссон. Я вижу блеск в твоих глазах, Виктория, ты узнаешь это имя. Это был брат твоей матери, и именно с ним ты впервые приехала на Остров Одина.

Этот остров не принадлежит ни Мидгарду, ни Асгарду. Он находится между двумя мирами, как булыжник между двумя берегами ручья. Отец ссылал на этот остров тех существ из Асгарда, которые прогневали его, как, например, твой друг Скрипи. Оставляя их здесь, он также надеялся распутать поселения смертных людей, и в большинстве случаев последние две тысячи лет его план срабатывал.

Ислейф Гримссон был молодым, полным энергии и очень обаятельным человеком. Он уже принес учение Христа во многие поселения в Исландии и на соседние Фарерские острова, но он был сильно болен. Изнутри его съедала язва, и он знал, что жить ему осталось недолго. Он проповедовал учение Христа по всей Норвегии и очень хотел закончить свою жизнь среди христиан. У Острова Одина уже была репутация места, где несколько новых поселений христиан были жестоко наказаны за то, что посмели сделать его своим домом. Ислейф, как я думаю, не верил во все эти народные истории. Он привез сюда семьдесят членов своей семьи, построил церковь и переименовал остров, дав ему название «Церковный остров».

Один сначала не обратил на это особого внимания. Он отправлял на остров разных существ, чтобы путать новых смертных, поселившихся там. Он рассчитывал, что христиане убегут, как и предыдущие поселенцы. Даже после того, как была построена церковь и на каждой стороне фьорда выросли по три маленьких домика, он все еще был уверен, что они уйдут. Но шли месяцы, а они оставались. Конечно, их пугали лесные ведьмы, но вместо того, чтобы бежать, христиане начали звонить в колокола утром и вечером, и их звон так громко и значительно разносился над лесом и над водой, что иногда мы слышали его в Асгарде.

В то время я жил в доме моего отца в Валяскьяльве. Я тогда только возвратился с битвы на границах с Ванахеймом и едва успел смыть кровь с волос, как получил новый приказ от отца:

— Отправляйся на Остров Одина и предай огню и мечу всех смертных, живущих там.

Когда-то я был любимым сыном у отца. Он говорил об этом и мне, и всем остальным, включая других сыновей. Но не подумай, что он любил меня, потому что я был его прихлебателем. Нет, я был его любимцем, потому что так было предначертано судьбой. В будущем я должен был спасти его в день предсказанного конца света. Поэтому он особенно позаботился о моем образовании, лично учил меня владеть мечом, всегда держал меня близко к себе. Когда я стал мужчиной, то видел, что мои братья ненавидят меня за это, но отец никому не позволял поднимать на меня руку. Я был слишком важен для него.

Долгое время я и не подозревал, что его любовь вынужденная. Гордился, что слышу его любимцем, и год за годом укреплялся в своей вере. Готов был убивать по его приказу снова и снова. Так продолжалось много лет, и я никогда ни о чем не спрашивал.

В то время, когда имя Христа впервые было упомянуто в нашем доме, меня начали одолевать вопросы. Если отец всемогущ, то почему он так волнуется? Эти вопросы мучили не только меня, и однажды он сказал, что снесет голову с плеч любому, кто еще хоть раз спросит об этом у него. И если Один был всезнающим, почему же он не узнал, что я начал сомневаться в нем? Следуя своему желанию угодить отцу, я превратил в камень свое сердце. Но каким-то непонятным образом оно все равно продолжало биться. В мой последний поход я бы извинился перед своими врагами, если бы они оказались старше или слабее меня. Я начал задумываться о своей матери, о ее жизни в изгнании. Я будто пробуждался от тяжелого долгого сна.

Хотя мысль о том, чтобы расправиться с поселенцами, жившими на остро-

ве, не радовала, я решил быстро выполнить свое задание, чтобы сохранить мир в Валяскьяльве. Когда я прибыл на Остров Одина, я не был тем человеком, которым должен был быть; я и представить не мог, что встречу тебя.

Здесь начинаются и твои воспоминания, Виктория. Я хранил их тысячу лет. Когда они возвратятся к тебе, ты можешь почувствовать удивление и даже боязнь. Но сейчас это все в прошлом. Все прежние угрозы канули в темноту. Правда, еще будет момент страха, но это позже. Но не сейчас, когда ты здесь, рядом со мной. Закрой глаза, если хочешь, и увидишь себя такой, какой я увидел тебя в первый раз в то осеннее утро.

Я приехал на остров и устроил ночлег в лесу. С наступлением утра я направился в сторону поселения, держа в руке свой меч. Ты можешь представить это себе. Сверкающий неуязвимый меч с острым широким лезвием.

Когда я приблизился к озеру, то увидел картину, заставившую меня задержаться в тени деревьев. Солнечный свет освещал тебя, ты стояла на коленях около озера и набирала воду, но потом замерла и стала рассматривать свое отражение. Сначала обычное любопытство заставило меня застыть и наблюдать за тобой. У тебя были такие светлые волосы и кожа, а в лучах солнечного света ты была похожа на изваяние. На тебе было платье цвета опавшей листвы, ты стояла, замерев над поверхностью воды. Но потом ветер растрепал твои волосы, поправляя их, ты отклонилась назад, поднимаясь с колен навстречу качающимся веткам деревьев над твоей головой.

Я видел, как пульс стучит у тебя на шее, и были видны едва заметные тоненькие голубые вены. И тут меня словно осенило. Смертная. Ты была так уязвима, нужно совсем немного, и ты могла умереть в любое время. Все, что от меня требовалось, это легким движением выпустить кровь из тонких вен, и тогда пульс, бьющийся на шее, и вся твоя лучезарность исчезнут в одно мгновение. Незнакомая до этого боль появилась у меня в груди, и я выронил меч.

«Там есть кто-то?» — позвала ты, когда оружие ударило о землю.

Я вышел из своего укрытия. Солнце ослепило меня, ты вся была залита светом. Я поставил руку над глазами, сделав козырек, и увидел, что ты улыбаешься мне.

«Кто ты? — задала ты вопрос. — Ты только что приехал на остров?» — «Да, — ответил я, — меня зовут Видар».

Ты нагнулась и отряхнула листья, прилипшие к юбке. «А меня зовут Халдица. Я дочь Кетила. Все зовут меня просто Хала».

Виктория, я опять вижу по твоему лицу, что ты что-то припоминаешь. Ты узнаешь имя, которым тебя называли когда-то. Теперь, я надеюсь, эта история начинает казаться тебе настоящей и ты не будешь воспринимать ее, как бредни отчаявшегося человека. Хотя я и нахожусь в отчаянии, все же здесь нет ошибки.

Ты продолжала улыбаться мне, и я поразился, до чего же ты была доверчива.

«А что ты делаешь здесь на Церковном острове, Видар? — спросила ты. — Ты приехал, чтобы присоединиться к миссии моего дяди Ислейфа?»

Я непроизвольно отшатнулся, и ты засмеялась так раскатисто и красиво, как будто мы были знакомы много лет.

«Так вот что, Видар, — сказала ты, — тебе нужно научиться скрывать свое

нежелание стать частью христианского королевства, которое хочет делать мой дядя. Мы — все мои братья и я умеем скрывать это. Тебе нужно просто делать очень унылое лицо и бесконечно говорить о проклятии. Тогда он будет спокоен». — «Я не знаю Ислейфа, — сказал я. — Я здесь чужой».

Ты подняла руку. «Мы все здесь чужаки, Видар, — вздохнула ты. — Я каждый день вспоминаю и тоскую по моему дому и друзьям, только та жизнь находится далеко за морем. Она продолжается без меня».

Я был очарован тобой. Я никогда до этого не разговаривал со смертными, и мысль о том, что ты страдала из-за чего-то, неожиданно тронула меня.

«А что ты чувствуешь, когда тоскуешь? — спросил я, подходя ближе и поворачиваясь к солнцу спиной». — «Это уже другой вопрос», — произнесла ты. — «А ты можешь ответить на него?»

Ты закрыла глаза и нахмурилась.

«Это такое чувство, как будто мое сердце бьется где-то далеко. — Потом ты открыла глаза и снова засмеялась. — Это звучит глупо». — «Нет, совсем нет, — сказал я. — То же самое чувствую и я, когда тоскую».

Ты села на землю, на опавшие листья. «А ты о чем тоскуешь, Видар? Садись и расскажи мне».

Я вздрогнул. Еще несколько минут назад я собирался убить тебя, а сейчас ты приглашала меня присесть рядом с собой и рассказать тебе о своей тоске. От смущения у меня сковало язык.

Ты собрала в пригоршню листья и бросила их в меня. «Давай. Садись. Мы будем здесь до дня Архангела Михаила». — «Моя семья не отмечает Михайлов день», — сказал я.

Ты пожала плечами. «Мне все равно, какие праздники отмечает твоя семья, я просто спросила».

Меня переполняли странные чувства. В этой ситуации было два пути: или убить, или отступить. Я повернулся и молча, не оборачиваясь, ушел.

«Видар, ты куда?» — крикнула ты. Я поднял свой меч и исчез в лесу. Ты не пошла за мной, и я был рад этому.

Весь день я провел, блуждая по берегу, рисуя линии острием меча на мокром песке. Чувствовал себя отвратительно. Так может стыдиться только человек, который знает все о своей семье. Мои братья высмеяли бы меня, а отец негодовал бы. Я бы не смог убить тебя. Я вспоминал, как светились твои глаза, когда ты смеялась, и понимал, что такую красоту невозможно уничтожить. Мое смущение возросло до предела. Все жестокие законы, которым подчинялись в доме моего отца, казались устоявшимися как древний камень, а сейчас будто песок посыпался из них, такой же скользкий, какой был у меня под ногами. Зачем убивать смертных? Зачем тратить свои дни на войну с Ванирами? Для чего биться за честь моей семьи, когда у нее так мало чести, а остальное — лишь ничтожные ссоры, тривиальные желания, жестокий юмор?

С того дня я начал избегать членов своей семьи, задумавшись об их злодеяниях, которым не было счета и меры. Начинался прилив. Я воткнул свой меч в песок и стал ждать, когда море поглотит его. Солнце скрылось, подул холодный ветер, и на небе появились розовые полосы, говорившие о приближении сумерек.

Один, конечно, узнал, бы, что я не убил тебя и твою семью. Я верил, что смогу убедить Ислейфа покинуть остров и увести за собой своих последовате-

лей. На следующее утро я оседлал Арвака и поехал к краю фьорда, где стояла церковь. Три маленькие девочки играли в траве, пожилая женщина развешивала мокрые покрывала на ветках деревьев, а сам Ислейф Гримссон стоял на пороге своего дома — одного из трех недостроенных домов на этой стороне.

— Хо, незнакомец, — позвал он. — Ты пришел, чтобы найти Бога?

Я не ответил, а подъехал ближе. Я увидел странные полосы на его лице. Должно быть, он испугался, увидев меня: я незнакомец, одежда моя запачкана кровью, а на голове железный шлем. Ислейф не показал страха, скорее он опасался за свою семью.

Пожилая женщина стала рассматривать меня издалека, на время прервав свое занятие.

«Вы должны покинуть этот остров, — сказал я, когда поравнялся с ним». — «Все нормально, Гудрид, — крикнул он ей. — Пусть дети играют. Этот человек не причинит им вреда».

Маленькая девочка подбежала и спряталась под локоть Ислейфа. «Кто ты?» — спросила она у меня. — «Мое имя Видар, — ответил я, не отводя взгляда от Ислейфа. — Я приехал, чтобы предостеречь вас. Вы должны покинуть этот остров. Он принадлежит Одину». — «Одина не существует», — тихо проговорила маленькая девочка. — «Уверяю тебя, что существует», — сказал я.

Мужчина потрепал ребенка по голове. «Один существует только потому, что Бог позволяет это, — сказал он. — Я не боюсь ни его, ни его семьи». «А вы должны бояться, — сказал я, — вы сильно прогневали нас, когда построили здесь свою церковь. Вы все в опасности».

Я осмотрелся по сторонам и заметил, что дверь одного из домиков открыта и оттуда выглядывают двое молодых мужчин. Ты была вместе с ними, и ты опять улыбалась. «Бог не допустит, чтобы с нами случилось что-либо плохое, — сказал Ислейф. — Ты хотел бы отдать себя Богу, Видар?»

От гнева у меня свело скулы. «Нет, я бы не хотел, — ответил я, — в моей семье имя Бога запрещено произносить». — «Если ты изменишь свое мнение, то можешь найти меня здесь», — произнес Ислейф и повернулся ко мне спиной. Никто никогда не поворачивался ко мне спиной, предоставляя полную свободу мечу. У меня не было времени поразмыслить, насколько он смел или глуп, потому что две маленькие девочки подбежали ко мне и спросили, не дам ли я покататься им на своей лошади. Арвак заржал встревоженно — он привык к вооруженным наездникам, а девочки уже гладили его — поэтому я резко развернулся и поскакал в лес.

«Видар?» — это ты бежала за мной в лес. Я остановился, спрыгнул с лошади и снял шлем, ожидая, когда ты подойдешь. «Что ты хочешь?» — спросил я, когда ты приблизилась. «Я тебя не боюсь», — сказала ты. «А тебе следовало бы». — «Я верю во всех древних богов, — сказала ты. — Я верю в них больше, чем в Бога, о котором говорит Ислейф, потому что он таинственный и никто никогда не видел его, но мой брат однажды видел Тора на поле битвы в Гокштаде». — «Тогда почему ты не боишься?» — «Я сказала, что не боюсь тебя, — ответила ты. — Я боюсь многих — Одина, Тора или Бога — кто знает, чего они хотят от нас?» — Ты пожала плечами.

Я сделал шаг вперед. Мне хотелось дотронуться до твоего плеча, но я боялся прикоснуться к тебе, чувствуя тепло, которое исходило от твоей кожи. «Я знаю, что Один хочет, чтобы вы уехали отсюда. Ты должна убедить Ислейфа».

Ты улыбнулась озорной улыбкой. «Ты выглядишь очень уверенным, Видар». — «Это не шутка», — сказал я. «Я передам ему, — пообещала ты. — Я увижу тебя снова?» — «Ты должна уехать отсюда, — ответил я. — Ты не должна снова видеть это место и меня. — Когда я произнес эти слова, то почувствовал непонятно откуда взявшуюся печаль и поэтому отвернулся. — Иди, Хала. Скажи своему дяде, чтобы он сегодня же ночью или завтра уходил отсюда. На большее время я не могу вам гарантировать безопасность». — «Видар, не уезжай», — сказала ты.

Но я вскочил на Арвака и, прищпорив его, помчался прочь.

Мой план был — ждать до наступления ночи. Я чувствовал, во мне будто что-то надломилось. Я ощущал смятение и ступор одновременно. Мне сначала хотелось бешено носиться по лесу, а потом лечь, закутаться в шкуры и мечтать о тебе, вспоминая мягкие впадинки на твоей шее. Но о сне нельзя было и думать. О том, чтобы выполнить полученный приказ, тоже не могло быть и речи. Тогда я решил пойти на компромисс. Когда наступил вечер, я сел на краю фьорда и смотрел на церковь и три маленьких домика, зная, что в одном из них была ты. Возможно, ты сидела около огня и шила, а может быть, ела или спала. Я просидел много часов в холоде и темноте, пока черная вода тихо не подкралась к моим ногам. Мне вспомнилась старая мелодия — песня о любви, которую всегда пели слуги моего отца. Становилось все холоднее, и я плотнее укутался в тунику, не понимая, что происходит со мной.

Потом я увидел приближающуюся фигуру. Лунный свет попал на твои светлые волосы, и сначала ты не видела меня, и тогда я приподнялся, чтобы попасть тебе на глаза. Ты совсем не удивилась, но казалась более взволнованной, чем днем. «Я думала о тебе, и ты появился», — сказала ты. «Доброй ночи, Халдиза, дочь Кетила». Ты подошла и села рядом со мной. «Доброй ночи, Видар, сын Одина. Я знаю точно, кто ты. Это правда». — «Нет смысла отрицать. Меня послали из Асгарда, чтобы я убедил твою семью покинуть остров». — «А что чувствуется, когда ты Бог?» — спросила ты. — «Этого я не знаю. Я знаю, как чувствует себя Асир. Это чувство, похожее на стыд». — «Ты чувствуешь стыд, что родился в великой и влиятельной семье?» Я нетерпеливо повернулся к тебе. «Что ты делаешь здесь?» — «Я думала о тебе целый день». — «Потому что я Асир?» — «Потому что ты Видар. Потому что у тебя сильные руки и нежный взгляд. Я могла бы полюбить мужчину с такими сильными руками и с такими мягкими глазами», — призналась ты. А потом взорвалась от смеха, и я обнаружил, что тоже смеюсь.

«Ты говоришь очень просто», — сказал я. — «А зачем разговаривать как-то по-другому? Скажи, а если у Одина один глаз, то он все время врезается во все предметы?» Я рассмеялся так сильно, что не смог ответить. «А Тор? От него должно вонять, как от козла». — «Так и есть. Он и поведением тоже похож на козла. — Никто до этого не смел отпускать шутки о моих родственниках». — «А правду рассказывают, у Хеймдалла такая длинная борода, что она должна все время запутываться?» — «Пока нет, — сказал я, — но она мешает ему знакомиться с девушками, поэтому он наблюдает за ними издали». — «Твоя улыбка говорит о том, что они не знают, что он следит за ними». Ты наклонилась вперед и подняла камень, который запустила в воду. «В этот момент у него заняты руки», — сказал я и почувствовал испуг и вину. Я проболтался. Никто в Асгарде не должен был слышать меня сейчас. Ты засмеялась и отки-

нула волосы с лица. «А моя семейка не лучше. Ислейф затащил нас сюда, чтобы сделать настоящими христианами, но половина из нас все еще поклоняется старым богам».

Ты засунула руку в лиф своего платья и достала лунный камень, обрамленный серебром и висящий на прекрасной цепочке. «Он напоминает мне о прошлой жизни. Я его украли, когда уезжала». — «А ваш Бог разве не запрещает воровство?» — спросил я. «Он не мой Бог, — ответила ты. — Ислейф придумал этого Бога. — Ты подняла бледный палец. — Все из-за моей матери и отца. Я называю мою мать глупой трусихой, потому что если бы это было не так, мы бы вернулись домой, где живут мои друзья, но она дрожит перед дядей. И мой отец тоже не лучше».

Я улыбнулся тебе. Ты злилась, но твой гнев не был сильным. В твоём голосе слышалось тепло, даже когда ты была чем-то недовольна.

«А что еще?» — спросил я. Ты заговорила тише, так, будто нас могли подслушивать. «Ну... я не знаю... должна ли я рассказывать тебе...» — «Продолжай». — «Знаешь, мне так хотелось стать взрослой, — сказала ты, — и однажды я переспала со своим кузеном Асбьёрном, в день моего шестнадцатилетия». Новое желание охватило меня. «Ты?» — «Просто чтобы узнать, как это бывает, — легко ответила ты. — Асбьёрн давно женился. Те три маленькие девочки, которых ты видел сегодня, — его. Но он не забыл. — Ты закусила губу и тихонько усмехнулась. — Я такая порочная, правда?» — «Нет, нет, это совсем не так, — ответил я, подумав о своих грехах, которых было намного больше». «Асбьёрн один из самых набожных последователей Ислейфа, — сказала ты. — Без сомнений у него были сильные чувства ко мне, и он давил на меня, так что я сказала, что выйду за Улфа». — «Кто это Ульф? — спросил я, готовый вырвать его сердце. «Один из наших. Он уже очень старый и очень набожный, но дядя не стал бы заставлять меня. — Ты сделалась серьезной. — А ты, Видар? Твоя семья пытается женить тебя?» — «Я веду жизнь воина, — сказал я осторожно. — О женитьбе и детях пока не говорилось». — «Хотя ты должен был любить кого-то?» Я подумал о тех женщинах, которых желал, и эти желания были легко удовлетворены, и так же быстро эти женщины забывались. «Нет, — сказал я быстро, сам удивившись своим словам. — Я никогда не любил». — «Так же как и я, — произнесла ты мягко, — хотя я достаточно хорошо представляю, как это бывает. — Ты наклонилась вперед и приблизилась. — Если бы ты поцеловал меня...»

Я запустил руку в твои волосы, ощутил шелковые пряди между пальцами. «Ты такая уязвимая, Хала. Я не понимаю тебя». Ты улыбнулась. «Я не просила, чтобы ты понимал меня. Я просила, чтобы ты меня поцеловал».

Дикое желание овладело мной, и я набросился на тебя с поцелуями. Ты крепко обхватила меня руками за шею и прижалась ко мне всем телом, и оно было таким трепетным, как будто я держал в руках птицу, ощущая ее быстро бьющееся сердце и ее тонкие косточки. Я был поглощен тобой и чувствовал, как удаляюсь от своей семьи, от прошлого, избавляюсь от кровных уз. Теперь я был свободен, как будто выбрался из капкана.

Ты прошептала мне в щеку: «Я думаю, что люблю тебя, хотя мы встретились только вчера».

Я подумал о нашей первой встрече, как держал в руках меч, а в сердце — приказ отца, и меня заполнил страх. «Хала, ты должна уговорить Ислейфа по-

кинуть остров. Я не смогу спасти тебя от своего отца, а он хочет, чтобы вы все ушли». — «Я подумаю, что можно сделать», — сказала ты. «А я попробую договориться с Одним, — ответил я. — Мы встретимся здесь снова, завтра?» — «Я встретила бы с тобой где угодно, где бы ты ни пожелал, Видар». — Ты еще раз поцеловала меня, встала и быстро, словно на крыльях, полетела к дому.

* * *

Я возвратился в Валяскьяльв, но мой отец был слишком пьян, чтобы разговаривать со мной. Я сказал одному из его слуг, что большинство поселенцев поклонялись отцу, поэтому я не захотел убивать их, а вместо этого решил их предупредить. «Они уйдут до зимы, — бросил я через плечо, горя от нетерпения быстрее вернуться в Мидгард к тебе. — Скажи ему, что он может доверять мне, и передай, что дело уже почти сделано».

Но на самом деле это было только начало.

Глава 23

Я был полон надежд и ощущал свободу, когда следующим вечером вернулся в Мидгард. Тебе нужно было уговорить Ислейфа уйти с острова до наступления зимы. А потом? Эти чувства были все еще новыми для меня, чтобы осознать, поэтому я не хотел задумываться. До зимы оставалось еще несколько недель, и за это время ответы должны были прийти на все вопросы. А сейчас у меня появилось время, чтобы провести его вместе с тобой и посмотреть, потеряют ли яркость мои бешеные эмоции за этот срок.

Ночью я ждал тебя около фьорда, но ты не пришла. Разочарование нахлынуло на меня. Я был зол и смущен. Долгая ночь становилась все холоднее, а ты все не шла. Когда первый рассветный луч появился на небе, я обругал тебя, называя проституткой, и резко поднялся. Я уже направился к лесу и стал свистеть Арваку, когда ты выбежала на берег фьорда.

— Видар, подожди! — крикнула ты. — Твои щеки пылали, а глаза слезились от холодного утреннего воздуха.

— Я не хочу больше ждать, Халдиза, — сказал я, — я и так прождал всю ночь.

— Ты ждал всю ночь? Правда?

— А ты не пришла, поэтому сейчас я вернусь в Асгард, пока еще не совсем рассвело.

— Нет, не уходи. — Ты задержала дыхание. — Прости меня. Я не могла уйти. Я сплю в комнате вместе с матерью и тремя своими кузинами, идиотками. Но Олруну всю ночь тошнило, и она стонала, никому не давая заснуть. Я не могла выйти. — Ты кивнула, и хитрая улыбка появилась на твоем лице. — Я знаю, она носит ребенка от моего брата, хотя они не муж и жена. Возможно, когда дядя узнает, сколько измен происходит на этом острове, он вскинет руки к небу и убежит отсюда без всяких сожалений.

Я все еще злился, но не знал, как это показать.

— Пойдем, Видар, не будь таким злым. — Ты взяла меня за руку. — Я хотела прийти, я думала о тебе целую ночь и весь вчерашний день тоже. Ты выглядишь таким хмурым. Может быть, ты больше не хочешь разговаривать со мной?

Ты очаровала меня. Я был в твоей власти.

— Хала, перед приездом в Мидгард я не мог вспомнить, когда я смеялся в

последний раз.

— Я рада, что развеселила тебя, — сказала ты. — Ты позволишь поднять тебе настроение и сегодня утром?

— Конечно.

— Пойдем, давай погуляем по лесу. Ты можешь рассказать мне истории о своих братьях. — Ты протянула свою руку и прижала ее к моей.

— Сначала скажи мне, предупредила ли ты Ислейфа, что нужно уходить с острова? — спросил я.

Мы направились в лес, оставляя за своими спинами холодную воду.

— Я упомянула об этом. Он не слушает.

— Ты должна попытаться.

— Ты не знаешь Ислейфа Гримссона, — сказала ты. — Он намерен провести здесь остаток своей жизни и хочет, чтобы мы все умерли от скуки, живя здесь с ним.

— Но ты должна...

— Я попробую, Видар.

— Ты должна успеть до зимы. Отец ждет, что вы уйдете или он...

Ты помолчала немного, а потом остановилась и повернулась ко мне.

— Что он сделает, Видар?

— Он всех вас убьет.

Ты смотрела мне в глаза, и я увидел, что ты все поняла.

— О, он послал тебя убить нас, правда?

— Да, правда.

— Но ты не сделал этого.

— Я не смог.

— Вот теперь я боюсь тебя.

Твои слова глубоко задели меня.

— Я бы никогда не причинил тебе боли, Хала.

— Но в первый раз, когда мы встретились?

— Я был вооружен. Я намеревался исполнить свой долг. Но когда увидел тебя, все изменилось. — Я нежно сжал твои пальцы. — Все изменилось.

Мы смотрели друг на друга, стоя в темной чаще леса, пока небо не начало светлеть. У тебя был напряженный взгляд, а брови насупились, и я почти видел, как работают твои мозги.

— Я была дурой, — сказала ты мягко.

— Я обещаю, ты можешь мне доверять.

— Я верю в это, Видар, но как быть с остальной твоей семьей? Я была дурой, что так запросто целовалась с тобой. В тебе есть что-то, совсем непохожее на меня. Ты несешь нам опасность. А я веду себя, как глупая девчонка.

— Мне нравится, когда ты смеешься.

— Видар, я скажу дяде, что мы должны уходить. Дай мне несколько недель, чтобы подготовить его. — Ты печально покачала головой. — Я думаю, нам не надо больше общаться.

Первый луч солнца пробился сквозь кроны деревьев и осветил землю за твоей спиной. Твои волосы растрепал утренний ветер. Мысль, что я никогда больше не увижу тебя, причинила мне боль, такую, как будто родной брат вставил мне нож между ребрами. Я тяжело вздохнул.

— Хала, я бы виделся с тобой каждый день.

Как бы ты ни сдерживалась, ты не могла не улыбнуться.

— Ты мне льстишь.

— Я люблю тебя.

— Ты уверен в этом? — ты вырвала руку. — Это стоит неприятностей?

— Хала, я...

— Ты не привык рассказывать о своих чувствах. Больше не упоминай о них. Давай проведем день вместе, как будто весь мир для нас, а когда наступит ночь, мы снова сможем подумать обо всем. Я такая чувствительная девушка, Видар. Тебе нужно помнить об этом. — Ты легонько коснулась моей щеки. — Не говори мне снова о своей любви, пока не будешь очень, очень уверен. И я тоже.

Тот день был блаженным. Мы гуляли по лесу, катались верхом на Арваке, строили замки из песка, и ты снова и снова заставляла меня смеяться. Я пытался состязаться с тобой в шутках, но мой успех был невелик, и я пробовал и пробовал, пока ты не начинала загибаться от смеха. Твое лицо покраснелось, горячие слезы потекли из глаз по щекам к уголкам твоих губ, и ты ждала, когда я прижмусь к ним поцелуем.

Казалось, твоя нежная кожа так и просит, чтобы мои губы крепко прижались к ней; твое тело излучало непреодолимую энергию, и мои руки сами тянулись к нему.

Держать тебя в своих объятиях, спать с тобой каждую ночь, просыпаться утром и чувствовать твою нежную кожу, ощущать шелковые волосы, разметавшиеся по моей подушке, только об этом я и мог теперь мечтать. Вся моя прежняя жизнь показалась мне бледной, пустой, бесполезной. Тогда я понял, что точно люблю тебя и должен все объяснить отцу. Для этого я должен был забрать тебя с собой в Асгард, сделать своей принцессой, построить маленький дом на берегу залива, подальше от своей семьи.

Когда солнце снова погрузилось в море, я обнял тебя и поклялся в том, что уверен в своей любви и буду любить тебя вечно.

— Это мудро, Видар? — спросила ты у меня. Твои глаза светились надеждой и доверием.

— Мне все равно, если в этом нет рассудка, — сказал я. — Я выполнял все, о чем когда-либо просил меня отец, а теперь он как-то учтет это. Он против твоего дяди, против его Бога, но не против тебя.

— Давай не будем торопиться, — сказала ты. — У нас есть время. Если мы будем проводить вместе каждый час каждого дня, возможно, нас начнет тошнить друг от друга и всему придет конец. — Ты засмеялась, когда сказала это, и от твоего смеха темный лес сделался светлее, а шум моря вселил в меня надежду на лучшее.

Мне часто хотелось знать, догадывался ли Ислейф и остальные, что ты делала последующие недели, ведь тебя целыми днями не бывало дома. Ты встречалась со мной по утрам, а иногда не возвращалась до захода солнца. Когда я спрашивал, ты отмахивалась от вопросов и говорила, что дяде все равно, сколько времени ты проводишь за молитвой по утрам. С деревьев опадали листья, становилось все холоднее, и я построил в лесу маленький шалаш для нас и навес для Арвака. Я не хотел возвращаться в Асгард, и чем дольше меня там не было, тем слабее становилась моя связь с Асирами. Я поведал тебе обо всех их грехах и о своих тоже. Я стыдился своего прошлого и был уверен, что ты от-

вергнешь меня или, еще хуже, станешь бояться, когда услышишь обо всем.

— Ты был воином, Видар, — сказала ты, отодвигая мои волосы с бровей, когда мы лежали у огня в темном, маленьком шалаше, — а теперь ты полюбил. Какая разница, кем ты был раньше; важно, кем ты стал.

Твои слова разбудили что-то во мне. Ты была права: я мог измениться. Я не ощущал зова крови. Я был волен выбирать. Если бы Один не разрешил мне взять тебя в Асгард, я бы просто остался в Мидгарде с тобой. Это решение было настолько ясным, что у меня перехватило дыхание.

А еще ты сказала:

— Подожди, Видар. Давай будем радоваться этим последним неделям и не говорить о будущем. Будь со мной здесь и сейчас.

Эти слова вызвали у меня подозрения.

— Ты не видишь нашего общего будущего, Хала? — спросил я. — Может, твоя любовь только временная?

Ты дотронулась до моего лица своими мягкими пальцами, и выражение глубокой печали заполнило твои глаза.

— О, нет, моя любовь, — сказала ты, — эта любовь в прошлом, в настоящем и в будущем. Эта любовь огромная и вечная, но я не смею надеяться на такое счастье в дальнейшем. Мы слишком разные с тобой, и я боюсь, эта разница отделяет нас друг от друга.

Однажды утром, за три коротких недели до назначенной даты, ты появилась в очень унылом настроении и ничего не объясняла. Я не стал тебя спрашивать и тоже молчал. Молчать рядом с тобой было приятно и легко.

— Нам надо посмотреть, как садится солнце, — сказала ты, — это может быть последний ясный день.

Мы вышли к берегу, и ты прижалась ко мне, приложив ухо к сердцу.

— Что с тобой сегодня, Хала? — спросил я, стараясь перекрыть грохочущее море.

Ты долго не отвечала. Я обнял тебя, а солнце утонуло в воде, утянув за собой золотой поток света. Когда исчез последний луч, с востока поползла ночная мгла, и ты посмотрела наверх и сказала:

— Я хочу всегда быть с тобой.

— И я хочу всегда быть с тобой.

Ты отступила шаг назад и взяла меня за руки.

— Быть вдали от тебя — значит разлететься на мелкие осколки. Тогда во мне не останется стержня. Ты мое сердце, Видар. — Ты перевела взгляд на море. — Ты мое сердце, — прошептала ты.

Я не думал, что нужно что-то отвечать на эти слова и просто молча стоял.

— Сегодня вечером я не вернусь к своей матери. Сегодняшнюю ночь я проведу рядом с тобой и отдам тебе свое тело, как уже отдала душу.

От твоих слов у меня закипела кровь, и я засмеялся.

— Ты разыгрываешь меня?

— Нет, моя любовь.

Ты засмеялась и прижалась ко мне, а я сильнее обнял тебя.

— Завтра, когда я проснусь в твоих объятиях, мы будем строить планы на будущее, — сказала ты, и твой голос утонул в моей груди. — Планы на оставшееся время.

Уже совсем стемнело, мы вернулись в наш деревянный шалаш, и я не мог

оторвать губ и рук от твоего теплого тела. А потом ты опустилась на колени передо мной и, расстегнув крючки на своей одежде, сбросила ее так же легко, как буревестник падает вниз с верхушек деревьев.

— Я люблю тебя, Видар, — сказала ты, утопая в моих руках.

— Я люблю тебя, Хала, — ответил я, прижавшись к твоей теплой коже и забывая обо всем.

Ветер стонал снаружи, и дрова трещали в костре. Это был последний момент счастья, который я знал. Потом послышались шаги. Ты устремила взгляд на дверь.

— Кто это?

— Хала, оденься, кто-то идет, — сказал я.

Ты быстро схватила свою одежду, пока я пошел к двери. Крупный мужчина с всклокоченной бородой стоял между деревьями в двадцати шагах от шалаша.

— Кто ты? Где моя кузина Халдиза?

— Халдиза в безопасности, — ответил я. — Она здесь, со мной.

Потом ты появилась около двери, взволнованная и перепуганная.

— Асбьёрн! — воскликнула ты. — Что ты здесь делаешь?

— Посмотри на себя, шлюха. Как ты посмела опозорить так свою семью?

Он вышел вперед, и я увидел, что он держит меч. Я схватил тебя и оттащил в сторону, но ты вырвалась.

— Асбьёрн, брось оружие, ты дурак, — сказала ты. — Видар, не обращай на него внимания. Я пойду с ним и объясню всем, что я собираюсь стать твоей женой, и им придется просто принять это. Не волнуйся. Завтра я вернусь.

Асбьёрн выглядел рассвирепевшим и стоял, воткнув свой меч в землю.

— Ты принесла позор на Церковный остров, Хала, — сказал он.

— Да, да, пойдем. Не теряй больше времени. Холодно. — Ты взяла его за руку и отвернула, улыбнувшись мне через плечо и проговорив одними губами: — Я люблю тебя.

Но я был так переполнен чувствами, что ничего не ответил тебе. Ничего. Это «ничего» мучило меня тысячу лет. Каждый день я жалел, что не сказал: «Я люблю тебя, Халдиза. Я твой навсегда. Что бы ни случилось, мы всегда будем вместе. Не бойся ни смерти, ни тишины, ни моего отца. Я найду тебя и верну себе. Это я обещаю всем своим сердцем».

Но я не сказал ничего.

Ты не вернулась на следующий день, но я решил, что тебе нужно время, чтобы обо всем переговорить со своей семьей. Я провел долгие часы в одиночестве, вырезая фигурки из дерева, чтобы чем-то занять свои руки, потому что ни мой мозг, ни мое сердце мне не принадлежали. Когда ты не появилась и на следующий день, я тихо собрался, взял топор и копье и отправился за тобой.

Когда я подошел к лагерю, две маленькие девочки играли около деревянного домика, Ислейф разговаривал с женщиной, которая, как я догадался, была твоей матерью, а Асбьёрн прибывал перекладину над входом в церковь. Одна из девочек, которая первой заметила меня, побежала в мою сторону с криком:

— Где твоя лошадь?

Я вытянул руку, останавливая ее своим жестом, чтобы она не приближалась ко мне, потому что я должен был выглядеть серьезным и достаточно

устрашающим. Она остановилась и неуверенно перевела взгляд с Асбьёрна на меня и обратно.

— Иди сюда, — сказал Асбьёрн, и девочка пошла к нему. К этому времени твои дядя и мама уже пристально смотрели на меня. Ислейф сказал что-то чуть слышно, и твоя мать взяла девочку за руку и вошла внутрь дома. Асбьёрн стоял справа от меня, с угрожающим видом.

— Ты опять навел нас, Видар, — сказал Ислейф, улыбаясь. Хотя за этой улыбкой что-то скрывалось. Страх? Да. Но также готовность к самопожертвованию.

— Я хочу видеть Халу, — сказал я.

— Она не может быть твоей, — ответил Асбьёрн. — Она принадлежит нашей семье. Возвращайся, откуда приехал, и оставь нас в покое.

Я проигнорировал Асбьёрна, потому что в вашей общине не он был главным.

— Ислейф, мы с Халой любим друг друга и хотим быть мужем и женой, — сказал я. — Отдай ее мне. Ты держишь ее против воли.

— Ты надломил ее волю, — ответил Ислейф. — Халдиза христианка, и как только ее разум вернется к ней, она возьмет в мужья моего дорогого друга Улфа. Ты должен уйти с острова, и тогда Хала откроет свои настоящие чувства.

Внутри меня разыгралась злоба, и мои глаза засверкали от гнева. Мне было очень хорошо знакомо это чувство, когда кровь ударяет в голову перед битвой, когда образы и звуки становятся ярче и резче.

— Хала моя, — сказал я. — А я принадлежу ей. Пусть она выйдет и все объяснит.

— Нет, она со своей семьей. Она больше не увидится с тобой. Возвращайся к... к себе домой. Тебе больше нечего делать на Церковном острове.

— Это Остров Одина, — я сделал шаг вперед, а Ислейф отошел назад. Мои руки сжимали рукоятку топора. Я точно знал это чувство, которое испытал бы, когда поднял бы топор, и снес бы голову Ислейфа. Я точно знал, какова должна быть сила размаха, какой был бы звук и какова дрожь в моих плечах от напряжения... Потом я подумал о тебе, о тех, кто находился внутри и удерживал тебя там силой. Но ты не хотела бы, чтобы я убил твоего дядю. Ты хотела бы, чтобы я нашел способ решить эту проблему разумом.

Я сделал глубокий вдох и заставил свои руки расслабиться. Затем я увидел, что Ислейф тоже вздохнул облегченно.

— Я вернусь, — сказал я, — и Хала будет моей. Но я не стану проливать твою кровь, Ислейф. Передай Хале, что ей не нужно бояться меня.

— Отдай себя Христу, Видар, — произнес он, — это единственный путь.

Я прикусил язык и пошел прочь. Краска стыда заливала мое лицо и шею. Если бы только мои братья видели меня, возвращающегося обратно ни с чем, позволяя христианину указывать мне, что делать! Но потом я осознал, что мои братья больше не служили мне примером, и я почувствовал себя свободным. Под давлением серьезных обстоятельств я изменил свой взгляд на жизнь, теперь я не мог убивать. А это значило, что я достоин твоей любви и доверия.

Никогда до этого я не уходил с поля битвы, но сейчас у меня получилось, и я был ободрен этим.

Вместе с закатом солнца я вернулся в Асгард. Длинный холл в Валяскьяльве жил своей жизнью и был наполнен огнями, музыкой и болтовней. Отовсюду слышались разговоры, песни, смех, поцелуи, брань; доносились запахи еды и питья. Это были наши золотые дни, когда в доме моего отца царили тепло и веселье, и дом этот не был таким несчастливым местом, как теперь. Войдя внутрь, я остановился и искал глазами отца. Когда я увидел его, во мне начало расти раздражение. Я хотел поговорить с ним, пока был еще в состоянии владеть собой.

На другом конце холла мои глаза отыскивали Вали. Я махнул ему рукой.

— Брат! — воскликнул он, приблизившись ко мне и крепко пожав мою руку. Его язык заплетался от выпитого пива. — Ты вернулся. Столько времени прошло с тех пор, как я не видел тебя. Пойдем, сядем, выпьем.

— Вали, мне нужно поговорить с Одином.

Он посмотрел на меня изумленно.

— Прямо сейчас? Звучит очень серьезно.

— Это и есть серьезно. Где он?

— Нездоров.

— Пьян?

— Мы все пьяны. — Он жестом обвел комнату. — Возможно, если бы ты выпил с нами, то не был бы так серьезен?

Он косо смотрел на меня и улыбался. Я улыбнулся в ответ.

— Это слишком серьезное дело, чтобы ждать, когда он протрезвеет. Ну ладно, поговорю с ним утром, — сказал я.

Вали подтянул меня к себе. Небольшая группа людей окружила двух воинов из Мидгарда, которые показывали битву. Я наблюдал за их борьбой, за тем, как их копья сверкали в свете факелов. Один побежал за другим и проткнул его копьем, а потом раздались веселые возгласы, когда жертва упала на пол с грохотом и стоном. Победитель потянулся к чаше с пивом, пока его мертвого противника вытаскивали, размазывая по полу пятно крови.

Вали повернулся ко мне:

— Итак, брат, что это за серьезное дело у тебя? Что-то не так с христианами с острова?

— И да, и нет. Они не все христиане. Особенно одна женщина... — Я понятия не имел, как объяснить своему брату то, что я чувствовал. Я понимал, что каждая моя попытка будет восприниматься им так, будто я говорю на иностранном языке.

Вали ухмыльнулся, догадываясь.

— Красивая она?

— Я бы хотел взять ее в жены.

— Женщину из Мидгарда?

— Я люблю ее. — Я не мог смотреть в его глаза, боясь увидеть в них насмешку.

— Он не позволит тебе, — произнес Вали равнодушно, опустошая чашу.

— Ему придется разрешить, — сказал я.

— Почему бы тебе не найти кого-то еще? — предложил Вали, обводя помещение рукой. Он выбрал темноволосую женщину, стоявшую около вертела. — Как насчет нее?

— Никак. Никак, потому что Хала незаменима; она всегда будет для меня

единственной.

— Удачи, — холодно, с усмешкой сказал Вали.

— Если он не позволит мне привезти ее сюда, тогда я уйду и останусь с ней там, — объявил я, ударив кулаком по столу. — Я не заключенный.

— Конечно, нет, — сказал Вали, глядя на меня косыми глазами.

Я поднялся.

— Брат, остальные разговоры я оставлю для Одина. У меня нет настроения ничего праздновать, поэтому сейчас я пойду спать.

Вали кивнул, отвернувшись. Там уже затевалась другая битва.

— Ложись спать со своей проблемой, Видар, и, может быть, утром тебе удастся ее решить.

Моя комната выходила окнами на северо-запад. Я зажег камин и лег около него; я смотрел на пламя долгие часы, снова и снова возвращаясь мыслями к своей проблеме. Я так сильно скучал по тебе. Я и не подозревал, что чье-то отсутствие может вызывать во мне такую боль. Я во что бы то ни стало должен был быть с тобой, я должен был получить благословение отца, чтобы привезти тебя с собой в Асгард. Ислейф не смог бы контролировать тебя здесь, в доме у моего отца. Я закрыл глаза и представил, что ты находишься рядом со мной. Только так я смог заснуть.

Я проснулся от разбудивших меня звуков. Что это? Было еще темно, но пение птиц говорило о наступлении нового дня. Затем звуки повторились.

Собаки.

Дикие псы, спущенные с цепи. Собаки отца, его верные стражники; размером мне по плечо, они слушались только отца. Их лай возвещал о том, что кто-то чужой приближается. Я побежал к двери, но она оказалась запертой с той стороны. Повернувшись к ставням и открыв их, я всматривался в туман.

Потом я увидел отца, скакавшего на лошади. Его поднятые плечи были укутаны в мех, и поблескивало лезвие топора, прикрепленного к седлу. Вали, мой вероломный братец, мчался за ним.

— Один! — закричал я, тщетно надеясь, что он не возьмет с собой собак. Они неслись к мосту. В Мидгард. К Хале. С первым лучом солнца Бифрост будет закрыт, а дверь не поддавалась, как бы я ни пытался ее открыть.

— Это не любовь, Видар, — крикнул Один, и ветер унес его слова. — Это всего лишь судьба.

Как могу я описать тебе ту агонию и ужас, которые принес мне тот день? К тому времени, когда мне удалось выбраться из комнаты — дубовый стол, на котором лежал валун, припирал дверь с другой стороны — был уже полдень. Мост был закрыт.

Я оседлал Арвака и стал ждать, когда сверкающие башни накроет первая тень сумерек. Мысли разрывали мою голову. Где-то в глубине души у меня еще теплилась надежда, хотя я знал, что ты уже мертва. Солнце садилось за моей спиной. Появился Хеймдалл, посмеиваясь надо мной и зная обо всем. По моему виду и так было все понятно. Мост был открыт, и я помчался в Мидгард.

Весь мир развалился на части.

Повсюду ощущался запах дыма и крови. Ледяная тишина висела в воздухе. Только дикий ветер завывал между деревьями. Сердце у меня в груди превра-

тилось в замороженный камень.

— Один? — позвал я, — Вали? — Я направил Арвака в лес, в сторону лагеря. За моей спиной послышалось ржание лошадей и душераздирающий лай псов. Кто-то засмеялся, и моя семья скрылась за мостом.

Я был охвачен паникой. Арвак выскочил из леса, я увидел лагерь.

Вряд ли здесь осталась хоть одна живая душа. Дома были разорены. Церковь медленно догорала. Я подошел ближе. На дереве висел Ислейф, проткнутый копьями. Заглянув внутрь, я быстро отвернулся, попытавшись забыть навсегда, что я там увидел. Женщины и дети были повешены и обуглены и были похожи на страшных кукол. Среди них я не увидел светловолосой головы. Тебя там не было. Я почувствовал, как мои легкие наполнились воздухом. Возможно, тебе удалось сбежать.

Я направился в сторону фьорда и снова зашел в лес. Около воды я нашел останки людей. Пытались ли они сопротивляться или просто стояли, как загнанные олени, когда собаки рвали их на куски? Вздох непроизвольно вырвался из моей груди. Асбьёрн был приколот к дереву. Я подошел ближе. Его бледные глаза смотрели на меня, но в них не было осмысленного выражения. Он был еще жив, но я понял, что он уже не придет в сознание. Я достал копье и точным ударом в сердце прикончил его страдания. Он резко дернулся, на секунду придя в себя, но тут же упал назад замертво.

Я все еще не мог найти тебя.

Я набрал в грудь воздуха и позвал:

— Хала! Хала!

Может быть, мой отец и брат забрали тебя с собой в Асгард. Хотя я знал, как в Валяскьяльве обращались с пленниками, я все же обрадовался этой мысли. Если бы ты была жива, я мог бы помочь тебе, мог бы разговаривать с тобой, обнимать тебя. Если бы и ты стала мертвой, ты была бы навсегда отделена от меня.

Я собрал все свое мужество и направился в лес искать тебя. До последнего момента я надеялся, что ты выжила; убеждал себя, что это не ты, когда в лунном свете у подножия горы увидел твои светлые волосы.

Но это была ты. Я подбежал и упал на колени. Один сотворил это. Я знал, что это была его работа. Должно быть, ты убежала от него, а он зарубил тебя топором, нанеся удар в спину. Кровь запачкала твои волосы, но собаки не нашли тебя. Я перевернул тебя, прижал к себе и плакал как ребенок. Ночью были заморозки, иней, покрыл верхушки деревьев. Ты была холодной, твоя голова болталась, а кожа была не молочного цвета, а синего. Моя одежда была в грязи и в крови, и я дрожал от холода и от шока. Мне не было утешения. Я положил тебя на землю и сидел рядом. У меня словно помутился рассудок.

Что-то мелькнуло впереди. Я поднялся, подошел ближе и увидел меч, брошенный морем на берег, в пяти шагах от того места, где ты лежала. Я схватил его и почувствовал знакомое ощущение в руке. Теперь только одна мысль вертелась у меня в голове: воткнуть лезвие в сердце моего отца.

В Валяскьяльве я оставил Арвака рядом со стойлом. Соленый ветер высушил мое горло и последние слезы на моих щеках. Когда я ворвался в дом, сердце стучало у меня в ушах. Темные тучи нависли над морем, закрыв звезды. Моим намерением было убить отца, отравить и разрушить наш мир. Он знал,

что я иду, поэтому, когда я приближался к дому, начал грохотать гром и молнии разрезали небеса.

Факелы все еще горели, чаши с медом стояли на столах, но в доме было тихо, как на кладбище.

Двадцать слуг отца стояли перед его дверью.

— Отойдите в сторону! — крикнул я, достав меч и заметив пятно твоей крови на моем запястье.

Они молча смотрели на меня.

— Отойдите в сторону, наконец, или я снесу вам головы!

Один из них, уже седой мужчина, вышел вперед.

— Ты не войдешь в покои своего отца, — сказал он.

— Отойди, старик.

Он покачал головой. Внутри у меня бушевал ураган боли, гнева и несправедливости, и я проткнул его мечом. Когда я откинул его тело в сторону, другой встал на его место.

— Ты не войдешь в покои своего отца.

Один за другим они выходили вперед, и я убивал их, даже не задумываясь, пока их не осталось всего пятеро. Тогда дверь тихо отворилась. Мое сердце подскочило, но он не появился. Дорогу мне преградили еще десять слуг.

Наконец, до меня стал доходить смысл всего происходящего. Эти добровольцы падали в бассейн из крови, и я понял: Один хотел, чтобы я убил их. Он хотел, чтобы я снова стал убийцей, его сыном, неспособным любить. Я посмотрел вокруг себя. Кровь была у меня на языке, на коже. Моя обувь была пропитана ею.

Я пытался стать кем-то другим, но с легкой подачи отца снова вернулся к себе прежнему.

Я больше не мог дышать этим воздухом.

Тихо повернувшись, я выбежал и покинул дом своего отца.

Глава 24

Виктория, на этом месте твои воспоминания прекращаются. Из-за моего отца ты попала в тот мрачный мир, где нет ни мыслей, ни воспоминаний, ни боли, ни любви. А я был обречен жить и дышать.

Над Валяскьяльвом продолжал грохотать гром и хлестать дождь. Я оставил Арвака в теплой конюшне, и направился в сторону леса. Ты должна понять, что я был вне себя от горя, у меня помутился рассудок. Лишь звук моих шагов помогал мне сосредоточиться. Инстинктивно я направлялся на запад, туда, где вершилась судьба, к мировому дереву. Уже глубокой ночью дождь прекратился, и тучи рассеялись, обнажив холодные звезды. Мое дыхание сделалось прерывистым, все тело болело. В километрах от дома уродливые руки дерева манили к себе. Я пошел вокруг него, обходя корни.

Мои мысли тоже бродили по кругу. Я думал обо всех женщинах, которых сделал за эти годы вдовами, и не понимал, как я мог жить такой жизнью. Я решил, что стану таким человеком, какого ты увидела во мне. Я буду любить. Я поклялся, что никогда снова не возьму в руки меч.

Час за часом я все ходил и ходил вокруг дерева, пока голова не пошла кругом. Мне слышался лай собак, и казалось, что какие-то гротескные лица смеялись надо мной. Ветер, раскачивавший ветви дерева, казалось, тоже насмехался надо мной.

— Что ты сказал? — крикнул я, задрав голову кверху.

Снова слышался шепот, еще отчетливее. *«Ты игрушка судьбы».*

Я остановился. «Так это и было? Я отрекся от своей судьбы и от своей крови. Сейчас я безоружный иду в будущее». Подняв меч над головой, я вонзил его, что было силы, в корни дерева. Но мировому дереву и его обитательницам нормам не было дела до моего решения.

Пойдешь ли ты той дорогой или другой, но твои дорожки всегда приведут тебя туда, куда укажет судьба. Я остановился, ощущая ломоту в суставах и душевное опустошение. Мой взгляд устремился вдаль залива, туда, где находился Ётунхейм. Где-то там жила моя мать, и ее кровь также текла во мне. Мне было известно о ней совсем немного. Она была выслана на отдаленную землю, когда я был еще ребенком, и я почти ничего не помнил о ней. Я искал некую родственную душу, хоть какое-то утешение; мне необходимо было убежать от боли и мне требовалось движение. Я боялся, что если остановлюсь, то умру от этой боли, поэтому я устремился дальше — через поля и леса, через залив — в ночь.

Наконец, небо прояснилось. Мне оставалось совсем немного, и вскоре я увижу Грид и ее дом, теплый и уютный, как гнездо курицы-наседки. Я был так измучен и так устал, что лег на землю на несколько минут.

— Ты должен идти, — сказал я, упираясь лицом в мокрую траву, а потом встал на ноги и направился дальше... к ее двери.

От удивления она вскинула брови.

— Заходи, мальчик мой, — сказала она, — сейчас согреешься и обсохнешь.

Я поспешил зайти в дом. Она помогла мне снять мокрую одежду, укрыла теплым одеялом и налила чашку горячего супа. Когда я устроился возле огня, она сказала.

— Ты ведь мой сын, Видар, не так ли?

— Да, хотя я удивлен, что ты узнала меня.

— Мать всегда узнаёт своих детей, — сказала она. — Я так рада, что ты пришел сюда, но я достаточно пожила на этом свете и знаю, что есть причина, по которой ты здесь. Тебе что-то нужно от меня?

— Я хочу...

Мой голос застыл. Язык превратился в лед от пережитого горя.

Она опустилась на колени и своей теплой рукой обняла меня.

— Видар, твои глаза полны горя.

— Да, — ответили. От нее шло тепло, и голос был таким мягким. Я наклонил голову и попытался проглотить ком, стоявший в горле.

— Ах, не плачь, мой мальчик, — произнесла она, перебирая мои волосы.

Но я не мог не плакать. Мое тело словно дало трещину, и только Грид могла соединить его. Она позволила мне выплакаться, а потом я рассказал ей свою историю. Она строго осудила отца и произнесла:

— Мой мальчик, — и я понял, что не зря пришел к ней. Она — мой верный помощник.

Через три дня шок и горе немного ослабли. Вечером, когда я сидел около огня и ел мясо ягненка, приготовленное матерью, я сказал ей:

— Возможно, я был дураком, когда полюбил смертную женщину.

Грид села рядом со мной и посмотрела мне в глаза.

— Видар, — произнесла она. — Ты не потерял ее из-за ее смерти. Это только в глазах Одина она мертва. Мы все смертные. Конечно, смертные, живущие в Мидгарде, более уязвимы, но сколько Ваниров ты убил? Мы все умрем, когда придет конец света. Возможно, мы будем желать этого. А сейчас не позволяй своему отцу управлять твоей жизнью. Ты непобедим.

Ее слова запали мне в душу, и я почувствовал небольшое облегчение.

— А что ты думаешь о конце света, Грид? Ты думаешь, он действительно когда-нибудь случится?

— Я считаю, что нашему времени когда-то придет конец. Когда жители Мидгарда перестанут рассказывать истории о нас, мы превратимся в печальные тени и исчезнем.

— А существует что-то за этой жизнью, Грид?

— Не знаю. Никто оттуда не возвращался, чтобы рассказать.

— Для смертных? Я говорю о смертных из Мидгарда? Где сейчас Хала?

— Она сейчас глуха и слепа в любом мире, она находится в долгом и глубоком сне. Ее тень хранится у хозяйки царства мертвых. — Она похлопала меня по колену. — Но она не страдает, Видар.

Грид встала и принялась мыть посуду. Ее слова резко и отчетливо звучали у меня в голове. *«Ее тень хранится у хозяйки царства мертвых».*

— Видар? — сказала Грид, — ты очень побледнел. Я не хотела пугать тебя.

Я покачал головой.

— Мне не страшно, Грид. Просто я взволнован.

— Почему?

— Завтра или послезавтра сразу от тебя я отправлюсь в Нифльхейм. Я собираюсь просить Хель, чтобы она вернула Халу назад.

Грид не стала вести себя, как обычные матери, причитать и отговаривать меня. Вместо этого она спросила, уверен ли я, что мне надо идти, а потом

предложила практическую помощь. Она сшила мне шерстяную тунику с покрытием из промасленной кожи; положила полную сумку соленого мяса и подсушенного черного хлеба; приготовила для меня меховую шапку и утеплила мои ботинки. Потом она рассказала о препятствиях, которые могут поджидать меня в пути.

— Несколько недель тебе предстоит идти по бескрайним равнинам, — сказала она. — Поэтому экономно расходуй запас еды и всегда останавливайся, когда увидишь чистую воду, чтобы напиться и взять про запас, потому что горячие источники около пещеры Хель вредны. Старайся сохранять тепло тела. Как я слышала, это путешествие не из легких, поэтому оно может показаться тебе вечным. Не пропусти вход в пещеру; он совсем крошечный. Многие искали массивные и величественные ворота, но, не обнаружив их, удалялись все дальше и дальше вниз по дороге, а спустя недели умирали от голода. Будь внимателен, когда увидишь Гарма, это свирепый пес, он охраняет вход в пещеру. Не пытайся переплыть через реку Слип. В ней полно утопленников, которые пытались это сделать до тебя. Иди по мосту, но остерегайся. Те, что утонули в реке, ревностно относятся к тем, у кого продолжает биться сердце. Говорят, что Хель живет за высокой стеной, но кто знает, правда ли это?

И все это время она подбадривала меня:

— Ты храбрый и сильный, Видар. Я знаю, ты вернешься ко мне.

Она знала, так же как и я, что это путешествие было опасным и что многие пытались преодолеть этот путь, но умирали. Я признавал то, что могу погибнуть, Виктория, но мне необходим был результат: либо мы вместе умираем, либо оба остаемся жить. Вдали друг от друга нам обоим было плохо. Я хотел быть только там, где была ты.

Утром, когда я собирался уходить, я заметил, что Грид накинула свою тунику и обулась в теплые ботинки.

— Куда ты идешь? — спросил я.

— Я провожу тебя до воды, — сказала она.

— Не нужно.

— Нужно. Мне надо помочь тебе перебраться через фьорд, чтобы попасть в Нифльхейм.

— Я переплыву через него.

Она покачала головой.

— Видар, на твоем пути пролегает ледяное море, а не тот теплый залив, который соединяет Асгард и Ётунхейм.

— Тогда я останусь еще ненадолго и построю лодку.

— Она разобьется о волны. Тебе нужен небольшой корабль.

— Но я не могу построить корабль в одиночку.

— Я знаю. Вот почему я нужна тебе. — Она улыбнулась. — Доверься мне, сын мой. Ну что, ты готов? Собрал все свои вещи? Где твой меч?

— Он остался в Асгарде, — сказал я, и у меня внутри все перевернулось, когда я вспомнил, как я орудовал им в последний раз.

— Тогда тебе нужно копье. Или нож.

— У меня нет оружия, Грид. Я пойду в Нифльхейм безоружным.

Выражение боязни и грусти появилось на ее лице, но потом она сказала:

— Ну, если ты уверен...

— Уверен.

— Тогда нам пора.

Фьорд показался через шесть часов после того, как мы вышли из дома Грид. Всю дорогу пока шли, мы легко и беззаботно болтали. Сейчас у нас было время, чтобы узнать друг друга получше. Я часто ловил на себе взгляды Грид, как будто она хотела запомнить мое лицо и голос. Наверное, у нее были мысли, что я могу не вернуться, да и сам я, возможно, думал об этом.

Солнце было уже высоко в небе, когда я услышал шум моря.

— Мне нужно кое-что объяснить тебе, Видар, — сказала Грид. — Несколько лет назад, когда я еще жила с твоим отцом, я была очень разгневана на него. Я ездила в Мидгард, собираясь поднять армию против него. Первых воинов, которых я нашла, было около двух дюжин, и я поклялась, что стану покровительствовать им. Когда моя попытка оказалась неудачной, я подумала, что лучше всего будет забыть обо всем, пока первый из них не появился около моей двери здесь, в Ётунхейме. Он был убит в битве и вернулся из Вальхаллы, потому что сам поклялся стать врагом Одина. Он был моим. Следом за ним появился еще один и еще. Я отправляла их обратно, но они не уходили, спрашивая, какие у меня будут приказы. Когда все собрались у меня — некоторые из которых были убиты в боях, а некоторые умерли с возрастом или от болезни, я отправила их сюда, вниз к морю, чтобы они построили корабль.

Когда мы подошли ближе, перед нами открылся морской пейзаж, над которым толстым слоем висел туман. Волны ударялись о берег и откатывались назад. Грид поднесла к губам пальцы и громко свистнула. В ответ послышались звуки горна.

— Они болтаются по морю без цели взад и вперед. Их глаза и души пусты, и они не смогут успокоиться, пока не наступит конец света. Это моя вина, моя неосторожность. До предстоящего дня конца света я несу за них ответственность, хотя они ничего не требуют от меня, кроме приказов.

Военный корабль выплыл из густого тумана, прорезав его своим носом, на котором была нарисована голова дракона с выпущенным жалом. По обеим сторонам корабля сидели темные тени людей и гребли веслами.

— Они доставят тебя в Нифльхейм, а потом будут ждать твоего возвращения или...

Я повернулся к ней и взял за руку.

— Грид, давай сейчас не будем загадывать вперед. Если я не вернусь, ты можешь позвать их и оплакивать меня.

Она сжала мои пальцы. Внезапный порыв ветра растрепал ее черные волосы.

— Ты вернешься, Видар.

Корабль причалил к берегу, и Грид проводила меня до воды.

Бледные лица с пустыми глазами и застывшими губами все до одного были повернуты ко мне. Некоторые были совсем молодые мужчины, павшие в сражении. Некоторые были совсем старые и кряхтели каждый раз от напряжения, поворачивая весло. Коренастый бородатый рулевой сидел на корме, на шее у него висел горн. Грид направилась переговорить с ним; пока я ждал на берегу, пытаясь увернуться от зияющих пустотой глаз воинов. Потом она жестом показала, что мне следует садиться на корабль.

Грид подошла с той стороны, где я сел, и встала между гребцами.

— Они отвезут тебя в Нифльхейм. Если погода не подведет, то путешествие

займет семь дней. Если станет скучно и захочется поговорить с ними, не трать зря силы, они все равно не ответят тебе. Не давай им дальнейших указаний, я уже сказала все, что им нужно знать.

Она прикоснулась губами к своей ладони и дотронулась до меня.

— До свидания, дитя мое, я буду ждать тебя.

— До свидания, Грид, — ответил я, дотрагиваясь до ее руки. Я случайно задел человека, сидевшего рядом, и он оказался холодный, как камень. — Надеюсь, что снова увижу тебя.

Весла заработали, и корабль тронулся, разрезав под собой воду.

— Я тоже на это надеюсь.

Я смотрел на ее фигуру, стоявшую на берегу, пока она не растворилась в тумане.

Меня окружали мертвецы, сидевшие рядами в полной тишине, и им не нужны были ни разговоры, ни указания. Поднялся ветер, и мы выплыли из тумана. Здесь, вдали от прибрежных вод, море гудело и стонало под нами. Солнце пропало, и темные облака стали сгущаться. Укутавшись в тунуку, я старался сохранить тепло, но казалось, холодные брызги изо всех сил пытаются вырвать его у меня. Море ревело, выл ветер, и воздух вокруг был насыщен солью. Я почувствовал, как по дну корабля что-то стукнуло, как будто огромное морское существо ударило по нему своим хвостом. Никто из команды не разговаривал, не смотрел по сторонам. Они сидели не шевелясь и монотонно работали веслами. Я чувствовал себя в полнейшем одиночестве. Земля полностью исчезла из вида, и было ощущение, что мое сердце единственное во вселенной, которое бьется.

Солнце всходило и садилось, день шел за днем на этом корабле с привидениями. Ритмичное покачивание судна и ничем не нарушенная тишина экипажа действовали на мое сознание, и я, находясь в полудреме, уже не мог понять, что происходит во сне, а что наяву. Но зато я отлично помню ночные кошмары: моменты, когда кажется, что я снова и снова нахожу твое тело; или будто твои светлые волосы плавают в воде рядом с кораблем; или звук твоего голоса на ветру, и когда я поворачиваюсь, надеясь увидеть тебя, а вижу только бессмысленные глаза гребцов. Уверен, что на седьмой день пути мой взгляд был такой же пустой, но в этот день я также увидел землю, и мои мысли начали просыпаться у меня в голове. Мое путешествие по морю подходило к концу, и я надеялся, что скоро смогу снова увидеть тебя; обнять или умереть. В любом случае, я верил, что мои страдания заканчиваются.

Земля все приближалась и приближалась, а я становился все оживленнее. Тучи висели низко, и воздух был холодным, а ветер больно хлестал по гребцам, как будто подгоняя их, и вскоре двадцать четыре мертвеца причалили к берегу.

Корабль врезался в серый песок и остановился. Я оглянулся по сторонам. Все так и смотрели перед собой, и даже бородатый рулевой не посмотрел в мою сторону. Я спустился с корабля и ступил на песок.

— Вы подождете меня здесь? — спросил я, несмотря на то, что Грид сказала, что им не нужны дальнейшие указания.

Человек с бородой не ответил. Поднявшийся ветер оторвал угол паруса. Я повернулся и окинул взглядом местность вокруг. Впереди стояли черные ска-

лы и возвышался холм. Глубоко вздохнув, я сделал первый шаг, оказавшись без оружия и совсем один на берегах Нифльхейма.

Нифльхейм находится севернее всех остальных земель, окружающих Асгард. Сразу за ним начинается ледяной пустырь, поэтому в Нифльхейме очень холодно. Поверхность земли там ровная, и на ней почти нет растительности, не считая редких сосен, отважно растущих то тут, то там, но дальше начинаются склоны, переходящие в овраги и ущелья, которые заполняет ледяная вода и льдины. Тропинки, ведущей к Хель, не существует, но если пойти в сторону, куда дует ледяной ветер, то окажешься на узкой черной дороге, которая ведет в царство мертвых.

Конечно, наиболее легкий путь, чтобы попасть туда, это умереть, как сделала ты. Виктория, ты не запомнила бы этого путешествия. Для душ умерших расстояние, направление и место не имеют значения.

Я ушел с берега, поднялся на черные скалы, а потом вышел на дорогу. Мои ноги увязали в земле, моросил слабый дождь, но я чувствовал себя полным сил и надежды. Я был воином, и я привык к трудностям, длительным походам и ограничениям в еде. Когда дождь усиливался, я только плотнее закутывался в тунику. Иногда туман становился таким густым, что я не мог различить дорогу под ногами, но это меня не останавливало, и я продолжал двигаться дальше. Мыслями я возвращался к сражениям, в которых участвовал, к лишениям, которые вынужден был терпеть. Я ел только для того, чтобы были силы идти вперед, а чистой воды было достаточно, чтобы утолить жажду. Те несколько первых недель оказались довольно легкими для бывшего воина вроде меня.

Дорога продолжалась, условия становились тяжелее, и я напоминал себе, что люблю, и эта мысль подталкивала меня вперед. Иногда камни забивались в ботинки, и я натирал ноги.

К концу каждого дня я не чувствовал ног от усталости, а просыпаясь утром, не мог встать, потому что все ноги были изранены. Иногда, когда туман рассеивался, я видел перед собой узкую тропинку, которой не было конца и которая вела к горизонту, мое сердце становилось таким же тяжелым, как и мой путь. Я стал более тщательно распределять еду, опасаясь, что мое путешествие окажется более долгим, чем я предполагал. Спустя две недели моя одежда уже болталась на мне, но я был влюблен, а великая любовь стоит любых страданий.

Потом пошел снег.

Я превратился в животное, худое, мокрое, грязное животное, концентрирующее всю свою энергию на примитивных попытках выжить. Мои колени горели, спина болела, и я не чувствовал ног. Тропинка начала вилять, то уводя вглубь, то пролегая узкой полоской вдоль черных отвесных скал. Только изворотливое животное, сцепив челюсти, могло пробраться по ней, не сорвавшись вниз.

В конце концов, ко всем моим несчастьям, я выронил остатки еды в озеро, когда нагнулся, чтобы попить воды. Свирепый ветер сорвал с моей головы меховую шапку и унес ее на много километров вдаль. Но я уже ничего не чувствовал к этому времени и не видел дороги перед собой. Если даже мои ноги передвигались, я не помню этого.

Но я любил, Виктория, и по сравнению с этим чувством все остальное не

имело значения. Я настойчиво продвигался вперед, пока не нашел ту маленькую пещеру в скале, до того маленькую, что я чуть было не пропустил ее.

Я добрался.

Вокруг меня все было устлано снегом, а я стоял и смотрел на вход, ведущий в царство мертвых.

Глава 25

Я зашел внутрь. На пыльной земле лежали кости и три треснувших черепа. Остановившись, я прислушался. Ничего, кроме падающих и ударяющихся капель растаявшего снега снаружи. Пещера сужалась, и в ее глубине становилось все темнее. Но я несколько месяцев шел сквозь дождь и снег, и первым делом мне необходимо было согреться и обсохнуть. Здесь не было дров, чтобы развести костер, поэтому я снял одежду и развесил ее на скалистых стенах. Рядом с одним из черепов я нашел оборванный кусок старой туники и, постелив ее на землю, свернулся калачиком и заснул.

Я не знаю, сколько проспал. Когда проснулся, то сел и прислушался. Из глубины пещеры доносились звуки какой-то возни. Я посмотрел на кости, разбросанные вокруг меня, другими глазами. Люди пытались пройти мимо верного стражника Хель Гарма, злого пса, охранявшего вход в пещеру. Я был безоружен, слаб и голоден. Какой у меня был шанс?

Придав голосу храбрости, я крикнул:

— Кто там?

Грубый рык грохотом прокатился по пещере. Я встал на ноги, с ужасом осознавая свою уязвимость; только материя туники отделяла меня от зубов этого животного.

Я подумал, что было бы неплохо надеть еще одежду, имеющуюся у меня, но я боялся повернуться спиной к темному тоннелю даже на миг. Оттуда продолжал доноситься шум. Огромная фигура промелькнула в темноте, блеснув бешеными глазами, и я не успел опомниться, как уже сам приготовился к борьбе с Гармом. На меня неслись сверкающие глаза, щелкающие зубы. Встретившись со мной взглядом, он рьяно пустился вперед. К слову сказать, он вовсе не был свирепым псом. Как я мог разглядеть, это была старая, старая собака с больным взглядом и седой мордой. Я сделал шаг назад, когда он приблизился. Огромная псина легла, положив голову на лапы, и посмотрела на меня печальными глазами.

— Гарм? — сказал я.

Он тяжело стукнул хвостом по грязной земле. Я присел и потрепал его за уши. От удовольствия он прикрыл глаза.

— Разве ты не свирепый пес? — спросил я.

Откуда-то изнутри пса послышалось рычание, и я резко отдернул руку, но он все еще продолжал лежать, не делая попыток схватить меня зубами.

— Можно я пройду, чтобы встретиться с Хель? — спросил я. — Ты разрешишь мне войти внутрь?

Хвост снова стукнулся о землю. Я положил руку ему на шею, а он стал рыться носом около моего кармана.

— Извини, старина, у меня нет для тебя никакой еды. Ты голодный? Тебе здесь должно хватать еды.

Он поднял голову и стал обнюхивать мою одежду. Странно, Гарм съедал всех, приходивших сюда до меня, так почему же он до сих пор не притронулся ко мне?

— Я не понимаю, — произнес я, — но я должен пройти.

Он поджал ноги и лег, закрыв глаза, потом задремал и начал сопеть, а я вышел наружу, наполнил бутылку для воды талым снегом и вернулся обратно в пещеру, направившись в тоннель.

Отойдя на полкилометра, я оказался в полной темноте, так как свет, сочившийся снаружи, сюда не доходил. Впервые за долгие месяцы я был рад тому, что во мне течет кровь Асиров, потому что мы имеем способность видеть даже в полнейшей темноте. Тоннель стал постепенно сужаться, так что мне пришлось сначала наклонить голову, затем идти с согнутой спиной, потом встать на четвереньки и продолжать двигаться таким образом, а потом и вообще передвигаться ползком на животе. Скалистые стены царапали мне спину и плечи, а в некоторых местах мне приходилось поворачивать голову набок, чтобы пробираться через совсем узкие отверстия. Так я полз долго, а затем услышал шум бушующей реки. Это Слип. По тоннелю потянуло сквозняком. Значит, я находился совсем недалеко от открытого пространства.

Пробравшись ползком еще немного вперед, я уже снова мог идти на ногах, так как тоннель начал расширяться.

Дальше передо мной открывался резкий обрыв, и я с осторожностью посмотрел вниз.

Перед моим взором предстала огромная пещера, уходившая вниз на сотни шагов. Через нее бежала бурная река шириной не менее чем в полкилометра, и вода в ней была светло-зеленого оттенка. Река терялась в дымке в обоих направлениях, но на востоке мне удалось разглядеть очертания моста. Как раз подо мной находился узкий выступ, не больше пятнадцати сантиметров в ширину. Он упирался в дно пещеры. Я стал спускаться вниз.

Берега реки, неистово бушующей ледяной водой, были покрыты бледно-зеленой травой и усыпаны костями, копьями, шлемами, черепами, горшками и серебряными украшениями. Я стоял несколько минут, изумленно озираясь по сторонам, и в какой-то момент мне показалось, что в воде мелькнули чьи-то спутавшиеся волосы и останки человеческого тела. Очередной поток воды, ударившись о камень, с брызгами разлетелся в разные стороны, и я увидел самого человека, которого несло течением к берегу. Я отпрыгнул в сторону, а его выбросило волной на то место, где я стоял, но тут же следующий поток подхватил и потащил его дальше. Я едва успел разглядеть его распухшее лицо и синюшные губы. Он утонул в реке, как и все остальные, пытавшиеся преодолеть водную стихию вплавь.

Держась на безопасном расстоянии от берега, я устремился к мосту. Время от времени на меня налетал резкий ветер, и я ложился на землю, дожидаясь, когда утихнет очередной порыв. Два раза за время этого пути вдоль реки невидимая рука пыталась затащить меня в воду, но я продолжал идти, не забывая ни на мгновение о своей цели.

Я шел три часа вдоль реки, потом по высокому тоннелю и наконец понял, что приближаюсь к жилищу Хель. Зажженные факелы висели на скобах, и здесь было значительно теплее. Тоннель резко поворачивал на восток, и я, зайдя за угол, предстал перед воротами. Они были около тридцати метров вы-

сотой и построены из костей и черепов, которые уже пожелтели от давности. На потрескавшейся тарелке, закрепленной между костей и черепов, виднелась надпись: «Вход к умершим». Это был конец тоннеля; больше не видно ни других проходов, ни извилистых тропинок, которые можно было исследовать. Я приблизился к воротам и попытался их открыть. Они не поддались. Я стал стучать и кричать. Никто не вышел. Долго пробовал я открыть ворота. Я дошел до своей цели, но казалось, все мои усилия ничего не стоили. Неужели мое путешествие было бессмысленным? Неужели я не получу вознаграждения за свои мучения?

Я ударил ногой по воротам и дал волю слезам, скопившимся у меня в горле. Каким же неосторожным я был, что посмел потерять тебя. Какой же пустой казалась вечность. Лучше бы я утонул в реке или отдался на растерзание Гарму. Я был так изнурен, что рухнул на месте и провалился в глубокий сон.

Свет от факела разбудил меня. Я открыл глаза и увидел пожилую полную женщину, которая улыбалась, глядя на меня сверху вниз.

— Входи, Видар, — сказала она.

Я сел и оглянулся. Ворота были открыты, и женщина держала в руках теплое одеяло.

— Меня зовут Хель, — сказала она. — Твое путешествие закончилось.

По ту сторону ворот были бескрайние поля с умершими, на полях я увидел пасущихся овец и коров, бродивших в темноте. Она повела меня в свой дом. Он был совсем маленький и стоял на вершине скалы. Я почувствовал невероятное облегчение, потому что Хель встретила меня радушно. Я молча сидел, пока она разводила костер и приказывала своей служанке приготовить для меня еду. Потом Хель укутала мое промерзшее и больное тело теплыми шкурами и одеялами. Все это время она восхищалась мной, говоря, какой я храбрый и красивый парень, и один раз даже прижала меня к своей огромной груди, чтобы уверить меня, что я нахожусь в тепле и безопасности и мне не нужно ни о чем волноваться.

Девушка принесла мне тарелку с куском жареного кролика. Хель села около меня, скрестив ноги. Когда она усаживалась, ее юбка задралась так высоко, что я увидел ее лодыжки, они были сморщенные и все покрыты трупными пятнами. Я вспомнил рассказы о ней. Говорили, что она была наполовину живая, наполовину мертвая. Меня охватила дрожь.

— Еще не согрелся, Видар? — спросила она. — Хочешь, я прикажу Ганглёт укрыть тебя еще одним одеялом?

— Нет, сейчас мне хорошо, — ответил я, набрасываясь на еду, — у меня нет слов, чтобы отблагодарить тебя за все. Ты совсем не такая, как я ожидал.

— О, все эти истории! Обо мне рассказывают, что я разрываю людей на куски!

Я попытался засмеяться. Эта мягкая женщина была совсем не похожа на ту, какой ее представляли.

— Да, что-то вроде того.

— Я покажу тебе кое-что, Видар, — произнесла Хель. Она сделала глубокий вдох, и когда воздух заполнил ее, с ее телом произошла страшная перемена. Мертвенно-бледные тени появились вокруг ее глаз, губы втянулись внутрь, придав лицу выражение животного, а волосы стали извиваться, как змеи. Да-

же тело вытянулось, и я понял, что она запросто может переломить мужчину. Я отстранился от нее, но она выдохнула воздух и снова сделалась нормальной.

— Видишь? — спросила она. — Я могу быть устрашающим монстром, как обо мне говорят, но не со всеми.

— Как Гарм.

— Как Гарм. Я объясню. Не останавливайся, ешь, бедный мальчик, должно быть, ты изголодался. — Она похлопала меня по колену. — Гарм — это я или, по крайней мере, часть меня. Находясь там, на входе, он — это мои глаза и уши. Для нас нет ничего лучшего, как порвать человека на куски и вырвать из него жизнь. — Она засмеялась. — Сюда многие приходят. Их с каждым годом все больше. Они вооружены, как настоящие воины, и поэтому вынуждают меня давать Гарму такие приказы. Я получаю наслаждение, когда вижу их мертвыми. Но ты, ты пришел без оружия, бедный мальчик. Ты такой храбрый воин, ты отправил ко мне столько новых душ, а сам пришел без оружия. Ты не встанешь и не приставишь к моему горлу нож, ведь так?

Я покачал головой, заканчивая есть кролика. Ганглёт вошла и положила мне еще порцию.

— Я больше не воин, — сказал я. — То время осталось позади.

— А что твой отец думает об этом?

— Я не придерживаюсь мнения своего отца.

Хель улыбнулась. У нее были маленькие зубы серого цвета.

— Скажи мне, почему ты пришел сюда, Видар? Я слушаю.

Каждый раз, когда я должен был рассказывать, что у меня на сердце, я должен был снова испытывать перенесенную боль. Мне потребовалось немного времени, чтобы собраться.

— Я полюбил, — сказал я Хель. — Я полюбил женщину из Мидгарда так сильно, что мое сердце из камня превратилось в живое. Я полюбил ее так сильно, что готов был отдать все, лишь бы быть с ней. Я полюбил так сильно, что у меня дрожали руки, когда я ждал ее, боясь, что она не придет. Я полюбил ее... — У меня сорвался голос, и я замолчал, но потом собрался и продолжил: — Один узнал о моей любви к смертной и убил ее.

— О! — сказала Хель, и у нее задрожали ресницы. Огонь вспыхнул ярче, отбросив тени на стены.

— Без нее моя жизнь ничего не значит. Я не могу вернуться к своей прежней жизни. Хель, я хочу вернуть ее назад. Я шел к тебе много месяцев и вытерпел все трудности. Все это потому, что я не могу продолжать жить без нее.

Хель смотрела на меня, не отрываясь, и в ее глазах стояли слезы.

— Ты проделал весь этот путь ради нее?

— Да, ради нее.

Она встала и сделала несколько шагов. Я видел, как у нее сжались кулаки, и насторожился.

— Хель? Что я могу предложить тебе?

Она повернулась, и на ее лице было выражение монстра, которое я уже видел раньше.

— Почему она? — пронзительно крикнула она. — Что в ней такого особенного?

Потом ее черты расслабились, и она успокоилась.

— О, о, это не твоя вина.

Я не знал, что делать дальше, поэтому молчал.

Хель подняла голову и печальным взглядом посмотрела мне в глаза.

— Я любила однажды, — сказала она, — и что осталось от той любви, чтобы сейчас я потакала твоему желанию? Мой возлюбленный обещал прийти ко мне сюда в Нифльхейм после моего изгнания. — Она опустила глаза и прошептала: — Но он так и не сдержал своего обещания.

Я ждал.

— Во мне сейчас говорит преданная и брошенная женщина, которая желает тебе быть таким же несчастным, как она сама.

Эти слова развязали мой язык.

— Пожалуйста, Хель. Мне очень жаль, что он бросил тебя...

— Почему она, Видар? Что в ней такого особенного, и почему со мной так... поступили? — Ее глаза начали поблескивать, и я испугался, что она опять примет образ монстра.

— Ты здесь ни при чем, Хель, — быстро сказал я. — Просто он был не способен оценить тебя по достоинству.

— Чушь. Ты сам в это не веришь. Я старая толстая корова с ногами трупа.

— Нет, нет, ты...

— Довольно! — крикнула она, махнув правой рукой. — Не надо успокаивать меня, говоря фальшивые слова. Как звали твою женщину?

— Халдиза, — ответил я, и дыхание застыло у меня в горле. — Халдиза, дочь Кетила.

Хель сделала три шага по комнате в сторону огня, и ее тень увеличилась на стенах.

— Видар, я хочу вознаградить тебя за твое честное сердце, но также я должна наказать тебя за его лживое сердце. Я знаю, что это нечестно, но я так чувствую. Мне самой от этого больно. — Она замолчала, сжав губы и сглотнув слезы. — Халдиза вернется, — продолжила она, — но не сейчас. Однажды она появится в Мидгарде. Это случится в далеком будущем. Я хотела бы посмотреть, останешься ли ты верным ей, или время вырвет у тебя воспоминания.

— Я всегда буду верен ей, — сказал я, чувствуя тяжесть на сердце. — Пожалуйста, позволь мне забрать ее сейчас. Пусть она вернется вместе со мной.

Она покачала головой.

— Нет. Я дам тебе теплую одежду, новые ботинки и еды в дорогу, но пока ты не получишь свою возлюбленную.

— Как я узнаю, когда она возродится?

— Если твоя любовь была настоящей, тогда ваши души встретятся и соприкоснутся. Они всегда будут вместе, невзирая на расстояние и века. Когда придет время, ты узнаешь. — Она подняла палец в знак предостережения. — Она не вспомнит тебя. Ты должен завоевать ее снова, перед тем как обо всем напомнишь ей. Это также будет проверка ее любви. Если она не ответит тебе взаимностью, тогда, возможно, ты переоценил глубину ее чувств.

— Я не смогу вынести все эти годы без нее! — зарыдал я от отчаяния. — Пожалуйста, Хель.

— Радуйся, что я пошла тебе навстречу. Это намного больше, чем получают многие, приходя в это место, — сказала она. Затем ее голос сделался мягче и добрее. — Останься здесь на ночь или на две, восстанови силы, соберись с мыслями. Она вернется снова; а до этого момента твое сердце должно стра-

дать.

Вот почти и все, что я хотел тебе рассказать, Виктория. Вернувшись из Нифльхейма, я получил совет от матери уехать из семьи и жить отдельно. И я был верен тебе тысячу лет. Наша история, моя история, заканчивается здесь. Ты просила меня рассказать о себе много раз: что ты будешь делать теперь, Виктория? Как ты сейчас поступишь со мной, зная правду? Все зависит от твоего ответа.

Глава 26 [Мидгард]

Тишина, сменившая голос Видара, обрушилась на меня и встала тяжелой стеной между нами. Я открыла глаза. Лес потемнел и наполнился мрачными тенями. Видар ждал. Он ждал уже тысячу лет.

Казалось, у меня пропала способность разговаривать. Бесформенные, сбивчивые мысли носились у меня в голове. Во время рассказа Видара я осознавала каждое слово, которое подтверждалось моей памятью, но в то же время эти воспоминания не принадлежали мне. Глядя на него сейчас, в его темные печальные глаза, я понимала, что он был сверхъестественным существом, абсолютно чуждым мне, но я никогда в жизни не чувствовала ни к кому такой близости. Выслушав его историю, я ощутила прилив адреналина в крови. Казалось, что все в мире, прочно занимавшее до этого свое место, перевернулось с ног на голову. Здесь я была королевой скептиков, свергнутой с престола своей собственной историей. Ирония судьбы?

Видар все еще ждал.

Я выпрямилась, и он сделал такое же движение, чтобы сидеть рядом со мной, наши руки соприкоснулись.

— Я не знаю, кто я, — произнесла я. — Или, по крайней мере, я не знаю, кто та, которую ты любишь.

— Я люблю тебя.

— Халу? Или Викторию?

— Ты — та же самая.

— Нет. Я — Виктория. — Когда я произнесла эти слова, мне показалось, что мой голос пронесся эхом где-то надо мной, и у меня перехватило дыхание.

— Это всего лишь имя. У тебя та же душа...

— Но я даже не верю в существование душ. Или я не верила...

— Ты веришь мне, правда?

— Всем сердцем.

— Мне нужно серьезно поговорить с тобой, — сказал он, сдвинув брови. — Если мой отец узнает обо всем, он убьет тебя. Ты должна уехать с острова так далеко, как только это возможно, настолько, чтобы он не стал преследовать тебя.

— И ты поедешь со мной?

Он покачал головой:

— Я не могу.

Казалось, что земля задрожала.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Потому что за мной он точно устроит погоню. Он отыщет меня на краю света. Виктория, я приехал сюда, чтобы спасти тебя, но не для того, чтобы быть с тобой. Мы не можем быть вместе.

— Нет, — сказала я, когда мой мозг справился с водопадом нахлынувших чувств. — Мы должны быть вместе. Мы ждали целую вечность. — Сейчас я чувствовала те годы, которые проходили, сменяя век за веком, как будто слои толстой замерзшей почвы тяжелым грузом сдавливали мою грудь. Я силой заставляла себя дышать.

— Мой отец...

— Видар, — остановила я его, прижав пальцы к его губам. — Скажешь об этом завтра. Будь со мной сегодня ночью.

Он опустил ресницы, и я чувствовала его дрожащее дыхание.

— Видар?

Он открыл глаза и посмотрел на меня так, что теплая дрожь охватила все мое тело. Он повернулся и прижал меня к себе, и я услышала стук его сердца и ощутила жар желания, исходящий от его кожи. Крепко обняв меня, он откинул волосы с моего лица и на какой-то момент мы застыли, глядя друг другу в глаза. Казалось, солнце успело взойти и снова сесть. Я чувствовала что-то вечное и только сейчас понимала, что все происходившее до этого было только тенью настоящей любви. Океан, в который я окунулась сейчас, был настолько глубоким и затягивающим, а дно было так далеко, что я ужаснулась. Потерять его сейчас? Вернуться к своей обыденной жизни, в свой пустой мир? Я скорее бы умерла.

Я дотронулась до его лица. Он издал глубокий звук — наполовину вдох, наполовину стон. Потом потянул меня к себе и впился в меня поцелуем. Щетина на его лице кололась, а губы были жаркие и целовали меня с откровенной страстью. Он сжал мое тело так, будто хотел разломить его на кусочки, растворившись во мне. Когда я громко вздохнула от боли, он немного ослабил свои объятия. Быстрыми поцелуями он покрывал мои щеки и уши, спускаясь вниз по шее. Я стала быстро стаскивать с нас одежду, и он присоединился ко мне, и закончили мы уже лежа на земле, когда опустились на шкуру животного, на которой он спал. Горячая кровь, страстные поцелуи и жар его кожи под моими пальцами. Он накрыл меня своим телом. Я посмотрела на темные ветки над нами и на бегущие облака. Видар согрел меня своим теплом, и я начала дрожать где-то в глубине тела.

Наши тела слились, и напряжение было так велико, что казалось, мы оба взорвемся.

Мы одновременно вскрикнули, и темный лес не ответил нам. Издалека тучи и звезды смотрели на нас, и горячая кожа Видара блестела в слабом свете. Казалось, этот момент никогда не должен кончаться. Я всхлипнула и вцепилась в него, а он, обнимая меня, потянулся за одеялом, чтобы укрыть нас. Он нежно целовал меня в плечо.

— Я люблю тебя, — сказала я, но слов было недостаточно, чтобы выразить свои чувства. Слишком избитой, банальной казалась сейчас эта фраза. То, что я испытывала, было во много раз сильнее, чем набор букв.

— И я люблю тебя, — сказал Видар. — Это навсегда.

— Останься со мной.

— Я не могу.

— Я не боюсь умереть, — сказала я, и в тот момент я действительно так чувствовала.

— Я боюсь, что ты умрешь.

— Для нас намного страшнее быть вдали друг от друга.

Он нагнул голову и прижался губами к моей шее.

— Это невозможно, — вздохнул он, и его дыхание обожгло мою кожу. — Все это невозможно, Виктория. — Он поднял голову. — Если я потеряю тебя, то для чего мне жить здесь, надеясь на счастье...

— Без тебя нет надежды на счастье, — сказала я, садясь и поворачиваясь к нему. — Теперь я знаю, что не могу вернуться и стать прежней, какой была до этого дня. — Я осознала, что кричу, и мой голос прозвучал надрывно и отчаянно. Покачивая головой, я засмеялась. — Посмотри, что ты сделал со мной. Ты превратил меня в сумасшедшую.

— Виктория...

— Нет, нет, — сказала я, — не сейчас. Я не вынесу, если еще раз услышу об этом. Просто останься до завтрашнего вечера. Всего на один день, Видар. Пожалуйста. — В глубине души я надеялась, что если уговорю его остаться до завтра, то мы сможем придумать способ, чтобы быть вместе. Из девочки, не верящей ни во что, я превратилась в девочку, поверившую в чудеса.

Видар сжал губы и размышлял. Его глаза смотрели на меня с такой тоской и страстью.

— Видар, пожалуйста, — прошептала я. — Только на один день.

— Виктория, этого не может быть, — быстро ответил он. — Я должен уехать сегодня же ночью, а ты должна покинуть остров завтра.

Здравый смысл поборол эмоции.

— Но я не смогу уехать до среды, пока не придет паром, — сказала я.

— А какой сегодня день недели?

— Четверг... почти пятница.

Он сел рядом со мной и посмотрел испуганно.

— Тогда я останусь с тобой до среды, и ты будешь в безопасности со мной.

— Но ты же не знаешь точно, что он появится здесь?

Видар покачал головой:

— Нет, я надеюсь, он никогда не узнает. Тем не менее сейчас мы должны быть вместе, потому что он мог узнать о твоём присутствии, посмотрев в волшебную воду...

Только теперь холодная дрожь охватила мое сердце, и я ощутила обыкновенный человеческий страх. Я вспомнила те видения, в которых собаки преследовали меня, а потом чудовищный человек занес надо мной топор. Сейчас эти обрывочные воспоминания имели под собой основание, учитывая мое прошлое, когда я еще была Халой.

— До того момента, как ты сможешь уехать отсюда, ты будешь в безопасности, — произнес он твердым голосом и сжал кулак правой руки.

— Я верю тебе, — сказала я, дотрагиваясь до его руки.

Он посмотрел на меня, медленно разжимая пальцы.

— Я не допущу, чтобы это произошло снова, — сказал он.

Я обняла его и потащила на себя, так что мы оказались лежащими среди меховых шкур и одеял.

— Видар, представь, если бы мы могли остаться вместе.

— Я не смею.

— Пожалуйста. Представь, как бы это было чудесно. Возможно, выяснилось бы, что мы абсолютно не подходим друг другу, и ты бы спокойно вернулся домой без меня.

— Не шути с этим, Виктория.

— Ладно. А что бы ты сделал, если бы мы остались вместе? — спросила я, уткнувшись ему в грудь.

Его кожа была очень теплой, и голос вибрировал в груди.

— Я построил бы для тебя маленький дом, здесь в лесу. — Он говорил с такой грустью, что я пожалела, что спросила об этом. — Я бы не сводил с тебя глаз и покрывал тебя поцелуями, и каждую ночь мы сидели бы у костра и рассказывали разные истории, а днем гуляли по берегу или по лесу, и никто никогда не потревожил бы нас.

— Звучит так замечательно. Но мы не смогли бы жить все время на острове. Я бы скучала по маме. Представь, мы могли бы приобрести небольшую квартиру вместе. Ты бы приносил мне чай в постель по утрам. У нас была бы настоящая маленькая семья.

Его тело напряглось.

— Нет, Виктория, твоя и моя кровь не могут смешаться. Значит, от нашего союза не могло бы быть детей.

Я удивилась, как это было бы грустно.

— Ну, тогда мы завели бы собачек, избалованных щенят.

— Мы бы так сильно любили друг друга, — сказал он, запуская пальцы в мои волосы. — Силы нашей любви хватило бы, чтобы перевернуть вселенную, и наступил бы конец света... но такие вещи опасно говорить.

— Это только слова, — пробормотала я, чувствуя, что засыпаю. Но это оказалось больше, чем просто слова.

Первый луч рассвета коснулся моих ресниц, и я проснулась с ужасно неприятным ощущением в животе. Беспокойный сон, отсутствие еды, шок, кто знает? Я села, чувствуя, что меня выворачивает наружу, и побежала к деревьям, завернувшись в покрывало.

Спустя секунду Видар уже догнал меня.

— Виктория, тебе нехорошо?

— Сейчас все пройдет, — ответила я, отмахиваясь от него. — У меня слабый желудок.

— Слабый?..

— Чуть что, меня сразу тошнит. Мне нужно что-нибудь съесть, наверное. Пожалуйста, оставь меня ненадолго. Я не хочу, чтобы ты запомнил меня в таком виде.

Он тихо вернулся обратно, и меня вырвало несколько раз желчью. Но от этого мне стало легче, и я пошла к нему. Он предложил мне воды и кусок черствого черного хлеба. Я отказалась, потому что мне хотелось горячего чая и тост с мармеладом. Я легла и застонала, положив руки на болевший живот.

— Я не понимаю, Виктория. От чего ты заболела?

— Скорее всего, несколько причин, — ответила я. — Усталость, и, может быть, я слишком перенервничала. Шок может творить разные вещи с организмом. — Я улыбнулась. — По крайней мере, с моим организмом. Я уверена,

ты выносливее меня. Посмотри, что ты сделал вчера ночью. — Стянув одеяло с плеча, я показала багровый синяк, который он оставил.

— Это я сделал? — изумился Видар.

— Ничего страшного, — сказала я. — Если бы я хотела, чтобы ты остановился, я бы сказала.

Он застонал:

— Я совсем забыл, что ты смертная. Ты сильна духом, но телом...

— Со мной все хорошо, правда, — сказала я, похлопав его по руке.

Я закрыла глаза, а когда открыла их через несколько минут, он продолжал смотреть на меня встревоженным взглядом.

— Видар? — я села.

— Ты такая уязвимая, — прошептал он, — я не должен был приходить к тебе, я должен был позволить тебе жить своей спокойной жизнью.

— Я бы провела свою жизнь в тоске, если бы ты не пришел, — проговорила я, обнимая его. — Жить спокойно тоже хорошо, но с тобой намного лучше. Давай решим, что делать. Я собиралась работать сегодня, но не пойду. Скажу, что заболела. Ты можешь пойти со мной в мою комнату. Я принесу что-нибудь из еды и попробую стащить из прачечной какую-нибудь одежду Гуннара.

— Ты все такая же чувствительная девочка, — сказал он, — строишь планы.

— Я всего-навсего хочу быть с тобой, — сказала я, и мои губы нашли нежную мочку его уха. — Если судьба решила, что мы должны быть вместе только до среды, значит, мы не должны терять ни секунды. Это все, о чем я прошу.

Я помолчала секунду, и тут меня осенила новая мысль.

— Видар, а возможно, чтобы ты изменил свою судьбу? Тогда твой отец не будет в силах что-либо сделать.

Видар выглядел ошеломленным.

— Каждый может заключить сделку с норнами, — сказал он, — но я не знаю, где они живут.

Он сделал паузу, и я уже открыла рот, чтобы сказать что-то, когда он продолжил.

— В настоящее время, — сказал он, — я не знаю, где они живут теперь.

— Но ты мог бы отыскать их?

— Многие бродили годами в корнях мирового древа, но я боюсь, что у нас нет столько времени.

Я встала и размяла ноги. В животе у меня снова начиналась буря. В лесу было так хорошо, но в комнате было центральное отопление и душ.

— Пойдем со мной, — сказала я, — будь осторожен, не разговаривай, если услышишь приближающиеся шаги. Тебе действительно нужно вести себя очень тихо.

— Уж не я ли учил тебя бесшумно передвигаться? — засмеялся он. — Давай посмотрим, кто из нас тише пройдет.

— Давай на спор.

Конечно, он выиграл, потому что уже через сорок секунд я наступила на ветку, которая с хрустом треснула. Когда мы шли рядом, держась за руки, и теплое солнце освещало молодые листочки, появившиеся на деревьях, я испытывала такое счастье, что мне хотелось плакать. Хотя я понимала, что могу потерять его, я бы не перенесла, если бы это случилось в тот момент. Но при утреннем свете солнца этот страх казался очень далеким.

Мои мозги напряженно работали. Должен быть выход, мы должны найти способ быть вместе. Видар был сверхъестественным существом, значит, в этом деле должна присутствовать сверхъестественная логика, и почему, собственно, она должна работать не за нас, а против нас?

На выходе из леса я вспомнила, что в этом месте натыкалась на Магнуса, и замедлила шаг.

— Сейчас мы должны быть очень осторожны, — сказала я.

— Я пойду за тобой.

Я взяла его за руку. Выйдя на просвет, я посмотрела по сторонам. Никого не было видно. Сжав его руку, я повела его к черному входу своей комнаты, достала ключ, и, толкнув дверь, мы проскочили внутрь.

— Мы в безопасности, — сказала я.

Он замешкался в проходе.

— Чувствуй себя как дома, — сказала я, — а мне нужно уладить некоторые вещи.

— Только не долго, — сказал он, неохотно выпуская мою руку, — каждый момент без тебя — целая вечность.

Я помчалась в административное здание, заскочив сначала в прачечную. Гуннар всегда оставлял одежду в сушилке на несколько дней после стирки. Я нашла рубашку и брюки от пижамы, которые, как я подумала, могли подойти Видару, и положила их в сумку. Взяв ее подмышку, я отправилась в столовую. Там было пусто, но я услышала голоса Фриды и Гарстена в комнате отдыха. Быстро открыв ящик, я схватила четыре запечатанных стакана с супом, половину батона хлеба, упаковку шоколадного печенья и пачку чая. Заглянув в холодильник, потянулась за пакетом молока, когда услышала, что кто-то идет в кухню.

— Привет, — сказала я, закрывая холодильник. Это был Гордон.

— Доброе утро, Вики, — весело произнес он. — Как дела?

— Ужасно. Сильно тошнит, и с животом что-то не то.

— Похоже, ты подцепила какую-то инфекцию.

Я кивнула, пытаясь выглядеть бледной и дрожащей.

— Диарея?

Я снова кивнула, надеясь, что он не станет углубляться и расспрашивать дальше. Мне не хотелось обсуждать с Гордоном проблему своего организма.

— У меня такое было, но сейчас все нормально. Через день-два тебе полегчает.

— Спасибо. Я приду на завтрак, но работать у меня нет сил. Ты мог бы объяснить все Магнусу?

— То, что ты больна? Конечно. — Он мне подмигнул по-дружески. — Будем надеяться, что наши микробы не распространятся на других.

— Это точно, — сказала я, — а теперь мне надо вернуться к себе и лечь в кровать. — С этими словами я вышла из столовой, прижимая к себе сумку и чувствуя, как начинает колотиться сердце.

Я нашла Видара на кухне. Он только что принял душ, и сейчас полотенце было обмотано вокруг талии, а волосы спадали на плечи.

Я затаила дыхание. Он обернулся.

— Я принесла молоко, — сказала я, доставая картонный пакет как доказательство.

Он схватил меня за запястье, поставил пакет в сторону и потащил меня на кровать. Я была абсолютно беспомощна в его руках, но я и не собиралась сопротивляться, чувствуя его горячую кожу и мощь его тела. Несмотря на жадные объятия, его пальцы были нежными, и я отвечала ему взаимностью.

Потом, переодевшись в штаны Гуннара и футболку с длинными рукавами, Видар впервые в жизни пил чай из пакетиков, который ему понравился. Я приняла душ, и мы снова перебрались в кровать, где болтали часы напролет, целовались и занимались любовью.

Я проснулась днем. За шторами светило солнце, Видар еще спал. Мне приснилась моя прежняя жизнь, в которой не происходило ничего примечательного. Это был простой сон, не грустный и не страшный. Когда я посмотрела на лицо Видара, мягкое и мальчишеское, меня охватило желание поцеловать его, но первая же мысль, которая начала преследовать меня, была пугающей. О, я попала в большие, большие неприятности. Сейчас мы достаточно времени провели друг с другом, и теперь нужно было принимать какое-то решение.

Стук в дверь прервал мои мысли. Видар открыл глаза. Я выскользнула из кровати и надела сорочку. Приложив палец к губам, я побежала к двери.

— Гуннар, привет, — сказала я, закрывая собой дверь.

— Привет, Вики, я принес тебе обед. — Он протянул тарелку, прикрытую фольгой.

— Тебе не нужно было, — сказала я, забирая тарелку.

— Можно я войду?

— Тебе лучше не входить. Ты же не хочешь подхватить эту заразу?

— Ты выглядишь отлично. Возможно, нет ничего страшного.

Я выставила руку, не давая ему пройти.

— В самом деле, Гуннар. Лучше мне сейчас побыть одной.

— Прости, — сказал он.

Я почувствовала себя виноватой.

— Мы потом хорошенько поболтаем, — сказала я, — когда мне станет лучше.

— Хорошо, — он поднял руку, но потом опустил ее. — Спи хорошо.

Я закрыла дверь и вернулась в спальню. Видар вопросительно посмотрел на меня.

— Кто это был?

— Гуннар. Мой друг, — я поставила тарелку, — но он хотел бы быть больше, чем просто моим другом.

Видар нахмурился.

— Чего он хочет?

Я сняла фольгу: картошка и рыба.

— Он хороший парень, не волнуйся, — сказала я. — На тебе его одежда.

Он потянулся к тарелке и попробовал суп.

— Мне нравится, как готовят в Мидгарде.

— Это Марианна готовит. Уверяю, у меня получается не так хорошо. — Я села на кровати, скрестив ноги. — Послушай, теперь мы должны решить, как нам быть дальше.

Он печально покачал головой:

— Слишком поздно. Теперь на тебе моя отметка, и он может найти тебя.

— Тебе нужно подумать обо всем, Видар. Поразмысли логически, ты ждал

тысячу лет. Ты знал, что должно произойти? Неужели ты не придумал никакого решения за это время?

— У меня было простое решение. Я думал, что найду тебя, сохраню секрет от своего отца и буду с тобой.

— Так в чем проблема? Просто сохрани секрет обо мне.

Видар отвел глаза, и его голос сделался мягким.

— Это не та тайна, которую я мог бы хранить вечно.

Конечно, ведь он будет жить после того, как я постарею и умру.

— Что ты хочешь сказать?

— В прошлый раз, когда я рассказал обо всем Вали, случилась трагедия. На этот раз я не собираюсь рассказывать никому. Могут пройти годы, и моя семья ничего не будет знать обо мне. Но если я переберусь в Мидгард, мой отец узнает, а этого он боится больше всего...

Я помолчала несколько секунд, и осознание своей неминуемой смерти молнией пронеслось у меня в голове. Казалось, у меня осталось так мало времени. Может быть, пятьдесят или шестьдесят лет? Часть из них я буду старушкой, морщинистой и больной.

— Видар, ты ждал тысячу лет, чтобы быть со мной только краткий миг?

— Любовь вечна, — ответил он, и его слова потом еще долго висели в воздухе. Постепенно я начала осознавать, что задала ему еще не все вопросы, которые хотела.

— Ты думал, мы будем вместе здесь или в Асгарде?

— Здесь. В Асгарде мой отец сразу нашел бы тебя.

— Тогда каким будет твое решение?

— Я был с тобой. Между нами произошла вспышка, которую он может почувствовать. Если он заподозрит что-то, он посмотрит в волшебную воду и узнает обо всем.

— Ты не думал об этой вспышке раньше? — мягко спросила я.

— Я не знал о ней. Первый раз, когда я приехал, я помнил лишь о том, насколько ты уязвима. Тогда я отправился к своей матери за советом, и она сказала мне остерегаться.

— А как ты узнал, что я здесь, на острове?

— Я почувствовал твое присутствие. Однажды утром.

— Ты почувствовал меня. А как это было?

— Это похоже на укол сознания. Как будто кто-то есть в комнате рядом с тобой, кого ты не можешь видеть.

— И ты боишься, что Один почувствует то же самое?

— Да.

— Сколько времени ты уже знаешь, что я вернулась сюда, в Мидгард?

— С того утра.

— Когда это было?

— Несколько недель до того, как я приехал к тебе.

Как будто яркий свет пронесся у меня в мозгу.

— А не раньше?

— Нет.

— Точно нет?

У него был озадаченный вид.

— Нет.

Я медленно закивала.

— Тогда Расскажи мне об этой волшебной воде. Твой отец в Асгарде может смотреть в нее и видеть, что происходит в Мидгарде?

— Мы все можем этим пользоваться. Я много раз наблюдал за тобой таким образом. А потом я увидел, что ты возвратилась в Мидгард.

— Что я вернулась на Остров Одина, — поправила я его.

Дрожь от сознания, что такое возможно, появилась во мне.

— Ты не видишь разницы?

— Разницы?

Наклонившись вперед, я посмотрела ему в глаза.

— Видар, мне двадцать семь лет. Я провела здесь, на Острове Одина, больше месяца, и только сейчас ты почувствовал меня. Твое шестое чувство и волшебная вода... они не работают за пределами этого острова. Значит, если мы вместе покинем остров, твой отец не найдет нас.

Я видела, что он задумался.

— В Мидгарде шесть миллиардов человек, Видар. Полно мест, о которых ты даже представления не имеешь. Мы можем затеряться.

— А что, если ты ошибаешься? — сказал он. — Во мне течет его кровь. Возможно, эта связь достаточно сильна, чтобы проявиться и за пределами Острова Одина во всем Мидгарде.

— Но ведь он сможет отыскать тебя, только посмотрев в волшебную воду, правда? Если он не сделает этого...

— Тогда ему придется приехать сюда и, не найдя нас здесь, отправиться на наши поиски через континенты... — Глаза Видара засветились. — Я мог бы наполнить ядом Сьяфьорд. Чтобы вода полностью очистилась, может понадобиться несколько столетий. Достаточно времени для нас, чтобы...

— Паром приходит в среду.

— Сегодня же вечером я возвращаюсь в Асгард.

С наступлением темноты дождь усилился, похолодало. Мы пробрались обратно в лес, и я ждала под зонтом, пока Видар собирал вещи и седлал Арвака. У меня в груди все болело от страха и тревоги. Слишком много препятствий существовало для того, чтобы мы могли быть вместе.

— Пожалуйста, пожалуйста, будь осторожен, — сказала я, когда он прыгнул в седло.

— Я буду. И ты тоже.

Я кивнула.

— Я боюсь позволить тебе удалиться от меня.

— Я с радостью уезжаю сейчас, если потом мы целую жизнь можем быть вместе.

Я вздохнула.

— Видар, а ты все так же будешь любить меня, когда я стану уже морщинистой старушкой?

Он дотронулся до моего лица тыльной стороной ладони.

— Виктория, я не разлюблю тебя никогда, ни при каких обстоятельствах.

— Но ты же сам останешься молодым и сильным.

Казалось, Видар удивился:

— Тем более у меня будут силы заботиться о тебе, когда ты станешь старой

и беспомощной.

— Все это так романтично звучит, — сказала я, пытаюсь засмеяться и проглатывая ком, вставший в горле.

Он наклонился под зонт и поцеловал меня, а затем произнес:

— Всеми своей черед, Виктория. Не думай о зиме, если сейчас весна.

Я улыбнулась:

— Я все понимаю. Возвращайся во вторник к вечеру. Я придумаю способ, как провести тебя на паром, даже если мне придется спрятать тебя в свой чемодан.

Он случайно задел меня, так что мой зонт выпал и улетел в грязь.

— Виктория, если я не вернусь, ты должна уехать без меня, — сказал он, и его дыхание обожгло мне ухо.

— Я знаю, — ответила я неохотно.

— Если я не приеду в назначенное время, значит, что-то пошло не так, и тебе угрожает опасность.

— Я знаю, — повторила я более твердо. Отойдя назад, я посмотрела на него. Капли дождя стекали по его волосам. — Но ты вернешься.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Земля задрожала подо мной, когда я испытала страх, что могу потерять Ви-дара.

— И я люблю тебя. Давай, чем быстрее ты уедешь, тем быстрее вернешься.

Он посмотрел на меня еще несколько секунд, а потом повернулся и сказал Арваку:

— Вперед, Арвак. Быстрее!

Арвак фыркнул и устремился вперед. Я смотрела на них, удаляющихся между деревьями, а когда они исчезли, осталась совсем одна, под дождем, с грязным зонтиком в руках и неизвестностью, ожидавшей нас впереди.

Глава 27

Я вернулась в свою комнату, переделалась в сухую одежду, прокручивая в голове все возможные варианты побега. Странно было представлять Видара на пароме среди незнакомых ему людей. Что потом? Когда мы прибыли бы в Норвегию, как бы я переправила его в Англию без паспорта? Я считала, что могла бы выучить норвежский и попытаться приспособиться на чужой земле, но такое положение ограничивало бы мои возможности заработать деньги нам на жизнь. Мог ли Видар найти работу? Без рекомендаций, без свидетельства о рождении, без документов об образовании и профессии? Это казалось невозможным, но я не хотела задумываться обо всем этом. Я знала, что не могла бы спланировать все это в одиночку, и я ходила по коридору взад и вперед, пока не решила попросить Гуннара о помощи. Он знал Норвегию, знал язык, порядки. Он знал, как происходят на пароме погрузо-разгрузочные работы, а также разбирался в компьютерах и мог получить необходимую информацию из Интернета. А я была почти уверена, что могу положиться на него, и он не станет задавать слишком много вопросов.

— Я думал, ты совсем разболелась, — сказал Гуннар, выглядывая в открытую дверь.

— Стряпня Марианны поставила меня на ноги, — улыбнулась я. — Здесь сыро.

— Входи, — сказал он. — Я включил отопление. Сегодня ночью будет холодно.

— По ночам всегда холодно. Мы же в самой середине этого чертового Норвежского моря, — сказала я, вешая плащ на спинку кухонного стула. — Может, выпьем по чашке чая?

— Конечно, моя леди. Располагайся, чувствуй себя удобно.

Я села на кушетку. На кофейном столике лежали книги и рисунки. Я взяла один из них и стала рассматривать его. Воин-викинг.

— Как еще у этого парня нет рогов на шлеме? — поинтересовалась я.

— А у викингов на шлемах не было рогов. — Звякнули чашки и ложки. — Ты можешь подвинуть эти книги, если они тебе мешают. Переложи их вместе с рисунками на стол.

Я взяла книги и перенесла их на книжную полку, а потом среди бумаг, которые держала в руке, я увидела фотокопию, откуда как-то раз Гуннар зачитывал мне историю о том, как однажды Один приезжал на остров. Я впиалась взглядом в текст, но он был на норвежском языке.

Гуннар поставил чашку с чаем передо мной.

— Нашла что-нибудь интересное? — спросил он.

— Пожалуйста, прочитай мне еще раз то, что написано здесь, — сказала я, протягивая лист ему в руку.

— Зачем?

— Просто интересно.

Я села и подвинула к себе чашку. Сейчас я надеялась вернуть что-то из воспоминаний Халдизы. Мне ужасно хотелось знать, есть ли в записях Ислейфа хоть что-нибудь, схожее со мной нынешней.

— Там было что-то о погоде...

Гуннар сел напротив меня, и, когда он читал, все события то яркими, то

темными вспышками проносились в моей памяти.

«Ближе к полудню стало очень жарко. Дети раздевались и резвились в воде. Я не помню, чтобы когда-нибудь стояла такая жара, даже в середине лета. Наверное, языки адского пламени не жгут так сильно, как солнце в тот день».

Маленькие девочки зовут друг друга, играют в какую-то игру. Меня заперли внутри, когда Асбьёрн привел меня из леса. Мне не позволяют свободно видеться с Видаром. Расстройство за расстройством. Крушение всех планов. Ужасная жара мучает меня, перед глазами пелена.

«С наступлением сумерек жара неожиданно и резко отступает, и через весь остров крадется сильнейший мороз. Деревья покрываются снегом, озеро замерзает, и земля превращается в ледышку».

Страшная жара переходит в мороз. Моя кожа холодная, хотя внутри тела до сих пор сохраняется жар. Неестественные причитания моей матери. Я смотрю по сторонам. Повсюду лед. Первый проблеск страха. Асбьёрн хлопает дверью перед моим носом. «Сиди там, шлюха». В дырку между стенами задувает ветер с моря.

«Сейчас темно, и пугающие звуки доносятся из леса. Пронизывающий ветер вынуждает всех нас сидеть у огня в доме и в страхе ожидать, что может случиться дальше».

В церкви стоит Ислейф, бледный от страха. Хакон пронзительно кричит, что надо пустить кровь какой-нибудь из коров, чтобы успокоить Одина. Асбьёрн хватает трех своих маленьких дочерей и молится, пока его глаза не делаются стеклянными. Что-то ударяется о дверь. Воют собаки, и ветер вот-вот снесет крышу. «Отправьте шлюху наружу, это то, чего они хотят!» — кричит Асбьёрн. Ислейф хватает меня за руки и выбрасывает за дверь. Наконец ветер стихает. Я тяжело дышу. Темная фигура движется на расстоянии. Я вижу блеск железа...

— Вики? Что-то не так?

Гуннар перегнулся через кофейный столик, пытаясь привлечь мое внимание.

— Все нормально, — заверила я его.

— У тебя отсутствующий вид.

— Все это очень впечатляет, правда? — сказала я, делая встревоженный вид, хотя чувствовала другое в этот момент. — Описание.

Гуннар откинулся назад в своем кресле и сделал глоток чая.

— В прошлый раз, когда я читал тебе об этом, ты не думала ничего такого.

— У меня изменилось мнение. — Неожиданно мне стало до боли понятно, что каждый находящийся здесь, на станции, — в опасности. Мы с Видаром должны были покинуть остров до того, как его отец почувствует нас. — Гуннар, мне нужна твоя помощь.

Он посмотрел на меня поверх своей чашки, и его брови поползли вверх.

— Твои слова звучат очень серьезно.

— Да. Я должна уехать с острова.

— Ах. — Печальное выражение промелькнуло в его глазах, но быстро прошло. — Не слишком ли, так поступать из-за Магнуса?

— Я согласна. Но существуют еще другие причины. Очень сложно объяснить.

— Но постарайся. Я не стал просить тебя, чтобы ты ехала со мной в Новую

Зеландию, но, может, ты из-за меня расстроилась?

Я улыбнулась и покачала головой.

— Нет, ты здесь ни при чем, хотя было бы лучше, если бы ты остался.

— Ты уже разговаривала с Магнусом?

— Еще нет. Ты первый, к кому я пришла за помощью, но сразу извини, я смогу рассказать тебе только о том, о чем могу.

Он сделал маленький глоток и посмотрел в потолок:

— Позволь угадать, как много ты можешь мне рассказать?

— Столько, сколько можно рассказать о мужчине.

— И насколько это серьезно?

— Серьезней не бывает.

Гуннар посмотрел мне в глаза:

— Понятно.

— Пожалуйста, не задавай лишних вопросов.

— План такой. Если ты уезжаешь, тебе нужен человек, кто бы помог тебе запаковать вещи. Ты бы положила свое сокровище в чемодан, и мы бы вместе пронесли его на паром. Пусть твоя ноша достаточно хрупкая, я уверен, что десятичасовое путешествие он вынесет без труда. — Гуннар продолжил: — После твоего отъезда я запакую все твои вещи и буду переправлять их почтой в течение нескольких недель, так чтобы не вызвать подозрений. Скажи мне, нам нужны отверстия в чемодане, чтобы твое сокровище могло дышать?

— Нужны.

— Тогда мы просверлим их, перед тем как поместим его туда.

— Мы сможем это сделать на этой неделе? Я хочу уехать отсюда в среду.

Гуннар покачал головой.

— Прости, Вики, но не важно, насколько хорошо собрана ты будешь, ты все равно не сможешь уехать отсюда в среду.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Магнус очень беспокоится, что Марианна уедет с острова из-за лесных привидений. Поэтому он отменил наш паром на этой неделе.

По мне пробежал электрический разряд.

— Что он сделал?

— Он отменил наш паром с продовольствием, потому что он хочет быть уверен, что Марианна не сбежит от него.

— Но что же мы будем есть?

— Он хитрый. Он заказал двойной запас продуктов, как только Марианна заговорила о привидениях.

Я молча выслушала все это, пытаюсь держать себя в руках. Вовсе необязательно, что Один отыщет нас уже на этой неделе. Возможно, нам удастся благополучно спастись на следующей.

Но если он уже почувствовал наше присутствие, о чем говорил Видар...

Тогда мы были здесь в ловушке, в милях от большой земли. В его власти на острове в холодном море.

В выходной, во время матча на настольному теннису, я сидела в углу комнаты отдыха, держала в руке пластиковый стакан с ромом и сверкающими глазами смотрела на Магнуса. Пару раз он кинул на меня взгляд, но продолжал болтать с Фридой и Гарстеном, обнимая Марианну за талию. Он притво-

рялся, будто не видит меня. Этот идиот собирался все разрушить, думая не своими крошечными мозгами, а своим крошечным пенисом.

Я вылетела в первом сете, потесненная Фридой, которую в свою очередь обыграл Ёзеф. Сейчас за столом бились Ёзеф и Алекс, любовники в жизни, но отчаянные соперники за теннисным столом. С момента моей дисквалификации я успела прилично выпить. Дождь барабанил по крыше, заглушая диск U2, который поставил Гуннар. Чем больше я пила, тем больше росло мое беспокойство и раздражение.

— Матч-пойнт! — крикнул Гордон, который выступал судьей. — Давай, Алекс, ты можешь победить его.

— Мне нужно еще выпить, — сказала я в пустоту и направилась в кладовку, куда Гарстен спрятал алкоголь, тщетно стараясь, чтобы я не нашла. Я плеснула рома в стакан, когда услышала, как кто-то вошел в комнату.

— Виктория, — сказал Магнус.

Повернувшись, я почувствовала, как мои руки сжались в кулаки сами собой.

— Что? — спросила я.

— Ты глаз с меня не сводишь целый вечер. Ты настаиваешь, что не ревнуешь меня к Марианне и еще...

— Я не ревную, — закричала я и почувствовала, как комната немного поплыла влево. Приложив усилие, я выпрямилась и посоветовала сама себе, не вести себя, как пьяная дура.

— Тогда в чем дело?

— Я злюсь, когда вы потакаете своим капризам.

Магнус посмотрел на меня удивленно.

— Я пропущу это мимо ушей, Виктория, но я не могу видеть, когда ты так много пьешь...

— Почему вы отменили паром?

— Я совершил административную ошибку, слишком расширив наш бюджет, и поэтому решил ее исправить. Я начальник станции и потому сам принимаю решения.

— Вы в самом деле думаете о бюджете, Магнус? Или о том, чтобы продолжать трахаться со своей любовницей?

— Я предупреждаю тебя...

— Предупреждаете меня? Вы думаете, я боюсь вас? У меня полно других вещей, которых стоит бояться.

— Это твое последнее предупреждение. Я могу уволить тебя за неподчинение.

— Тогда вперед, увольняйте меня.

Наступила пауза, во время которой Магнус боролся с краской, заливавшей его лицо, а я подумала, почему я не вняла своему совету не вести себя, как пьяная дура.

— Виктория, мы обсудим это в понедельник утром, на рабочем месте. — Он повернулся, чтобы идти. Я почувствовала, что сейчас взорвусь.

— Пожалуйста, Магнус, — сказала я. — Пришлите паром в среду. Я должна уехать с этого острова.

Он остановился и посмотрел на меня:

— Виктория? Ты же не собираешься сбежать от сверхъестественных явле-

ний, как это хочет сделать Марианна?

— Я хочу уехать домой, — ответила я, и мой голос задрожал.

— Ты пьяна, — произнес он нетерпеливо. — Поговорим в понедельник.

— Пожалуйста, Магнус.

Магнус вышел, не сказав больше ни слова, и я опустилась на скамейку, держа стакан с ромом. Мне хотелось знать, что сейчас делает Видар.

Громкий крик триумфа, донесшийся из комнаты отдыха, говорил о том, что за теннисным столом объявили чемпиона. В дверном проеме появилась голова Гуннара.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Я поругалась с Магнусом, — ответила я безразличным голосом.

Подойдя ко мне, он обнял меня за плечи.

— Ты слишком увлеклась ромом.

— Да, я немного перебрала.

— Вики Скотт, не важно, какие трудности происходят сейчас в твоей жизни, и что толкает тебя вести так, ты можешь не волноваться, — о твоей тайне никто не будет знать, кроме меня.

Он провел рукой по моим волосам.

Я наклонилась к нему и произнесла заплетающимся языком:

— Это правда, ведь во мне нет ничего особенного.

Тогда почему Видар любит меня? Зачем он ждал тысячу лет, чтобы провести со мной всего лишь полвека?

— Ты совсем запуталась, не так ли, Вики?

— Я ничего не понимаю.

— Ты такая красивая, — сказал он. — Ты веселая и неординарная, и ты очень красивая.

Я отодвинулась от него.

— Не говори так, Гуннар. От этих слов мне становится совсем грустно.

Вошли Ёзеф и Алекс. Я сидела на кухонном полу, не расставаясь с ромом. Вокруг меня звучали их голоса. У меня появилось ощущение, как будто я лежу на холодной черепице и начинаю проваливаться в приятную неизвестность.

Ёзеф предстал передо мной:

— Вики, ты в порядке?

— Она просто пьяная, — сказал Гуннар откуда-то издалека.

— Мне грустно, — сказала я.

— Я должен сказать тебе кое-что. Только не думай, что я сошел с ума. — Перед моими пьяными глазами появилась картинка, на которой обычно бледное лицо Ёзефа сделалось розовым.

— Ну, говори.

— Сегодня ночью во время дежурства мне снилась ведьма.

У меня появилось неприятное ощущение.

— И?

— И перед тем, как я проснулся, она сказала мне что-то... — Он замолчал, как будто смутившись.

Я наклонилась вперед, чувствуя, как моя кожа нагревается от страха.

— Продолжай, — проговорила я.

— Она сказала мне, что... она сказала: «Передай Виктории, что я все расскажу его отцу».

Мое сердце подпрыгнуло и застучало быстрее. Я попыталась подняться, но ноги не слушались меня.

— Я понимаю, что это всего лишь сон, — сказал Ёзеф, — но у меня возникло чувство, что это — важно, и мне обязательно нужно передать это тебе. — Он пожал плечами. — Алекс считает, что это бред.

— Я рада, что ты рассказал мне, — ответила я, делая усилие над собой, поднимаясь и садясь на скамейку. — Я должна идти.

— Вики, тебе лучше лечь. — Это говорил Гуннар. В комнате было полно людей, склонивших надо мной раскрасневшиеся лица.

— Со мной все нормально, — уверила я их. — Пойду прогуляюсь, проветрю голову.

Я вырвалась из помещения в дождливый вечер и почувствовала, как холодные капли льют на меня.

— О, Видар, — прошептала я, — пожалуйста, пожалуйста, поспеши.

Вероятности того, что я засну, не было никакой, поэтому я даже не пыталась. Я могла продолжать понемногу потягивать ром все воскресенье, до самого вечера, и знала, что не упаду. Я была слишком напряжена все это время. Мог ли зарядивший дождь начать стучать усиленнее? Или это я слышала звуки животных, доносившиеся из леса? Или это вернулся Видар? Или, что самое ужасное, это был кто-то жестокий, сильный и безжалостный, со сверкающим топором в руках и пустыми глазами на бездушном лице?

В три часа утра в понедельник я лежала на своей кровати, протрезвевшая, и смотрела в безупречно ровный потолок. Время от времени я переводила взгляд на окно и смотрела в лес, не в состоянии оторваться.

Дождь прекратился, и над деревьями были видны звезды. Снаружи не было ни звука, как будто такое затишье было предвестником чего-то. Темные тени молчаливо замерли в серой мгле. Мне вспомнилось лесное существо с костлявыми пальцами и соломенными волосами, и очевидное решение пришло мне в голову. Скрипи. Ведьма была его сестрой. Накинув куртку, я выскочила из дома.

Земля была размыта, и опавшие листья, лежавшие под ногами, заставляли меня скользить, но я направилась в лес, решив уйти как можно дальше от окон комнаты Магнуса и Марианны, на такое расстояние, чтобы они точно ничего не услышали.

— Скрипи? — позвала я, и мой голос одиноким эхом прокатился в тишине.

Несколько долгих секунд ничего не происходило. Я крикнула еще раз. Но когда я услышала хруст веток вдалеке, мне сделалось жутко.

— Скрипи, это ты? — спросила я, готовая умереть от страха.

— Это я, — отозвался он, выходя из темноты и останавливаясь в десяти шагах от меня. — Привет, Виктория.

— Мне нужна твоя помощь.

Его лицо просияло улыбкой, черные глазки заблестели, и показались острые маленькие зубы.

— Я бы с радостью помог тебе.

Я вздрогнула. Не от того, что он был пугающе уродлив; просто в моей жизни происходили невозможные вещи. Такого не бывает в реальности, но со мной это происходило.

— Это касается твоей сестры. Ведьмы.

Улыбка сошла с его лица.

— Зачем ты расстраиваешь меня, упоминая о ней?

— Она сказала одному из моих товарищей, что собирается доложить Одину о том, что Видар был здесь. Один приедет сюда и убьет меня, а может, и всех остальных.

— Нет, нет! — вскрикнул Скрипи, сцепив руки.

— Она может это сделать? Она может рассказать Одину? Я думала, вы все здесь в ссылке?

— Она может воспользоваться этим, чтобы задобрить его.

— Что же это значит? — спросила я, раздражаясь из-за этой сверхъестественной логики, которая совсем не была логичной. — Как она может сообщить ему?

— Мы все его дети. Он может...

— Он может чувствовать... да, я знаю. Как укол.

— Если она достаточно сильно сконцентрируется, она может привлечь его внимание.

— Она могла это уже сделать?

— Нет, потому что я бы тоже это почувствовал.

— Тогда как мне остановить ее?

Скрипи смотрел на меня молча не меньше минуты. Его глаза округлились, а брови вздернулись кверху.

— Скрипи?

Он сел и скрестил ноги:

— Я думаю.

Я замолчала, дав ему время подумать. Холодный ветер гулял среди деревьев, и мне захотелось вернуться внутрь, в тепло. Я присела вслед за ним, и сразу же почувствовала, как ветер стал обдувать ноги под пижамой. Тогда я спустила с плеч куртку и натянула вниз.

— Знаешь, — сказал Скрипи, — я знаю ответ, но я не хочу этого говорить.

— Почему ты не хочешь сказать?

— Это тебя испугает.

— Я уже ко всему привыкла, и к страхам в том числе.

Он кивнул:

— Тогда я скажу, что есть только один способ остановить ведьму — это убить ее.

Я почувствовала волну сильной усталости, нахлынувшей на меня.

— Я должна убить ведьму?

— Это единственный способ.

Обхватив колени руками, я наклонила к ним голову:

— Как я убью ее?

— Так же, как она пытается убить тебя. Выкрасть у нее дыхание.

Я посмотрела на свои руки.

— Тебе нужно объяснить мне.

— Когда она прижимается своими губами к твоим, дыши очень медленно.

— Если бы это было так просто...

— Никто никогда не думал об этом, — сказал он. — Они паникуют и задерживают дыхание, давая ей возможность действовать беспрепятственно.

Я глубоко вздохнула и снова наклонила голову. Послышался хруст, и я ощутила его холодную руку, лежащую у меня на волосах. Я дернулась.

— Не бойся, Виктория.

— Я только хочу, чтобы Видар вернулся, — произнесла я. — Мы должны уехать отсюда.

Он сел в грязь рядом со мной и сказал грустно:

— О да, с каким бы удовольствием я тоже уехал, но я не могу покинуть остров, пока Один не скажет. Или пока не умрут мои сородичи, потому что только они виноваты в том, что я оказался здесь.

Я посочувствовала ему. Растянув куртку, я прикрыла его, и он с радостью придвинулся ко мне. Подавив в себе страх, я рассмотрела его вблизи. Возможно, он был не таким уж сверхъестественным. Просто я никогда не знала о существовании таких существ, и мне казалось, что их нет.

— Как ты научился разговаривать на моем языке? — поинтересовалась я.

— У меня был здесь друг. С тех пор прошло много лет. Он был ученый, как и ты, и научил меня языку. На котором ты тоже разговариваешь. Я пытался предостеречь его от ведьмы, пытался найти ему защиту...

— Это он, тот мужчина, который умер? — задрожала я.

— С тех пор в той комнате она выбрала себе место для охоты. Если бы ты испугалась, было бы намного сложнее. — Он встал и предложил мне руку.

Я позволила ему помочь мне подняться и стряхнула куртку.

— Мне страшно, — сказала я, — и я ничего не могу с этим поделать.

— Ведьма не так страшна, как Один, — сказал он с серьезным видом. — Напоминай себе об этом и дыши медленно. У тебя есть защита, которая поможет тебе остаться в безопасности.

Я кивнула.

— Да, — сказала я, — я буду дышать медленно.

Но сначала мне необходимо было уладить все с Магнусом.

Скромно одевшись и стараясь выглядеть раскаявшейся, я появилась перед дверью в его кабинет в восемь часов. Во что бы то ни стало мне надо было получить дежурство в эту ночь. Магнус поднял на меня взгляд, сидя за столом, и попросил Гарстена оставить нас наедине.

— Я прошу прощения, Магнус, — быстро произнесла я. — Я очень сильно сожалею, о том, что сказала и...

— Тогда зачем ты сказала это? — спросил он холодно, вставая передо мной и глядя на меня сверху вниз.

— Потому что я была пьяна, — сказала я.

— Это не оправдывает тебя. Алкоголь развязывает людям языки, но он не может заставить их сказать то, во что они не верят.

Я подняла на него глаза и сказала единственное, что пришло мне на ум:

— Магнус, вы были правы. Я ревновала вас к Марианне.

Тень улыбки появилась на его губах.

— Я понимаю.

— Попробуйте все правильно понять. Это нелегко — видеть вас вместе. А когда я узнала, что вы отменили паром, чтобы задержать ее здесь...

Я опустила глаза.

— Мне нечем гордиться. — Мое лицо пылало от унижения и гнева, но я на-

деялась, что он расценит это как девичью застенчивость.

В ответ он заговорил мягким голосом:

— Виктория, разве ты не догадалась, что я бы все понял, если бы ты только рассказала мне правду?

— Но ведь до этого я говорила вам обратное.

— Сердце изменчиво. Кто знает, сколько времени мы с Марианной еще пробудем вместе? А потом, возможно, настанет время для нас с тобой.

Я подавила в себе дрожь.

— Сейчас я могу идти? — спросила я.

— Я рад, что мы все выяснили, Виктория, — ответил он, поворачиваясь к своему столу с притворно-деловым видом. — Не допускай, чтобы это случилось снова.

— Я не допущу. О, Магнус, вы не станете возражать, если мы с Ёзефом поменяемся ночными сменами?

— Когда?

— Сегодня.

— Если Ёзеф согласен.

— Он согласен. Спасибо.

Закрыв за собой дверь, я побежала по ступенькам в комнату для контрольных исследований. Гуннар был наверху вместе с Ёзефом.

— Магнус все еще бесится? — спросил Гуннар.

— Нет. Мы все выяснили, — ответила я.

Ёзеф повернулся на стуле.

— Я рад, что ты смогла с ним договориться, — произнес он.

— Ёзеф, можно я буду дежурить сегодня ночью вместо тебя? Я бы хотела поспать днем, потому что ночью мне совсем не спится.

— Я не знаю...

— Ну пожалуйста, это так важно для меня.

Ёзеф посмотрел мне в глаза, и я подумала, что он догадывается о том, что моя просьба как-то связана с тем, что я узнала о ведьме. Он пожал плечами.

— Ну, если хочешь. — Он отвернулся к экрану радара. — Она вся такая таинственная, правда, Гуннар?

— Я до сих пор пытаюсь разгадать ее, — ответил Гуннар.

— Спасибо. Я пойду спать, — сказала я.

Естественно, спать я не легла. Я делала все возможное, чтобы у меня был сонный вид, но на самом деле мне необходимо было заснуть в комнате для контрольных исследований в ту ночь, чтобы вызвать к себе ведьму. К счастью для себя, я могла написать целую книгу о лечении бессонницы. Я выпила травяной чай; отправилась на длительную прогулку по берегу; гнала от себя любую мысль, способную растрогать меня; я медленно дышала весь день. Когда пришло время приступить к работе, я приготовила себе горячее молоко с медом и выключила все приборы в комнате для контрольных исследований, которые могли издать звук, способный разбудить меня.

В полнейшей тишине и темноте я легла на кушетку и закрыла глаза.

Сон не шел. Я думала о своих врагах. Кто из них первый — ведьма или Один?

Я должна была сделать это и потому неподвижно лежала и считала в обратную сторону, начиная с десяти тысяч.

Десять тысяч, девять тысяч девятьсот девяносто девять, девять тысяч девятьсот девяносто восемь...

Что сейчас делал Видар? Сидел ли он верхом на Арваке, готовый вернуться ко мне? Я вспоминала его серьезное лицо, его мягкий голос, вспоминала о том, как страстно он любил меня.

...девять тысяч девятьсот шестьдесят четыре, девять тысяч девятьсот шестьдесят три...

Как могла моя жизнь принять такой причудливый изгиб? Как я могла дожить до того, что сейчас по совету лесного духа готовилась вступить в физическую схватку с ведьмой из кошмарного сна? Как я могла хранить от всех коллег тайну о своей переселившейся душе? При других обстоятельствах я бы рассмеялась. Возможно, в один прекрасный день я буду хохотать. Отбросив все эти мысли, я вновь подумала о Видаре. О нашем последнем дне, проведенном вместе, о его теплой коже, о мускулистых руках.

Восемь тысяч пятьсот двенадцать, восемь тысяч пятьсот одиннадцать...

Казалось, солнечный свет озарил мой мозг, я потеряла последовательность счета, и вместо этого в голове возникли воспоминания о теплом лесе — мои или Халы, — я не знала. Образ начал растворяться, и холодная темнота ждала за ним.

Вдох.

Я спала.

Дыши медленно, дыши медленно.

Мое тело закаменело, я не могла пошевелиться, не могла проснуться. Было слышно, как скользким движением открылась балконная дверь. Я заставила себя дышать спокойно и усилием воли попыталась быть храброй.

— Ты? — сказала она, вползая в комнату. Хотя мои глаза были закрыты, я могла видеть ее. Жесткая ухмылка скривила ее губы.

— Я думала, я говорила тебе оставить Видара в покое. Сейчас слишком поздно. Один будет доволен, когда я расскажу ему, что застучала вас.

Она взобралась мне на грудь, ее седые волосы задевали мое лицо. Мои нервы были на пределе. На этот раз я знала, что все это по-настоящему, на этот раз я понимала, что она может убить меня.

Дыши медленнее.

Ее лицо приблизилось, губы раскрылись, и я увидела ее рот, а дальше — горло, как будто это был тоннель в могилу. Она прижалась ртом к моим губам, силой заставила их открыться и начала всасывать мой язык. Я позволила себе не дышать две секунды, а затем начала медленно вдыхать.

Мы были сцеплены между собой ртами, наши губы слиплись. Она хрюкнула, я оставалась твердой. Мое дыхание вернулось ко мне, а потом и ее стало уходить в меня. Она схватилась за свое горло, а я продолжала дышать ровно и спокойно. От ее дыхания у меня во рту была помойка, такой привкус, как будто грязь смешалась со сгнившей листвой, но я продолжала втягивать его в себя, вдох за вдохом, пока мои легкие не начали болеть. Она боролась, царапая мне лицо. Я прижимала ее к себе, вцепившись ногтями в ее грубую одежду. Ее дыхание становилось все слабее, а крики все беспомощней.

Она резко прекратила сопротивляться. Ее глаза закатились, и она упала с меня, громко стукнувшись об пол.

Я глубоко вздохнула, села, окончательно проснувшись, и начала кашлять

до слез. Я снова была в комнате. Мои легкие были словно каменные. Я посмотрела на пол, куда упала ведьма, но ничего не увидела.

Нет. Я увидела маленькую кучку пыли и обрывки ткани.

Я соскользнула на пол, чтобы получше рассмотреть эту кучку. От нее воняло так же, как изо рта ведьмы: грязью и сгнившими листьями. Несколько мгновений я изумленно смотрела на нее.

— О Боже, похоже, я убила ее, — прошептала я в темноте.

Я собрала руками весь мусор и подошла к балконной двери, открыв ее ногой. Раскрыв ладони, я смотрела, как ветер уносит его на север. Затем я осознала, что покрылась испариной. От страха? Или от чего-то еще? Я посмотрела на термометр, прикрепленный к стеклу. На шкале — двадцать девять градусов.

— Что? — вырвалось у меня. От легкого постукивания по термометру ничего не изменилось. Конечно же, он испортился.

Я забежала внутрь и включила все приборы и компьютеры. Барометрическое давление резко падало. Термометры выходили из-под контроля. Направление ветра неуловимо менялось. Я опять вышла на балкон и бросила бумажный листок.

Его потянуло на юг, совсем в другом направлении от того, куда полетел мусор от ведьмы, который я пустила две минуты назад.

Потом грохот заставил меня содрогнуться. Гром вдалеке. Сейчас термометр показывал тридцать два градуса, а днем было на двадцать градусов холоднее. Я оглянулась по сторонам. В облаках сверкнула молния. Ветер начал раскачивать макушки деревьев, сгибая их то в одну, то в другую сторону.

Погода сошла с ума.

Часть третья

*Но отречься нельзя от любви, где править людьми она начинает.
Плач Оддрун. Старшая Эдда.
(Перевод А. Корсуна)*

Глава 28 [Асгард]

На пятое утро с той ночи, когда она осталась у Локи, Од проснулась, охваченная холодом.

Она не возвращалась в Старую Долину, потому что не хотела находиться там в одиночестве. Од боялась, что пустота, созданная Видаром и его любовью к другой, могла заползти к ней внутрь и разбить сердце. Взамен она предпочла найти сомнительное утешение в холодных объятиях Локи. Он по-прежнему обращался с ней как со служанкой, но он был влюблен в нее и сочувствовал ей и если ругал ее, то мягко, без злобы. Все это время Од не мучилась от страданий, но затем наступило это пятое утро.

Она ощутила холод не телесный, потому что лежала под несколькими одеялами рядом со своим спящим любовником, а почувствовала холод на сердце, как будто чашку ледяной воды подмешали ей в кровь. Темнота, дрожь и могильный холод накрыли ее, и она громко выдохнула его имя.

— Хельги.

Локи зашевелился рядом с ней. Од встала и оделась, дрожа от страха. Что-то случилось с ее сыном; она почувствовала это сердцем, так же как волчица чувствует шип, воткнувшийся в ее лапу. Несмотря на то, что ей было запрещено пользоваться магией, чувствительность души, которой она обладала, не могла обманывать ее.

Хельги точно был в опасности, и она не могла успокоиться, пока не узнает, в чем дело.

— Од? Ты не развела огонь.

— Я должна идти.

— Куда идти?

— Домой. В Старую Долину, — соврала она, надеясь, что ее волосы закрыли покрасневшее лицо, когда она завязывала ботинки.

— Я думал, тебе понравилось здесь.

— Я уже слишком долго пробыла у тебя. Я должна подготовиться к возвращению Видара.

— Я понимаю. Могу я получить прощальный поцелуй?

У Од не было времени обниматься с ним.

— Мне надо идти, — сказала она и вышла в холодное утро. Над долиной лежал туман, и деревья с изогнутыми ветками едва просвечивали сквозь него. Шаг за шагом она пустилась в свой долгий путь к мировому древу. Она прошла мимо скал, которые всю ночь мочил дождь, перешла равнину, и когда туман поднялся, она увидела приближающийся край Асгарда. Внутри нее начало возрастать волнение, толкающее ее вперед. Хельги, мой Хельги. Если бы она была с ним, как мать должна быть со своим ребенком, она бы смогла защитить его от любой опасности.

Хотя это было неверно, потому что именно из-за нее он попал в беду. Это она позволила ему сесть верхом на лошадь и не уследила за ним. Такой несчастный случай был бы простителен постороннему человеку, но не матери.

Од остановилась на возвышенности, окидывая взглядом колоссящую траву Ванахейма. Ей осталось совсем немного, и она увидит его в волшебном кристалле.

— Од? Мы не ожидали увидеть тебя, — сказала Верда, поднимая на нее глаза с клубка.

— Хельги, — сказала она, падая на колени перед Вердой. — Я должна увидеть его. У меня плохое предчувствие.

Скульд оторвалась от работы, но не отложила нить. Верда вынула брошь и передала ее Од. Дрожащими руками Од схватила ее, и, когда туман рассеялся и появилась четкая картинка, она закричала.

Хельги лежал около камина под одеялами, глаза у него были закрыты, кожа бледная, у него был сильный жар. Турид, тетя Од стояла возле него на коленях и плакала. Его худенькое тельце опускалось и поднималось, но он был без сознания. Тень Мимира стояла в дверном проеме. Он неуверенно топтался, как ведут себя все мужчины, когда кто-то рождается или умирает.

— Он болен! — закричала Од. — Нет, нет. Он болен и он умирает!

— Он не умирает, — сказала Скульд.

— Умирает! Он почти при смерти, а я здесь, так далеко от него. — Она наклонилась вперед и зарыдала. Холодная рука дотронулась до ее шеи.

— Од — сказала Скульд — посмотри на меня, послушай.

Од села, глядя на Скульд продолжая судорожно вздрагивать.

— Он не умирает, — сказала Скульд.

— Скульд! — закричала Урд. — Не рассказывай ей ничего.

— Ей не положено знать, — заголосила вслед за ней Верда.

Скульд встала перед Од и легко коснулась рукой ее волос. Ее бесцветные глаза смотрели серьезно.

— Он не умирает, уже через три дня он поправится. — Она показала три тонких пальца. — Он выздоровеет и твоя сестра будет смеяться над тем, как она рыдала около его кровати. Когда у него пройдет жар, он попросит медового печенья. Твой сын не умрет ни сегодня, ни завтра. С ним все будет хорошо.

Урд и Верда раздраженно заерзали.

Од почувствовала облегчение.

— Правда?

— Я не могу ничего говорить, но это правда, — сказала Скульд, поднимаясь и возвращаясь к своей работе.

— Почему тебе не рассказать ей обо всем сейчас? — спросила Урд саркастически.

— Да, зачем тогда останавливаться? — поддакнула Верда.

— Заткнитесь вы, обе. Вы знаете, что я никогда не болтаю лишнего.

Од смахнула слезы с лица и наклонила голову.

— Благодарю тебя, Скульд. Спасибо тебе.

— Благодарю меня за этот совет, Од. Этот маленький мальчик потерян для тебя. Ты так умоляла нас в тот день, когда пришла сюда, чтобы заключить сделку. Но Хельги уже не принадлежит тебе. Смирись с этим и найди утеше-

ние в чем-то другом. — Она покачала головой и снова приступила к работе. — Я бы посоветовала тебе разбить эту стекляшку.

— Нет! — закричала Од, вцепляясь в брошь и прижимая ее к груди.

— Это моя брошь, — вмешалась Верда, — потому что ты заключала сделку со мной.

Они спорили около минуты, а Од снова посмотрела на своего бледного сына, утешая себя тем, что он скоро выздоровеет.

— Од, надеюсь, ты понимаешь, о чем я сказала тебе сегодня, — сказала Скульд.

— Понимаю, — ответила Од кивая, — но я не уверена, что смогу так легко последовать твоему совету.

Верда протянула руку.

— Брошь, пожалуйста. Мы заняты. Приходи снова через несколько недель. Принеси нам цветов и чего-нибудь такого, что пахнет солнцем.

Од неохотно отдала Верде брошь и встала. Скульд посмотрела на нее строгим взглядом, но Од не смогла заставить себя улыбнуться.

— Извините, что потревожила вас, — сказала она.

— Тебе пора, — пробормотала Урд.

Од махнула рукой, вспоминая слова Скульд: «Этот маленький мальчик потерян для тебя». Как же это могло быть, когда его кровь по-прежнему пела в унисон с ее кровью? Как могла она игнорировать предчувствие сегодня утром?

Звук впереди заставил ее остановиться и затаить дыхание. Обычно проходы были пустынно. Было ощущение, что кто-то наступил на маленький камень, сделав неосторожный шаг. Она прислушалась. Там кто-то был.

— Там есть кто-нибудь? — крикнула она в темноту.

— Только я, — послышался в ответ притворно-испуганный голос.

— Локи? — по ее коже побежали мурашки: так он следил за ней?

Од услышала звук бегущих шагов и истеричный смех, затихающий впереди нее, а потом поняла, что она случайно открыла Локи место, где живут норны.

Весь обратный путь Локи шел шагов на двести впереди Од. Если она пыталась побежать, чтобы догнать его, он тоже ускорялся, чтобы убежать от нее, строя при этом рожи и дико хохоча. В конце концов, когда начался лес, она потеряла его из виду. Она пошла медленнее, а потом присела на траву, оглядываясь по сторонам. День клонился к закату, и птицы пролетали над головой, занимая на ночь свои темные гнезда. У нее было ощущение, что у нее украдено что-то важное и что может произойти еще что-то ужасное, и она никак не сможет повлиять на это. Она вздохнула и прижалась головой к дереву, чтобы поплакать.

Локи вышел из укрытия и встал перед ней.

— Так ты играешь?

— Во что?

— В нашу игру.

— Я не знаю, о какой игре ты говоришь. Возможно, это не было для меня игрой.

— Почему ты наврала мне? — спросил он с загадочным видом.

— Ты же врешь всем. Почему ты считаешь, что в ответ с тобой будут поступать честно?

— Ты плохая девочка, Од. У тебя полно секретов, а я не знал. Я думал, ты просто переняла плохие манеры Ваниров. — Он подошел ближе и наклонил голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Что у них есть такого, что ты скрываешь от меня?

— У меня нет причины что-то скрывать от тебя.

— Но ведь норны чем-то держат тебя?

Од опустила глаза.

— Да. Они могут показывать мне образ моего сына.

— Всего лишь его образ? Это все, что они дают тебе при всей их власти?

— Это все.

— Для меня просто загадка, почему ты скрывала их все это время. Эти мерзкие старые ведьмы должны мне.

— Локи, если ты придешь к ним, они оборвут последнюю ниточку, связывающую меня с Хельги.

Он пожал плечами.

— Я слышал, как Скульд читала тебе нотации, а ты жалобно всхлипывала. Возможно, это не было бы так уж плохо.

— Это очень много значит для меня! — закричала Од, взмахивая руками. — Ты и представить себе не можешь, что я чувствую, когда его вижу!

Локи сел на корточки.

— Вот это нрав.

— Не издевайся надо мной, — она встала и направилась в сторону дома.

Локи бросился за ней.

— Разве я не твой друг?

— Я не знаю: друг ты мне или любовник, хозяин или палач?

— Ты так мало доверяешь мне?

Од молча посмотрела на него.

— Как я могу тебе доверять, если ты никогда не разговариваешь со мной серьезно.

— Я люблю тебя, Од, — сказал он.

— Нет, ты не любишь, — усмехнулась она и пошла дальше. — Какая чушь.

— Да, да, это чушь, — согласился он, — но ты мне нравишься. Сейчас ты мне нравишься больше, чем кто-либо другой в Асгарде, а это что-то да значит.

— Если бы я нравилась тебе, ты бы отстал от норн. — Они вышли из леса на высокий склон, который вел к дому Видара. Уже стемнело, и на небе появились звезды.

— Сейчас я не знаю, как могу обещать тебе это. Я охотился за ними столько долгих лет. Эти ведьмы *должны* мне, Од. Почему бы мне не получить свой долг? — Он посмотрел на дом Видара. — Пойдем домой со мной, Од. Там лучше обо всем поговорим.

Од махнула рукой. Возможно, ей удалось бы уговорить Локи не забирать свой долг. Может быть, она достаточно сильно ему нравилась, чтобы согласиться на это.

Он наклонился и лизнул ее ухо.

— Пойдем домой со мной, Од, — повторил он.

Звук с восточной стороны привлек ее внимание. Они оба резко повернули

головы, когда Арвак галопом выскочил из леса. Видар сидел у него на спине.

— Видар, — прошептала она.

— О, дорогая, только не он опять. — Локи схватил ее за талию и прижал ближе к себе. — Ты же не вернешься снова к нему, правда? Не сейчас, когда ты была со мной?

— Он мой хозяин, — сказала Од, пытаюсь высвободиться. — Я даже не приготовила дом для него. — Последние несколько дней казались ей ненужными.

Локи отпустил ее и подтолкнул вперед.

— Тогда иди. Я вижу все по твоему лицу. Ты становишься преданной сучкой, когда видишь его.

— Скоро я снова приду.

— Я в этом не сомневаюсь. Пора поговорить с Видаром о тебе. — Он потащил ее вперед. — Давай поприветствуем его.

Они встретили Видара, когда он возвращался из конюшни. Дыхание Од стало учащенным, когда она снова увидела его. В его темных и серьезных глазах было что-то дикое. Что-то беспокоило его.

— Видар, я рада, что ты вернулся, — сказала она.

Видар посмотрел на Локи, не отвечая на ее приветствие.

— Что ты здесь делаешь, кузен?

— Мы с Од вышли в этот вечер погулять. Мы не ожидали тебя.

Видар с осторожностью посмотрел на Од.

— Всю прошлую неделю я провела у Локи, — сказала она. — Я не готовилась к твоему возвращению.

— Сегодня вечером ты должна быть здесь, — сказал Видар. — Мне нужно поговорить с тобой об очень важном.

— Я хочу, чтобы она пошла вместе со мной, — сказал Локи, выпрямляясь в полный рост. — Ты не можешь указывать ей беспрекословно.

— А ты не можешь говорить мне, чего я не должен делать. Од моя горничная. — Видар мягко коснулся плеча Од. — Иди в дом, Од. Я сейчас подойду.

— Ты забрал ее из Валяскьяльва, потому что там с ней плохо обращались. Ну, а теперь я хочу забрать ее по той же самой причине, — сказал Локи. — Я тоже Асир. И я имею точно такие же права, чтобы распоряжаться ею.

— Од остается здесь, со мной.

— Она принадлежит мне, потому что испортила...

— Забудь об этом. Она останется здесь. Она не вернется снова к тебе, пока я не скажу. Сейчас тебе стоит нас оставить.

У Локи раздулись ноздри, а бесцветные и без того глаза сделались еще бледнее.

— Видар, ты меня злишь.

Од почувствовала нарастающее напряжение. Локи имел слишком большую власть над ними обоими.

— Я пойду с ним, Видар. Я не против, — сказала она.

Видар покачал головой.

— Мне нужно, чтобы сейчас ты была здесь. Ваши сложившиеся отношения могут подождать. — Он говорил, как отец разговаривает с двумя детьми, и Од чувствовала стыд и расстройство.

Локи расслабился и заулыбался.

— Делай как знаешь, кузен. Я пойду. — Он обратился к Од.

— Од, я рад тому, что мы вместе провели время, но, похоже, Видар запрещает нам любить друг друга, и мы сами не можем решать, как нам быть дальше.

Он повернулся и побежал вверх на холм, исчезнув в густых деревьях.

Од смотрела ему вслед.

— Прости меня, Од, — сказал Видар. — Очень скоро ты сможешь пойти к нему, но мне нужно, чтобы ты помогла мне в очень важном деле и как можно скорее.

— Конечно, — ответила она, выдавив из себя улыбку. — Что ты хотел бы, чтобы я сделала?

— Давай пойдем в дом, — сказал он, обнимая ее за плечи. — Мне нужно поесть и перевести дыхание с дороги.

Од сварила картофельный суп, пока Видар переодевался и вытаскивал вещи. Она наблюдала за ним уголком глаза и понимала, что его дела находятся в отчаянном положении. Когда они сели за стол, он посмотрел ей в глаза и сказал:

— Од, я скоро собираюсь уехать, и меня не будет долгое время.

— Значит, ты собираешься к ней?

Он не мог сдержать почти что мальчишескую улыбку.

— Она любит меня, Од, и я люблю ее.

Од попыталась скрыть разочарование, появившееся на ее лице.

— Эта любовь ничем не угрожает вам? — прошептала она.

— Я вернулся для того, чтобы обезопасить нас, и мне необходима твоя помощь. Тебе я могу доверять, Од. Ты доказала мне это.

Од подумала о Локи, но ничего не сказала.

— Ты можешь доверять мне, — сказала она, а потом, не успев сдержаться, добавила: — Но мне очень больно, что ты любишь другую.

Видар отодвинул в сторону свою миску.

— Од, Од, ты моя дорогая подруга, ты красивая и очень интересная женщина...

К ее глазам подступили слезы.

— Не надо, Видар. Я не могу выносить твою нежность.

— Я позабочусь, чтобы ты была в безопасности. Ты можешь остаться здесь в Старой Долине, а можешь пойти к Локи, или я могу сделать так, чтобы ты перешла к моей матери.

— Я должна оставаться на службе у Асиров.

— У меня есть родственники на севере, которые будут хорошо обращаться с тобой.

— Не волнуйся за меня. Со мной все будет хорошо, — сказала она, погладив его по волосам и отойдя в сторону.

— Я должна заплатить цену за то, что я натворила со своей судьбой. Мне так сильно везло и, возможно, и в дальнейшем удача не оставит меня. Ты сказал, что тебе нужна моя помощь. — Она встала в углу комнаты, так чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Твоя семья отличается от моей, Од. Мы всегда воевали, а в вашей семье знают магию, тайны, мистику. Мне нужно наполнить ядом Сьяфьорд, так чтобы Один не смог найти меня в Мидгарде, но я даже не представляю, с чего начать.

Од немного подумала. Снова воспользоваться магией было бы замечатель-

но, но принадлежали ли ей до сих пор навыки волшебства?

— С тех пор как я последний раз колдовала, прошло много времени, — мягко проговорила она.

— Могла бы ты попробовать?

— Мне запрещено использовать магию против Асиров, но волшебную воду благословили великаны, и я думаю, что даже самый простой яд пробьет их защиту.

— И ты могла бы сделать это?

— Могла бы. Мне понадобится несколько дней.

Он вскинул брови.

— Несколько дней? Но почему?

— Мне нужно не менее трех ночей настаивать траву «волчье проклятье», иначе яд не будет иметь силы, чтобы отравить весь фьорд. Он очень глубокий. Он застучал пальцами по деревянной поверхности.

— Три дня.

— Если я сегодня же начну собирать траву.

— Да. Я помогу тебе.

— Я должна это делать в одиночку.

— Хорошо, хорошо, тогда я займусь другими вещами, которые нужны для приготовления. — Она украдкой кинула взгляд, наполненный желанием, на его плечи и спину. Был ли он с той женщиной из Мидгарда? Закончился ли его затянувшийся период, в течение которого он хранил обет безбрачия? Она ощутила, как что-то вскипает в ней, но она не понимала, желание это или злоба? И она еще должна была помогать ему!

— Значит, три дня. У меня еще есть время. Три дня это не так долго.

— А потом ты уедешь?

— Надолго. — Он отвел грустные глаза. — Смертные не живут вечно, Од.

Впервые Од почувствовала приступ горечи, представив Видара и его любовницу вместе.

— Конечно, я буду здесь, когда ты вернешься.

Он покачал головой, раздражаясь.

— Я даже подумать не могу о возвращении, — сказал он. — А когда это произойдет, мне будет не столь важно, ждет меня здесь кто-то или нет. Я был бы рад, если бы ты ушла куда-то, где еще будешь счастлива.

Она встала, надела тунику и сказала.

— Я прямо сейчас пойду за травой.

Он не ответил, и она выскользнула в холодные сумерки.

Видар, привыкший к тому, что торопиться некуда и впереди его ждет целая вечность, сейчас как никогда ощущал давление времени. Нужно было так много всего сделать. Он не собирался ложиться спать в эту ночь, но жар, исходящий от камина, разморил его, и он заснул. Он проспал почти до вечера следующего дня, а с наступлением рассвета отправился в Валяскьяльв.

Когда он подъехал, из огромного дома не доносилось ни звука. Видимо, после вчерашней попойки сейчас все спали. Погода была теплой, небо еще освещали звезды, и вдали слышался шум морских волн. Постояв около дома своего отца, Видар отправился к морю, от глубины и мощи которого у него перехватило дыхание. Находиться рядом с Викторией, держать ее теплое тело в

своих объятиях, проживать жизнь рядом с ней и каждый день слышать ее нежный голос и ощущать ее теплое дыхание... Он не мог пошевелиться от желания, болью пронзившего его, но ему нужно было идти, пока это чудовище внутри черного здания не обнаружило их.

Он снял седло с Арвака, похлопал его по шее и сказал ему:

— Арвак, подожди под окном Одина.

Когда Арвак побрел в сторону, Видар обошел собачью будку, обитую деревом, и тихо замер, прислушиваясь. У отца было четырнадцать собак с бешеными, ничего не выражающими глазами, и им достаточно бы-до одного шороха. Один держал их голодными, чтобы при случае они были более свирепыми убийцами. Любая из этих псин с удовольствием откусила бы Видару руку, если бы он оказался чуть менее осторожен.

Видар приблизился к псарне и пробрался через лаз в воротах. Они слушались только команд Одина, ожидая, когда он выйдет из своих покоев. Видар тихо свистнул, и через мгновение появились две собаки, щелкающие зубами и рычащие. Он сделал шаг назад, хотя тяжелая переплетенная цепь туго держала ворота. Вынув свой охотничий нож, он наставил его на одну из псин, и когда она пошла на него, всадил нож ей в горло. Кровь полилась ручьем.

Мгновенно проснулись двенадцать оставшихся собак, почуявшие кровь. Видар отошел назад и наблюдал несколько секунд, прежде чем напасть на собаку и порезать ее на куски. Началась возня, в ночном воздухе послышался вой, и Видар поспешил спрятаться, чтобы отец не увидел его из окна.

Он прислушался, пытаясь не дышать. Какой-то шорох внутри, потом хриплый голос Одина, а затем — звуки открывающихся и закрывающихся дверей. Горн Одина раздался рядом, но потом его звуки стали исчезать вдали.

Передвигаясь вдоль стены, Видар приготовился осуществить следующую часть своего плана. Пока собаки лаяли, он был в безопасности. Переведя взгляд выше на стену, он посмотрел на ставни, закрывавшие окна.

— Арвак, ты должен держаться очень тихо, — сказал Видар, вскакивая на коня. — Встань вплотную к стене. А сейчас, прости меня... — Видар встал ногами на его спину, отчего Арвак издал слабое фырканье. — Я знаю, тебе неудобно, старина. Я попробую побыстрее.

Используя долото, которое он прихватил с собой, Видар удалил гвозди, державшие ставни. Отверстие было слишком маленьким, чтобы пролезть через него, поэтому он стал думать, что можно сделать. В темноте он разглядел вторые ставни.

Арваку было неудобно.

— Еще совсем чуть-чуть, Арвак, — пробормотал он, и холодный морской бриз поглотил его голос. Собаки продолжали лаять. Удалив последний кусок дерева, он крепко уцепился руками за образовавшуюся нишу. Он стал подтягиваться и, наконец, подавшись вперед, повернулся на одно плечо и с неимоверным усилием оказался в комнате. Встав на пол, он обвел взглядом комнату, освещенную тусклым светом затухающего камина. Повсюду были предметы роскоши: меха, сверкающие бронзовые и золотые статуэтки, бочки с вином, оружие, инкрустированное драгоценными камнями, дубовые кадушки, полные безделушек. Где же хранилась волшебная вода? Его мать рассказывала, что она находилась в хрустальной бутылке. Он решил, что лучше всего будет проверить все.

Скрип кровати заставил его сердце остановиться. Повернув голову, он увидел лежавшую женщину, которая спала беспробудным сном. Видно, что она была пьяная. Видар никогда не видел ее раньше и предположил, что она могла быть одной из служанок. Он не знал, сколько она проспит, но ему нужно было действовать очень тихо.

Он начал искать. Прошло несколько долгих минут, но удача не улыбалась ему. Он случайно уронил на пол вазу с сухими цветами и нагнулся, чтобы собрать их. В этот самый момент он увидел плоский сундук под кроватью. Он был уверен, что именно здесь его отец хранил самые ценные свои вещи. Но как вытащить сундук, чтобы не разбудить спящую женщину?

Аккуратно и бесшумно.

Он лег на пол на живот, взялся рукой за серебряную ручку и потянул. Кровать была низкой; сундук скользил мягко. Видар затаил дыхание и вытащил его из-под кровати. Открыв его, он увидел хрустальную бутылку.

— Что ты делаешь?

Видар выпрямился, держа в руке бутылку. Женщина села на кровати. Она была голая, и ее растрепанные волосы прикрывали плечи.

— Вали? — спросила она сонным голосом.

Конечно, она никогда не видела его раньше и сейчас приняла Видара за его брата.

— Да, — быстро ответил он. — Один попросил меня найти самое лучшее вино. — Он поднял вверх бутылку.

— Где он?

— Проблема с собаками. Он скоро вернется, спи.

Она пробурчала что-то и откинулась назад, моментально заснув. Видар перелил воду во флягу, а бутылку поставил на место. Проверив, чтобы все было как раньше, он направился к окну.

— Еще немного, Арвак, я обещаю тебе, — сказал он, положив флягу в дорожную сумку и закрывая окна прежним образом.

Лай псов сейчас немного ослабел. Видар сел на лошадь и помчался в сторону скал.

— На берег, — скомандовал он, направляя Арвака на длинный склон, спускающийся к серому песку.

Небо начинало светлеть, когда они ехали вдоль берега, но солнце еще не прорезало горизонт. Серая вода ритмично плескалась о берег, а над головой парили буреветники.

Он остановил Арвака, чтобы посмотреть на море. Он был так близко... Как только Од приготовит яд, он сможет отправиться в дорогу. Сердце стучало, отдаваясь глухими ударами в горле. Видар вдруг почувствовал, что должно случиться что-то нехорошее. Появилось солнце, и Видар поехал к дому. Снова остановившись на вершине скалы, он оглянулся на жилище Одина и мельком увидел высокую фигуру на черной лошади около конюшен. Возможно, Локи едет, чтобы чем-нибудь поживиться. К счастью, он не появился там десятью минутами раньше и не застал Видара за его занятием. Может быть, после всего удача была на его стороне.

Од требовалось проделать далекий путь в глубину леса, чтобы найти ядовитое растение. Оно росло за ручьем, в непроходимой чаще, точно в том ме-

сте, где она впервые спросила у Видара про Мидгард. Она замешкалась немного на этом месте, подумав о том, что не хотела бы, чтобы Видар вернулся из Вальскьяльва. Слишком больно было видеть его отчаянную страсть к другой.

Интересно, спал ли он с того момента, когда вернулся. Он выглядел потерянным и смотрел безумными глазами, как будто что-то глодало его изнутри. Яд настаивался, и каждый раз, когда он спрашивал, готов ли, а она отвечала «нет», она видела, что каждый мускул его тела напрягался. Он понимал, что от нее ничего не зависит, но смотрел на нее так, как будто это была ее вина в том, что волшебный яд надо так долго готовить. Од остановилась на скалистой возвышенности и села, глядя в хмурое небо. Воздух был напоен влагой и свежестью растений. Если бы только Видар полюбил ее. Если бы Локи не имел такого влияния ни на них обоих. Если бы только она никогда не позволила Хельги прокатиться на Стейпр. Луч солнца прорезал облака и окрасил листья деревьев в зеленый свет. Решение двух из этих проблем было не в ее власти, но, возможно, она могла что-то сделать в отношении Локи. К тому же он говорил, что она нравится ему, а в последний раз они расстались не совсем хорошо.

Поднявшись и закинув сумку за спину, она побрела в сторону дома Локи.

Тонкие корявые ветки деревьев, обрамлявших его дом, как будто пытались проникнуть внутрь. Отбросив неуверенность, она постучала. Порыв ветра закружил листья, подняв их с земли. Ответа не было. Толкнув дверь, она открыла ее, но в доме никого не оказалось. Затем она услышала цокот копыт и вышла наружу, чтобы встретить его.

— Од, — воскликнул он, улыбаясь, — я не ожидал увидеть тебя. — Он был одет во все черное, и только золотая нить обрамляла края рукавов его одежды.

— Я разволновалась, что тебя нет, — сказала она, подбодренная его улыбкой. — Ты весь светишься от счастья.

Он наклонился и поцеловал ее в макушку.

— Я в прекрасном настроении, — произнес он. — Сегодня утром я здорово повеселился.

— Что ты сделал? — спросила Од, почувствовав беспокойство, несмотря на его улыбку. Он улыбался во весь рот, а его бесцветные глаза светились диким блеском.

— Так забавно, я уверен, тебе понравится, — сказал он. Новый порыв ветра собрал в кучу листья, лежавшие на крыше, и сбросил их на Од и Локи. — Я ездил навестить свою семью. Видар так сильно меня расстроил в тот день. Он совсем спятил от любви к той смертной женщине.

У Од заледенело сердце.

— Локи, что ты натворил?

— А о чем ты подумала? — сказал он, и улыбка исчезла с его лица. — Я обо всем рассказал Одину.

Глава 29

Видар вошел в воду фьорда, а Од ждала его поблизости, на залитом солнцем склоне. Яд был готов. Уже ночью он отправится в Мидгард, навстречу своей новой жизни с Викторией. Он не увидит эти долины и леса многие годы.

Он успокоился, ожидая, когда вода сделает тоже самое. Казалось, он не хочет ни богатств, ни почестей, ни пышных побед в боях. Он хотел обыкновенной любви и простой человеческой жизни.

Вода вокруг него сделалась как темное стекло; он бросил руны и стал ждать.

Появился образ Виктории. Ее бледная кожа и волосы; она разговаривала с двумя мужчинами; у нее был встревоженный вид. Он попытался разобрать ее слова, но ничего не понял. Он изучающе всматривался в ее лицо и подумал о том, что годы могут сделать с ней. Да, она постареет, но это не важно. Он все равно будет любить ее, и в этом нет сомнений.

Ему вспомнилась ее неуверенность в их совместном будущем.

Если бы это было возможно. Если бы она смогла стать бессмертной, как он, они смогли бы родить детей, у них был бы теплый и уютный дом. А что он станет делать, когда Виктория состарится и умрет? Что он будет делать на следующий день, когда похоронит ее, оставшись еще молодым и бессмертным? Вернется в Асгард и продолжит свое существование?

Видар закрыл глаза на момент и собрался с мыслями. Было глупо рассуждать о неизвестном будущем, когда настоящее уже сейчас полно непростыми заботами. Открыв флягу с ядом, он вылил его во фьорд.

И сразу же стало понятно, что яд подействовал.

Зеркально-черная поверхность воды начала бурлить и пениться. Видар слишком поздно осознал, что находится на небезопасном расстоянии от берега.

— Видар, убирайся из воды! — закричала Од.

Видар повернулся и быстро направился к берегу, покрытому травой. Закипающая вода вокруг него мешала передвигать ноги. Он уже почти не чувствовал их.

Горькая вода уже наполнила его рот, но он продолжал бороться со стихией. Вокруг него все стонало и переливалось разным цветом, а перед глазами проплывали образы — все, что видел Сьяфьорд за прошедшие столетия, все переплелось и варилось сейчас в одной пучине. Не сдаваясь, Видар поплыл, разрезая поверхность своим телом. Мощный звук послышался у него в ушах. Гул из глубины фьорда неумолимо поднимался к поверхности. Бешеное течение угрожало затянуть его в свой бушующий поток. Од кричала и махала, бегая у края воды. Сделав невероятное усилие, ему удалось продвинуться вперед на несколько метров, но его снова откинуло назад. Од протянула ему руку, удерживаясь другой за скалу. Его пальцы схватились за ее пальцы, а течение вцепилось в его одежду, сорвав тунику с плеч. Он сделал рывок вперед, ловя Од за запястье.

— Я держу тебя! — крикнула она.

Еще немного, и он выбрался на берег, тяжело дыша, сел на скалу и посмотрел на кипящую воду. Он наблюдал, как его туника исчезла в ней. Смерть была совсем близко; боялся ли он ее? Сейчас он ощутил, какая она на вкус. Он

чувствовал горечь во рту, вспоминая, как черные волны фьорда накрывали его с головой, затягивая в кромешную тьму. Он еще больше испугался навсегда расстаться с Викторией. Он перевел дух.

Од крепко держала его за руку. Гул постепенно начинал затихать. Фьорд понемногу успокаивался.

— Спасибо тебе, Од, — похлопал он ее по руке.

— Я уже думала, что потеряю тебя.

Теперь темная поверхность фьорда покрылась туманной дымкой. Од повернула голову, солнце осветило ее волосы в золотисто-каштановый цвет, и он понял, что будет скучать по ней.

Повернувшись, она увидела, что он смотрит на нее, и улыбнулась.

— Что? — спросила она.

— Как только стемнеет, я уезжаю в Мидгард. Я буду скучать по тебе, Од.

Она отвернулась, пытаясь скрыть улыбку.

— Ты забудешь меня совсем скоро, — сказала она, поднимаясь.

— Подожди, Од, — сказал он, мягко беря ее за запястье, — присядь ненадолго. Мне нужно тебе что-то сказать.

Од нехотя села рядом с ним, подняв колени и прижав их к груди.

— Я правда так напугал тебя? — спросил он.

Она глубоко вздохнула и посмотрела по сторонам. А потом, как будто укрепившись в своем решении, сказала:

— Я слышала, что когда-то ты был бесстрашным воином, Видар, — произнесла она, — но никто не предостерегал меня, чтобы я защитила сердце от твоей доброты.

— У меня никогда не было и мысли причинить тебе боль, — сказал он.

— И все же ты это сделал, — тихо произнесла она.

— За это я прошу прощения. Ты еще не думала, что будешь делать, когда я уеду?

Она пожала плечами.

— Можно я останусь в Старой Долине?

— Пожалуйста, но я боюсь, если кто-нибудь из Валяскьяльва нагрянет сюда, ты тогда не будешь в безопасности. — Он откинулся назад, опершись локтями в траву. Подлетела птица и, сев около воды, немного попила так, будто ничего и не произошло.

— У меня есть родственники на севере. Я их не очень-то хорошо знаю, но уверен, что они не причинят тебе зла, если ты отправишься к ним.

— Я пойду к Локи, — сказала она.

— Ты этого хочешь?

Ее щеки запылали, и он понял, что она разозлилась.

— Нет, Видар, это не то, чего я хочу. Я хочу вернуться в Ванакхейм. Я хочу быть с моим сыном. Я хочу... — Ее голос оборвался, и глаза наполнились слезами.

— Од?

— Я хочу, чтобы ты полюбил меня, Видар, — мягко проговорила она. — А ты не любишь. Я не могу возвратиться домой. Я не могу быть рядом с Хельги. Я сделала свой выбор и готова нести наказание, так что, пожалуйста, не пытай меня этими разговорами о будущем. Я не хочу, чтобы ты считал меня человеком второго сорта.

Видар наклонил голову. Его волосы прикрыли лицо.

— Прости Од, но ты не второго сорта для меня.

— Но я не так важна для тебя, как она.

— Я люблю ее.

— Почему?

Обычно он не отвечал на такие вопросы, но Од открыла ему свое сердце.

— Она восхитительная, и она такая уязвимая. Ее сердце бьется быстрее, чем наши, ее кожа мягче, и к ней я испытываю такую нежность, такую страсть, что даже трудно объяснить...

Од сжала губы.

— Тогда я только могу пожелать тебе счастья.

— Мы будем счастливы только короткое время. Од, я обречен увидеть то, как она состарится и умрет. Я бы отдал все, чтобы постареть вместе с ней и умереть. — Он замолчал, чувствуя неудобство оттого, что слишком долго говорит.

— Но у нас другая судьба, — сказала Од, устремив глаза на запад.

— Да.

— Мы все ее рабы.

— Я оставлю Арвака, чтобы ты заботилась о нем, — мягко произнес он. — Если ты будешь обращаться с ним по-доброму, он всегда будет предан тебе.

Она не ответила.

Он дотронулся до ее плеча.

— Од? Од, ты слушаешь?

Она повернулась и серьезными глазами посмотрела на него.

— Видар, если бы ты мог попросить норн обо всем, как бы ты поступил?

— Что ты имеешь в виду? — Его тело напряглось.

— Ты стал бы смертным? Отрекся бы от крови Асиров, текущей в твоих жилах, и стал бы смертным человеком, который с возрастом стал бы дряхлым, немощным и беззубым?

— Чтобы быть рядом с Викторией? Чтобы растить вместе с ней детей?

— Да. Ты согласился бы на это?

— Согласился бы.

— Тогда пошли со мной. Я покажу тебе, где они живут.

Он почувствовал изумление и испуг одновременно.

— Од, ты уверена? А Хельги?

— Я больше не могу так жить, Видар. Хельги больше не принадлежит мне. Я люблю его, но вынуждена смириться, что его нет со мной.

— И ты готова лишиться последней радости, чтобы видеть его?

— Я уже давно должна была сделать это. Так будет легче.

Он взял ее руки в свои, но он был так переполнен эмоциями, что не мог говорить. Наконец, он прошептал:

— Тогда, Од, я принимаю твое предложение и буду перед тобой в долгу до конца своих дней.

— Тогда идем, — сказала она, поднимаясь с земли. — Сейчас все еще возможно.

Од долго вела его по темным проходам мирового древа, он даже испугался, что они могут заблудиться в них, и его опасения развеялись только тогда, ко-

гда тусклый свет забрезжил впереди.

Од приложила палец к губам и взяла его за руку. Бесшумно она повела его в грот, где жили волшебницы.

Они мирно сидели за работой, а их пальцы порхали, перебирая нить, переливающуюся всеми цветами радуги. Когда одна из сестер подняла глаза, то внезапно вся картинка нарушилась.

— Од! Что ты натворила?

— Я знала, что нельзя тебе доверять.

— Это твоя вина!

— Нет, это ты виновата!

— Она больше никогда не получит брошь!

— Сестры! Сестры! — закричала Од, сложив руки, умоляя, чтобы они успокоились. — Сестры, простите меня. Дайте я все объясню.

Они побурчали еще немного, но замолчали.

— Сестры, — сказала Од, — я виновата. Я не жду вашего прощения. Я предательница, но я не могла больше видеть Хельги и оставаться вдали от него. Я готова, что больше не увижу его.

— Это твоя вина, Скульд, — пробормотала Верда.

— Я знала, что ничего хорошего не выйдет из того, что ты обо всем рассказала ей.

— Ты должна была думать, прежде чем говорить.

— Сестры, пожалуйста, выслушайте меня. Я привела с собой Видара, потому что у него есть просьба. Выполните вы ее или нет, это решать вам. Я не рассказала ни одной живой душе о том, где вы живете, и вы можете уйти отсюда, сразу после нас. Видар дорог мне, и я знаю, что в моей власти помочь ему. Я... — Од замолчала, и Видар вышел вперед.

— Я люблю смертную женщину, — сказал он. Их землистые лица не выразили удивления. — Я хочу стать смертным, чтобы быть рядом с ней.

— Ты желаешь быть смертным! — скривила рот Урд. — Ты добровольно хочешь умереть?

Видар замешкался на момент, а потом набрался храбрости.

— Да, хочу. В конце жизни, когда придет черед моей любимой.

— Это же все изменит, — сказала Скульд. — Ты связан узами с другими членами своей семьи.

— У меня есть другие братья, которые, возможно, с удовольствием приняли бы мою судьбу на себя. Отдайте ее Вали.

— Или Тору, — вмешалась Од, многозначительно глядя на Урд.

— Я готов заплатить, — сказал он, нарушая возникшую тишину.

— Ты отдаешь нам тысячу лет? — сказала Скульд, отпуская нить и показывая на него тонким пальцем.

— Он может отслужить сначала тысячу лет, — предложила Урд.

— Нет, нет, — запротестовал Видар. — Я сейчас должен быть с Викторией. Сегодня ночью. — Уже скоро стемнеет. Он надеялся покинуть родные места, когда вечное солнце скроется за горизонтом. Но норны явно не торопились.

— Проблема с его отцом, — сказала Урд. — Последний раз...

— Его отец был прав, когда боялся, что он придет к нам и будет просить, чтобы мы сделали его смертным.

Видар повернулся к Од и прошептал:

— Сколько еще им надо времени, чтобы решить?

Она пожала плечами.

— Секунды или часы, для них это одно и то же.

— Почему ты не хочешь поговорить со своим отцом? — спросила Верда с любопытством, сверля его взглядом.

— С моим отцом бесполезно разговаривать. Он думает не тем местом.

— Исполним его желание, я не возражаю, — сказала Скульд.

— Отдадим его судьбу Тору, — добавила Урд.

— Сестры, пожалуйста, Видар торопится вернуться в Мидгард.

— Мы не можем решать в спешке!

— Нам нужен час!

Прислонившись к стене, Видар сполз на землю. От каменной стены и холодной земли он начал дрожать. Еще нескоро рассветет. Он еще успеет перейти мост. Новая судьба замаячила перед ним, обычная, счастливая судьба.

— Я подожду, сестры, — сказал он. — Что такое час? Я подожду намного дольше, если вы сделаете меня смертным.

Вместо одного часа прошло уже два, пока сестры совещались тихими голосами. Од сидела рядом с ним, не отрывая глаз от пола. Она выглядела молодой и нежной, и совсем детское выражение было у нее на лице.

Видару было очень жалко, что он причинил ей столько боли. Он пожал ее руку.

— Спасибо тебе за все, Од, — прошептал он.

В ответ она только слабо улыбнулась. Он хотел извиниться, но вместо этого промолчал.

— У нас готово решение! — хором объявили сестры.

Видар вскочил на ноги.

— Так что вы решили?

Скульд подняла нить с пола.

— Сейчас я найду ее.

— О чем ты говоришь?

— Мы решили пойти тебе навстречу, Видар, — сказала Верда.

Его сердце чуть не вырвалось из груди.

— Вот она, — сказала Скульд, выделив ногтем одну нитку. Обмотав ее вокруг пальца, она достала маленький ножик. — Это может быть немного больно, — произнесла она и провела лезвием по нити.

Видар почувствовал, как что-то дернулось внутри него, но это была не боль.

— Что это было?

— Это, — сказала Скульд, протягивая свою руку, — это маленький кусочек судьбы. Твоей и Виктории. — Она держала семь сантиметров нити, все еще переливающейся разными цветами. — Он связан со всеми остальными судьбами, и его достаточно, чтобы все изменить.

— Чтобы все изменить, — сказала Урд, — ты воспользовался своей бессмертной кровью. Раньше ты мог не спать по несколько суток, но теперь через каждые несколько часов тебе нужен сон.

— Твои суставы будут болеть.

— Твой желудок регулярно будет требовать еды.

— С возрастом ты станешь забывчивым.

— Я с удовольствием приму это все, — сказал он нетерпеливым голосом. — Мы с Викторией должны быть вместе любой ценой.

— Возьми его, — сказала Скульд.

Он двинулся вперед и протянул руку за нитью.

— Ты видишь, что цвета еще играют на ней, — сказала Верда. — Это значит, пока еще существует множество возможностей. Однажды, когда твоя новая судьба решится, нитка почернеет.

— Что мне делать с ней? — спросил Видар.

— Храни ее в безопасном месте, — сказала Урд, — передай ее своему отцу.

— Отцу? Я должен увидеться с ним?

— Мы так решили, — объяснила Скульд. — Мы уверены, что ты боишься своего отца.

— Я боюсь не его, а того, что он может сделать с моей любимой.

— Ох, он боится, — хихикнула Урд.

— Если ты не боишься, — натянуто произнесла Скульд, — тогда тебе не будет сложно отдать ему нить.

Гордость Видара была задета.

— Что я должен сделать?

— Ты должен передать ему нить и объявить о своем намерении стать смертным. Изменение судьбы произойдет как раз в этот момент.

— Мой отец разозлится. Он сразу же отправится за Викторией.

Сестры закивали головами.

— Нет, нет, — сказала Верда. — Тор должен будет принять твою судьбу.

— Один не станет возражать.

— Он позволит тебе идти. Он забудет о тебе.

Видар посмотрел на нить, которую держал в руке, такую тонкую и красивую.

— Сейчас послушай, Видар, это важно, — сказала Скульд.

— Мы выполняем твою просьбу, чтобы ты смог быть вместе с Викторией. Но если ты неправильно воспользуешься нитью, то немедленно заплатишься за это.

— Не смей менять другие аспекты своей судьбы.

— Ты не обрадуешься наказанию.

Видар лишь наполовину слушал, разглядывая нить и пытаясь замедлить ритм своей крови.

— Все может быть, — сказал он.

— Видар, — предостерегла Скульд, закрывая нить его пальцами, — нитка почернеет, как только решится твоя судьба. Или если ты умрешь.

Видар вскинул голову.

— Что значат твои слова?

— Смерть, это конец возможностей, предоставляемых судьбой, — сказала Урд почти отрешенным голосом.

— Когда судьба прекращает свой ход, нитка теряет цвет, — добавила Верда, разматывая свой клубок.

— Да, но почему вы говорите мне об этом?

Скульд остановила на нем взгляд своих бледных глаз.

— Видар, — сказала она, — тебе известно, где твой отец?

В одно мгновение кровь прилила к вискам.

— Мой отец... — Резко охвативший его ужас заставил его повернуться и броситься обратно по лабиринту.

— Подожди, Видар, — закричала Од. — Без меня тебе будет трудно найти выход!

Но он передвигался инстинктивно, пока не потянуло свежим воздухом. И вот вечерние сумерки забрезжили впереди. Черные тучи, тянувшиеся с востока, закрыли звезды, а раскаты грома с грохотом проносились по холмам и долинам.

— Нет. О, только не это.

Од догнала его.

— Видар. Что случилось?

От мощного ветра ветви старого дерева заскрипели. Видар свистом позвал Арвака.

— Один, — произнес Видар, протягивая нить Од, которая положила ее в карман своего передника. Он снова засвистел, и Арвак появился перед ним, выйдя из тени. Видар быстро нашел сумку и достал оттуда флягу с волшебной водой, которую он нашел у Одина в доме. Он все еще надеялся, что это был обычный шторм.

— Помоги мне, Од, — сказал он, протягивая ей фляжку. В его голосе чувствовалось почти отчаяние.

— Отлей из нее немного воды мне в руки.

Она отдала фляжку обратно.

— Нет, у тебя слишком трясутся руки. — Она сложила чашкой свои ладони.

— Давай, лей мне.

Видар налил волшебную воду, и она стояла тихо, пока он не взял руны.

— Быстрее, Видар, — сказала она. — Вода вытекает у меня между пальцами.

Наклонившись, Видар всмотрелся. Бифрост. Хеймдалл. Один верхом на Слейпнире галопом несется к краю скалы. Потом останавливается и приказывает.

— Закрывай его!

Хеймдалл ответил что-то, но Видар не расслышал.

— Я сказал закрыть! — громогласно повторил Один. — Не открывай мост ни при каких обстоятельствах. Ни одна душа не должна перейти через него, пока я не вернусь с головой женщины.

Глава 30

[Мидгард]

Я никогда не чувствовала страха раньше. Теперь я понимала это. Во времена сдачи экзаменов в университете, когда накануне я не могла ни пить, ни есть, мне казалось, что это страх. Но это были только цветочки. Эпизод моей жизни, когда на меня напал пьяный грабитель и угрожал убить меня, если я не отдам ему кошелек, что мне в итоге и пришлось сделать, тоже нельзя назвать страхом. Возможно, в разное время я испытывала волнение, беспокойство, тревогу, но страх отличается от этих чувств.

Когда я осознала, что Один был на пути в Мидгард, меня бросило в дрожь. Я чувствовала себя уязвимой и абсолютно беспомощной.

Я заперлась в комнате и на какой-то момент задержала дыхание, чтобы успокоить сердцебиение, а также немного привести мысли в порядок.

Была ли хоть доля вероятности, что такие перепады погоды возможны? Время тянулось, и я откинулась на спинку стула, а перед глазами у меня носились яркие вспышки.

Обгоревшие тела женщин и детей висели и были похожи на страшных кукол.

Картинка предстала передо мной. Если этот природный феномен происходил по вине Одина, а если вспомнить историю, именно такие природные катаклизмы предшествовали его появлению на острове, тогда не только она, но и все остальные были сейчас в опасности.

Я нажала кнопку тревоги, и звуки сирены зазвучали по всей станции, в каждой комнате. Прислонившись к стеклу, я увидела огоньки, замигавшие на окнах, с интересом подумав о том, что я сделала, и о том, приедет ли Видар, чтобы спасти нас.

Один из компьютеров просигналил, и я обернулась, чтобы проверить, в чем дело. Сообщение пришло из Института в Норвегии. Я напечатала ответ и послала его обратно. Через двадцать секунд пришло повторное: «*“Киркья”, проверьте свои приборы*».

Скорее всего, они имели в виду повышение температуры, и я напечатала: «*Приборы в порядке*».

Экран запестрил белыми конвертами.

Я кинула взгляд на радар, и мое сердце подскочило: ураган шириной двести пятьдесят километров надвигался с северо-востока.

— Боже мой, — промямлила я, держа пальцы над клавиатурой. Затем сверкнула яркая вспышка, и послышался страшный раскат грома. Когда я открыла глаза, то увидела, что все компьютеры вырубались, и на экранах появилось сообщение, говорившее, что кабель поврежден. Молния попала в спутниковую тарелку.

— Какого черта? — заорал Магнус, бегом поднимаясь по лестнице.

— Это циклон, который все сносит на своем пути, — сказала я, беспомощно разводя руками. — До повреждения я успела взглянуть на радар: двести пятьдесят километров шириной. От нас здесь ничего не останется.

Магнус толчком открыл дверь на балкон и обеспокоенно посмотрел в небо.

Следом влетели Ёзеф и Алекс.

— Что это? — Алекс бросился к радару.

— Они все не работают, — сказала я. — Молния повредила спутниковую тарелку.

Подошли все остальные. Гуннар полез под стол, пытаясь починить поврежденную линию. Магнус сказал всем внимательно слушать его и заговорил спокойным и сдержанным голосом. Сирена продолжала тревожно пульсировать.

— Очевидно, что на нас движется сокрушительный шторм с северо-востока. Я не хочу паники, с той стороны нас защищает лес, и мы находимся в здании, построенном так, что оно может выдержать любой самый изощренный каприз погоды. Но молния повредила связь и...

Еще одна яркая вспышка и треск. Марианна вскрикнула от страха. Погас свет, и сирены резко перестали выть. Мое сердце заледенело, и я начала дрожать, не в состоянии контролировать себя.

— Что случилось?

— Что такое?

Луч белого света, появившийся в темноте, осветил наши перепуганные лица.

— Все ли нормально с нашим генератором? — спросил Ёзеф озадаченно.

Гордон вышел на балкон, посмотрел внимательно вниз и сказал:

— Генератор поврежден.

А я выбежала за ним, посмотрела туда и увидела пробитую дыру в крыше.

— Я пойду, — сказала Фрида, надевая плащ. — Я пробежусь.

— Нет! — закричала я. — Никто не должен выходить.

Мой истеричный голос встревожил Марианну, и она коснулась моей руки ледяными пальцами.

— Что это? — спросила она.

Магнус с подозрением уставился на меня.

— Виктория?

— Магнус, могу я поговорить с вами? — произнесла я, глядя на дрожащее лицо Марианны. — Это личное.

Магнус показал жестом, что все должны оставаться внутри, и закрыл за нами дверь. Ветер набирал силу, ломая верхушки деревьев. В воздухе чувствовалась сильная влажность, и пахло приближающимся дождем.

— О чем разговор? — злобно спросил он.

— Я нажала кнопку, потому что видела кого-то.

— Кого-то? Но кого?

— Чужого. Мужчину. — Я вытянулась, пытаясь хоть немного соответствовать его росту. — С топором. Я не хочу устраивать панику, но я думаю, мы находимся в чрезвычайно опасном положении и должны оставаться взаперти.

Магнус провел рукой по лицу и снял очки.

— Я не могу в это поверить, — произнес он. — Сначала спутниковая тарелка, потом генератор. Теперь убийца? — Он сжал мои руки. — Мы должны оставаться хладнокровными, Виктория. Будь примером для Марианны.

Я кивнула, мое горло так пересохло, что я не могла говорить.

— Где ты его видела, и куда он пошел?

— Я видела его прямо под окнами, но потом он исчез в направлении фьорда, — соврала я. — Он огромный, с бородой, и выглядит очень значительно.

— Но как он мог попасть на остров? — пробормотал Магнус. — Пойдем обратно. Мы должны подумать, что сделать, чтобы на станции не произошло ничего плохого.

Семь лиц обеспокоенно смотрели на нас. Магнус поднял руки.

— Я призываю всех соблюдать спокойствие. Очевидно, с нами на острове есть кто-то еще.

Марианна плюхнулась на диван, и лицо у нее стало такое белое, как будто она нанесла маску. Общий вздох прокатился по комнате.

— Обнаружив его, Виктория нажала кнопку тревоги, но мы не знаем, кто он и что намерен сделать.

— Может, стоит выйти и найти его? — предложил Гарстен.

— Он может быть вооружен, а никто здесь не квалифицирован, как герой. Мы научные работники, а потому должны действовать рационально. Пока будем сидеть здесь, закрывшись, и ждать, когда пройдет ураган.

Молния разрезала небо, на мгновение окрасив комнату голубым цветом.

— Когда наступит день, мы подумаем, как разрешить ситуацию, до этого каждый останется здесь. А пока займемся делом, — заключил Магнус.

Я немного отвлеклась, сконцентрировавшись на поиске керосиновых ламп. Потом достала запасные подушки и одеяла, а также помогла закрепить алюминиевые жалюзи. В комнате отдыха мы забаррикадировали дверь. Снаружи сверкали молнии, завывал ветер, грохотал гром.

Всеми силами я пыталась убедить себя, что ураган вызван природными условиями, а не гневом моего врага. Сильный контраст температур мог вызвать такое странное поведение погоды. Да, произошло отключение электричества и связи, но в обоих случаях они служили отличными мишенями для молнии, так как металл всегда притягивает ее.

Страх продолжал точить меня изнутри. Но пока я находилась здесь, до утра мне ничего не угрожало.

Зайдя в туалет, я увидела свое отражение в зеркале. В свете керосиновой лампы, стоявшей на полке, моя кожа была бледной.

Где сейчас Видар? Без него я была беспомощной. Он смог бы защитить нас обоих, если бы Один собрался повторить историю.

Я села на пол, уперевшись руками в холодный кафель, и слезы потекли по моему лицу. Я боялась за него, боялась за его жизнь. Мне не хотелось умирать, но и без него жизнь казалась пустой.

Дверь с грохотом открылась, заставив меня дернуться. Но это была всего лишь Марианна. Увидев, что я плачу, она тоже разрыдалась.

— О, Вики, что происходит? — всхлипывала она, упираясь в меня коленками и цепляясь за мои руки холодными пальцами.

— Все в порядке, Марианна, — ответила я, — здесь мы в безопасности.

— Как этот преступник мог попасть на остров? Ведь это не настоящий человек, правда? Он привидение или демон.

Я замешкалась, прежде чем ответить, и ее лицо скукожилось.

— Надо было мне уехать еще несколько месяцев тому назад, когда ты только приехала. Тогда и начали происходить странные вещи. До того я только раз или два слышала привидение, но их будто потянуло сюда после твоего появления. Теперь уже поздно. Мы их разозлили. Он собирается убить нас, правда? Демон? А вдруг он не один? Ну, ты бы не стала скрывать, да?

Грохот потряс стены здания, и гул ветра слышался откуда-то из-под земли, как будто Марианнины демоны подтверждали свое присутствие.

— Марианна, заткнись, — твердо сказала я. — Я тоже боюсь. Но здесь нам ничто не угрожает, и если бы ты смогла держать себя в руках, пока не утихнет буря и не наступит утро...

— Тогда что? Ты знаешь, что будет, когда наступит утро? А сейчас ночь, и что? Думаешь, им есть разница, когда убивать нас?

У меня все перевернулось внутри. Она была права. Если Один задумал убить меня, то ему все равно, когда он сделает это.

— Нам нужно попробовать наладить связь и позвать на помощь, — сказала я.

Мой страх передался ей, и она забилась в беспомощных рыданиях.

— Пойдем, Марианна, — сказала я, поднимаясь и протягивая ей руку. — Ты должна собраться.

— Я не хочу умирать, — проговорила она, всхлипывая.

— Но ты не умрешь.

— А что, если он попробует ворваться сюда?

— Он не сможет, — сказала я, пересилив неуверенность. — Давай я отведу тебя к Магнусу. Рядом с ним тебе полегчает.

Оставив Марианну с Магнусом и Гордоном, я отправилась на поиски Гуннара. Алекс и Ёзеф ползали по полу в контрольной комнате; Гарстен и Фрида распаковывали старые запасы чая. Гуннар устроился под лестницей и, зарывшись в подушки и одеяла, читал книгу, светя фонариком.

— Ну просто как в детстве, — сказал он, когда я присела рядом с ним.

— Ты бы лучше поберег батарейку. Неизвестно, сколько еще нам придется сидеть без света, — сказала я, выключая его фонарь. Теперь нас освещал тусклый свет, сочившийся сверху сквозь отверстия между ступеньками.

— Гуннар, могу я спросить тебя кое о чем? Гипотетически, ты бы пожертвовал своей жизнью, чтобы другим было хорошо?

— Ты хочешь знать, готов ли я умереть ради кого-то?

— Ну, нет. Если бы люди... друзья были в опасности... — Я замолчала, не зная, как закончить вопрос, не сказав лишнего.

— Вики? — сказал он.

— Не важно. Это глупый вопрос.

— Я думаю, что хорошие люди знают, как правильно поступить и оказаться в нужном месте в нужное время, — произнес он. — Это ответ на твой глупый вопрос?

— Может быть, — ответила я.

— К чему все это, Вики?

По крыше забарабанил дождь — как будто на нас посыпались камни.

— Мне страшно.

— Мы сидим в надежном месте.

— Но это не просто ураган. Помнишь миссионеров? Сильнейшая жара?

— Да.

— Перед началом урагана сегодня было тридцать два градуса.

— Вики, я и подумать не мог, что те описания произведут на тебя такое сильное впечатление, — улыбнулся он.

— Но сейчас они кажутся такими реальными, — сказала я дрожащим голо-

СОМ.

— Это обычная буря, Вики.

— И убийца с топором.

Он перешел на шепот.

— Ты правда видела вооруженного мужчину?

— Гуннар... — я повернулась и изучающее посмотрела на его лицо в темноте.

— Нет. Но я почти уверена, что он там, и мы сильно рискуем, если откроем дверь.

— Из-за него ты хотела уехать с острова?

— Нет.

— Но он может что-то сделать с ним?

— Да. — Я приложила палец к его губам. — Не задавай больше вопросов, потому что я все равно не смогу ответить на них.

— Нет, ты сможешь. Ты сможешь рассказать мне обо всем. Я не буду тебя осуждать.

Его мягкая настойчивость обезоружила меня. Я закрыла глаза и сказала:

— Это такая запутанная история, Гуннар. Я не знаю, с чего начать.

— С самого начала.

Взвесив все, я попыталась выделить основное и отделить его от сверхъестественного, чтобы Гуннар не подумал, что я лишилась рассудка.

— Я встретила одного человека, Гуннар. Его имя Видар, и он был здесь, на острове. Я не могу рассказать тебе, как он приезжает сюда и как уезжает, но он пытается убежать от своей семьи.

Я открыла глаза и увидела, что Гуннар неотрывно смотрит на меня.

— Его отец здесь, — сказала я. — По крайней мере, я почти уверена, что он здесь. Я видела признаки... — Я засмеялась. — Все это слишком загадочно, правда?

— Ты влюблена в него, ведь так? — сказал Гуннар. — В последнее время ты ведешь себя так, как может вести только влюбленный человек.

— Да, — сказала я. — Это любовь. Прости.

— Почему ты извиняешься?

— Я знаю, что ты... ты знаешь...

Гуннар сел, поджав ноги.

— Все в порядке. Я не люблю тебя, Виктория, — сказал он. — Какое-то время мне казалось, что такое возможно. Я хорошо тебя знаю и буду скучать без тебя, когда уеду, но ты не разбила мое сердце.

— Я рада. — Я знала, что он врет.

— Ты уверена, что можешь доверять ему? Я говорю о Видаре.

— О да.

— У тебя был план помочь ему перебраться с острова?

— Да, и отвезти туда, где его семья не сможет его найти.

— Они действительно так ужасны?

— Его отец душевнобольной и жестокий. Мы все в опасности. — Я опустила глаза. — Это все из-за меня. Это меня он хочет убить.

Неожиданно свет фонаря ударил мне в лицо.

— Это всё правда? — спросил Магнус. — Виктория, может, тебе лучше выйти оттуда и все объяснить.

Марианна пряталась за плечом Магнуса, глядя на меня так, будто я предала ее. Я вылезла из-под лестницы, чтобы объясниться, но не нашла слов. Гуннар вышел за мной следом. Он потянулся к моей руке, но я мягко отстранила ее. Остальные собрались на лестнице, чтобы послушать.

— Ты *знаешь* этого человека? — требовательно спросил Магнус. — С нами на острове находится психически больной человек, и ты *знаешь* его?

— Я его не знаю, — возмутилась я. — Я знаю *о нем*.

— Я слышал, как ты рассказывала Гуннару о том, что собиралась с ним покинуть остров.

— Нет, я говорила не о нем, а о другом человеке.

Послышался надрывный голос Марианны:

— Она сказала, что демону нужна только она, а не мы. Если она уйдет, мы не пострадаем.

Магнус произнес раздраженно:

— Марианна, ради бога, ты можешь помолчать? Нет никакого демона, и я не собираюсь выставлять Викторию наружу. Я просто хочу...

Его голос резко оборвался из-за звонкого удара во входную дверь. Все застыли. У меня затряслись колени.

— Что это было? — задыхаясь, спросила Марианна.

— Ветка стукнула о дверь? — предположил Гарстен.

Удар повторился снова, а потом послышался ужасный вой получеловека-полуживотного.

— Что за черт?

— Это он, — выдохнула я, вцепившись в рукав Гуннара и теряя рассудок от страха.

Затем отчетливое и яростное бум-бум-бум раздалось в дверь.

— Он пытается войти.

Магнус затряс головой:

— Это просто ветка скребется об дверь, Гарстен прав.

— Магнус, а вы не слышали...

— Это ветка, — пронзительно закричал Магнус, и его лицо побагровело.

— Там кто-то есть. — Ёзеф опрометью сбежал с лестницы и, пересекая комнату, побежал к двери.

— Не открывай! — закричала я.

— Естественно, я не собираюсь открывать, — сказал Ёзеф, — и с той стороны ее никто не сможет взломать. Дверь железная и укреплена. Я только хочу посмотреть. — Он показал на глазок в двери, а потом прильнул к нему.

— Никого не видно, — сказал он.

В комнате послышался вздох облегчения.

Я поспешила к двери, оттолкнув Ёзефа в сторону и прижимаясь к глазку. Ничего не было видно кроме сгибающихся деревьев и наших домиков. Мое сердце стало биться тише.

Потом послышался звон разбившегося стекла, донесшийся с другой стороны здания. Офис.

Марианна завизжала:

— Он идет убивать нас.

— Перестань, Марианна, прекрати, — закричал Магнус. — Он может вы-

бить стекла, но ставни, которые мы установили, ему не поддадутся. Вход в административное здание заблокирован.

Вой оттуда, где разбилось стекло. Взглянув за угол, я увидела, что в щель ставня просунулись три мясистых пальца, из которых сочилась кровь.

— *Láttu kopuna fara út!* — заорал он и надавил на ставни. Они скрипнули, но удержались на месте.

— Что он говорит? — спросил Алекс.

— Выпустите женщину, — перевел Гуннар.

— Тогда выпустите ее! — завопила Марианна.

— Мы не отдадим Вики на растерзание этому сумасшедшему, — сказал Ёзеф.

— Виктория, ты знаешь этого мужчину? — потребовал ответа Магнус. — Что ты натворила, из-за чего все мы теперь в опасности? Почему он здесь?

— Послушайте! — резко вмешался Алекс.

Мы затихли, прислушались. Ставни неистово трещали. Кроме этого ничего не было слышно.

— Дождь прекратился, — сказал Ёзеф.

Стук барабанившего по крыше дождя, а также гром, молнии и бушевавший только что ветер — все стихло.

— Этого не может быть, — сказал Гордон.

— Наверху, — сказал Ёзеф, — балкон.

— Не открывай дверь, — крикнула Марианна.

— Я не собираюсь открывать дверь, — сказал раздраженно Ёзеф, поднимаясь по лестнице вслед за Алексом и Фридой. — Я только хочу укрепить ставни.

Звон стекла.

В другом окне офиса. Я подпрыгнула, больно прикусив язык.

— О боже, о боже, — запричитала я.

— Все в порядке, Вики, — сказал Гуннар. — Магнус прав. Здесь мы в безопасности.

Снова началась долбежка и неразборчивые крики. Я посмотрела на Гуннара, и он показался мне таким юным и уязвимым, недостаточно сильным, чтобы защититься от такого монстра.

— Магнус, вы должны увидеть это, — позвал сверху Ёзеф.

Ёзеф и Алекс скручивали жалюзи на стеклянной двери. А в небе плыли облака и были видны звезды.

— Это сумасшествие, — сказал Гордон.

— Я никогда не видел ничего подобного, — выдохнул Магнус.

Фрида прижалась носом к стеклу.

— Что это? — спросила она. — Как будто какая-то белая тень лежит на траве.

Я вжала плечи.

У Магнуса округлились глаза, и он долго стоял, как замороженный, прежде чем повернулся и произнес то, что я уже знала:

— Это мороз.

Поежившись, я сказала:

— Этого не может быть, — но меня никто не услышал, так как все были в шоке от погоды.

Потихоньку я спустилась по лестнице. Стук и крики продолжались. Чув-

ствуя себя полумертвой от страха, я неслышно отперла дверь в комнату отдыха.

Здесь было холодно и пусто. Не было привычного шума работающих холодильников. На мгновение я остановилась, чтобы набраться храбрости. Марианна была права. Один пришел за мной, и если он получит меня, то оставит в покое остальных. Я надеялась, что Видар уже где-то близко, но я не могла допустить, чтобы Один сейчас выбил дверь и зарубил всех.

Но мне не хватало мужества, и я топталась в проходе около двух минут, пока не решила, что должна идти сейчас, прямо сейчас. Собрав всю волю в кулак, я отворила дверь, ведущую навстречу моей судьбе.

Глава 31

Весь мир застыл в снежном оцепенении. Как только я вышла за порог, на меня сразу же дохнуло холодом. На земле лежал ковер, сотканный из снега и льда, а капли дождя, не успевшие упасть на землю, свисали с веток, превратившись в серебряные сосульки. После неистового урагана и бешеных ударов в дверь здесь стояла гробовая тишина.

Тень перед главным зданием. Один.

Электрический заряд пронзил мое сердце, и я побежала в сторону леса. Гуннар считал, что это отличное место, где можно спрятаться, а Видар это доказал. Возможно, мне удастся на какое-то время отвлечь его внимание, пока не придет Видар. Стук моего сердца отдавался у меня в ушах, но я слышала за своей спиной шаги этого чудовища, орущего что-то мне вслед на своем древнем языке. Я находилась в ста шагах от него, когда вбежала в темную лесную чащу. Прижавшись к стволу дерева, я попыталась унять дрожь в теле.

Это просто невозможно — убежать от него.

У меня подкосились колени. До меня дошло, что я не знаю, куда бежать и где прятаться. Я слышала его шаги поблизости.

Холодная рука схватила меня за лодыжку, и, вздрогнув, я села на холодную землю. Опомившись, я поняла, что смотрю в упор на Скрипи. Он потащил меня за собой, приложив палец к губам и показывая, что я должна молчать. Когда я бежала, то цеплявшиеся за меня ветки ободрали мне руки, а так как я вспотела, то моя одежда насквозь промокла, а потом замерзла. Меня начало колотить. Один приближался, и я последовала за Скрипи чуть в сторону.

Теперь я видела его, огромного как медведь, в трех шагах от себя. Его черты были скрыты темнотой.

Затем Один прошел прямо мимо нас.

Скрипи наклонился к моему уху.

— Не шевелись, — прошептал он.

Я стояла, замерев две минуты, но готова была простоять в таком положении и два часа. Скрипи, очевидно, понял мои мысли и сказал:

— Сейчас нам ничто не грозит.

— Как он не заметил нас? — прошептала я.

— Его левый глаз, — сказал Скрипи, — он не видит. — Если встать слева от него, то он не увидит тебя. Мы должны быть как мыши. Я отведу тебя обратно в свою нору.

Я не стала задавать уточняющих вопросов, боясь, что Один услышит нас. Я просто поднялась и пошла за ним.

— Нет, нет! — зашипел Скрипи, поворачиваясь ко мне. — Ты слишком шумишь. Он хорошо слышит.

Я подумала о Видаре, учившем меня беззвучно передвигаться в лесу. Хотя он учил меня перемещаться в обуви, сейчас я не видела другого выхода, как снять ботинки. Остановившись, я выскользнула из них. Взяв в каждую руку по ботинку, я пошла, осторожно ступая.

Было очень холодно, но деваться мне некуда.

Вместе со Скрипи мы пробирались сквозь деревья, как привидения, а наступившая зима запускала свои ледяные пальцы все глубже и глубже, все сильнее и сильнее замораживая лес. Тишина по-прежнему оставалась нетронутой, как будто лес затаил дыхание. Мои ноги болели от холода и были все изранены. Я ожидала, что Один в любой момент может выскочить из-за деревьев, занести топор над моей головой и разрубить меня на две части. Эта ночь приняла нереальные очертания — как будто я была героиней приключенческого фильма. Четыре утра, лютый мороз, монстр, преследующий меня, чтобы убить. Обернувшись, Скрипи прижал палец к своим губам, и я почувствовала себя настолько отстраненной от окружающего мира, что чуть не рассмеялась.

— Вот сюда, — прошептал он, показывая на нору возле корней дерева.

— Что?

— Мой дом, — сказал он.

Дерево было высоким и широким, и два корня изгибались дугой, прежде чем уйти в землю.

— Мы идем туда? — спросила я.

— Шшш. Иди за мной. — Он согнулся и скрылся в дыре. Я уловила слабый запах дыма. Мои ноги совсем заоченели. Снова показалась голова Скрипи.

— Заходи, Виктория. Сейчас не время размышлять.

Я встала на колени и просунула голову в дырку. Она вела в тоннель. Скрипи полз передо мной. Я следовала за ним на четвереньках. В глубине виднелся свет, и запах дыма доносился до меня. Узкий тоннель, постепенно расширившись, превратился в некое подобие комнаты: шагов десять в ширину и высотой меньше человеческого роста. Я села на корточки и посмотрела по сторонам.

Дом Скрипи напоминал пещеру, достаточно просторную. Правда, если бы я захотела выпрямиться, мне бы пришлось стоять согнувшись. Пол был покрыт настилом из хвойных иголок и забросан шкурами животных, теплыми и мягкими. Стены были выложены камнем, но на них тоже висели шкуры. Комната была заставлена горшками, сковородками, возле стен лежали палки и камни. Она напоминала нечто среднее между кухней и собачьей конурой. Скрипи подбросил полено в тлеющие угли, и костер разгорелся с новой силой. Дым наполнил пещеру, и я закашляла.

— Дым исчезает медленно, — сказал он, вставая на коленки рядом со мной и похлопывая меня по спине. — Положи ноги возле огня, Виктория. — Он щелкнул языком. — Бедная. Твоя правая ступня совсем онемела. Подожди. — Он исчез, спустившись вниз по другому тоннелю, и вернулся спустя несколько минут с горшочком, в котором лежала мазь, пахнувшая чем-то сладким. Он сел около моих ног и стал втирать мазь мне в кожу.

Я облокотилась на локти. Постепенно мое тело начало согреваться, и ноги перестали болеть.

— Спасибо тебе, — сказала я, потому что не знала, что еще сказать, а хорошие манеры не повредят ни при каких обстоятельствах.

— Спасибо тебе, — сказал Скрипи. — Ты убила мою сестру.

Мне показалось, что борьба с ведьмой была так давно, и сейчас мне захотелось узнать, был это сон или нет.

— Я догадалась, что сделала это, — сказала я, приложив руки ко лбу.

— Приляг, — сказал Скрипи.

Я послушалась его и лежала, уставившись в потолок пещеры, пока он массировал мне ноги. Снова и снова я пыталась воспроизвести в голове все события этого вечера. Ведьма, ураган, Один, ломившийся в дверь. Эти мысли по кругу витали у меня в мозгу, и я боялась, что если перестану думать об этом, то окончательно потеряю связь с реальностью и сойду с ума.

Скрипи закончил массаж, подошел и сел около моей головы.

— Сейчас ничто не сможет навредить тебе, Виктория. Почему же ты такая бледная и перепуганная?

— Понимаешь, я своими глазами видела вещи, в которые не верила раньше, — произнесла я, не в состоянии говорить твердо.

— Тебе страшно?

— Да, конечно.

— Тебя пугает что-то большее, чем Один, пришедший за тобой.

Я не смогла ответить. Вместо этого я села и стала смотреть на огонь.

— Почему ты так уверен, что Один не найдет нас здесь? Он не учует запах дыма?

— У него нет таких навыков. Он привык полагаться на силу и мозги других.

— А он может почувствовать нас? То чувство, которым он обладает? Ты рассказывал мне.

Скрипи покачал головой.

— Ты уверен?

Скрипи отошел в другую часть своего жилища и начал рыться среди посуды.

— Ты хотела бы чего-нибудь поесть?

— Почему ты сменил тему разговора?

Он вытащил два куска сушеного мяса.

— Сушеная рыба или сушеный кролик?

При мысли о том и о другом у меня все перевернулось внутри.

— Скрипи, почему ты не отвечаешь мне?

Он положил куски мяса, и его маслянистые глаза сделались круглыми и жалобными.

— Не злись на меня, Виктория. Это была лишь маленькая ложь.

— Ложь? Что за ложь?

— Ведьма. Моя сестра. Она не могла...

Я так смутилась, что не могла совладать с собой, наверное, полминуты.

— Она не могла что? Ты хочешь сказать, она не могла... найти контакт с Одним, чтобы доложить ему о нас с Видаром?

Скрипи виновато склонил голову.

Во мне начал возрастать гнев.

— Тогда какого черта ты соврал мне? Я рисковала своей жизнью, чтобы умертвить ее!

Скрипи выставил руки перед собой, и его острые пальцы напомнили мне о защитной руне, висевшей у меня на шее.

— Я должен был это сделать, Виктория. Я не мог убить ее, потому что она появлялась внутри здания, а я не могу заходить внутрь. И ты обезопасила себя, убив ее.

— Не притворяйся, что ты заботаешься о моей жизни. Ты сделал это для себя. Ты рассказывал мне, что не сможешь попасть домой, пока они оба не будут мертвы.

Скрипи пополз по полу в мою сторону.

— Это правда, но если бы ты когда-нибудь увидела Идавид, ты бы поняла, почему я так поступил. — Он сел рядом со мной. — Ты по-прежнему можешь мне доверять, Виктория. Со мной ты не пропадешь.

— Но как долго? Не могу же я вечно прятаться здесь. Есть хоть маленький шанс, что он успокоится и вернется домой?

Глаза Скрипи погрузнели.

— У Одина в крови нет жалости.

— Этого я и боялась.

— Но Видар приедет. — Голос Скрипи перешел на мягкий шепот. — Это все из-за Видара, да? Весь этот ужас и боль. Чтобы отдать себя ему?

Я вздохнула.

— Да.

— И если все получится? Если он победит своего отца?

— Мы будем вместе, — сказала я, предвкушая исполнение моего самого заветного желания.

— Это сделает тебя счастливой?

— На всю оставшуюся жизнь.

— Возвращение в Идавид тоже просто делает меня счастливым. Ты понимаешь?

Я встретила с ним взглядом.

— Понимаю, Скрипи.

— Клади голову мне на ногу, Виктория. Я смогу забрать твои тревоги, и ты заснешь.

— Я сомневаюсь, что смогу спать, — ответила я, ложась головой на его ногу.

— Закрывай глаза. Я расскажу тебе истории об Идавиде.

Я послушно закрыла глаза. От него шел странный запах, но не неприятный.

— Представь, что ты птица, — сказал он. — Воздух принадлежит тебе, когда ты паришь над землей, рассекая крыльями небо. Ты смотришь вниз с высоты и видишь бескрайние зеленые просторы, так что даже дух захватывает. Туман еще висит над макушками деревьев и собирается в долине, а ты несешься вниз, сквозь него, в листву. Тени деревьев длинные и темные, но солнечные лучи все же пробиваются через них и отражаются на земле.

Каким-то загадочным образом мое беспокойство стало ослабевать, как будто слова Скрипи имели лекарственное воздействие на мои мозги.

— В глубине леса бурлит суматошная жизнь, мои сородичи строят дома среди деревьев, наши дети играют в высокой траве и спускаются вниз к озеру, чтобы поплавать и погреться на солнце. А теперь представь, что ты рыба, и ты скользишь в воде, постукивая по ней своим серебряным хвостом и поднимая

брызги. Вода холодная и чистая, а на глубине плещутся стаи рыбок. Теперь выйди из воды и встань на четвереньки; превратись в белку и взберись высоко на дерево, потому что наступает зима, и небо все время серое; внизу лежат снежные сугробы, сосульки висят на ветках деревьев, но сосны остаются зелеными, даже когда все вокруг белым-бело.

Он помолчал немного, а потом заговорил шепотом.

— Но есть нечто большее. Это волшебная жизнь в Идавиде. Представь себя в своем собственном теле, стоящую между деревьями в теплый весенний день. Если бы ты закрыла глаза и затаила дыхание... ты чувствуешь? Как сильно бьется магический пульс среди деревьев. Пауки плетут паутину, серебряные нити которой ловят волшебную энергию, отвечая слабой вибрацией. Лес живой. И правда за нами, потому что мы знаем, где находится сердце земли, а Асирам не понять этого, потому что они никогда не останавливались на мгновение, не закрывали глаза и не задерживали дыхание.

Я долго ждала, когда он снова заговорит, слушая щелчки и треск поленьев в огне. Он погладил мои волосы и сказал:

— Спи, Виктория. Видар скоро будет здесь. Я знаю.

Видар. При мысли о нем у меня на лице появилась улыбка, и я заснула.

Казалось, что я проспала долго, потому что проснулась я с диким чувством голода.

— Который час? — спросила я, садясь. — Я проголодалась.

— Уже день, — ответил Скрипи. — Я приготовлю тебе еду.

— Мне нужно... ты знаешь...

— Ты должна подняться в лес. Будь очень осторожной.

Страх снова поселился во мне. Я сняла каменную руна с шеи, чтобы показать ему.

— Она поможет мне?

— Даже эта руна — слишком слабая защита против Одина.

— Значит, она бесполезна?

— Почти. — Он пожал плечами. — Он обладает большой силой.

Я замешкалась.

— Иди, — сказал он. — Быстро.

Я шла по тоннелю, пока не увидела впереди дневной свет, потом постояла немного у выхода и выглянула.

Все было в снегу. Снег укутывал землю, а деревья были облачены в серебристо-белые одежды и стояли не шевелясь, как замороженные глыбы. В лучах солнца лед и снег светились и переливались, как драгоценные камни. От такой красоты у меня захватило дыхание. Я никогда не видела ничего подобного.

Я прислушалась, пытаюсь различить шаги Одина, но различила только отдаленный шум моря и мягкое поскрипывание мороза. Я не стала задерживаться и поспешила обратно в нору Скрипи.

Он поставил передо мной чашку с супом, но что-то блестящее и черное, плавающее в нем, отбило у меня аппетит.

— Ты сказала, что проголодалась, — сказал Скрипи, садясь около меня, скрестив ноги.

— Да.

— Постарайся поесть немного.

Я храбро попробовала суп, стараясь не думать о том, что происходит сейчас наверху. А что, если Один совсем взбесился, когда не нашел меня, и опять вернулся на станцию? Ведь двери не могут вечно выдерживать его натиск.

— Ужасные события, — вздохнула я. — Я не вижу выхода.

— Давай подождем. Видар приедет к тебе. Он сильный мужчина, в нем течет кровь великанов.

— Правда?

— По крайней мере, так говорят. Когда наступит конец света и волк Фенрир проглотит Одина целиком, Видар вызволит своего отца невредимым. — Скрипи улыбнулся доброй улыбкой. — О Видаре рассказывают и другую историю. Говорят, что он отверг свою семью ради любви к смертной женщине.

Я тоже улыбнулась:

— Мне не верится, что это я. Я ни во что не верю. Или, по крайней мере, раньше не верила. А теперь...

— Однажды ты очень сильно любила, а потом потеряла эту любовь, и тебе было очень трудно поверить, что ты обретешь ее снова. — Он опустил глаза. — А вот что мои родственники наделали. Когда нас отправили сюда, они клялись, что не захотят вернуться обратно, но я никогда не терял надежды. И сейчас спасибо, что я хоть немного приблизился к своей мечте.

— Ну, я не смогу обезглавить водяного, — пробормотала я.

— Ты нет. Но Видар приедет.

Я не могла сдержать улыбку.

— А, понимаю. То-то ты так обо мне заботишься.

— Я искренне забочусь, Виктория, — запротестовал он. — Мы должны помогать друг другу.

— Да, должны. Спасибо тебе. И благодарю за суп. Он вкусный. Но только не говори, из чего ты его сварил.

Я легла на полу перед огнем, и Скрипи пел мне песни, которые поют у него дома, а я думала о будущем, ожидавшем меня впереди. Если бы Видар приехал, я была бы в безопасности. Возможно, мы все-таки будем вместе. Боль от желаний переполнила меня, сковав, как мороз сковал все живое, там, наверху. Это сильное желание того, что я уже знала, а потом потеряла.

Шли часы, а Скрипи не уставал петь. Потом он резко остановился. Его голова наклонилась в сторону, и он, как зверек, прислушался к чему-то.

— Что это? — спросила я. Мое измученное сердце хотело биться сильнее, но у него не было сил.

— Я почувствовал дребезжание.

— Один?

— Нет. Это звук в ночи. Бифрост открылся.

Я посмотрела наверх.

— Видар?

— Надеюсь на это.

Я надела куртку.

— Нет, Виктория. Мы не можем выходить. Мы будем ждать здесь, пока Видар не найдет нас.

— Я должна увидеть его.

— Но Один...

— Я должна увидеть его до того, как он сделает какую-нибудь глупость. Например, согласится вернуться домой с отцом и не видаться никогда со мной снова.

— Виктория, это не безопасно.

— Я не хочу потерять его! — закричала я, поворачиваясь к Скрипи. — Тебе не надо идти со мной. Я буду осторожной. Я буду передвигаться тихо. Постараюсь находиться с левой стороны от Одина. Видар найдет меня, я знаю.

Скрипи коснулся моей руки, и я ощутила неземное спокойствие, исходившее от него.

— Я не смогу остановить тебя, — сказал он. — Я желаю, чтобы у тебя все получилось. И если вам с Видаром удастся поговорить, спроси его о водяном.

— Я спрошу. Я тоже желаю тебе удачи.

Я побежала по тоннелю. Сквозь деревья вдалеке были видны огни. Уже вечерело. На станции возобновилась подача электричества. Осознание этого прибавило мне уверенности. Да, Ислейф и его последователи не смогли выстоять перед мощью Одина, но сейчас — двадцать первый век.

Я выпрямилась, оглянувшись по сторонам, наблюдая, как пар от моего дыхания исчезает в темноте. Мои босые ноги моментально охватило морозом, но по-другому я бы не смогла передвигаться бесшумно. В какую сторону? Видар обычно останавливался на северо-востоке. Я сделала два шага, и шум позади меня заставил мое сердце остановиться. Я не успела повернуться, как огромная ручища цепко схватила меня за плечо и развернула.

Я оказалась лицом к лицу с Одином.

Глава 32

[Асгард]

Видар смотрел на воду, утекающую сквозь пальцы Од. Он находился в состоянии шока.

— Прости меня, Видар, — сказала Од.

— Этого не может быть.

Од хотела коснуться его рукой, но он отстранился.

— Этого не может быть! — отчаянно закричал он, обращаясь к почерневшему небу: — Я еду за ним, — обреченно произнес он.

— Ты не сможешь. Мост закрыт.

— Я заставлю Хеймдалла открыть его.

— Как? Разве причина в нем? Слишком поздно, Видар.

— Еще можно успеть, — закричал он, повернувшись к ней. — Где нить?

Од достала ее из кармана своего фартука и протянула ладонь.

— Вот.

— Видишь, цвета еще переливаются. Судьба пока не решена. Она не умерла.

— Перестань думать об этом, Видар. Хеймдалл могущественный воин. Он привык воевать с великанами, которые пытаются перейти через мост. Даже если бы ты взял в руки меч, ты не смог бы победить его. Виктория слишком легкая добыча. Один найдет ее, и все будет кончено.

— Не говори так! Виктория умная, и в ней много жизненной энергии. Она знает все предзнаменования. Она постоянно начеку. Сейчас все по-другому, не

так, как тогда, когда у них была только церковь, где можно было укрыться. Здания, где они живут, построены из камня и металла; у них такие замки, которые можно открыть специальным ключом. Она ждет меня. Я ей нужен.

Од затрясла головой.

— Видар, мост закрыт, Хеймдалл непобедим, а Один уже в Мидгарде. Ты должен смириться.

Видар опустил глаза. Тогда, тысячу лет тому назад, он неистово воткнул свой меч в дерево, решив, что никогда больше не возьмет его в руки.

— Прости меня, Видар, — произнесла Од.

А в зарослях Ётунхейма женщина-троль Ярнвидья выращивала волка по имени Манагарм, клыки которого грозили верной смертью Асирам, вспомнил Видар.

Он повернулся к ней и схватил ее за руки.

— Од, я никогда не смирюсь с этим. Ты поможешь мне?

Она выглядела удивленной, возможно, даже напуганной.

— Да, конечно. Но я думаю...

— С ней ничего не произойдет. Она дождется меня. Я знаю. Я должен обойти дерево. Подожди здесь и поддержи нить. Полчаса, не дольше.

Од ничего не понимала, но кивнула.

Видар начал передвигаться между огромными сухими ветками и корнями в поисках знакомой отметки. Од была права. Ему никогда не побороть Хеймдалла, даже если у него будет меч, тем более что уже прошла тысяча лет с тех пор, как он последний раз держал его в руках. Но женщина-троль могла бы пойти навстречу и дать ему один из ядовитых клыков, при помощи которого можно было бы открыть мост. Он задрожал, ощутив вину. Ради любви он поклялся, что никогда снова не прибегнет к насилию, но в эту ночь у него не оставалось другого выбора. Он продолжал пробираться сквозь ветки, царапая себе пальцы. Од уже не было видно. Дерево сильно изменилось и разрослось за последние тысячу лет. Его корни напоминали змей, которые сплелись между собой.

Не обязательно надо будет убивать; только убедить, угрожая. Для него не составит труда уговорить женщину-троль, после того как он смог договориться с Хель много лет тому назад. Хотя он верил, что Виктория будет спасена очень скоро, он опасался, что его отец в гневе может даже разнести на части ту стальную коробку, в которой она заперта. Он был очень властным и хитрым. Путешествие в Ётунхейм займет у Видара всю ночь. Он наклонялся, проползая под изогнутыми корнями. И в темноте ему казалось, что со всех сторон на него смотрят уродливые лица.

Потом наплывшие тучи закрыли полную луну, висевшую в небе, и он увидел блеск стали. Его руки сами потянулись к мечу, и он поднял его, ощутив тяжесть, но в то же время удивившись, что он даже не заржавел.

Видар поспешил назад, держа меч перед собой.

— Я никогда не видела тебя с оружием в руках, не считая охотничьего лука, — сказала Од.

— Я отчаявшийся человек, — ответил Видар, просовывая меч в свой ремень. — А где нить? Цвета еще мерцают?

Она протянула его тунику.

— Я вшила ее в твою тунику, так чтобы ты не смог ее потерять. Ты видишь,

она все еще цветная, но я боюсь, что, если ты вступишь в борьбу с Хеймдаллом, она сразу же почернеет, и тогда ни ты, ни твоя возлюбленная никогда больше не будете вместе.

— Я не иду к Хеймдаллу. Пока. Я отправляюсь в Ётунхейм.

— Сейчас?

— У меня нет времени на объяснения. Когда закончится эта ночь, я больше не буду тебе хозяином, но я все же попрошу тебя об одной последней услуге. Поставь вместе с Арваком на вершине хребта. — Он показал на возвышающийся холм. — Я вернусь до рассвета и хочу, чтобы он отдохнул и набрался сил перед путешествием в Валяскьяльв.

— Но тебе в жизни не успеть обернуться за такой короткий срок, — сказала она, осознавая, что его совсем не радует ее пессимизм. — Прости, Видар. Я сейчас же веду Арвака на холм, и мы будем ждать твоего возвращения.

Видар надел свою тунику и, борясь с отчаянием, побежал в темноту.

Од вместе с Арваком поднялись на холм, залитый лунным светом, и она уговорила его лечь и дожидаться своего хозяина. Она села рядом с ним, прижавшись к нему спиной и чувствуя его сонное дыхание. Ей было холодно, она плотнее укуталась в свою одежду и стала смотреть туда, где за широко раскинувшимся деревом начиналась равнина, ведущая к границе с Ванакхеймом.

Видар потеряет свою любовь — в этом она была уверена. Это она была виновата во всем, и кто-то расскажет ему об этом: Локи, Один или даже она сама. Поэтому у нее больше не было надежды, что он сможет полюбить ее, после того как потеряет Викторину. Ее сердце обливалось кровью. У них с Видаром не было будущего. Что бы ни случилось этой ночью, она должна подыскивать новое место, где станет жить. Возможно, это будет дом Локи.

За равниной, покрытой травой, лежал тихий фьорд, а за ним возвышались зеленые холмы. Закрыв глаза, она увидела в своем воображении высокие камыши, растущие в воде и колышущие ее поверхность от слабого дуновения ветра; поток серебристого лунного света и темно-серые тени птиц, парящих над полями. Где-то спал ее сын, укутавшись в теплое одеяло и свернувшись калачиком. Те же звезды, которые светили над ней, освещали сейчас дом, где он спал, и, думая об этом, Од чувствовала связь со своим ребенком. Она не могла открыть глаза, потому что не хотела опять возвращаться в свое одиночество.

Спокойное дыхание Арвака настроило ее на спокойный лад, но неожиданный цокот копыт приближающейся лошади заставил ее подняться, чтобы посмотреть на всадника, скачущего в темноте.

Локи.

— Я подумал, что найду тебя здесь, — сказал он, подъезжая к ней.

— Как?

— Я прождал в Старой Долине несколько часов, а потом догадался, что раз вы с Видаром где-то вместе, то, значит, тебя замучило чувство вины, и ты отвела его к норнам. И где же он сейчас?

— Я не скажу тебе ни слова.

— Я прав, да? — спросил он, спрыгнув с лошади и отпуская Херора. — Ты ненавидишь себя за то, что обо всем рассказала Одину.

— Я ничего не говорила ему, — закричала Од. — Это ты сделал.

— Я всего лишь передал сообщение, — сказал он, прижав руку к сердцу.

— Ты все разрушил. Один закрыл мост, а сам поехал за той женщиной.

Локи состроил гримасу и всплеснул руками.

— Что я наделал? Я разбил сердца Видара и его возлюбленной! Но мне на них наплевать, так же, как на червяка, попавшего в птичий клюв. Жизнь несправедлива, Од. Так почему Видару должно повезти больше, чем другим?

Од задрожала, слушая его слова, но была не в силах даже пошевелиться.

— Я ненавижу себя! Это я во всем виновата! — закричала она. — Теперь он так несчастлив.

Локи пожал плечами.

Она опять села на землю.

— Он будет презирать меня. Я должна покинуть Старую Долину.

— Ты спрашиваешь, возьму ли я тебя к себе?

Она подняла на него глаза.

— Я не могу вернуться в Валяскьяльв. Видар говорит, что у него есть другие родственники на севере.

— Пойдем со мной, Од. Я буду заботиться о тебе, пока ты мне не наскучишь, а это случится очень скоро, если ты будешь продолжать страдать из-за Видара.

Од покачала головой.

— Этого больше не будет. Я уже потеряла слишком много всего и теперь смирилась. Если ты возьмешь меня к себе, я стану жить с тобой и буду послушной.

Локи сел рядом с ней и дотронулся до ее волос. Его голос звучал жестоко.

— Покорность и послушание очень идут тебе, Од, — сказал он. — Локи встал и посмотрел вдаль. Потом его голос сделался нежнее. — Лунный свет тоже идет тебе. — Я пойду. Мне надо увидеться с этими ведьмами, пока ночь не закончилась. Я думаю, ты предостерегла их.

— Нет, — ответила она, — но они очень разозлились, за то, что я привела с собой Видара.

Он свистнул, позвав Херора.

— Иди домой без меня. Я буду позже.

Од посмотрела на него.

— Ты не собираешься останавливать меня? — спросил он.

— Нет. Сомневаюсь, что смогу это сделать. Что ты хочешь попросить у них?

Локи потер подбородок.

— Хм, я не знаю точно. Я как-то не думал об этом, а сейчас мне надо спешить.

— Мне все равно, о чем ты будешь с ними разговаривать, — произнесла она, кладя голову на спину Арвака.

— А тебе бы следовало поинтересоваться, — произнес он, отворачиваясь от нее и уносясь к звездному горизонту.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она, но Локи уже не слышал ее, и она осталась в задумчивости ждать Видара.

Его ноги болели от быстрого бега через долину, вода в заливе была ледяная, но Видар не замедлял ходу. Он призвал каждую каплю своей крови от великанов дать ему сил продолжить путешествие. Каждый мускул в его теле просил

его остановиться и отдохнуть, когда он выходил из воды, но вместо этого он еще стремительнее побежал в гору. Промокшая туника, надетая на нем, сейчас была черного цвета, и время от времени он останавливался, чтобы проверить, переливается ли еще разными цветами нить судьбы.

Видар сразу же пошел по тропинке, ведущей к дому женщины-тролля. Вдохнув воздух, он учуял дым, тянущийся с западной стороны.

Вдали показался ее дом. Послышался вой волчицы, заставивший его содрогнуться. Остановившись ненадолго, он пошел медленнее, собираясь с мыслями и давая возможность своим мышцам немного восстановиться. Рукой он нащупал рукоятку меча. Дом Ярнвидья был построен из глины, а крыша покрыта дерном. Около него стоял сильный запах животных.

Открыв дверь, он увидел толстую горбатую женщину, смотревшую на него сквозь огонь. Один глаз у нее был намного меньше другого, и был затянут белой пеленой. На голове повязан грязный платок. Задрав нос, она понюхала воздух, и ее рот скривился в предвкушении борьбы.

— Асир, — сказала она.

Видар поднял свой меч и приставил его острие к ее подбородку.

— Я не причиню тебе вреда, если ты дашь мне то, что я хочу, — произнес он настойчиво.

— Что ты хочешь? — спросила она, и ее глаза сузились, превратившись в щелки.

— Во-первых, я хочу, чтобы ты позвала своих волчиц и приказала им не трогать меня.

— А потом?

— Потом я скажу тебе, — сказал он, опуская меч и прижимая его к ее ноге. — Поспешите.

Несмотря на свой преклонный возраст и полноту, она двигалась быстро и легко. Видар встал за ее плечом, держа меч наготове, когда она направилась к двери. Открыв рот, она свистнула несколько раз. Этот звук эхом пронесся по лесу. Темные тени стали стягиваться к дому.

— Иди, — сказала она, — я впустих их за забор.

Волки заходили один за другим, и она разговаривала с ними на каком-то непонятном полужыке, состоявшем из слов и звуков, похожих на собачьи. Волки смотрели на него подозрительно, но послушно выполняли ее приказы. Когда все вошли, она закрыла изгородь на засов.

— Подожди, — сказал Видар, — кто из них Манагарм?

Женщина-тролля повернулась к нему и проговорила низким голосом:

— Кто тебе рассказал о Манагарме?

Видар сделал едва заметное движение мечом.

— Пусть он выйдет. — Ярнвидья издала еще один странный звук, и один из волков подошел к ней. Он был серо-черный, с горбом между лопаток, с длинным тяжелым хвостом. По виду он был не более опасным, чем остальные, но Видар на всякий случай отошел подальше.

— Запусти его внутрь и посади на цепь, — сказал он. — Потом я скажу тебе, что делать дальше.

Женщина-тролля впустила его в дом и приковала цепью за заднюю лапу к столбу. Манагарм казался довольно спокойным, для того чтобы быть таким свирепым, как предупреждала его мать.

— Это в самом деле тот лютый Манагарм? — спросил Видар.

— Да.

— С зубами и челюстями, которые могут насмерть загрызть Асиров?

— Да. Потому что Асиры могут принести намного меньше вреда, если будут мертвы.

Видар ответил:

— Своим видом он не сильно отличается от остальных.

— Присмотрись к нему, Видар. Во-первых, все остальные — девочки. А это мой единственный сын.

Видар едва заметно улыбнулся, не заметив особенной разницы.

— Понятно.

— Во-вторых, если ты дашь мне какую-нибудь вещь, принадлежащую твоей семье, я покажу тебе, что он способен сделать с ней.

Видар достал из сумки деревянную фигурку, которую он вырезал для Виктории, и бросил ее на грязный пол.

Она обратилась к волку, и он тут же, раскрыв пасть, бросился на предмет. Ему стоило лишь одним клыком коснуться фигурки, и она мигом разлетелась на кусочки.

— Ты видел? — спросила женщина-тролль, — этот волк в момент ока разорвет Асира в клочья, хотя, как я вижу, ты что-то задумал против моего сына.

— Нет, ты не так поняла меня. Я не собираюсь уничтожить волка. Мне нужен только один из его клыков.

Ярнвидья побледнела.

— Нет, нет, — сказала она и затрясла головой. — Мы не можем так разозлить его.

— Именно поэтому он сейчас на цепи.

Ее голос стал мягким.

— Позволь мне пойти за изгородь и собрать трав, чтобы приготовить снотворное зелье. Пока он в сознании, мы не сможем вырвать у него зуб.

— Нет времени, — ответил Видар. — Ты его мать, и тебе он разрешит это сделать. — Видар снова поднял свой меч, указывая острым концом на ее сердце. — Ты не сможешь мне отказать. Мне нужен только один клык, а затем я оставлю тебя и твоих волков навсегда.

— Он не сильно отличается от своих сестер, но только они едят цыплят, а он питается злобой.

— Только один клык, Ярнвидья.

— Каждый день я кормлю его понемногу, рассказывая истории о твоём отце, братьях и даже о тебе. Он вырос на моих рассказах и этим живет. Но если его разозлить чуть больше...

— Довольно! — крикнул Видар. Он устал и безрадостно осознавал, что ночь уже на исходе. — Мне все равно, как ты это сделаешь. Просто достань мне зуб, заверни его в какую-нибудь из своих вещей, и я уйду.

Женщина-тролль нагнулась вперед, говоря что-то волку низким, успокаивающим голосом. Потом она достала ленту из своего передника и настояла, чтобы волк открыл пасть. Все это время Видар твердо держал меч за ее спиной. Волк дернулся и взвыл. Видар сделал шаг назад. Ручей крови хлынул на пол, и Ярнвидья отошла в сторону, держа в руке клык.

В комнате стоял страшный вой. Животное щелкало челюстями и мотало го-

ловой из стороны в сторону. Потом волк запрокинул голову назад, и Видар увидел кровавую дыру в том месте, где только что был зуб. Разъяренные желтые глаза смотрели в глаза Видара, а потом он злобно дернул цепь, вздрогнув всем телом. Снаружи другие волки тоже начали выть.

Видар не успел понять, как женщина-троль оказалась у него за спиной. Слишком поздно боковым зрением он увидел, что она вцепилась в окровавленный зуб и готова напасть на Видара. Не имея времени на раздумья, резким движением он поднял меч и воткнул его ей между ребрами.

Вздых. Его или ее — он не разобрал.

Он вытащил острие, которое вышло из ее тела скользким движением, и ужаснулся до боли знакомому ощущению. Полилась кровь. Она выронила клык и схватилась за рану. Волк резко замер на месте.

— Дурак, — простонала она. — Ты подставил под удар судьбу своей семьи.

С этими словами она с грохотом замертво упала на землю.

Видар обернулся. Манагарм долго смотрел на свою мать, а потом посмотрел в глаза Видара и завыл.

Видар снял платок с головы Ярнвидьи. Она была почти лысая, и только местами торчали пряди седых волос. Видар осторожно, не касаясь, завернул зуб в платок и привязал его к ремню туники. Вой волков усилился. Видар обернулся последний раз и бросился прочь. О том, что ждет его впереди, он сейчас не думал, чтобы не тратить энергию. Сейчас ему очень нужны были силы.

Он прыгнул в воду в темноте и плыл, пока его мускулы не начало сводить от напряжения. Он не смотрел в небо, боясь увидеть, что оно светлеет, но когда вышел на берег, увидел, что вдалеке уже занимается заря.

— Это не утро, — закричал Видар в безразличное небо, устремляясь вперед, и в отчаянии упал на колени, когда первый луч оранжевого солнца осветил ветви мирового дерева.

Глава 33

Од ждала его на вершине ступенчатого холма на триста тридцать третьей ступени. Он бросился на траву и уставился в предрассветное небо.

— Я не успел, — произнес он безнадежно и подавленно.

— Ночь снова наступит, — ответила она, протягивая ему флягу с водой. —

Ты взял, что тебе нужно для того, чтобы заставить Хеймдалла открыть мост?

Видар сел и сделал жадный глоток воды.

— Взял, но боюсь, что Виктория может не дожить до вечера. — Он тяжело поднялся. — Мне нужно отправляться в Валяскьяльв и ждать около Бифроста. Как только солнце сядет, я...

Од положила руку ему на плечо.

— Не будь дураком. Тебе нужно отдохнуть. Сейчас ты ничего не сможешь сделать, так что возвращайся со мной в Старую Долину. Поешь, поспи и подготовься.

— Мне не заснуть, Од, — сказал он.

— Ну, тогда поешь и приготовься. — Она свистнула Арваку, который бродил неподалеку. — Ты говорил, что Виктория заперта в здании, построенном из металла и камня. Значит, до вечера ей ничто не грозит. У тебя совсем не будет сил на дорогу, если ты сейчас не отдохнешь.

У Видара ныло все тело.

— Да, да, мне нужен отдых, — согласился он, — я должен подумать о том, как использовать мое новое оружие. Ты поможешь мне, Од?

— Конечно, — сказала она, — а сейчас пойдём.

Он лежал у огня практически без движения около двух часов, пока Од приготовила еду, нашла для него чистую одежду и повесила сушить его тунику. Каждые десять минут он просил ее проверить, мерцает ли еще нить. И каждый раз утешительный ответ позволял ему надеяться, что с Викторией все в порядке, но все же страх не отпускал его.

— Что-то пошло не так, — сказал он Од, когда она присела напротив него и резала хлеб. — Один нашел ее.

Од не встречалась с ним взглядом.

— Не волнуйся, может, все еще обойдется.

— Ведь ты никому не рассказывала, Од?

Она покачала головой и протянула ему чашу с вином.

— Я ничего не говорила.

Видар залпом выпил вино, думая о прошлой ночи, проведенной в лесу. Как легко оказалось поднять оружие и убить. Как это было естественно. Хотя что тут удивительного. Ведь это у него в крови.

— Я презираю себя.

— За что, Видар?

— Я убил женщину-троль.

Од даже не сразу поняла, что он сказал.

— Что ты сделал?

— Клянусь, я никогда не убивал с тех пор, как решил не делать этого.

— Так, значит, это правда? — спросила она. — Однажды ты убил всех слуг в доме своего отца?

Он закрыл лицо руками.

— Я убил их, потому что они встали у меня на пути, Од. Тогда для меня это было привычным делом.

Наступило долгое молчание, и только треск огня слышался в комнате.

— Но сейчас ты другой, — произнесла она мягко.

Видар поднял глаза. Од смотрела на него.

— Я думал, что стал другим, — сказал он. — Но прошлой ночью...

— Ты был в отчаянии. Ты почти сошел с ума от тревоги и так устал...

— Я убил ее. Она подняла на меня клык Манагорма. Это произошло инстинктивно. Это сидит внутри меня. Кровь Асиров говорит во мне. — Дрожь охватила его. — Я не могу совсем отделиться от своей семьи.

— Если бы ты попал в Мидгард сегодня ночью, тебе еще удалось бы все изменить.

— А если нет? Позволь мне спросить тебя кое о чем, Од. Я убил Ярнвидью, чтобы получить клык волка Манагарма, который выращен и воспитан специально против Асиров. С каждым днем он все больше ненавидит нас. Я оставил его посаженным на цепь. Перед тем как умереть, та женщина-тролль сказала, что я подставил под удар судьбу всей своей семьи. Как ты считаешь, что она имела в виду?

Поразмыслив немного, Од нахмурилась.

— Видар, — сказала она. — А как зовут того волка, который — если слушать рассказы людей — проглотит Одина, когда наступит конец света? Ты — единственный, кто спасет его от неминуемой гибели. Так уготовано судьбой.

— Фенрир, — ответил Видар.

— Ладно, сейчас нужно думать о настоящем. — Она подошла к нему и коснулась его щеки. — Не вини себя, Видар. Характер человека меняется с течением жизни. Я знаю тебя как доброго и хорошего. Ты никогда не обращался плохо со мной.

Видар почувствовал слезы, подступившие к его глазам, и быстро отвернулся от Од.

— Спасибо тебе, Од, — сказал он, стараясь говорить твердо. — Я уже долго отдыхаю, и сейчас пора действовать снова. — Он встал и размял затекшие ноги. — Мне нужно приготовить оружие, при виде которого у Хеймдалла заледенеет кровь. — Он протянул ей свою тунику. — Од, ты принадлежишь Ванирам, а я не могу дотрагиваться до зуба под страхом смерти. Ты можешь развязать платок и помочь закрепить его на острие ножа?

— Конечно, — отозвалась Од, развязав платок.

Видар достал свой охотничий нож.

— Нам нужно туго привязать его, — сказал он и услышал громкий треск, эхом прокатившийся по комнате. Нож сломался. — Что произошло? — не понял Видар.

— Как только зуб дотронулся до ножа, он треснул, — сказала Од.

— Потому что он принадлежит мне, — ответил Видар, кивая. — Все ясно.

— Что ты будешь делать?

— Пойду отрежу новую палку для зуба.

— Все деревья, растущие в Асгарде, тоже принадлежат Асирам. Значит, произойдет то же самое.

— Тогда из чего же мне сделать оружие? Я не могу держать зуб в руке.

— Мой ткацкий станок, — сказала Од, показывая в угол комнаты, туда, где

он стоял. — Он был сделан в Ванахейме. Мы можем разобрать его и закрепить зуб на узком конце палки. Пусть это не будет похоже на необыкновенно страшное оружие, но оно выполнит свою задачу.

Под руководством Видара Од привязала зуб. Новое оружие выглядело смешным, но в тот момент не было в Асгарде более страшного средства против Асира. В сердце снова поселилась надежда, и утреннее отчаяние растворилось в холодном небе.

— Ты поедешь со мной в Валяскьяльв? — спросил Видар, когда одевался. — Ты помогла бы мне, если бы я случайно уронил клык. К тому же кто-то должен отвести Арвака домой, когда я уйду.

Она натянуто улыбнулась.

— Я действительно нужна тебе? — спросила Од с надеждой в голосе.

Он выпрямился и посмотрел ей в глаза.

— Твоя помощь нужна мне, — сказал он, — я хотел бы сохранить свое самое лучшее воспоминание об Асгарде.

— Тогда я еду.

* * *

Сидя верхом на Арваке и обнимая Видара, Од позволила себе последнюю сладкую фантазию. Как будто он любил ее, и она обнимала его в вечернем свете уходящего солнца, а вокруг колосилась трава и благоухали цветы. А потом они как будто пошли на берег и любили друг друга, лежа на теплом песке. Когда лес начал сгущаться, она снова вернулась в реальность.

Видар собирался в Мидгард, чтобы стать смертным и любить женщину по имени Виктория. А Од вернется в дом Локи и будет жить с ним, пока он не устанет от нее. А потом? Бесполезно сражаться с судьбой. Когда Видар уедет, она превратит свое сердце в камень и будет жить в Асгарде, пока не закончится ее ссылка.

— Мы подождем здесь, — сказал Видар.

Из-за его спины она увидела Валяскьяльв, одну из колонн Бифроста, подсвеченную солнцем, и услышала грохот моря. Видар спрыгнул с лошади и уже в тысячный раз проверил нитку, вшитую в свою тунуку. Он помог спрыгнуть Од, и она села на землю, наблюдая, как Видар снимает седло с Арвака. Потом он наклонился к Арваку и произнес шепотом:

— Я буду скучать по тебе, старина.

Од отвернулась, не в силах наблюдать эту трогательную сцену.

Видар сел рядом с ней. Он был бледный, и его руки дрожали.

— Тебе страшно? — спросила Од.

— Да, конечно.

Од посмотрела в сторону моста.

— А Хеймдалл там, если мост закрыт?

— Если его нет, я найду его и заставлю прийти.

Тени становились длиннее; в лесу начали появляться ночные насекомые. Сердце Од забило учащеннее. Оставались считанные минуты, которые она проведет рядом с ним. Он встал, готовый идти дальше.

— Видар, — сказала она, с трудом глотая. — Я знаю, твои мысли сейчас далеко...

— А что такое, Од?

— Трудно ли уезжать, Видар? Трудно ли покидать дом, отдавать свое бес-

смертие и расставаться со всем, что ты когда-то знал?

Его глаза погрузнели.

— И да, и нет.

— Я любила тебя, Видар.

— Я знаю. Прости.

Од обняла его.

— Обними меня. Это единственное утешение, которое будет согревать меня ближайшие тысячу лет.

Он отстранился и сказал:

— Я не стану брать на себя такую ответственность. Ты должна постараться найти утешение в другом месте, когда я уеду.

Она отошла от него, одиноко встав в стороне.

— Прощай, моя единственная и настоящая любовь, — произнесла она, и слезы, брызнувшие из глаз, побежали по ее лицу.

— До свидания, Од. — Он повернулся и пошел прочь, растворившись в темноте леса.

Хеймдалл сидел, прижавшись спиной к северной колонне, и грыз ногти. Видар наблюдал за ним из-за деревьев, а потом поднес край своей туники к губам и поцеловал яркую нить.

— Уже скоро, Виктория, — сказал он, собираясь с духом.

Свежий морской воздух щекотал его ноздри, когда он выбежал из леса и помчался к мосту. Почти приблизившись к Хеймдаллу, он снял с себя тунику, обозначив тем самым свое присутствие.

Хеймдалл удивленно вскочил на ноги.

— Видар! Откуда ты взялся?

— Открой Бифрост! — сказал Видар.

Хеймдалл захохотал.

— Конечно. Может, тебя еще посадить себе на плечи и доставить в Мидгард?

— Я не шучу.

— Один приказал закрыть мост. Ты видишь это копьё?

Хеймдалл указал на копьё, наполовину воткнутое в землю возле колонны.

Видар подошел и выдернул его. Приложив его к коленке, он согнул его пополам и, разломив на части, выбросил со скалы.

— Видишь, как мало для меня значат приказы Одина?

Хеймдалл подошел, все еще улыбаясь:

— Не важно, что ты думаешь о его приказах, но только я способен открыть мост.

— Открой его, и я оставлю тебе жизнь.

Хеймдалл выпрямился и ударил себя в грудь.

— Я убиваю великанов, щенок. А теперь бегом возвращайся в Старую Долину и не высовывайся, пока не понадобится своей семье.

— Ты мне не указ, — фыркнул Видар. — Я уезжаю в Мидгард, чтобы наконец-то избавиться от вас всех, и я клянусь, что сегодня ничто не остановит меня. Я буду с Викторией.

Хеймдалл пожал плечами.

— Подожди еще немного, когда Один вернется с ее головой. Или тебе этого недостаточно, чтобы согреться ночью?

Он сказал что-то еще, а Видар спокойно смотрел на него, готовясь нанести ответный удар. Когда он проходил мимо северной колонны, Видар схватил его за плечо и развернул к себе.

— Я обладаю самым мощным оружием, которое только есть в Асгарде, — объявил он громким голосом, заглушающим даже бушующий океан под ними, — и мне придется воспользоваться им против тебя, если ты не откроешь мост.

У Хеймдалла сдвинулись брови, но вскоре он опять заговорил с издевкой:

— Это правда? Ну тогда покажи мне это мощное оружие, а потом продолжим наш разговор.

Аккуратно, чтобы не задеть зубом ничего, принадлежащего ему, Видар вытащил из-за ремня свое самодельное оружие.

Хеймдалл заржал еще громче.

— Значит, все, что о тебе рассказывают, правда! Ты стал больше похож на женщину, чем на мужчину. Ты угрожаешь мне палкой от ткацкого станка. О, я дрожу от страха!

— Посмотри внимательнее, — сказал Видар и встал так, чтобы был виден зуб, а потом воткнул палку в землю.

Земля под ними задрожала, как будто в милях от них, на глубине, проснулся и потянулся чудовищный великан. Видар увидел, как плечи Хеймдалла сгорбились от страха. В том месте, где зуб вошел в землю, появилась трещина и послышался страшный треск, который начал усиливаться. Этот чудовищный грохот покатился дальше, на север, и Видар понял, что последствия от его действий намного серьезнее, чем он мог предположить. Он подпрыгнул над трещиной, зацепившись за выступающий край скалы, и Хеймдалл сделал то же самое. Земля разверзалась все шире, и даже непоколебимые скалы дрожали у своих оснований, уходящих в морское дно.

Когда пыль осела и грохот прекратился, Видар повернулся к Хеймдаллу. Он все еще смотрел на отломившийся край утеса.

— Так ты сделаешь, как я сказал? — спросил Видар.

— Что это за оружие?

— Ты откроешь мост?

— Один приказал держать его закрытым.

— Я убью тебя, Хеймдалл, — сказал Видар и неожиданно осознал, что это была не пустая угроза. От такой уверенности у него перевернулось все внутри, и в нем снова поселилась тревога. Если только Виктория погибнет, вся его семья заплатит за это. Все до одного. Сначала Хеймдалл, а затем все эти свиньи и шлюхи, живущие в Валяскьяльве, а потом он дождетя, когда Один будет возвращаться через мост, и тогда вонзит острый клык глубоко в сердце отца.

Хеймдалл поджал губы.

— Если ты убьешь меня, я не смогу открыть мост, и тогда женщина точно умрет.

— Но я наконец-то убью тебя.

Хеймдалл попытался улыбнуться.

— Твой взгляд заставляет меня нервничать, Видар. Ты и в самом деле душевнобольной?

— Открой мост. Дай мне пройти.

Хеймдалл не торопился, и Видар занес клык.

— Да-да, — сказал Хеймдалл, — но ты не приноси обратно в наш мир это страшное оружие.

— Наконец я ухожу, Хеймдалл. Я никогда не вернусь.

Хеймдалл подбежал к северной колонне, дотронулся до нее ладонью, а потом тоже самое сделал с южной. В воздухе послышалось жужжание, а потом разноцветная радуга засветилась над колоннами.

— Он открыт, — крикнул Хеймдалл, и его голос унесло ветром.

Внизу грохотало бушующее море, и ветер поднимал пыль над скалами. Видар подошел к краю радуги и ступил на нее ногой. Под ним мигали разные цвета. Он обернулся. Хеймдалл стоял вдалеке белой неподвижной статуей. А впереди его ожидала встреча с отцом. И там же его ждала Виктория.

Набрав полную грудь воздуха, он зашагал вперед по мосту, переливающимся разноцветными огнями.

Од не хотела предаваться болезненным воспоминаниям. Оставив Арвака снаружи, она вошла в дом, чтобы собрать вещи. Клубок был бесполезен без ткацкого станка; Локи украдет для нее новый. Одежда, корзинка с шерстью, коробка с шитьем. Она остановилась возле умирающего огня и увидела незаконченную фигурку, которую вырезал Видар.

Руки сами собой потянулись к ней. Она села и стала смотреть на нее в тусклом свете комнаты, которая теперь стала мрачной, холодной и пустой. Все было кончено. Ей ничего больше не оставалось, как покорно принять свою судьбу.

Од поставила фигурку на стол и собралась с мыслями. Несколько любимых горшков и сковородок, а остальное останется здесь пылиться. Выйдя из дома, она открыла ворота, чтобы выпустить на свободу домашних животных, а потом подготовила Арвака и взобралась ему на спину.

— Ну, Арвак, теперь мы принадлежим Локи, — сказала она. — Впереди нас ждет наша новая судьба.

Казалось, Арвак знал, куда ехать.

Глава 34

[Мидгард]

Я пронзительно закричала. Один дико захохотал, и его смех перешел в хрюканье. Он был огромного роста и мощный, как скала. Его одежда была грязной, с пятнами от алкоголя, а его заросшая борода была вся запутана. На пальцах он носил спиралевидные золотые кольца, которые туго врезались в кожу. Ярко-рыжие волосы и лицо прикрывал шлем, в котором были оставлены отверстия для носа и глаз. Один глаз был бледно-голубого цвета, он неотрывно смотрел на меня, а другой был пустой, и я инстинктивно боялась в него смотреть. На ремне, опоясывающем его живот, болтался топор. Зубы у него были желтого цвета и все обломанные, а на спутавшейся бороде висела слюна. Он выглядел как человек, который ест маленьких детей, и я понимала, что еще секунда, и его рука потянется за топором. Я попыталась рвануть в сторону, но он схватил меня, повалил на землю. Накрыв меня своим телом, он заорал:

— Kona, hvers vegna blótuthu fjölskyldu minni?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — ответила я, закрывая голову руками.

— Tjádu thig fyrir mér áthr en thú deyr! — Его голос звучал громко и пронзительно, и эхом трещал в промерзшем лесу.

Он занес топор, но я, карабкаясь, увернулась из-под удара, и мне удалось вскочить на ноги. Острие топора вонзилось в дерево за моей спиной, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы вытащить его. Воспользовавшись моментом, я понеслась со всех ног куда глаза глядят. Ледяная земля обжигала мои босые ноги, но в отличие от него я не скользила, а его то и дело заносило. Я нырнула в кустарник, росший слева от него, и заставила себя не дышать. Слышались его приближающиеся шаги, но Скрипи говорил, что он не видит левым глазом. Поэтому, затаившись, я стала ждать.

Он прошел мимо меня и ушел вперед на десять шагов. Я начала дышать, и он обернулся.

Теперь я находилась с правой стороны от него. К своему страху, я обнаружила, что не могу пошевелиться. Или не хочу... или... почему-то еще. Сейчас я напоминала себе загнанного зайца.

Надо мной раздался хруст веток. Они треснули от его взгляда, когда он понял, где я прячусь. Я опустила голову и побежала, не замечая веток, обратно к станции. Он догонял меня, и я понимала, что мне не удастся уйти далеко.

Он схватился за край моей куртки, но она выскользнула из его рук в последнюю минуту. Один был огромный и неуклюжий, а я против него выглядела маленькой и отчаявшейся.

Я бежала, прорываясь сквозь деревья, и выбежала на поляну.

Он прыгнул и поймал меня за ногу, а потом, повалив на землю, сел мне на ноги и занес свой топор. Я вытянула руки, пытаюсь сесть, и мои пальцы нащупали термометр, вставленный в землю Магнусом. Резко выдернув его, я воткнула градусник в слепой глаз Одина.

Он завопил и упал назад, выронив топор. Я не стала дожидаться, когда он поднимется. Так обычно люди поступают в кино, а потом умирают. Я быстро поднялась, схватила топор и побежала, чувствуя, что уже задыхаюсь. Услышав стук металла о камень, я догадалась, что он вытащил термометр из глаза

и швырнул его в скалу. Его завывания эхом разносились по лесу и походили на звуки, издаваемые монстрами, которых пытаются. Я почти не различала голоса, слабо позвавшего меня издалека.

— Виктория!

Это был Видар.

— Сюда! Сюда! — закричала я.

Сейчас его голос доносился с более близкого расстояния.

— Я иду, я иду.

— Быстрее, Видар. — Остановившись, я оглянулась. Одина нигде не было видно, но я слышала шаги вокруг себя, только не понимала, кому они принадлежат. Поэтому я встала, замерев на месте, надеясь, что Видар первым найдет меня.

Кто-то выбегал из леса. Я подняла топор, понимая, что не смогу орудовать им. Если это был Один, то мне ничего не оставалось делать, как смириться со своей участью.

Слева от меня появилась тень, и я упала на колени.

Это был Видар.

Накрыв нас обеих туникой, он сел на землю и обнял меня.

— Виктория, — произнес он, задыхаясь, и стал покрывать мое лицо поцелуями. — Я нашел тебя.

— Он где-то здесь.

— Он не увидит нас под этой туникой. Пойдем, найдем безопасное место, где сможем поговорить.

Он помог мне встать, и я тяжело прислонилась к нему. Туника была сделана из непонятного темного материала. Я почти не различала нас под ней. Видар повел меня к берегу. Песок на пляже оказался незамороженным, и мои ноги с удовольствием утонули в нем. Дул пронизывающий ветер, но песок был мягким, и мы легли, зная, что туника полностью скрывает нас.

— Он не найдет нас здесь, — сказал Видар. — Ему придется долго побегать между деревьями, прежде чем он выдохнется.

— Я думала, что могу больше никогда не увидеть тебя.

— У меня тоже были такие мысли.

Лицо Видара было близко к моему, и я нежно дотронулась до него.

— Что произошло?

— Я не знаю точно, но я здесь сейчас, и у меня кое-что есть показать тебе. — Он выпрямил указательный палец, который был обмотан переливающейся нитью. Постепенно она начинала темнеть.

— Что это? — спросила я.

— Это наша судьба. Я должен встретиться с отцом, чтобы изменить ее. Один из моих братьев станет защитником отца, и тогда ему будет все равно, где я и что делаю.

— Значит, мы можем быть вместе? — спросила я радостно, и надежда зашепталась у меня в сердце.

— Да. Более того, у нас могут быть дети, мы будем вместе стареть, а потом нас похоронят рядом. Я собираюсь стать смертным.

Уже до предела накалившиеся чувства дали волю слезам, и я начала всхлипывать.

— Нет, это слишком много.

Он улыбнулся; его темные глаза были так дороги мне.

— Уже поздно. Я заключил сделку, и если я неправильно воспользуюсь нитью, то буду наказан тысячу лет. — Он прижался губами к моей щеке. — Теперь мы вместе, Виктория. На всю жизнь.

Изнутри на меня накатывала волна, но я старалась не разрыдаться.

— Почему, Видар? Почему я?

— Потому что так было угодно звездам, — пробормотал он, прижимаясь к моей коже.

Он нежно поцеловал меня, и я ощутила дрожь во всем теле — смесь желаний и страха.

— Видар, нам теперь есть что терять. Мы так уязвимы.

Его теплые пальцы были в моих волосах.

— Я защищу тебя, Виктория. Что бы ни случилось.

— Что мы будем делать дальше?

— Я должен найти Одина. Ничего не изменится, пока я не поговорю с ним.

По его голосу было понятно, что этого он хотел меньше всего на свете.

— Ты ведь не хочешь этого, правда?

Он попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло.

— Виктория, ты не будешь считать меня слабым мужчиной, если я скажу тебе, что боюсь своего отца?

— А что тут удивительного? Он же чудовище.

На этот раз он слабо улыбнулся.

— Давай больше не будем терять времени. Ты остаешься со мной. Мы вместе отыщем его.

Видар крепко держал меня за руку, когда мы шли по лесу.

— Держись рядом со мной, — сказал он. — Он захочет оторвать тебя от меня. Не отходи ни на шаг.

— Хорошо, — ответила я, проверив топор, привязанный к поясу моих джинсов.

— Он будет в гневе. Будет кричать и махать своими клешнями. Не бойся.

— Не буду.

Он резко остановился.

— Ты слышала?

Я напрягла слух.

— Нет.

— Кто-то идет в нашу сторону.

— Один?

— Кто-то другой.

Я посмотрела по сторонам. Через мгновение появился Гуннар, держа в руках керосиновую лампу и свой меч викинга.

— Гуннар! — позвала я.

— Виктория! Ты в безопасности!

Видар вышел вперед.

— Сейчас каждый в опасности. Один бродит по лесу. Ты должен вернуться в свою металлическую коробку.

Лицо Гуннара выражало полнейшее недоумение.

— Кто?

— Гуннар, ты должен вернуться на станцию. Прямо сейчас. Тебе нечего здесь делать.

Он осмотрел Видара с ног до головы, изучая его одежду.

— Что происходит?

— Иди, Гуннар. Я все объясню утром. Обещаю.

Раздались громкие шаги.

— Иди! — прошипел Видар. — Уходи.

Гуннар повернулся, и в тот же момент Один выскочил из-за деревьев. Видар что-то закричал на своем языке, но тот увидел Гуннара и побежал на него.

Гуннар бросил свой меч и лампу и побежал. Видар бросился за ним. Я схватила лампу и последовала за ними. Ветки царапали меня, а ноги болели от холода. Ужас снова вернулся.

Впереди кто-то закричал от боли. Гуннар. Мне хотелось завизжать. Деревья редели. Мы приближались к озеру. Вырвавшись из леса, я увидела Гуннара, лежавшего без сознания около скалы, у самой кромки воды.

Один стоял над ним с поднятой дубиной. Неожиданно Видар понял, что между нами образовалось слишком большое расстояние, и побежал за мной в обратную сторону. Гуннар оставался легкой добычей. Я размахнулась и бросила топор, который упал в десяти шагах от Одина. Он повернулся и зарычал на меня. Одним скачком Видар оказался между нами.

Один начал кричать, издавая на весь лес чудовищные, нечеловеческие звуки. Озеро было покрыто толстым слоем льда, который сейчас начал громко трескаться от его воплей.

Я не могла оставить Гуннара лежать там. Что, если он умирает? Я выскользнула из-за Видара и помчалась к нему. Видар увидел меня и побежал, чтобы прикрыть, снова вставая между мной и своим отцом. Душераздирающие звуки продолжались, как и предупреждал Видар. Стоял чудовищный шум, но я старалась не обращать на него внимания. Поставив лампу на землю рядом с Гуннаром, я увидела, что пульс бьется у него на шее. Он был еще жив. Я сняла руну со своей шеи и обмотала ею его запястье. Несмотря на слова Скрипи, который говорил, что она не особо действенна против этого монстра, я все же верила, что она могла защитить Гуннара.

Теперь нечленораздельный крик Одина перешел в слова. Видар пытался что-то отвечать, но его отец заглушал его своими обезумевшими воплями. Я посмотрела через плечо. Видар был намного меньше своего отца. Один снова и снова кричал на него. Видар поднял руку, и я увидела нить, переливающуюся у него на пальце.

Один завыл. А потом резко замолчал.

Нить все еще светилась. Что стало причиной его молчания?

Я заметила, что он смотрит куда-то вверх моего плеча и улыбается.

Видар повернулся и закричал.

— Виктория!

Бледные пальцы схватили меня за запястье. Я завизжала. Водяной потащил меня в озеро. Ледяная вода. Мое сердце остановилось. Я попыталась позвать Видара, но вода заполнила мой рот. Перед глазами поплыли картинки: водоросли и глаза, свет лампы и тихое озеро. Я рванулась вперед, вырвавшись из лап водяного, но ударилась об лед. Попыталась снова. И снова лед. Я была в

ловушке. Мои легкие окаменели.

Это все, что я помню.

В этом месте в моей памяти наступает широкий черный провал, как будто я потеряла себя на короткое время, но потом свет, звуки и жизнь возвратились ко мне. Я открыла глаза и поняла, что нахожусь в тепле.

— Со мной такое уже было, — произнесла я и заметила, что мое горло не жжет, как это было в первый раз, когда водяной пытался меня утопить.

Я лежала на кровати в своей комнате. Рядом находились Гарстен и Гуннар.

— Она пришла в себя.

— Где Видар? — спросила я.

— Виктория, с тобой произошел несчастный случай. Ты что-нибудь помнишь?

— Где Видар? — снова спросила я с нарастающим отчаянием. Я села и попыталась скинуть одеяло.

— Что происходит?

— Отдыхай, Виктория, — сказал Гарстен.

— Я не хочу отдыхать. Со мной все хорошо.

— Ты должна. Пойми, тебе нужно соблюдать абсолютный покой. Ты находилась подо льдом четыре минуты.

— Она хорошо себя чувствует, — сказал Гуннар, — я говорил тебе.

— Перестаньте говорить, как будто меня здесь нет! — закричала я. — Где Видар?

Гуннар что-то шепнул Гарстену, и он кивнул и отошел. Я с ужасом ждала, что произойдет дальше. За окном был день.

— Видар ушел, Вики. Мне жаль.

Я не понимала, что Гуннар подразумевает под словом «ушел».

— Он вернется? Что он сказал?

Гуннар покачал головой. На лбу у него образовалась складка.

— Он не вернется.

— Откуда ты знаешь?

— Он сказал мне, перед тем как уйти. Позволь мне рассказать, что произошло.

Я упала на спину в кровати.

— Как он мог уйти?

— Ты умирала, Виктория. Он сделал что-то... Я ничего не понял.

Я начала плакать, подозревая, что случилось.

— Просто расскажи мне.

— Водяной затащил тебя под лед. Я увидел это. Видар нырнул в воду, но не смог сразу найти тебя. А тот, здоровый... Один?

— Да, его так зовут.

— Он хохотал. Они разговаривали на древнескандинавском... Я точно не понял, но думаю, он сказал: «Сейчас она мертва. Это конец». Видар вытащил тебя из воды, и ты была вся синяя. — Гуннар отвернулся, озадаченно подняв брови.

— Ну, продолжай.

— А потом это существо появилось из воды.

— Водяной?

— Может быть, мне показалось. Я получил удар по голове.

— На что оно было похоже?

— Такой же, как о нем рассказывают в легендах. Раздутый получеловек-получудовище, весь покрытый водорослями. Он выполз на берег. — Гуннар попытался рукой сымитировать его движения. — Он пошел на меня. А там, на земле, валялся топор, и я поднял его и... — Он поднял глаза и слабо улыбнулся. — Это все бред.

— Я знаю.

— Я вспомнил, что ты говорила, что нужно отрубить ему голову. Я рубанул, и его голова соскользнула. И тогда это оказался вовсе не водяной, а просто ку-ча водорослей. А ты все еще лежала у Видара на руках.

Он склонился над тобой, пытаюсь вдохнуть в тебя жизнь. Он без конца повторял твое имя, а потом... Я в самом деле не понял, что произошло. Он поднял руку и сказал что-то на своем языке. В его ладони появилась яркая вспышка, потом она исчезла, а ты задышала. Он положил тебя в грязь, закрыл лицо руками и зарыдал.

Я почувствовала, как мое сердце оборвалось.

— Он дал мне это. — Гуннар нащупал карман и вынул оттуда кусок зуба. — Он сказал воспользоваться им, если Один вернется, и что он должен идти, и что ты поймешь почему. Он просил передать тебе, чтобы ты уезжала с острова и что он будет всегда любить тебя.

Я, не моргая, смотрела на Гуннара. Видар использовал своей единственный шанс, чтобы изменить судьбу и сохранить мне жизнь. И это означало, что мы больше никогда не будем вместе. Отчаяние волной обрушилось на меня. Это также означало, что в наказание он будет направлен в услужение.

На тысячу лет.

— Я уже умру к тому времени, когда он сможет вернуться назад, — сказала я.

— Вики, я не понимаю. Кто были эти люди?

— Ты знаешь. Ты читал о них.

Гуннар встал и провел руками по волосам.

— Это я виноват, да? Если бы я тогда не отвернулся, как идиот...

Я посмотрела на него. Он был прав.

— Ты сможешь простить меня, Виктория?

А была ли это действительно вина Гуннара? Или это я была виновата, так как не рассказав Гуннару о том, что на самом деле происходит? Или это Видар был виноват в том, что хотел слишком многого, как всегда поступают все влюбленные? А может, это была вина Магнуса, который изначально пригласил меня на этот остров?

— Виктория?

— Я смогу простить тебя, Гуннар, — ответила я, — если ты заберешь меня с собой на другой край земли.

Глава 35

[Асгард]

Когда Видар подъезжал к Старой Долине, две черные тени в ночном небе начали кружить над ним. Хугин и Муниин, отцовские вороны. Один всегда следил за отделившимся от семьи Видаром; после произошедшего он, видимо, особенно боялся за свою судьбу. Видар поднял камень и бросил его в небо. Он попал одной из птиц по крылу, но они ни на секунду не замедлили своего полета.

Придется снова взглянуть в самодовольную физиономию Хеймдалла, встретившись с ним на мосту. И вновь увидеться со своими ненавистными родственниками. Как же он презирал их. Что, если норны заставят его провести ближайшую тысячу лет в семье?

Кровь кипела в его жилах, а мозги плавилась от напряжения. Ему придется найти Од и снова послать ее к норнам. Он не мог смириться с такой судьбой. Оказаться вдали от Виктории после всех своих страданий... это было невозможно. Только волшебницы могли сейчас помочь ему. Он мог бы остаться служить в Ванахейме после того, как Виктория состарится и умрет. Они должны были позволить ему возвратиться в Мидгард и находиться с ней.

Его дом стоял в полной темноте. Внутри было пусто. Од ушла.

Он остался совсем один.

Затем тень женщины, одетой во все черное, промелькнула в темноте.

Она откинула свой капюшон и шагнула из ниши между колоннами.

— Верда? — спросил он.

— Скульд, — поправила она. — Это со мной ты заключил сделку.

— Почему ты здесь?

— Мои сестры почувствовали что-то неладное. Никто из нас не ожидал, что ты вернешься в Асгард.

— У меня все складывается ужасно, — Видар бросился на колени, схватившись за подол ее юбки. — Я умоляю вас дать мне еще один шанс. Видишь, я сохранил нить. — Он протянул руку. Черная нитка все еще была обмотана вокруг его пальца.

— Других шансов не будет, Видар, — произнесла Скульд, глубоко вздохнув. Ее лицо потемнело. Видар сел на пол, облокотившись о стену. — Мы с сестрами меняем место, где жили, уходим еще глубже в корни дерева и больше ни с кем не собираемся заключать сделок. — Она наклонилась и посмотрела ему в глаза. — Я очень разочарована. Мы дали тебе огромную власть, а ты не смог воспользоваться ею.

— Она умирала.

— Ты заплатишь цену.

Видар уронил голову, осознав полную безнадежность.

— Значит, я потерял ее?

— Во второй раз.

— Но я чувствую ее. Ее образ для меня ярче молнии, теплее солнца.

Скульд села на лавку.

— Сядь со мной, Видар.

Он сделал, как она просила. Он чувствовал, как измучено его сердце.

— Ты заключил со мной сделку, Видар, — сказала она. — Если ты не будешь выполнять условия, я должна изменить то, что я сделала. Виктория умрет. Но я могу сделать так, чтобы Виктория осталась жива.

Он сжал зубы.

— Я знаю. Я приму наказание.

— И что ты будешь делать? — спросила она, и жестокая улыбка коснулась ее губ.

— Я не отказываюсь служить у Ваниров, и я надеюсь, что они пожалеют меня и дадут работу, чтобы я мог заполнить свое время.

Она рассмеялась.

— Но ты не отправляешься в Ванахейм. С чего ты это взял?

Видар выглядел удивленным.

— Что ты хочешь сказать? Я был уверен, что получу точно такое же наказание, как Од, — то есть отправлюсь на службу к врагам своей семьи.

— Да, такое же наказание. Тысячу лет на службе у Асиров.

Его кровь превратилась в лед.

— Что?

— Конечно, ты знал, что однажды вернешься к ним. — Она встала. — Собирай вещи, Видар. Ты немедленно отправляешься в Валяскьяльв.

Од удивилась, почему она проснулась. Солнце еще не взошло. Ей было тепло. Она перевернулась на другой бок.

Локи не было в кровати рядом с ней. Снаружи она услышала ржание лошади.

Она закрыла глаза и попыталась заснуть, но любопытство пересилило. Что он делает там в такой час?

Од встала, завернулась в одеяло и приоткрыла дверь.

— Хорошо, что ты проснулась, — сказал Локи. — Мы скоро должны уехать. — Он закрепил седло на спине Арвака и протянул веревку между ним и Херором.

— Уехать? Куда?

Она боролась с разочарованием.

— Я отвезу тебя в одно место. Туда, где ты не бывала раньше.

— Зачем?

— Потому что пришло время. Ты не можешь оставаться здесь. Я люблю жить один.

— Но куда я еду?

Он повернулся к ней.

— Куда я еду? — передразнил он ее. — Что со мной будет? — Он подтолкнул ее. — Иди в дом. Оденься.

Од послушно вернулась в дом и оделась потеплее. Каждый раз, когда в голову ей лезли тревожные мысли, она гнала их прочь. Что теперь делать? Локи знал, что она остается на службе у Асиров, поэтому, скорее всего, она поедет к родственникам, о которых упоминал Видар.

— Я готова, — сказала она, выходя из дома.

— Подойди сюда, — приказал он, подталкивая ее вперед и вытаскивая ленту. — Я должен завязать тебе глаза.

— Почему?

— Потому что я твой хозяин, — ответил он, затягивая узел. В него попала прядь волос, но она не вскрикнула.

Локи нежно поцеловал ее в губы.

— Ты сейчас в полной темноте, Од. Ты должна доверять мне. Давай я помогу тебе сесть на Арвака.

Ничего не видя, она нагнулась в седле и тихо прошептала Арваку:

— Может, звезды сжальются над нами.

Локи прыгнул на свою лошадь, и они поехали в сторону незнакомой местности.

Когда прошло несколько часов, Од почти полностью привыкла к темноте и к волнующим мыслям. Локи пел ей песни и рассказывал смешные истории, хотя ей было совсем не смешно. Она держалась за Арвака и думала, когда же наконец сможет развязать глаза.

Вышло солнце. Она почувствовала его теплые лучи и увидела сквозь повязку, что освещение поменялось. Было абсолютно точно, что они ехали не на восток, потому что солнце теперь светило ей в спину. Значит, они направлялись на запад, и теперь она окончательно запуталась, потому что проехала несколько часов...

— Локи, — тяжело вздохнула она, охваченная паникой, — только не говори, что везешь меня в Ванахейм.

— А что, если так? — спросил он.

— Мне запрещено возвращаться сюда. Старая судьба вернется, и тогда мой Хельги умрет.

— Я не мог допустить, чтобы такое произошло, — сказал он, снова перездразнивая ее. — Сейчас сиди тихо. Я сказал тебе, мы едем туда, где ты никогда не была раньше.

Смирись. Смирись. Она сделала глубокий вдох и расслабилась в седле. Время шло. Наконец они остановились, и она услышала, как Локи спрыгнул с седла и подошел к ней.

— Готова? — сказал он.

— Да.

Он помог ей спрыгнуть и развязал глаза.

— Посмотри, Од. Видишь, где мы?

Повязка соскользнула с глаз, и она увидела, что стоит в яблоневом саду рядом со своим домом. Ее сердце оборвалось.

— Нет, нет, Локи! — закричала она.

— Молчи, девочка. Слушай, — сказал он строго, — эти ведьмы были должны мне. Помнишь? Я сказал, что привезу тебя туда, где ты не бывала раньше.

Когда она озадаченно посмотрела на него, он наклонился и загадочно произнес:

— Од, это прошлое.

— Пршлое?..

А потом она услышала. Вдалеке. Хельги заплакал, потому что проснулся, а рядом никого не было.

Его плач становился все громче: вздох, всхлипывание, хныканье.

— Тогда иди, — сказал Локи. — Я развяжу Арвака. Видишь, не такой уж я плохой, да?

Но она почти не слышала его, потому что бежала, бежала так быстро, что у

нее задрожали колени от напряжения, а кровь бешено пульсировала в венах. Она ворвалась в дом, и там был он, трехлетний, всхлипывающий в своей кроватке.

— Хельги, мой дорогой Хельги, — заплакала она. Од вцепилась в него, и мальчик уткнулся ей в плечо мокрым от слез личиком.

— Мама, мама, — сказал он, — тебя так долго не было.

— Я знаю, мой дорогой, — ответила она, крепко прижимая его к себе, — но я никогда больше не сделаю такой глупости.

Эпилог [Мидгард]

Она в конце концов выиграла в лотерею.

У моей мамы теперь восемьдесят тысяч фунтов стерлингов. Она получила то, что хотела. И Скрипи получил то, что хотел. И Один, и даже Гуннар. Только мы с Видаром так и остались с пустыми руками.

Но я практичная девушка — и в прошлой жизни, и в этой, и в будущем останусь такой же.

Город Уэллингтон находится на самом южном краю Северного острова Новой Зеландии, и это красивейшее место, чтобы там отметить свадьбу в конце лета. Мама прилетит, чтобы быть с нами в этот день. Она покупает платье и берет на себя все свадебные расходы, и грозит остаться на месяц или даже больше. Посмотрим, не пройдет ли сумасшедшая любовь Гуннара ко мне.

Грустная правда — это то, что я не люблю Гуннара. Я обожаю его, но это не любовь. Та любовь, которая ушла, уже не может возвратиться. По крайней мере, тысяча лет — это очень долгий срок. Дольше, чем я могу себе представить, потому что меня повергают в ужас даже мысли о старости, смерти и обо всем, что с этим связано.

Я не могу быть одна всю жизнь, а Гуннар хороший человек.

Иногда мне снится Видар. Мы вместе, он держит меня за руки, обнимает. Его глаза темные и серьезные, и он говорит, что всегда будет принадлежать мне. Что бы ни произошло, он уверен, что мы будем вместе и что я не должна бояться ни смерти, ни тишины, ни его отца. Не должна бояться, что Один найдет меня. Я умираю, и тогда просыпаюсь, и долго лежу без сна, гадая, был ли это только сон. Потом я встаю и проверяю, на месте ли маленькая коробочка, которая стоит у меня под кроватью. В ней хранятся волчий клык, руна, две деревянные фигурки и острое лезвие от топора, которому не менее тысячи лет. Доказательства того, что невозможные вещи случаются.

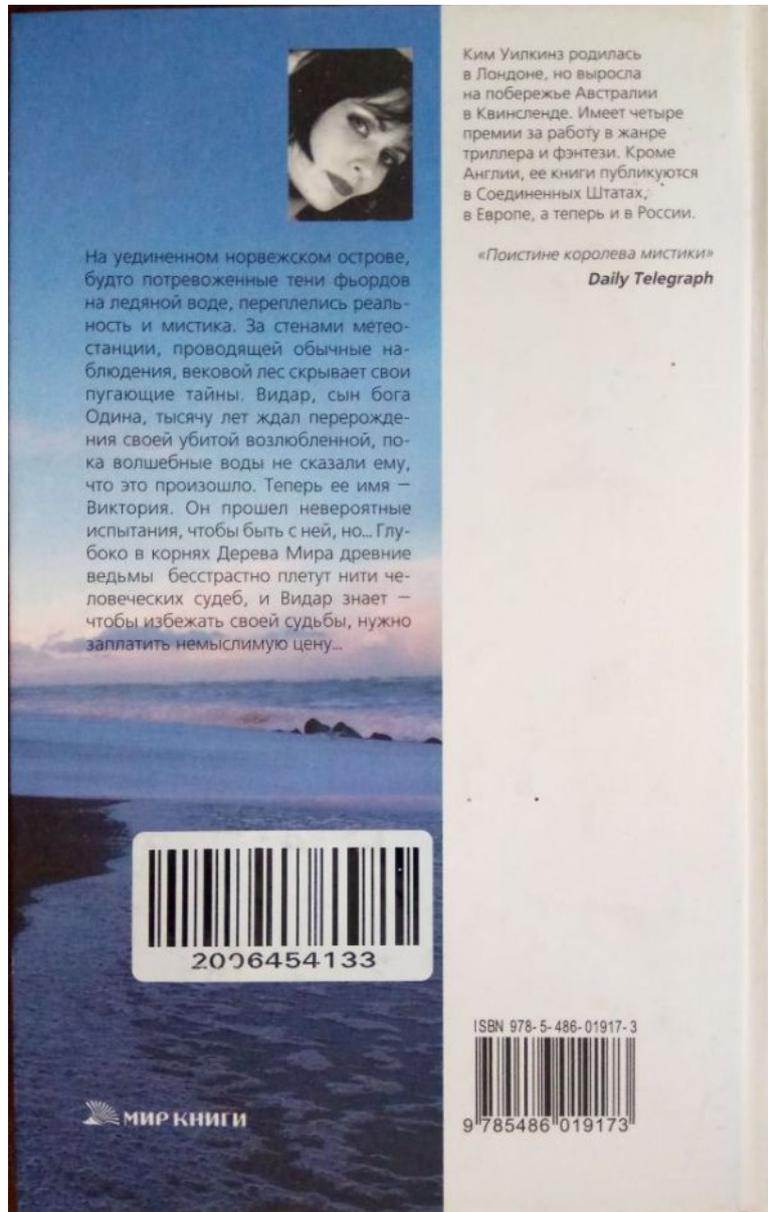
Гуннар очень терпелив со мной. Я думаю, он знает, что не может соперничать с Видаром. Он держится стоически, как мужчины, которые женятся на вдовах. Он не просит, чтобы я рассказывала ему свои сны, и уверен, что сможет сделать меня счастливой. Хотя я в этом совсем не уверена.

Но кто сказал, что ничего не бывает наверняка? Мы все путешествуем по нашим скучным жизням и живем иллюзиями, что все еще может произойти, потому что по-другому жить нельзя. Тогда жизнь станет просто невыносимой. Все мы участники бесконечной игры, и цветная радуга появляется в нашей серой действительности, когда мы совсем не ожидаем увидеть ее. Сейчас мне кажется, что это было давным-давно, когда я думала, что всему могу найти

объяснение. Но мне никогда не приходило в голову, что я не могу объяснить даже основ. Жизнь? Любовь? Судьба?

Что бы я делала, зная обо всем? Любовь — всемогуща. Души наши? Если однажды они соприкоснутся, то навсегда оставят отпечаток друг на друге. Солнце всходит и садится в моем мире и в его.

И, кто знает, все еще возможно...

На уединенном норвежском острове, будто потревоженные тени фьордов на ледяной воде, переплелись реальность и мистика. За стенами метеостанции, проводящей обычные наблюдения, вековой лес скрывает свои пугающие тайны. Видар, сын бога Одина, тысячу лет ждал перерождения своей убитой возлюбленной, пока волшебные воды не сказали ему, что это произошло. Теперь ее имя — Виктория. Он прошел невероятные испытания, чтобы быть с ней, но... Глубоко в корнях Дерева Мира древние ведьмы бесстрастно плетут нити человеческих судеб, и Видар знает — чтобы избежать своей судьбы, нужно заплатить немислимую цену...

Ким Уилкинз родилась в Лондоне, но выросла на побережье Австралии в Квинсленде. Имеет четыре премии за работу в жанре триллера и фэнтези. Кроме Англии, ее книги публикуются в Соединенных Штатах, в Европе, а теперь и в России.

«Поистине королева мистики»
Daily Telegraph

На уединенном норвежском острове, будто потревоженные тени фьордов на ледяной воде, переплелись реальность и мистика. За стенами метеостанции, проводящей обычные наблюдения, вековой лес скрывает свои пугающие тайны. Видар, сын бога Одина, тысячу лет ждал перерождения своей убитой возлюбленной, пока волшебные воды не сказали ему, что это произошло. Теперь ее имя — Виктория. Он прошел невероятные испытания, чтобы быть с ней, но... Глубоко в корнях Дерева Мира древние ведьмы бесстрастно плетут нити человеческих судеб, и Видар знает — чтобы избежать своей судьбы, нужно заплатить немислимую цену...

Ким Уилкинз родилась в Лондоне, но выросла на побережье Австралии в Квинсленде. Имеет четыре премии за работу в жанре триллера и фэнтези. Кроме Англии, ее книги публикуются в Соединенных Штатах, в Европе, а теперь и в России.

«Поистине королева мистики»
Daily Telegraph

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Примечания

1

Асгард — букв.: «ограда асов». В скандинавской мифологии — небесное поселение, крепость богов-асов. — *Здесь и далее прим. ред.*

[^^^]

2

Мидгард — букв.: «среднее огороженное пространство». В скандинавской мифологии — «средняя» обитаемая человеком часть мира на земле.

[^^^]